Р. Белоусов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: XX ВЕК

Книга II

ЧЕРЕЗ РЕВОЛЮЦИЮ К НЭПу

МОСКВА
ИздАТ
2000

ББК 63.3(2)
Б 43

Белоусов Р.А.
Б 43 Экономическая история России: XX век. – М.: ИздАТ, 1999.- с. 424

ISBN 5-86656-108-5

В данной книге освещается экономический аспект переломного периода в жизни России. Он начинается третьей смутой в ее истории, включая изматывающую гражданскую войну. Грозящая катастрофа становится реальностью: полупаралич всего хозяйства, голод, эпидемии. В таких условиях формируется концепция обновления и возрождения России с ориентацией на социализм. За три года, буквально из пепла, встают на ноги твердый червонец, сбалансированный бюджет и емкая кредитная система. В 1926/27 годах промышленность и сельское хозяйство превзошли довоенный уровень производства. Восстановлены реальные доходы населения – произошло внеочередное "русское чудо".

ББК 63.3(2)

ISBN 5-86656-108-5

© Авторы, 2000
© Оформление ИздАТ, 2000

Содержание

Введение 5

Глава 1. Март – октябрь 1917 года: процесс разрушения народного хозяйства ускоряется 9
1.1. Слабость власти дорого обходится экономике 10
1.2. Государственное регулирование уже не может остановить ползущую разруху 30
1.3. Продовольственный узел затягивается все туже 43
1.4. А. Керенский и генерал Л. Корнилов расчищают для большевиков дорогу к власти 59

Глава 2. Поиск путей обновления России 81
2.1. Взятие Зимнего не означало окончания борьбы за власть ... 84
2.2. Формирование новой системы управления экономикой .. 109
2.3. Гражданская война изматывает хозяйство 124
2.4. Деньги и банки хоронят без почестей 147

Глава 3. Программа на будущее с ориентацией на социализм .. 165
3.1. Превосходство в производительности – главное условие для победы нового социально-экономического уклада 166
3.2. Электрификация – ключевой пункт программы 180
3.3. Интеллигенция и специалисты как творческий потенциал обновления страны 197
3.4. Научная организация труда – недорогой и действенный способ повышения его результативности 221

Глава 4. Поэтапное освоение нового хозяйственного механизма 234
4.1. Новая экономическая политика – это, прежде всего, поворот к интересам крестьянства 236
4.2. Успешная денежная реформа 252
4.3. Сочетание плана и рынка 268
4.4. Распространение коммерческого расчета на промышленность 288

Глава 5. Восстановление экономики за пять лет 307
5.1. Смелый эксперимент в промышленности дает хорошие результаты 307
5.2. Сельское хозяйство преодолевает последствия разрухи и засухи 328
5.3. Из пепла возрождаются торговля, сбалансированный бюджет и кредитная система 345
5.4. Восстановление внешней торговли – часть общего подъема экономики 369
5.5. Таких социальных результатов никто не ожидал 390

Примечания 407

Введение

Во второй книге освещается не во всем логичный период мучительных исканий путей обновления России, освободившейся от многовекового гнета дворянства и самодержавия. Неизбежные перемены непосредственно затрагивали коренные и весьма противоречивые интересы отдельных слоев населения. В феврале-марте 1917 года началась третья смута в истории страны. Вскоре пришлось пройти и через ее наиболее острую фазу – гражданскую войну и иностранную интервенцию. В этот период затяжные политические схватки в борьбе за власть, вплоть до военных действий, не только оставили экономику на произвол судьбы, но и измотали ее до катастрофического состояния. Лишь после завершения во многом бессмысленного и кровавого столкновения расколотого российского общества, был осуществлен неожиданный и смелый маневр к новой экономической политике – НЭПу. Это позволило переломить тенденцию затянувшегося падения производства в сторону крутого подъема. За 5-6 лет был достигнут уровень довоенного 1913 года в промышленности, в сельском хозяйстве, в доходах трудовых слоев населения. Круг дорогостоящих блужданий замкнулся: в экономике вернулись на тот же уровень, с которого страна была втянута в Первую мировую войну...

При этом не следует забывать, что после 2 марта 1917 года начался отсчет времени, отпущенный историей для того, чтобы Россия четко ответила на вопрос: *как* она собирается пройти оставшиеся десятилетия XX века. Гипотез и даже теоретических проектов было несколько, но полной ясности не было ни в одном из них.

Прежде всего необходимо было определиться с тремя стратегическими ориентирами: а) характером будущего общественного строя, б) конкретными путями и этапами предстоящих преобразований, в) созданием структур, которые могли бы выработать и осуществить программы подъема России на качественно более высокую ступень развития, т.е. повести страну к намеченным целям.

Первый вопрос, казалось бы, решился сам собой. Поскольку крушение монархии было еще слишком свежо в памяти, сторонники

ее реставрации в обновленном виде: с конституцией и парламентом, – были в явном меньшинстве и практически без сопротивления отошли на задний план. Осталось два альтернативных варианта: первый – формирование буржуазного строя, опирающегося на частный капитал и соответствующую организацию власти. Второй – освоение еще не апробированной на практике социальной системы, базирующейся на общественной собственности, что по идее должно было обеспечить более эффективный способ хозяйствования, экономическое равенство людей и повышение качества их жизни. Первый вариант к этому времени уже продемонстрировал свои плюсы и минусы в наиболее развитых странах Европы и Америки. Общие контуры социализма, как нового строя "освобожденного труда", были лишь очерчены в работах идеологов пролетариата и крестьянства, причем теоретики не были едины даже в некоторых принципиальных вопросах, не говоря уже о частностях.

Второй вопрос (о конкретных путях и формах преобразований) не вызывал поначалу больших дискуссий, поскольку сторонники социалистического пути развития считали, что первый этап реформ должен быть буржуазно-демократическим. Следующий – связывали с мировой социалистической революцией, о сроках и формах которой определенно сказать никто не мог. Считалось весьма вероятным, что таким финалом завершится первая мировая война.

Отсюда – поначалу относительно мирный характер решения третьего вопроса: о власти. Сформированное в марте 1917 года Временное правительство по своему составу и характеру было буржуазно-либерально-демократическим, т.е. крайне пестрым. Такой вариант в обстановке общей неразберихи устраивал большинство присутствовавших на данный момент политиков. В то время наиболее авторитетные и активные лидеры левых (социалистов) находились далеко от эпицентра революционных событий: либо в ссылке, восточнее Уральского хребта, либо на Западе, в эмиграции, изолированные от России линией фронта воюющих государств. Небольшими группами, а то и поодиночке, они добирались до Петрограда своими путями, с разными идеями и приключениями. Для некоторых из них процесс возвращения затянулся до поздней осени...

Временное правительство в течение отпущенных ему восьми месяцев так и не решило ни одного из жизненно важных для России вопросов: о передачи земли тем, кто ее обрабатывает; о преодолении катастрофической разрухи; об остановке войны. Все его усилия были сосредоточены на том, чтобы подготовить наступление на фронте и выиграть войну. Однако, и эти планы потерпели крушение.

Весной 1917 года, параллельно с Временным правительством, начал действовать новый орган власти – Советы рабочих и солдатских депутатов, где в то время большинство голосов принадлежало так называемым умеренным социалистам (эсерам и меньшевикам). Они опирались на коллективы заводских рабочих и революционный гарнизон столицы. Однако, взвалить на себя всю полноту власти, а значит и ответственности Советы не хотели, да и не могли. Место оппозиции было более удобным и сравнительно безопасным.

Временное правительство понимало, что в одиночку ему не справиться с разбушевавшейся революционной стихией. Особенно тревожила прогрессирующая деморализация воюющей армии, массовое дезертирство солдат, участившиеся отказы выполнять приказания офицеров. Во многих частях эти процессы вышли из-под контроля командования. Советы пользовались среди солдат и матросов относительно большим авторитетом. Логично, что либеральная власть пошла на компромисс с ними, предложив социалистам занять ряд министерских постов. Однако, коалиционное правительство во многом не устраивало ни буржуазию, ни военное командование. Тем не менее, мятеж Корнилова, который призван был установить военную диктатуру, разгромить Советы, а возможно, в зависимости от обстановки, и Временное правительство, – с треском провалился. Как ни парадоксально, такой финал способствовал тому, что наиболее радикальное крыло социал-демократии, – большевики во главе с Лениным и Троцким, – относительно легко захватили власть. Но, тут же возникли сложные вопросы: что делать дальше и с чего начать? Быстрые и смелые ответы на них выдвинули В. Ленина в лидеры, как ведущего стратега и теоретика революции. В России – стране великой по территории и численности населения, весьма богатой природными ресурсами, – считал он, – имеются реальные предпосылки для формирования социалистической системы. Но, чтобы практически решить эту задачу, нужно создать такой общественно-экономический уклад, который обеспечил бы более высокую производительность труда в национальном масштабе по сравнению с капиталистическим. Для этого, естественно, потребуется много времени...

После небольшой паузы, вызванной растерянностью в связи с событиями Октября, правоцентристская коалиция перешла в контрнаступление, развязав изматывающую гражданскую войну, за которую Россия заплатила очень высокую цену. Только после ее окончания, "по кирпичику, да по винтику" стали восстанавливать

экономику: собирать разрушенное. Но, миллионы потерянных жизней и около десятка лет времени вернуть уже никто не мог...

Таков краткий сюжет трагической драмы с благополучным восстановительным периодом в последнем акте, положенный во 2-ой книге в основу повествования об очень важном и интересном периоде экономической истории России XX века.

В данной книге широко использованы архивные материалы, которые автор собирал и обрабатывал еще в 80-ые годы. Поэтому ссылки на архивы сделаны по координатам тех лет. Все даты до 1(14) февраля 1918 года, когда был введен новый, европейский порядок отсчета времени, приведены по старому календарю. Стоит отметить также, что достоверность официальных статистических данных за 1917-1927 годы не выше, чем она была до февральской революции. Показательно, что Л. Троцкий, выступая весной 1923 года на съезде партии с докладом об экономическом положении в промышленности несколько раз повторил: цифры нашего Статистического управления "очень несовершенны".[1] Нарком финансов Г. Сокольников в конце 1923 года не смог назвать точный объем уже выполненного бюджета за 1921/22 года, оценив его примерно от 800 до 900 млн. рублей золотом.[2] Причин такой расплывчатости ключевых экономических показателей было несколько: высокая текучесть цен, изменения территории, отсутствие квалифицированной системы сбора и обработки первичных отчетных данных и др.

К кругу друзей и коллег, которые помогали мне в работе над данной серией книг, хотелось бы с чувством глубокой благодарности добавить несколько новых имен: А.П. Викулова, З.Н. Вихтюк, К.В. Гусев, С.М. Коновалов, Т.А. Коровкина, Н.Н. Полуденный, Н.В. Романовский.

Глава 1. Март — октябрь 1917 года: процесс разрушения народного хозяйства ускоряется

Крах самодержавия не остановил войну. Многое продолжало двигаться по инерции, но необходимость дальнейших радикальных перемен ощущалась все более остро:

· Истощение народного хозяйства медленно, но неуклонно расширяло свои масштабы: обострился дефицит топлива и сырья, участились серьезные перебои на транспорте, заметно возросли трудности в снабжении продовольствием армии и промышленных центров. Лихорадило денежную и финансовую систему. Тенденция опережающего повышения цен снижала доходы широких слоев населения. Стремясь дать общую характеристику сложившейся ситуации в стране в августе 1917 года, А. Керенский вынужден был признать: "Положение очень тяжелое, и наше государство переживает час смертельной опасности... Голодающие города, все более и более расстраивающийся транспорт.., падение производительности в промышленной и заводской работе, открытый отказ поддерживать государство великими жертвами имущества и достояния своего со стороны много имущих и многим владеющим — привело к тому, что падение производительности, т.е. расхищение, исчезновение национальных богатств и орудий защиты и творчества, одновременно сопровождается опустошением государственной казны и великим финансовым и денежным кризисом".[1.1]

· В то же время, как бы в стороне от революционных событий, продолжалась скрытая от посторонних взглядов работа Особого совещания по обороне (ОСО), военно-промышленных комитетов, других учреждений, обслуживавших конвейер военного производства. Сменились только некоторые руководящие лица. Так, первое после отречения Николая II заседание ОСО, 6 марта 1917 года открыл новый военный министр А. Гучков. Присутствовало 52 человека, в том числе: М. Родзянко, 4 члена Госсовета, 9 депутатов Госдумы, некоторые министры, военные чины и другие.

Гучков обратился к присутствующим с кратким приветственным словом: "Новый строй получил всенародное и всеармейское признание... Однако возбуждение еще не улеглось и в этом заключается некоторая государственная и стратегическая опасность". Ему в том же духе ответил член Госсовета В. Гурко: "Члены Совещания от всей души приветствуют тех лиц, которые вывели Россию на новый путь"...[1.2] Особое совещание сыграло важную роль в сохранении достаточно высокого уровня производства вооружений и боеприпасов в круто изменившейся социально-экономической обстановке в стране. [1.3]

· Интенсивно укреплял свои позиции крупный промышленный и банковский капитал. В то время как мелкие и средние предприятия не выдерживали перегрузок (в марте-октябре 1917 года закрылось почти 800 таких предприятий), солидные и богатые компании, особенно в металлургии и металлообработке, а также в текстильной промышленности присоединяли к себе родственные и смежные заводы, превращаясь в гигантские комбинаты-монополии, диктующие свои условия рынку, в том числе и государственным заказчикам. Этот процесс подкреплялся соответствующими финансовыми формами: в 1917 году было учреждено новых 346 акционерных обществ или почти втрое больше, чем в предыдущем году.[1.4]

· Борьба за политическую власть в стране затмила собой все остальное, в том числе, и экономические невзгоды.

1.1. Слабость власти дорого обходится экономике

Хорошо известно, что сложная целостная система нуждается в едином направляющем и координирующем центре. Например, никому не придет в голову посадить в автобус двух самостоятельных водителей – авария неизбежна. Вопреки этому объективному требованию в России, в первые месяцы после отречения Николая II спонтанно возникли 4 центра власти, каждый из которых в той или иной степени претендовал на руководство хозяйством.

Уже 27 февраля родилось двоевластие. (Не считая парализованного страхом царского правительства). В тот день был сформирован Временный комитет Государственной думы во главе с М. Родзянко. Формально, "для водворения порядка в столице и для сношений с общественными организациями и учреждениями". Фактически комитет претендовал на общее руководство страной. В его состав вошли П. Милюков, А. Коновалов, В. Львов и другие, в том числе, отдельные лидеры левых фракций думы. Родзянко и Ми-

люков еще надеялись спасти самодержавие, обновив и модернизировав его структуру и внешние формы. "В отличие от убогих царских чиновников, руководители буржуазии хорошо понимали, что события достигли таких пределов, когда без революционного акта непослушания и своеволия, без благодетельного насилия – неразумное, дряхлое дитя царизма спасти уже нельзя".[1.5.]

Само создание Временного комитета Госдумы было одним из таких "революционных актов непослушания". В первые же два дня своего существования этот орган развил активную деятельность: издавал воззвания, декреты, указания, отстранял от должности одних государственных чиновников и назначал других... В то же время он готовил свою собственную трансформацию во Временное правительство, лихорадочно согласовывая кандидатуры на должности министров, прикидывая одновременно разные варианты компромисса с царем. Деятельность Временного комитета Думы в этот период имела как бы две стороны: "Одна была внешняя - шумная, сильно смахивающая на парад или торжественный праздник. Другая, менее заметная, но более важная. Первая была направлена на успокоение народа и прямое воздействие на солдатскую массу. Вторая – на то, чтобы бюрократический аппарат правительственной власти, который стал давать перебои с вечера 26 февраля, снова заработал."[1.6]

Однако, вскоре развитие событий в Петрограде и в стране, для многих неожиданное, вышло из-под контроля думского комитета.

Того же 27 февраля, в том же Таврическом дворце, в его левом крыле собрался десяток представителей социалистических партий: М. Скобелев, К. Гвоздев, Б. Богданов, Н. Капелинский, Н. Чхеидзе и др. Некоторые из них только что были освобождены из тюрем взбунтовавшимися солдатами и рабочими. Потребность в конкретных действиях побудила их провозгласить себя Исполнительным комитетом Петроградского совета, который еще предстояло создать. С этой целью на крупнейшие предприятия и в некоторые воинские части были направлены специальные обращения: предлагалось срочно избрать депутатов в Совет (одного от роты или от 1000 рабочих).[1.7.] Его заседание намечалось открыть в 7 часов вечера того же дня. К назначенному часу во дворец, который стал символическим центром революции, прибыло примерно 250 только что избранных депутатов. Большинство из них поддерживало лозунги социалистических партий, не очень разбираясь в тонкостях и особенностях их формулировок. Собрание проходило бурно и не очень организовано, но ему удалось решить главную задачу – учредить Пет-

роградский совет рабочих и солдатских депутатов, а также избрать "законный" Исполнительный комитет, обязанности председателя которого (до августа месяца) исполнял один из лидеров меньшевиков – Н. Чхеидзе. Через несколько дней число членов Совета достигло 2000 человек – большинство солдаты. Его заседания нередко превращались в митинги.

Всю практическую работу выполнял Исполком, в состав которого первоначально вошли 15 человек. Каждому из них приходилось заниматься самыми неожиданными текущими проблемами, среди которых главное место занимали вопросы: где найти муку и другие продукты, чтобы наладить снабжение продовольствием промышленных окраин города, а также солдат, вставших на сторону новой власти? (27 февраля Исполком Петросовета вынужден был обратиться к гражданам с просьбой: "кормить солдат всем, что только у них есть"). Каким образом обеспечить элементарный порядок и безопасность жителей на улицах, где появилось не мало грабителей, хулиганов, разнузданных пьяных? Что нужно сделать, чтобы восстановить дисциплину и организованность в воинских частях, в том числе, нормальные взаимоотношения между солдатами и офицерами?

2 марта Временный комитет Госдумы, поддерживая контакт с Исполкомом Совета, сформировал третий орган исполнительной власти – Временное правительство в составе 11 министров, из которых шесть были кадетами, остальные отличались крайней пестротой взглядов: октябристы, прогрессист, беспартийный и один даже социалист-революционер. Такой разнородный состав отражал в себе, с одной стороны, не осевшую еще муть политического водоворота первого этапа революции, а с другой, – неустойчивую, шаткую позицию тех сил, которые подбирали кандидатуры в этот властный орган. Они вынуждены были идти на компромиссы, уступать в чем-то, чтобы получить поддержку по другому вопросу. Назначение некоторых министров стало неожиданностью для многих.

Обычно, на основе партийной структуры правительства объясняют направленность и характер его действий. Но во Временном правительстве скрыто проявлял свое влияние еще один фактор: масонство. Так, некоторые авторы утверждают, что из 11 его членов 10 были масонами (кроме П. Милюкова). В последующем партийный состав правительства менялся трижды, однако, доля масонов никогда не падала ниже 70-80%. (Другие считают, что число масонов во Временном правительстве не превышало 3-5 человек). Конкретные методы и механизм их влияния на политику ка-

бинета пока не раскрыты, но факт сам по себе заслуживает внимания историков... [1.9.]

Не без борьбы решался вопрос о главе правительства. На эту должность рассчитывал М. Родзянко. Но он не прошел, поскольку зарекомендовал себя слишком откровенным монархистом. Не предложили этот пост и П. Милюкову – одному из известных и умных лидеров думской оппозиции. Обычно, когда интересы расходятся, наиболее яркие фигуры не получают общей поддержки. К тому же оба лидера оказались в щекотливом положении: они всегда выступали против революции и социализма, но вдруг оказались в эпицентре революционного вихря, в окружении социалистов, разной степени радикализма. Не случайно, в первые дни февральской революции Милюков чувствовал себя в растерянности, о чем свидетельствуют зарисовки очевидца: "По Екатерининской зале (Таврического дворца – Р.Б.) в одиночестве ходил П.Н. Милюков, центральная фигура буржуазной России.., фактически глава первого революционного правительства. Он находился в состоянии бездействия. Вся его фигура говорила о том, что ему нечего делать, что он вообще не знает, что делать. К нему подходили разные люди, заговаривали, спрашивали, сообщали. Он подавал реплики, видимо неохотно и неопределенно. Его оставляли, и он снова ходил один"... [1.10.]

Министром-председателем правительства стал относительно нейтральный Г.Е. Львов. Родом из очень древней княжеской семьи (к середине XIX века она растеряла все свое имущество), молодой, весьма способный Георгий познал нужду, которую преодолел собственным напряженным трудом, и, как говорится, снова "вышел в люди". Но на всю жизнь у него осталось чувство долга перед людьми, попавшими в тяжелое положение. Поскольку князь Львов к тому же был хорошим организатором и просто порядочным, честным человеком, он трансформировал это чувство в конкретные действия: в голодные годы организовывал бесплатные столовые и пекарни, врачебно-санитарные пункты, находя спонсоров не только в России, но и далеко за ее пределами. Особым авторитетом он пользовался среди земской общественности. Был депутатом Думы. Возглавил Земский союз, а затем и Земгор. В годы мировой войны Всероссийский земский союз для помощи больным и раненым владел 75 санитарными поездами, которые перевезли в тыл 2.5 млн. раненых. Неудивительно, что слава о Г. Львове широко распространилась среди солдат и офицеров на фронте. Чтили его и в тылу. Неудивительно также и то, что популярность Земгора и личность Г. Львова не нравились царю и его окружению:

они чинили немало препятствий на путях его деятельности.

Относительно самостоятельное и важное место в составе Временного правительства занимали представители крупного капитала – энергичная тройка, которая пришла из Центрального военно-промышленного комитета (председатель ЦВПК и два его зама): А. Гучков, А. Коновалов и М. Терещенко. Первый стал военным и морским министром, второй – возглавил Министерство торговли и промышленности, третий – финансов. Кадеты П. Милюков, А. Шингарев, А. Мануилов, Н. Некрасов, Ф. Радичев и В. Львов (примыкал к кадетам) возглавили следующие министерства: иностранных дел, земледелия, просвещения, путей сообщения, по делам Финляндии и Синода. А. Керенский (трудовик, с марта - эсер) занял кресло министра юстиции.

Временное правительство часто называют буржуазным. Такая характеристика слишком упрощена. Она не отражает ту особенность, что этот, в меру либерально-демократический орган власти, в период марта - октября был весьма разнолик и неоднороден на отдельных этапах как по своему составу, так и по характеру политических действий. За восемь месяцев сменилось четыре состава министров. Начальный вариант: март – апрель. Второй, первая коалиция с социалистами: май – июнь. Еще одна коалиция: август. Четвертый и последний кабинет: октябрь. Каждая смена состава была обусловлена конкретными проявлениями кризиса как внутри Временного правительства, так и вне его. Это можно было наблюдать уже в самой организации работы министров. Управляющий делами В. Набоков отмечал в своих воспоминаниях: деятельность правительства проходила "хаотично", "много времени отнимали всякие мелочи". Заседания начинались с большим опозданием, заканчивались – глубокой ночью. Министры "приходили всегда до последней степени утомленные.., часто полудремали, чуть-чуть прислушиваясь к докладу". Министр-председатель "сидел на козлах, но даже не пробовал собрать вожжи. Сколько я пережил мучительных заседаний, в которых с какой-то неумолимой ясностью выступали наружу все бессилие Временного правительства, разноголосица, внутренняя несогласованность, глухая и явная вражда одних к другим, и я не помню ни одного случая, когда бы раздался со стороны председателя властный призыв, когда бы он высказался решительно и определенно. При всем том, кн. Львов был осаждаем буквально с утра до вечера. Беспрерывно несся поток срочных телеграмм со всех концов России с требованиями указаний, разъяснений, немедленного осуществления безотлагательных мер..."[1.11].

Четвертый центр власти начал тайно формироваться в апреле 1917 года с целью подготовки военного переворота, ликвидации как Советов, так и Временного правительства и установления "диктатуры генералов". Изначально инициатором этого заговора выступили видный промышленник и банкир А.И. Путилов, а также А.И. Вышнеградский. Официально они основали "Общество содействия экономическому возрождению России", в состав которого вскоре вошли представители крупнейших банков и компаний. После выхода из правительства, к ним примкнул А. Гучков. Говоря о целях общества, Путилов прямо говорил: "Нужно было организовать борьбу с большевиками на фронте и в тылу... Перед нами встала также задача провести в Учредительное собрание своих умеренных буржуазных кандидатов. Без денег, как известно, вести пропаганду нельзя" [1.12].

Примерно в это же время в Могилеве при поддержке сотрудников Ставки и в контакте с кадетской партией создается Союз офицеров армии и флота. (П. Милюков в противовес Советам, которые опирались на солдатские массы, стремился создать свою опорную базу среди офицерского состава армии). Исполнительным органом Союза офицеров стал его Главный комитет. "С первых же дней существования комитета, – свидетельствует А. Деникин, – в составе его образовался тайный активный коллектив... Он поставил себе целью подготовить в армии почву и силу для введения диктатуры – единственного средства, которое, по мнению офицерства, могло еще спасти страну". [1.13]

Еще один важный элемент формирующейся нелегальной власти представлял "Республиканский центр", созданный в Петербурге финансово-промышленными и высшими военными кругами. Это был главный координирующий орган всех сил, нацеленных на ликвидацию Советов путем установления в стране военной диктатуры. Соединение денег и вооруженной силы должно было обеспечить успех. На исполнителя главной роли готовившегося переворота рассматривались сначала М. Алексеев и А. Колчак, но, в конце концов, остановились на кандидатуре Л. Корнилова.

Такова была в общих чертах расстановка политических и военных сил, начавших опасную схватку за власть в условиях, когда экономическое и военное положение России продолжало быстро ухудшаться.

Формально страной управляло Временное правительство. Но коэффициент результативности его воздействия на положение в армии и народном хозяйстве был весьма невысоким. Указов и по-

становлений, всякого рода циркулярных бумаг издавалось много. Но на них, за редким исключением, практически мало обращали внимания. Во-первых, прежний государственный аппарат управления, хотя в массе своей и перешел на сторону новой власти, не мог сразу освоиться с новыми "демократическими" формами работы. К тому же значительная часть высших чиновников просто разбежалась из министерств. В их числе были и квалифицированные кадры. В регионах произошло, по существу, то же самое. Уже 5 марта, князь Львов, много натерпевшийся от губернаторов в бытность свою председателем Земского союза, разослал по телеграфу циркулярное распоряжение правительства с требованием "устранить губернаторов и вице-губернаторов от исполнения обязанностей". На их место назначались выборные председатели губернских земских управ в качестве Временных комиссаров правительства. В уездах председатели управ стали именоваться "Уездными комиссарами".[1.14.]

С мест сразу же посыпались телеграммы-вопросы: что и как конкретно делать, где взять деньги? Вскоре с теми же вопросами в столицу приехали многие из вновь назначенных "комиссаров". Правительство не было готово отвечать на такие вопросы. Пришлось выкручиваться: решайте сами на местах, – теперь демократия. Не удивительно, что в провинции каждый начальник занимался самодеятельностью. Одно было общее: никакого уважения и почтения по отношению к центру – ждали, чем закончатся начавшиеся там перемены.

Поэтому задуманные преобразования на местах осуществлялись вяло. В апреле 1917 году председатель, он же министр внутренних дел, Г. Львов в циркулярной телеграмме вновь повторяет и разъясняет, что на губернских комиссаров возлагается общее руководство губернией в рамках полномочий и обязанностей бывших губернаторов. Обязанности уездных комиссаров приравниваются к функциям председателей съездов крестьянских начальников. Однако, и эта телеграмма не улучшила положение: на местах занимали выжидательную позицию или действовали, как сами считали правильным. Поэтому тон министра внутренних дел 2-го коалиционного правительства социалиста И. Церетели был уже другой: "Губернский комиссар, – подчеркивал он, – является, прежде всего, представителем власти центрального правительства и обязан руководствоваться его указаниями, проводить его политику, не допуская никаких отклонений от нее в пользу каких-либо местных или партийных влияний... За попытки проводить какие бы то ни было противоречащие политике Временного правительства течения, а тем

более за содействие или попустительство захватам и самочинным действиям каких-либо групп или контрреволюционным начинаниям я буду предавать виновных в том комиссаров суду".

В это же время в крупных промышленных центрах были созданы более активные и энергичные городские Советы рабочих и солдатских депутатов с широкими властными полномочиями, установленными ими самими.

Логично, что правительство начало срочно готовить новое положение о местном самоуправлении. А время шло. Только спустя пять месяцев было принято постановление об организации демократичной системы губернского, уездного и волостного земского управления. Новое состояло прежде всего в том, что все сословия были уравнены в правах при выборах гласных; создавались полноправные органы волостного самоуправления; полномочия земских органов власти были заметно расширены. Однако, эта система так и не начала действовать: слишком быстро переменилась власть в центре. [1.15.]

Во-вторых, Временное правительство оказалось практически без финансовых ресурсов. Военные расходы достигли 40-50% всего объема народного дохода, который страна создавала за год. Суммарный дефицит военного бюджета за четыре года к середине августа достиг 14 млрд. рублей [1.16.] По другому источнику дефицит госбюджета в 1917 году составил 22.6 млрд. [1.17.] При этом годовой народный доход оценивался в 16 млрд. рублей. Расходы покрывать было нечем. Но власть без денег – это уже политический инвалид, который сам нуждается в помощи. Поэтому деньги искали сразу в нескольких направлениях:

В июне повысили подоходный налог, прежде всего на имущие классы. Годовой доход до 1000 рублей освобождался от налога. Для лиц, получавших больше этой суммы, ставка налога росла по прогрессивной шкале: например, от 1000 до 1100 рублей – 1.2%; от 10 000 до 11000 – 7.1%; от 20000 до 21000 – 10%; от 39000 до 40000 рублей, соответственно, – 30% и т.д.[1.18.]

Однако, имущие классы умели уходить от прямого налогообложения, и общие поступления налоговых платежей в казну по сравнению с тем же периодом предыдущего года не только не возросли, но даже снизились на 20-40%. Союзники предоставили небольшие займы, но их не хватало, чтобы полностью рассчитаться за военные заказы в этих странах. Не без труда разместили внутренний "займ свободы" на 3.1 млрд. рублей. Значительное число облигаций было оплачено 5% краткосрочными обязательствами каз-

начейства. Таким образом, решение найдено не было. Оставалась эмиссия быстро обесценивающихся бумажных денег. Их выпуск в период, пока у власти находилось Временное правительство, покрывал в марте-мае 1917 года 44.0 % всех военных расходов, в июле-августе – уже 78.4 %, тогда как в 1914-1916 годах. этот показатель не превышал 30 %.[1.19]

Количество кредитных билетов, выпущенных в обращение в 1916 и 1917 гг. [1.20]

в соответствующие месяцы, млн. рублей

	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь
1916 г.	179	135	167	248	248	246	465
1917 г.	1031	476	729	869	1070	1273	1892

В начале октября 1917 года в обращении находилось «керенок» на 16 млрд. рублей, при золотом запасе 1,3 млрд. [1.21] Номинально объем наличных денег в обращении, при значительном сокращении товарной массы и ускорении рыночного оборота, увеличился в 2.4 раза по сравнению с 1 мартом того же 1917 года и в 14 раз к уровню на 1 июля 1914 г. Причем, если в начале выпускались кредитные билеты с соответствующим оформлением, средствами защиты и даже с обещанием их размена на золотые монеты, то в сентябре-октябре казначейские знаки ("керенки") по своему оформлению больше напоминали трамвайные билеты. Все это сопровождалось падением курса рубля на международных валютных рынках.

Курс рубля к доллару в 1917 г. на Нью-Йоркской бирже [1.22]

март	апрель	май	июнь	Июль	август	сентябрь
0.28	0.29	0.27	0.23	0.24	0.17	0.16

За полгода курс "керенок" снизился почти в два раза, причем особенно круто он начал падать после провала наступления на фронте.

Быстрое обесценение бумажных денег и повышение косвенных налогов неизбежно повлекло за собой инфляционный рост цен, темпы которого опережали динамику денежной эмиссии.

В-третьих, позиции Временного правительства существенно ослабляла его растущая зависимость от поддержки Петроградского совета. Одни со страхом, другие с гордостью говорили тогда: Совет захватил армию. Это было похоже на правду, поскольку 27 февраля Петроградский Совет провозгласил себя органом власти не только рабочих, но и солдатских депутатов. Вскоре так называе-

мые нижние чины составляли его подавляющее большинство. Они нашли возможность самоутвердиться и воздействовать на политику правительства. В то же время солдатские комитеты слишком смело взяли на себя функцию поддержания порядка и дисциплины в армии. Выполнить эту функцию полностью им не удалось, хотя комитеты помогали преодолеть многие конфликтные ситуации, которые то и дело возникали в армейских подразделениях.

Петроградский совет еле сдерживал также проявления все более острого недовольства гражданского населения хозяйственной разрухой, неудачами на фронте и трудно терпимой дороговизной. Позже А. Керенский признавал, что "Совет добился восстановления дисциплины не только на заводах, но и в военных казармах, он внес огромный вклад в организацию регулярного снабжения Петрограда продовольствием, а также сыграл в высшей степени плодотворную роль в подготовке преобразовательных реформ во всех сферах".[1.23.]

Таким образом, Временное правительство оказалось как бы в провале между буржуазией, с одной стороны, рабочими и солдатскими массами, с другой. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что текст декларации Временного правительства первого состава, опубликованный 3 марта, был подготовлен в Исполкоме Петроградского совета. На заседании правительства он был принят с незначительными поправками:

"В своей настоящей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями:

1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т.д.

2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6) Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7) Неразоружение и невывод из Петерограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении".[1.24.]

В декларации ничего не говорилось о проблеме войны и мира, о земле, о рабочем вопросе, о хозяйственной разрухе, поскольку Совет, да и правительство еще не успели определить общую позицию по этим вопросам. Но и то, что было согласовано между ними, имело важное и принципиальное значение для дальнейшего развития революции. Так, амнистия позволила вернуться в столицу из ссылки многим лидерам политических партий, в том числе оппозиционных к Временному правительству. Провозглашенная свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек послужила предпосылкой резкой активизации революционных движений и выступлений.

Наибольшие разногласия при обсуждении проекта декларации в правительстве вызвал 7-ой пункт, но в конце концов согласились и с ним, поскольку в тот момент существовала угроза, что найдутся силы, которые могут двинуть войска с фронта против восставшего Петрограда.

Весьма важным дополнением к этой декларации может служить программный доклад П. Рябушинского на Первом Всероссийском торгово-промышленном съезде 19 марта 1917 года, проходившем в здании Московского университета. Хотя доклад, в первую очередь, был адресован непосредственно буржуазному классу, ряд его ключевых положений предназначался и для Временного правительства. Докладчик несколько раз повторил, что это – "наше правительство". "Мы, господа, должны строго оберегать ту власть, которая нами признана, потому что она еще не окрепла, потому что вокруг нее стоят, может быть, лица, не вполне проникшиеся идеей государственного строительства и, быть может, ставящие свое личное выше целого... Мы, представители торгово-промышленного класса, должны это знать и должны стать твердой стеной вокруг нашего правительства".

Временное правительство, со своей стороны, не могло не считаться с позицией торгово-промышленной буржуазии, которая была изложена в докладе по вопросам государственного устройства, характера и форм предстоящих перемен, в том числе, в сфере земельных отношений, продолжительности рабочего времени и оплаты труда в промышленности.

"...Наша власть должна быть единой, – продолжал П. Рябушинский. – Если вставшее рядом с этой властью, являясь представителями тех или иных классов, возьмут на себя роль вершителей судеб России (явно в адрес Советов – Р.Б.), то мы должны им сказать, что они не признаны всем народом...Мы обязаны сказать тем, которые нетерпеливо требуют осуществления своих заветных мечта-

ний (это уже в сторону крестьян): "Ждите спокойно, когда мы все, на основе всеобщего, равного и тайного голосования, изберем Учредительное собрание... Мы должны найти такую форму строя, которая удовлетворила бы большинство, потому что мир внутри государства – это есть его основа и тот строй, который будет признан всеми, явится желанным. Будем же искать именно этот строй...

Совершив в прошлом разрушительную работу по удалению старой власти.., мы должны признать, что на нашем классе лежит главная задача организации экономической жизни страны. Поэтому, приступая к созидательной работе, мы должны сказать тем, кто вместе с нами совершал разрушительную работу: ее пора кончать... Вы знаете, как легко можно подвести мину под здание, как быстро может произойти взрыв, но подумайте, сколько нужно времени, чтобы это здание восстановить вновь. Я понимаю: если здание не годится, то нужно создать новое. Но не лучше ли будет до поры до времени сохранить старое, где мы могли бы прятаться от непогоды, и, когда новое будет готово, тогда мы могли бы уничтожить старое, ставшее ненужным. Иногда правильнее не ломать здание, а, может быть только его перестроить... Нельзя забывать, что в жизни народов редко происходит ломка. Формы строя должны постепенно улучшаться. Поэтому трезвый и спокойный государственный взгляд должен проникнуть в взволнованную массу, и тогда только мы можем приступить к нашей созидательной работе".

"У нас весьма часто противополагались и противополагаются интересы рабочих интересам предпринимателей, интересы земледелия интересам промышленности, интересы торговли интересам вместе взятых земледелия и промышленности... Мы полагаем, что в правовом государстве могут справедливо сочетаться все эти интересы. Государственная мудрость и заключается именно в том, чтобы найти равнодействующую всех этих интересов и чтобы подчинить частные интересы интересам общим... Широкие массы должны понять, что все мы должны жить по-людски так, как живут другие государства, и как мы до сих пор не жили... Думать же, что мы можем все изменить, отняв все у одних и передав другим, это является мечтою, которая лишь многое разрушит и приведет к серьезным затруднениям".

Обращаясь к предпринимателям, П. Рябушинский подчеркнул: "На нас лежит великая, титаническая работа по созданию целого ряда новых предприятий. Только по выполнению этой задачи мы приобретем должное достоинство и исполним ту миссию, которую от нас ждут в деле развития производительных сил России. Я верю, что у

нас найдутся лица с широкими взглядами, которые явятся широкими предпринимателями, великими организаторами народного труда".

"Я не могу обойти вопроса о восьмичасовом рабочем дне... Этот вопрос не является с нашей точки зрения, – по крайней мере с моей, - вопросом принципиальным. Это – вопрос практической целесообразности: можем ли мы или не можем перенести роскошь восьмичасового рабочего дня? ... Мы первые признаем, что целый ряд социальных реформ должен быть проведен в жизнь... Но необходимо считаться с материальной стороной дела: чтобы проводить широкие социальные реформы, нужно иметь надлежащие ресурсы... Всем вероятно понятно, что в то время, когда армия нуждается во всем необходимом, и когда в усиленном труде нуждается вся страна, введение восьмичасового рабочего дня является недопустимым".

"Мы не можем обойти и нашего отношения к крестьянству, к тому классу, который составляет огромное большинство нашей страны и армии. Мы должны сказать, что большинство из нас по роду и племени те же крестьяне... Мы должны принять все меры к тому, – это будет вполне искренне, – чтобы улучшить их положение. Они, загнанные и темные, заслужили, чтобы о них вспомнили. Мы вместе со всем русским народом должны сделать все возможное, чтобы русское крестьянство с его материальными нуждами стояло высоко... Все справедливые крестьянские требования, которые, конечно, нужно предварительно взвесить, должны быть проведены в жизнь".

Стоит также отметить умение П. Рябушинского трезво прогнозировать в долгосрочном плане: "Из дружественных нам стран каждая также имеет свои эгоистические побуждения, вполне естественные и здоровые... Для того, чтобы мы могли экономически сопротивляться иностранцам, необходимо не только искать пути проникновения за границу наших товаров, для чего должны быть даны известные гарантии и льготы, но в то же время должно быть обращено самое серьезное внимание на распространение профессионального образования. Оно должно быть поставлено во главу угла, потому что, если наш торгово-промышленный и рабочий класс будут образованы, то у нас явится возможность противостоять экономическому натиску иностранцев".[1.25.]

Сопоставляя теоретические концепции идеологов Временного правительства и торгово-промышленного класса, нельзя не признать абсолютного превосходства П. Рябушинского, который имел четкое, целостное и логичное представление как о текущем моменте, так и об основных контурах будущего. Князь Львов всегда был

прагматиком, П. Милюков – главный теоретик Временного правительства основательно запутался в своих же иллюзиях и догмах. Поэтому у правительства не было собственной стратегии. Оно жило сегодняшним днем, текучкой, действуя методом проб, компромиссов и ошибок. Главное – как-нибудь дожить до наступления на фронте, что было, пожалуй, исходным самообманом, за который вскоре пришлось заплатить очень высокую цену.

Отсутствие позитивной перспективы, безысходность политических исканий правительства одним из первых понял А.И. Гучков. Военный министр всегда был сторонником единоначалия и сильной власти, как исходной предпосылки порядка в любом деле. После опубликования в 1905 году манифеста, в котором монарх обещал народу важнейшие права: неприкосновенность личности, свободу совести, слова и собраний, создание выборного законодательного органа и др., – при сохранении системы самодержавия в целом, - А. Гучков выступил одним из организаторов Союза 17 октября. Став единомышленником с П. Столыпиным, он целиком поддерживал его формулу: "сначала успокоение - затем реформы". Однако Гучков вскоре убедился, что даже способный и мужественный глава правительства жестко ограничен в своих действиях особой социальной средой: циничной камарильей, окружающей трон; сановниками-бюрократами, контролирующими Государственный совет; дворянами, которые не могут очиститься от вековых привычек крепостничества. Монархист А. Гучков отважно вступает с ними в неравный бой и становится врагом не только царского окружения, но и Александры Федоровны, а значит и самого государя. В конце 1913 года он с горечью констатирует: "Иссякло государственное творчество. Глубокий паралич сковал правительственную власть: ни государственных целей, ни широко задуманного плана, ни общей воли. На их место вступили – борьба личных интриг и домогательств, личные счеты, ведомственные трения. Государственный корабль потерял свой курс, потерял всякий курс, зря болтаясь по волнам".[1.26.]

Начавшаяся война открыла перед Гучковым новое поле деятельности – он возглавил Центральный военно-промышленный комитет. Но и здесь Александр Иванович убеждается в беспомощности и крайне низкой квалификации высших эшелонов власти. Что же делать? Приходит понимание жестокой истины: "Мы почти бессильны бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоострые и при повышенном настроении народных масс могут послужить искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать".[1.27.]

Судьба распорядилась таким образом, что Гучкову вместе с монархистом Шульгиным пришлось принимать отречение Николая II. В тот момент они еще надеялись путем обновления спасти самодержавие, как механизм сильной центральной власти. Не получилось. В марте 1917 года Александр Иванович становится военным и морским министром Временного правительства с надеждой спасти армию от разрушительного воздействия революции. Опять сорвалось: на его глазах начался распад не только армии, но и самого Временного правительства. Выступая 27 апреля на юбилейном собрании членов Думы всех четырех созывов, Гучков прямо объявил, что "армия разлагается", а "страна не может больше жить в условиях двоевластия, многовластия, а потому и безвластия". "Только сильная государственная власть, объединенная в себе и единая с народом, *пользующаяся смело всеми атрибутами, присущими самой природе государственной власти,* может создать тот могучий жизненный центр, в котором заключается все спасение страны".[1.28.]

Через день А. Гучков подал заявление с просьбой освободить его от обязанностей министра Временного правительства. Чтобы не отойти от дела, которому служил, он вновь возглавил ЦВПК и параллельно подключился к подготовке государственного переворота и установления военной диктатуры.

Осью всей политической жизни Петрограда, да и большей части России стали взаимоотношения Временного правительства и Петроградского совета. В своей основе они имели непримиримую борьбу интересов молодой российской буржуазии, с одной стороны, и рабоче-крестьянской массы, с другой. Это столкновение интересов имело не механический, а более сложный социальный характер, с гибкими, изменчивыми формами, с проникновением друг в друга, со своими перегибами и уступками.

Общая схема таких отношений была довольно простой: "цензовые", т.е. в большей или меньшей степени богатые слои, были крайне напуганы масштабными, напористыми, непредсказуемыми действиями разбушевавшейся толпы рабочих и солдат, в которых четко проступало озлобление народа, потерявшего терпение. Эти слои чувствовали свое бессилие перед начавшейся бурей. Поэтому они искали возможность восстановить обновленную "сильную власть", которая могла бы подчинить себе армию и навести порядок в стране. К этому они стремились, но пока были готовы пойти на временный компромисс с Советом.

Исполком Петроградского совета, в котором были представлены все относительно организованные рабочие и солдаты города, хотел

бы, в свою очередь, использовать буржуазию для окончательного разрушения остатков самодержавия и царизма. В то время, т.е. в первые месяцы после Февральской революции в Исполкоме не было общепризнанных вождей. Большинство голосов принадлежало социалистам умеренного направления, которые считали, что война закончится социалистической революцией во всей Европе и России незачем забегать вперед.

Среди членов Исполкома (если не считать 10 солдат, которые совсем недавно были включены в его состав и пока только осваивали азбуку революции) было свое правое (Гвоздев) и левое крыло (несколько большевиков во главе со Шляпниковым, к которому вскоре присоединился В. Молотов, а также левые эсеры). Однако, в целом преобладали эсеры, меньшевики, народные социалисты и трудовики. Это не мешало тому, что "на первых порах... Исполком работал замечательно дружно". [1.29.]

В первые же дни возник вопрос: на какой основе строить отношения Совета с Временным правительством? Мнения разделились. Одни считали целесообразным создать коалиционное правительство, в котором были бы представлены и Советы. Другие (большевики) выступали за создание "своего" Временного революционного правительства. Высказывалось и предложение о полном бойкоте буржуазного органа власти.

После довольно острой дискуссии решили: а) в составе Временного правительства не участвовать (Керенский, будучи членом Петроградского совета, фактически самовольно вошел во Временное правительство: уж больно хотелось стать министром), б) целесообразно установить с ним контакт и даже сотрудничать по конкретным вопросам при условии, что правительство, в свою очередь, согласится соблюдать ряд требований Совета (предоставление полной политической свободы гражданам, амнистия политическим заключенным, свободные и равные выборы Учредительного собрания и др.).

Вскоре состоялась встреча представителей Исполкома и будущего Временного правительства, на котором был согласован текст его декларации, опубликованный 3 марта. По форме текст, - как и положено компромиссам, – получился слишком общим, а по содержанию куцым. Н. Суханов, один из активных членов Исполкома Совета, следующим образом аргументировал целесообразность такой тактики: Советская демократия должна была "вручить власть цензовым элементам, своему классовому врагу, без участия которого *она сейчас не совладеет с техникой управления в отчаянных*

условиях разрухи и не справится с силами царизма, с силами самой буржуазии, обращенными против нее (выделено мною – Р.Б.) Но эта власть, вручаемая классовому врагу, должна быть *такой властью,* которая обеспечит демократии полнейшую *свободу борьбы* с этим врагом, с самим носителем власти". [1.30.]

Как показали дальнейшие события, достигнутый компромисс был временным перемирием, которое обе стороны, в принципе, не хотели нарушать, и тем не менее, часто нарушали. Разногласия, в первую очередь, возникали по поводу новых порядков в армии.

28 февраля начала работать солдатская секция Совета, которая быстро, по-деловому подготовила документ, который не обходит ни один историк революционных событий той бурной весны, – Приказ №1 по гарнизону Петроградского округа от 1 марта 1917 г. Он радикально изменил не только форму, но и характер основополагающих отношений в армии:

Предписывалось во всех воинских подразделениях, начиная от роты "немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов".

"Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам".

"Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов".

"В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане".

"Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на "ты" воспрещается..." [1.31.]

Этот приказ вызвал настоящий взрыв негодования и растерянности среди командного состава армии, а также думского комитета. А.И. Гучков взял обратно свое согласие войти во Временное правительство, и его с трудом уговорили не уходить от борьбы в новых условиях. Через неделю, уже будучи военным и морским министром, он подписал ответный приказ, в котором требовал и призывал:

"Объединяйтесь все около Временного правительства, веря, что оно положит все силы на вашу защиту"...

"В столице отдельные группы продолжают сеять раздор, связывая решения Временного правительства и препятствуя их проведе-

нию в жизнь... Не слушайте сеющих рознь. Много немецких шпионов, скрываясь под серой солдатской шинелью, мутят и волнуют вашу среду". [1.32.]

Следующий крупный скандал разразился вокруг наболевшей проблемы скорейшего заключения мира. На фронте и в тылу люди устали и измучились от войны и ее тяжелых последствий. Общественное мнение, в том числе Петроградский совет, высказывались за "демократический мир" без захвата чужих территорий и контрибуций. Временное правительство поддерживало такую позицию, кроме министра иностранных дел. П. Милюков несколько раз публично высказывался за то, чтобы после окончания войны Россия получила контроль над проливами, связывающими Черное и Средиземное моря. Эти выступления вызвали критику не только со стороны Совета, но и правительства. Состоялась также антиправительственная демонстрация солдат. Князь Львов предложил провести рокировку: Милюков должен занять пост министра просвещения. Однако лидер кадетов категорически отклонил такое предложение и подал в отставку. За ним последовал и военный министр, давно высказывавший свое недовольство бессилием правительства.

Демонстративный выход А. Гучкова из правительственной коалиции свидетельствовал о принципиальном расхождении крупной буржуазии не только с Советами, но и с Временным правительством. По существу произошла серьезная корректировка ее политического курса и был сделан еще один шаг по пути подготовки военного переворота.

Возможности и престиж "урезанного" кабинета заметно снизились. В поисках выхода князь Львов предложил Исполкому Совета создать новое коалиционное правительство. Без долгих колебаний предложение было принято. Против выступили только большевики и социалисты-интернационалисты. Но они не могли повлиять на исход голосования.

В новый состав правительства, которое по-прежнему возглавлял Г. Львов, были включены 6 министров-социалистов, в том числе, впервые: П. Переверзев (юстиции), А. Пешехонов (продовольствия), М. Скобелев (труда), И. Церетели (почт и телеграфов), В. Чернов (земледелия). Осталась группа кадетов. Большие перемены коснулись А. Керенского – он занял пост военного и морского министра.

В основу компромиссной программы правительства первой коалиции, вновь были положены наработки Исполкома Совета:

1. "...Временное правительство, отвергая в согласии со всем на-

родом всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира... – мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов".

2. "...Временное правительство твердо верит, что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на западе и обрушились всей силою своего оружия на нас. Укрепление начал демократизации армии, организация и укрепление боевой силы ее ... будет являться важнейшей задачей ..."

3. "Временное правительство будет неуклонно и решительно бороться с хозяйственной разрухой страны дальнейшим планомерным проведением государственного и общественного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов, а в необходимых случаях прибегать и к организации производства".

4. "Мероприятия по всесторонней защите труда получат дальнейшее, энергичное развитие".

5. "Предоставляя Учредительному собранию решить вопрос о переходе земли в руки трудящихся и выполняя для этого подготовительные работы, Временное правительство примет все необходимые меры, чтобы обеспечить наибольшее производство хлеба для нуждающейся в нем страны..."

6. "Временное правительство обратит особое внимание на усиление прямого обложения имущих классов (наследственный налог, обложение военной сверхприбыли, поимущественный налог и т.п.)".

В последних двух пунктах программы декларировалось, что правительство продолжит работы по созданию новой системы "демократических органов самоуправления", а также по "скорейшему созыву Учредительного собрания".

В заключении подчеркивалось, что "для спасения Родины, правительство примет самые энергичные меры против всяких контрреволюционных попыток, как и против анархических, неправомерных и насильственных действий, дезорганизующих страну..."[1.33].

Большинство положений правительственной программы осталось только декларацией о намерениях. Основные усилия правительства в мае-июне пришлось сосредоточить на подготовке летнего наступления. Дело в том, что еще в конце 1916 года, на совещании военных руководителей Антанты было достигнуто соглашение общими усилиями добиться в 1917 году окончательной победы над Германией и ее союзниками. В то время это казалось вполне выполнимой задачей: армии Антанты имели 425 дивизий против 331 дивизии германо-австрийского блока. Численность ее вооруженных сил

достигла 27 млн. солдат, у противника – только 10 млн.

Февральская революция круто изменила ситуацию и объективно потребовала корректировки намеченных планов. Новый глава военного командования генерал М. Алексеев своевременно сообщил союзникам, что русская армия завершит подготовку к наступлению лишь в июне-июле. Однако, только что назначенный главнокомандующий французской армией генерал Нивель не был настроен отодвигать срок желанной победы из-за событий в далекой России. Армии западных союзников начали действовать одни, по ранее установленному графику. Но, начавшееся наступление очень быстро закончилось трагедией. Генерала-неудачника сняли с поста командующего, но союзные войска оказались в трудном положении... Приближалось время, когда России предстояло выполнять свои обещания. А. Керенский, ставший военным и морским министром развил кипучую деятельность, чтобы союзники не могли упрекнуть Россию: она мол вторично не держит своего слова. Его часто видели в действующей армии. Он подстегивал военные предприятия. Всячески пытался преодолеть трудности в снабжении войск продовольствием и вооружением. Керенскому удалось добиться поддержки наступления в подавляющем большинстве солдатских комитетов. Некоторые неблагонадежные воинские части были расформированы.

Но возникшие перекосы в экономике и на транспорте невозможно было выправить ни призывами к патриотизму, ни угрозами, ни кадровыми перестановками. Генерал Л. Корнилов, выступая в августе на государственном совещании, зачитал полученную телеграмму из действующей армии: "На фронте мучной голод, в магазинах, на базе муки совершенно нет... Имеющиеся запасы сухарей начинают расходоваться впервые за все время войны... Но их хватит ненадолго. Считаю своим долгом довести об этом бедствии, как о чрезвычайном происшествии". [1.34.]

Обстановка с материально-техническим снабжением действующей армии стала напоминать 1915 год, а положение с продовольствием стало значительно хуже, чем в начале войны. В таких условиях 18 июня началось наступление на Юго-Западном фронте. В первые дни были достигнуты некоторые успехи. В Петрограде и других городах "цензовая" публика ликовала. Наконец-то дождались. Но торжества продолжались совсем недолго. Проведя быструю перегруппировку, германские войска перешли в контрнаступление, прорвали фронт со всеми вытекающими отсюда последствиями. Перехватив инициативу, они начали наступление и на Северном фронте, в направлении на Ригу, с дальним прицелом на Петроград.

Для Керенского, как военного министра, который готовил и отвечал в центре за успех летнего наступления русской армии, трагическое изменение обстановки на фронте означало не просто неудачу, а личную катастрофу. Такой итог более чем четырехмесячной деятельности Временного правительства объективно потребовал корректировки курса, что означало по существу завершение первого этапа февральской революции. Это подтверждается также анализом экономической обстановки в стране.

1.2. Государственное регулирование уже не может остановить ползущую разруху

Первые симптомы оскудения главных ресурсов экономики и начала ее материального и финансового разрушения проявились еще в 1916 году. После февральской революции эти процессы заметно ускорились. Причины были как объективного, так и субъективного характера. Главная состояла в том, что производственный и технический потенциал России намного уступал Германии. Поскольку война затянулась, этот фактор стал проявлять себя с нарастающей силой во всех отраслях производства: упадок производительных сил страны прогрессировал с каждым месяцем. Другая причина заключалась в том, что основное преимущество России, – высокая численность занятых в народном хозяйстве, – было потеряно: половина трудоспособных мужчин из сельского хозяйства была мобилизована в армию. Снизилось качество производственного персонала в промышленности. Перекрыть потери в численности за счет увеличения выработки на одного работника не удалось, поскольку в течение десятилетий российская экономика опиралась на предельную интенсификацию труда, уровень которой в условиях революции снизился.

Третья причина заключалась в крайне низкой дееспособности Временного правительства, как центральной ветви исполнительной власти. Государственная машина самодержавия, хотя и со скипом, но все же, – опираясь на патриотическую часть населения, – сумела резко увеличить выпуск вооружений и боеприпасов. Новая власть, которая за восемь месяцев 4 раза меняла свой состав, так и не смогла перейти от громких слов к практическому осуществлению необходимых координирующих и контрольных функций в перенапряженной военной экономике. Общий курс ее политики был выбран правильно: расширение и усиление регулирующего воздействия государства на воспроизводственный процесс в важнейших звеньях

народного хозяйства. Особое внимание уделялось хотя бы локальной сбалансированности между ограниченными ресурсами и возросшими потребностями в них. Только таким путем можно было преодолеть опасную тенденцию сползания к глобальной катастрофе. Однако, дальше выработки общих программных документов и лихорадочной перестройки организационных структур, дело не пошло.

Конечно, программы тоже были нужны. Их нетерпеливо ждали и справа и слева. Так, конференция промышленников Юга России в своей декларации от 27 мая 1917 года потребовала от Временного правительства четкого ответа на вопрос: "*Какая его экономическая и хозяйственная программа?* По какому пути мы должны идти до времени решения Учредительным собранием основных вопросов нашей жизни:

1) по пути ли перестройки всей хозяйственной деятельности по социалистической программе, и, в утвердительном случае, по какой именно, или

2) по пути существующего хозяйственного и правового строя.

То или иное решение, выраженное в ясной и точной форме, определит возможность того или другого развития хозяйственной жизни страны, а дальнейшее пребывание в нынешнем "анархическом" строе ведет страну к гибели".[1.35.]

Подобных высказываний было много. П. Рябушинский, например, который еще совсем недавно призывал "стеной стоять" за Временное правительство, выступая на II Всероссийском торгово-промышленном съезде в начале августа 1917 года вынужден был круто изменить свою позицию: "На наше Временное правительство, которое представляло собой, к сожалению, какую-то видимость власти, давили посторонние люди, и у нас фактически воцарилась шайка политических шарлатанов. Советские лжевожди народа направляли его на путь гибели, и все русское государство стало перед зияющей пропастью... Мы фактически видим перед собой какой-то министерский ералаш. Все это свидетельствует: то, что произошло, не является еще последней перестройкой власти, а является лишь одним переходным моментом. Что впереди - это вопрос".[1.36.]

Стоит отметить, что министр торговли и промышленности А. Коновалов еще в конце марта, выступая перед представителями прессы, определил следующие три направления деятельности своего ведомства: "1) работы, тесно связанные с делом обороны, как например, снабжение предприятий топливом и металлом, 2) работы по разрешению насущных нужд народнохозяйственной жизни, требующие немедленного проведения начал, провозглашенных революци-

ей, 3) работы, связанные с подготовкой страны к разрешению тех задач, которые будут поставлены ведомству по заключению мира".

Значительно четче направление и содержание экономической политики были раскрыты в докладной записке, представленной правительству в июне 1917 года управляющим того же министерства В.А. Степановым: "Невозможность для России усвоения в настоящее время социалистической организации народного хозяйства, по-видимому, не вызывает сомнений ни среди членов Временного правительства, ни в реалистически настроенных кругах революционной демократии... Мысли и воля русского общества должны быть выведены из русла рассуждений об идеальном хозяйственном порядке и направлены на разрешение вполне реальных задач: расширения, во что бы то ни стало, самого производства нужных стране продуктов и усиления до возможных пределов интенсивности и производительности труда... При нынешнем оскудении социализм не спас бы Россию от нищеты... Развитие производительных сил страны немыслимо без притока капиталов во все отрасли народного хозяйства. Бедная капиталами вообще, Россия совершенно оскудела ими за время войны, и без иностранной поддержки нам не решить великих заданий...

Для настоящего времени правительство, отрицая возможность водворения социализма, не может однако, рекомендовать стране возврата к свободной экономике, как этого желали еще недавно представители, главным образом, торгового капитала. Как раз хозяйственная разруха исключает допустимость господства частных интересов... Остается один путь государственного регулирования важнейших отраслей народного хозяйства...без колебания принципа частной собственности и без отстранения личной инициативы, но с подчинением той и другой интересу общественному". [1.37]

Принцип усиления государственного контроля и регулирования народного хозяйства стал определяющим в экономической политике Временного правительства. Для этого был сохранен и расширен механизм управления военной экономикой, созданный прежним режимом самодержавия: учет и планирование потребностей в вооружениях и боеприпасах, а также других видов продукции для действующей армии; централизованное распределение соответствующих заказов, кредитов и субсидий через Совещание по обороне, военно-промышленные комитеты, другие общественные организации; установления предельных и твердых цен, а также тарифов на ряд товаров и услуг; контроль за выполнением согласованных заказов.

Унаследовав и сохранив этот механизм, Временное правитель-

ство стремилось усовершенствовать способы и инструментарий его воздействия на военную экономику, в том числе на гражданское производство. Увеличилось число всякого рода административно-контрольных структур как в центре, так и на местах, расширились их полномочия и права. Предоставление денежных авансов при заключении договоров о поставках военной продукции стало скорее правилом, чем исключением. Вместе с тем пришлось перестраивать и структуру хозяйствующих объектов государственного регулирования. Так, понимая бессилие своего воздействия на необъятную массу мелких и средних предприятий, правительство на одном из первых своих заседаний приняло постановление об отмене всех ограничений при создании акционерных обществ, в том числе, относительно "иностранных подданных и евреев" (кроме граждан воюющих с Россией государств).[1.39] Позже началось даже принудительное синдицирование предприятий.

Кроме того, почти без перерывов шел процесс реорганизации действующих и создания новых органов государственного регулирования экономики. Практики эту болезнь называют "организационной неврастенией": вместо выработки конкретных мер по преодолению возникшего противоречия создается новая организация, задача которой найти выход из сложившейся ситуации. Решить такую задачу часто не удается, но новая организация не только сама находит себе занятие, но загружает работой и своих смежников: запрашивает информацию, проводит совещания, обследования и т.п. Таких примеров создания бесполезных структур в организационной деятельности Временного правительства достаточно много. Так, в мае 1917 года было принято постановление об учреждении Совещания по развитию производительных сил страны. Оно должно был разработать общую стратегию экономической политики правительства. Через полтора месяца эта организация была ликвидирована в связи с созданием новых органов по регулированию хозяйственной деятельности: Экономического совета и Главного экономического комитета. В декларации первого коалиционного правительства от 8 июля 1917 года указывалось, что в задачи, поставленные перед этими органами, входят: "Выработка общего плана организации народного хозяйства и труда, разработка законопроектов и общих мер по регулированию хозяйственной жизни и контролю промышленности, а также согласованное и планомерное проведение их в жизнь".[1.40]

А. Керенский, возглавивший одновременно и правительство, и военное министерство, решил создать и "свой" центральный орган

по управлению экономикой – своеобразный малый Совет министров вместо системы особых совещаний, сформированных прежним режимом. В Декларации от 8 июля предусматривалось, в частности, что "временно, впредь до преобразования, Особые совещания и Комитеты в деятельности своей руководствуются постановлениями Экономического совета". Через пару недель на одном из первых заседаний Экономического совета выступил проф. Бернадский М.В., руководитель отдела Министерства торговли и промышленности, который определил следующие общие ориентиры для деятельности совета на перспективу: а) сохранение и укрепление капиталистического строя, всемерная поддержка "частной энергии" и "предпринимательского духа", б) активизация роли государства в регулировании хозяйственной жизни, в) укрепление политики протекционизма в сфере внешнеэкономических связей. Однако выступление профессора по существу не имело продолжения. Экономический совет так и не успел преодолеть организационной стадии. В конце сентября его упразднили в связи с созданием Временного совета республики (Предпарламента).

Главный экономический комитет, на который взвалили массу трудных практических вопросов, продолжал действовать до октябрьских событий, координируя одновременно деятельность отраслевых ведомств и региональных комитетов.

Более устойчивыми к изменениям внешней среды оказались многочисленные комитеты, советы, комиссии как на отраслевом, так и на региональном уровне. Их деятельность по существу никто не координировал и не контролировал, хотя все они финансировались из государственного бюджета. При этом министр финансов Временного правительства Н. Некрасов вынужден был признать, что новый государственный аппарат обходится "казначейству гораздо дороже, чем обходился старый строй". В качестве примера он указал, что на содержание только продовольственных комитетов расходуется 500 млн. рублей в год, земельных комитетов – 140 миллионов. [1.41] Наверное не нужно добавлять, что вся эта, с позволения сказать, система управления работала крайне неэффективно, о чем свидетельствуют ее конечные результаты - ускорение спада производства и заметное обострение разбалансированности в структуре народного хозяйства.

Общий объем *промышленного производства* в 1917 году снизился по сравнению с уровнем предыдущего года более чем на 28%. Однако, дело было не только в количестве, но и в качестве. После февральской революции ускорилось падение производительности

труда при одновременном номинальном повышении денежной заработной платы. Это, в свою очередь, сопровождалось увеличением денежных издержек производства и ростом цен. В таких условиях неизбежно дальнейшее расстройство денежной и финансовой систем.

Одна из особенностей этого периода - сокращение выпуска предметов потребления и их доли в валовой продукции отрасли по сравнению довоенными показателями.

Доля средств производства (гр. А) и предметов потребления (гр. Б) в общем объеме промышленной продукции [1.42.]

в %

	По числу рабочих		По стоимости продукции	
	Гр. А	Гр. Б	Гр. А	Гр. Б
1913	52.6	47.4	47.0	53.0
1916	–	–	55.0	45.0
1917	59.3	40.7	53.3	46.7

В процессе подготовки летнего наступления на фронте Временное правительство особое внимание уделяло развитию военных производств. Хотя выпуск промышленной продукции, в целом, в 1917 году по сравнению с предыдущим годом снизился, удельный вес изделий военного назначения в ее общем объеме сохранился на прежнем уровне – 15%. При этом опережающими темпами рос выпуск относительно новых видов военной техники, а также артиллеристских орудий.

Производство сложных видов военной техники [1.43.]

тыс. единиц

	1916	1917	1917:1916 в %
Винтовки	1301	1022	78.6
Пулеметы	11.2	11.4	101.8
Полевые орудия	3.6	4.2	116.7
Арт. снаряды	30975	24114	78.0
Самолеты, ед.	1851	1975	106.8

Анализируя эти цифры, следует иметь в виду следующее: во-первых, достоверность статистических данных за 1917 год, в том числе, за период март-октябрь, заметно снизилась. Во-вторых, имеющиеся показатели не всегда сопоставимы, поскольку они характеризуют состояние производства на территории, меняющейся в связи с движением линии фронта. Большего доверия заслуживают показатели удельных весов и динамические ряды, поскольку их составители имели возможность корректировать цифры на основе первоисточников.

Таблица свидетельствует о том, что несмотря на многие трудно-

сти военная промышленность России не только сумела сохранить в 1917 году уровень предыдущего года по производству наиболее эффективных видов вооружений, но и несколько превзойти его. Хуже обстояло дело с изготовлением артиллеристских снарядов: не хватало качественной стали. Военная промышленность оторвалась от своей сырьевой и энергетической базы.

Особенно остро чувствовался дефицит *топлива*. Недостаток угля и нефти ощущался в России уже давно, по крайней мере, в течение всего последнего десятилетия. Однако, в 1917 году обострившийся дефицит источников энергии стал реальной угрозой серьезных сбоев в работе промышленности и транспорта. До войны такую угрозу удавалось преодолеть за счет крупномасштабного импорта: в 1913 году в Россию было ввезено из-за рубежа почти 8 млн. тонн каменного угля и около млн. тонн кокса. В 1917 году импорт этих энергоносителей сократился, соответственно, до 0.8 и 0.2 млн. тонн. Снижение их добычи также измерялось миллионами тонн.

Добыча каменного угля и нефти в 1916 и 1917 гг. [1.44.]

млн. тонн

	1916	1917	1917:1916, в %
Уголь	34.4	31.2	90.7
Нефть	9.9	8.7	87.9

Наиболее резко упала добыча угля в Донецком бассейне, несмотря на значительный рост численности шахтеров. Главными были две причины: первая – снижение уровня их квалификации, поскольку прошло много новых, неподготовленных к работе под землей людей. Вторая – значительный износ оборудования, обновление которого почти полностью прекратилось.

Добыча нефти сократилась ниже уровня довоенного 1913 года, что отрицательно сказывалось и на работе нефтеперегонных заводов.

Добыча нефти по месяцам [1.45.]

млн. пудов

	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь
1916	27.4	26.7	35.5	29.9	25.4	26.7	27.3
1917	23.1	23.2	24.2	22.7	23.3	22.6	17.5

Логично, что в такой напряженной обстановке со снабжением народного хозяйства минеральным топливом, его наиболее крупные потребители вынуждены были искать выход в переходе на широкое использование дров, хотя и их не хватало.

Как свидетельствуют эти данные, структура энергетической базы

Доля отдельных источников энергии в топливном балансе фабрично- заводской промышленности [146]

%

	1913	1916	1917
Уголь отечественный	8.2	13.8	7.1
Уголь импортный	15.3	0.7	2.2
Кокс и брикеты	4.8	3.7	2.7
Нефтепродукты	13.4	22.1	22.7
Дрова	35.1	43.4	51.9
Электроэнергия со стороны	1.5	1.8	1.4
Торф	6.7	6.5	5.7
Прочие виды топлива	15.0	8.0	6.3

промышленности за годы войны изменилась коренным образом, при чем не в лучшую сторону: доля угля и кокса сократилась больше чем в два раза, электроэнергия использовалась в мизерных масштабах, зато резко возросло потребление наименее эффективного вида топлива – дров.

Лесозаготовители не справлялись с ростом заказов на их продукцию. Еще в апреле 1917 года министр путей сообщения Н. Некрасов обратился в правительство с тревожным письмом, в котором указывал, что по расчетам ожидаемой добычи угля не хватит даже для предприятий, работающих на оборону, не говоря уже о других потребителях. Остается единственный выход – увеличить заготовку дров до 4.8 млн. куб. метров (только для потребностей железных дорог). Для получения таких объемов лесозаготовок надо будет вырубить 240 тыс. дес. леса и направить на работу около 300 тыс. рабочих и 240 тыс. подвод. Здесь же министр добавляет: "Можно определенно и с уверенность сказать, что организации и учреждения казенного образца с делом такого масштаба справиться будут не в состоянии". Решили обратиться к Земскому союзу и Военно-промышленному комитету с просьбой взять на себя заготовки дров, а контроль за ходом дела возложить на Особое совещание по топливу. Обе организации в принципе согласились принять участие в практическом решении этой задачи, но ни одна из них не соглашалась брать на себя ответственность за общее руководство. Возникли разногласии также о распределении между участниками денежных средств и рабочей силы. Вопрос повис в воздухе, а топливный баланс так и остался с большим дефицитом...[147].

Ничего позитивного в расширении топливных ресурсов и наведении элементарного порядка в их распределении не удалось достигнуть и Особому совещанию по топливу. Его работу постоянно

критиковали и промышленники, и рабочие организации. Структуру совещания (комиссии) перекраивали несколько раз. Меняли руководителей. С начала августа ввели государственную монополию на торговлю углем. За несколько месяцев цены на уголь были повышены в 2.5 раза. Резко увеличились ссуды владельцам угледобывающим предприятиям, нуждающимся в оборотных средствах, а также для приобретения машин и крепежного леса. Естественно, что эти меры встретили одобрение промышленников. Но, в целом, они остались недовольными властью, которая "не сумела ничего противопоставить растущей анархии и не смогла создать в защиту существования промышленности реальной силы, которая могла бы подкрепить авторитет государства".[1.48] Положение с углем ухудшалось медленно, но болезненно:

Добыча каменного угля в 1917 г. [1.48]

тыс. тонн

февраль	2349	июнь	2152
март	2529	июль	1967
апрель	1966	август	1887
май	2185	сентябрь	1802

Трудности и перебои в снабжении промышленности углем и коксом не могли не сказаться на сокращении производства металла.

Производство чугуна, стали и проката в 1913-1917 гг. [1.49]

млн. тонн

	1913	1916	1917	1917:1916 %
Чугун	4.2	3.8	3.0	78.9
Сталь	4.2	4.3	3.1	72.1
Стальн. прокат	3.5	3.4	2.4	68.6

Таким образом, в 1917 году ресурсы металла, – основного материала войн XX века, – оказались в России значительно ниже довоенного уровня. Регулирующая роль Временного правительства в таких условиях состояла в том, чтобы направлять сталь и железо только тем предприятиям, которые выполняли военные заказы. Такая политика, в свою очередь, болезненно деформировала структуру промышленности, а через нее и сельского хозяйства.

Принято считать, что наиболее узким местом в экономике России в военные годы были топливные отрасли и металлургия. Однако, еще более отсталым было *машиностроение,* хотя это не всегда выступало наружу, поскольку потребности и спрос на машины в течение многих десятилетий не получали своего развития. Дело

в том, что и в сельском хозяйстве, и в полукустарной промышленности преобладал ручной труд. Он был дешевым и интенсивным. Экономически применение машин нередко себя не оправдывало. Поэтому и спрос на них не повышался. Конъюнктура стала меняться только в начале XX столетия. Но эти перемены не были значительными, что видно из следующих данных:

Доля отдельных отраслей машиностроения в продукции фабрично-заводской промышленности [1.50.]
в текущих ценах, %

	1913	1916	1917
Производство технологического оборудования	2.3	1.9	2.0
Транспортное машиностроение	4.9	1.9	2.0
Сельхоз. машиностроение	0.5	0.2	0.3

Из этих цифр следует, что и без того низкая доля продукции машиностроения накануне войны, в 1917 году упала еще почти в два раза. При этом общий объем изделий, изготовленных по военным заказам, продолжал расширяться:

Динамика отдельных отраслей машиностроения в 1914-1917 гг. [1.51.]
1913 г. = 100

Производства	1914	1915	1916	1917
Вооружений	151	390	608	434
Электротехники	153	268	359	491
Транспортных средств	115	174	216	141
Оборудования	96	96	143	80
Арматурные заводы	84	89	120	54
Сельхоз. машин	91	54	48	29
Всего по отрасли	119	201	264	187

Анализ таблицы показывает, что центр тяжести машиностроения в период войны резко сместился в сторону производства вооружений и других изделий для армии. Выпуск гражданских видов продукции сократился, особенно круто – на заводах сельскохозяйственных машин и орудий (примерно на 2/3). Следует иметь в виду также, что многие "мирные" предприятия изменили свой профиль и освоили производство военной продукции. Этим объясняется, например, относительное благополучие арматурных заводов. С учетом внутренней перестройки структура машиностроения изменилась особенно контрастно.

В последних трех таблицах, с разных сторон раскрывающих особенности развития ключевой отрасли России, содержится разгад-

Структура продукции машиностроения в 1913-1917 гг. [1.52]

в %

	1913	1916	1917
Военная продукция	26.2	65.6	55.7
Изделия гражданского назначения	73.8	34.4	44.3

ка глубинных причин последовавшего вскоре краха правительства А. Керенского. Машиностроение не смогло обеспечить требуемого роста энерго- и фондовооруженности работников промышленности и сельского хозяйства, а также замену технологического оборудования, крайне изношенного в результате интенсивных перегрузок многоразового увеличения выпуска вооружений. Спад транспортного машиностроения – одна из главных причин болезненных сбоев в работе транспорта: в 1917 году изготовлено всего 420 паровозов, что составило 70% к уровню предыдущего года, и 12.7 тыс. товарных вагонов, соответственно, – 76%. Конечный результат: падение производительности труда и повышение издержек, конфликт между промышленниками и рабочими, очередное нарушение социального равновесия и смена власти. Об этом белее подробно будет сказано в конце главы. Здесь хотелось бы только задержать внимание читателя на истоках будущей развязки, пробившихся наружу в сфере машиностроения.

Другой отраслью промышленности, которая, как и машиностроение разделилась на две части, была *химия*. В военных условиях она развивалась ускоренными темпами и ее удельный вес в общем объеме валовой продукции промышленности повысился с 11 % в довоенный период до 14.6% в 1917 году. Однако такой скачок был осуществлен за счет резкого расширения производства взрывчатых веществ и необходимых для него химикатов, в том числе, серной и азотной кислот, а также бензола. Выпуск химических продуктов мирного назначения: красок, соды, минеральных удобрений, - почти также быстро сокращался. Особенно болезненным для сельского хозяйство было свертывание производства суперфосфата. Оно началось еще в первый период войны и печально закончилось в 1917 году, когда было выпущено всего 4.9 тыс. тонн этого вещества.

Нехватка содовых продуктов отрицательно сказалась на развитии производства товаров для населения, хотя для этого были и другие причины. Диспропорции и сбои быстро поползли по всей системе межхозяйственных связей многоотраслевой группы "Б". Эту группу промышленности в то время представляли в основном две подотрасли: пищевая и легкая.

Движение группы "Б" от 1913 к 1917 г [1.53.]
1913 г = 100

	1916	1917
пищевая, в том числе:	109.6	84.9
Сахарная	126.9	111.0
Маслобойная	89.9	49.6
Табачная	127.8	110.4
Легкая, в том числе:	91.7	64.9
Текстильная	89.4	62.4
Кожевенная	126.6	106.7
Вся группа «Б», в целом *	99.4	75.0

Основная масса населения России, особенно в сельской местности, издавна привыкла готовить пищу для себя в домашних условиях, в том числе, выпекать очень вкусный хлеб в "русских печах", которые умельцы складывали в каждой избе. В заводских условиях производился весьма ограниченный ассортимент продуктов питания. Это – сахар, растительное масло, а также табачные изделия, алкогольные напитки и пиво. В начале войны был введен "сухой закон" и производство крепких напитков пришлось свернуть.

По объему валовой продукции сахароварение занимало в пищевой промышленности первое место. Благодаря высоким урожаям свеклы, этот показатель превышал довоенный уровень вплоть до 1916 года, когда произошел первый сбой. В следующем году объем продукции сахарной промышленности снизился еще на 12%. Дело в том, что уже в 1916 году посевные площади под сахарную свеклу начали сокращаться. Не хватало рабочей силы и транспорта при ее уборке. Корнеплоды залеживались в буртах и теряли свою сахаристость. Такой поворот событий тревожил правительство не только потому, что сахар был одним из продуктов питания для широких слоев населения, но и заметной статьей дохода для бюджета, поскольку облагался высокой акцизной ставкой. Возник вопрос о введении государственной монополии на торговлю сахаром. В торговле сахар появился, хотя цена на него несколько повысилась. Самогоноварение еще не приобрело массовых масштабов.

Производство растительного масла в военный период, хотя и опустилось ниже довоенного уровня, однако в торговле этим важным для крестьян продуктом серьезных перебоев до 1917 года не отмечалось, поскольку экспорт маслосемян практически прекратился. Однако, затем произошел крупный обвал, преодолеть который в течение многих лет не удавалось.

Табачная промышленность развивалась примерно по той же траектории, но и в 1917 году общий объем производства махорки и

табачных изделий удержался на уровне, немного превышавшем показатели 1913 года.

В движении *лёгкой промышленности,* как в машиностроении и химии, наблюдались два относительно самостоятельных течения: первое было вызвано существенно возросшим объемом грубой одежды и обуви для многомиллионной армии солдат и офицеров. Другое - медленно сокращающимся спросом на ситец и модные городские ткани. Кроме того, возникли трудности с импортом тонкого египетского хлопка.

Производство важнейших изделий легкой промышленности [1.54.]

		1913	1916	1917	1917:1916
Ситец	Тыс. м	60.1	27.6	16.7	60.5
Ткани набивные	Тыс. м	16.4	12.6	10.7	84.9
Сукно, тяжелое	Тыс. м	13.2	16.5	11.3	68.5
Сукно, легкое	Тыс. м	3.5	1.4	0.8	57.1
Ткани шерстяные	Тыс. м	1.7	0.3	0.2	64.7
Ткани шелковые	Млн. м	22.1	15.3	9.8	64.1
Кожи	Тыс. т	12.7	17.1	11.7	68.4
Обувь, армейская	Тыс. пар	639.4	698.9	358.8	51.3
Обувь, гражданская	Тыс. пар	3.9	3.4	2.8	82.4

Из приведенных данных хорошо виден крупномасштабный обвал производства, произошедший в 1917 году в легкой промышленности. Ресурсы тканей (а значит и одежды), а также обуви в короткое время сократились примерно на одну треть, а в отдельных случаях, почти наполовину. Это был сильный удар по интересам широких масс населения. Беспомощность Временного правительства видна в том, что выпуск армейской обуви (сапог) не удалось удержать даже на уровне мирного 1913 года. Такой спад не мог не повлечь за собой дальнейшую дезорганизацию товарообмена между промышленностью и сельским хозяйством, создавая дополнительные трудности при закупках и заготовках зерна и других продуктов крестьянского труда.

Одним из наглядных показателей ухудшения экономической обстановки в промышленности после февральской революции выступает рост числа прекративших работу предприятий. Всего по данным Министерства торговли и промышленности только за март-июль 1917 года закрылось 586 заводов и фабрик. "Среднее число рабочих на одно заведение составляет 183 человек. Это указывает, что приостановка производства, главным образом, наблюдалась в небольших предприятиях, которые вследствие своей экономической и финансовой слабости особенно страдают от дороговизны

рабочих рук и сырья, а равно от других ненормальных явлений пореволюционного времени".[1.55] Показательно, что наибольшее число закрывшихся предприятий по количеству рабочих (45.4 тыс.) было зарегистрировано в Московской губернии, которая в техническом отношении, а значит и по эффективности производства заметно отставала от северо-западного промышленного региона.[1.56]

1.3. Продовольственный узел затягивается все туже

Массовые перебои в торговле хлебом в Петрограде, как известно, послужили весьма ощутимым толчком для начала Февральской революции. Однако, в своем программном заявлении 3 марта Временное правительство не решилось "напомнить" о них. За него это сделали либерально-буржуазные газеты, вышедшие в тот же день: "Нужно, чтобы у населения был хлеб", – указывали Русские ведомости. Орган П. Рябушинского "Утро России" поучительно напомнил: "Для прочного существования какого бы ни было политического строя необходимо, чтобы государство обладало нужными ему денежными средствами и чтобы оно обеспечивало поданным получение достаточного количества предметов, удовлетворяющих основные жизненные потребности..."

Понимая, что без минимальных запасов зерна и муки новая власть долго не продержится, уже в самом начале марта председатель Временного комитета Государственной думы М. Родзянко подписал телеграмму об образовании местных продовольственных комитетов, в котором в категорической форме потребовал, "не останавливая обычных закупок и получения хлеба по разверстке от всех владельцев, немедленно по получению этой телеграммы приступить *к реквизиции хлеба у крупных земельных собственников и арендаторов всех сословий, имеющих запашку не менее 50 десятин, а также к реквизиции запаса хлеба у торговых предприятий и банков*".[1.57] (Выделено мною – Р.Б.). Это был дерзкий шаг, бросавший вызов крупным землевладельцам, торговцам и банкам: видимо, сказалось опьянение первых дней революции, когда все представлялось возможным. Но, по каким-то причинам сам председатель телеграмму на места не отправил. Сделал это, – за своей подписью, – только что назначенный министром земледелия А. Шингарев. И тут началось: стреляют по своим!

К тому же, всего пару дней назад М. Родзянко, трогательно обратился к землепашцам: "Братья! От вас зависит победа. Не выдавайте родины. Везите и продавайте хлеб, не ожидая особых рас-

поряжений, везите его добровольно и помогайте этим общему делу. Этого требует от вас пролитая на полях брани кровь ваших сынов и братьев".[1.58.]

Теперь, чтобы сохранить лицо, Родзянко обратился к министру-президенту с письмом, где язвительно отмечает: "Меры, предложенные министром земледелия заставляют предполагать, что они были спроектированы лицами, мало знакомыми с условиями хозяйственной жизни России...Если эти меры сохранят свою силу, то поля землевладельцев с посевной площадью выше 50 десятин, очевидно, останутся незасеянными".[1.59.]

Правительству пришлось круто изменить курс. 11 апреля оно принимает постановление "Об охране" посевов, где "просит всех граждан сельских хозяев продолжать засевать свои поля...Если общественная охрана все же оказалась бессильной предупредить насильственные действия, правительство сочтет обязанностью государства возместить владельцам причиненные им этими действиями убытки".[1.60.]

Дело в том, что во многих местах крестьяне потребовали передачи в распоряжение сельских обществ частновладельческих земель, прежде всего, помещичьих. Последние, не без основания опасаясь насильственных захватов своих угодий, стали сокращать посевы зерновых. Этот острый социально-экономический конфликт сохранялся на протяжении всего короткого периода деятельности Временного правительства. Оно упорно твердило, что земельный вопрос будет решен Учредительным собранием: а пока подождите, сейте и убирайте хлеб.

Летом и осенью конфликт в деревне приобрел острые формы, что оказало сильное воздействие на поведение солдатских масс в войне и революции...Была ли возможность его мирного разрешения в тот горячий период ?

Прежде чем ответить на этот непростой вопрос, следует выяснить: а достаточно ли было в России хлеба, чтобы накормить более 130 млн. человек населения. Споры по данному вопросу продолжаются до сих пор. А начались они еще в 1917 году. В качестве иллюстрации можно привести следующие две оценки тех лет, сделанные достаточно информированными людьми. Первая: "Основным продуктом питания – хлебом – население во многих местах не обеспечено. Петроград и Москва все время получают уменьшенный паек – 3/4 фунта (300 грамм – Р.Б.) на душу, уменьшенный даже против той довольно низкой нормы одного фунта, какая была установлена законом 25 марта... В настоящее время запасы в этих

городах упали до минимума, и приходится принимать экстренные меры, чтобы население не осталось без хлеба...Острую нужду в хлебе в течение всего лета испытывали также губернии: Калужская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Тверская, Смоленская, Витебская, Могилевская, где не только городское, но и сельское население питается в это время привозным хлебом".[1.61.] Вторая: "Если брать баланс...за время войны и по всем хлебам, говорить о недостатке хлебов в России за рассматриваемое время не приходится и нельзя: их более чем достаточно".[1.62.]

Первая оценка принадлежит министру продовольствия во Временном правительстве С. Прокоповичу, вторая - его товарищу (помощнику), известному экономисту и статистику Н. Кондратьеву. Кто же из них прав? Ответ на первый взгляд может показаться неожиданным – оба правы. Дело в том, что приведенные высказывания не во всем сопоставимы, поскольку первый говорит о сфере *потребления* хлеба, другой - о его *производстве*. В потребляющих губерниях хлеба не хватало. И тот же Н. Кондратьев в сентябре 1917 года писал: "Отовсюду несутся крики о помощи против ужасов голода, против голодных бунтов и страданий. Дело продовольствия страны и армии переживает крайне тяжелый момент. В определенных местах, в губерниях Калужской, Смоленской, Нижегородской и других, голод, собственно говоря, уже начался, и возбуждение населения переходит в открытое возмущение и буйство, в свержение продовольственных управ и разгром складов". [1.66.] Таковы факты и от них никуда не денешься. В то же время в производящих губерниях хлеба было достаточно, чтобы накормить всех голодных. Но, при одной оговорке: необходимо создать благоприятные транспортные, экономические и организационные условия для его движения из зернопроизводящих в потребляющие регионы. Таких условий не было создано ни до, ни после февральской революции. Поэтому механизм стыковки производства и потребления хлеба в России работал с перебоями, часто вхолостую и еще чаще простаивал из-за поломок и отсутствия квалифицированного управления. Потенциальная возможность более или менее удовлетворительного обеспечения России хлебом реализована не была.

Расчеты специалистов, хотя и с оговорками, но подтверждают наличие такой возможности.

Обычно, вывод о том, что в годы первой мировой войны хлеба в России было достаточно, опирается на данные о прекращении вывоза зерна заграницу в связи с началом военных действий. Дей-

Годовые сборы зерновых и картофеля в России [1.63]

млн. пудов

	Продов-ые	Круп-ые	Корм-ые	Прочие	Картоф.*	Всего
1909-13	2784	232	1635	218	2139	7009
1916	2282	196	1455	172	1131	5098
1917	2167	199	1247	188	1229	5026
	то же, 1909 - 1913 = 100					
1916	82.0	80.2	80.5	78.9	52.9	72.7
1917	77.9	85.7	76.3	86.2	57.5	71.8

* В пересчете на зерно

ствительно, до войны, в зависимости от урожая и изменения конъюнктуры рынка в Европе, объем экспорта хлеба из России колебался от 400 до 850 млн. пудов в год. В среднем за предвоенное пятилетие он составил 650 млн. пудов. Как следует из приведенной таблицы, общий сбор зерна (без картофеля) в 1917 году по сравнению со среднегодовым довоенным уровнем сократился чуть больше, чем на 1 млрд. пудов, в том числе, по продовольственному зерну на 617 млн. и по кормовому - около 400 млн. пудов. Таким образом, экономия от свертывания экспорта перекрывала снижение производства продовольственного зерна. Иными словами, ресурсы зерна в 1917 году по сравнению с довоенным уровнем сократились не настолько, чтобы в стране возник голод. Но до войны между городом и деревней без существенных перебоев с помощью золотого рубля происходил широкий и активный товарообмен, выгодный для обеих сторон. В 1917 году деревне навязали так называемую разверстку, которая давила и деформировала интересы крестьян, производивших товарный хлеб. В результате проигрывали обе стороны и в стране возникли обширные регионы, население которых в большей или меньшей степени голодало. И это в условиях, когда уровень производства зерна на душу населения (примерно 430-450 кг) мог бы обеспечить минимально допустимый (без угрозы голода) средний уровень его потребления. Но, ни в каком обществе, никакому правительству еще не удавалось практически хотя бы приблизительно уравнять среднедушевое потребление продовольствия, когда его ресурсы ограничены.

В этой связи можно сослаться также на высказывания П. Волобуева о том, что "по подсчетам статистиков, урожай 1917 года все же давал некоторые излишки по отдельным сельскохозяйственным районам, которые перекрывали недобор в других районах".[1.67] Для подтверждения такого вывода он составил свой хлебный баланс:

Зерновой баланс России в 1917 г. [168]

млн. пудов

Ресурсы		Потребности	
Валовой урожай	3809	Армии	501
Чистый сбор*	3124	Горожан	263
Остатки прошлых лет	669	Селян	1472
Ресурсы, всего	3793	Животноводства	1001
		Потребности, всего	3237

* За вычетом семян

Его оценка валового урожая хлебов в 1917 году совпадает с данными Н. Кондратьева. Одинаков и общий вывод: зерна было достаточно, чтобы не допустить голода. Сомнения возникают только относительно реальности цифр о размере остатков прошлых лет и данных о нуждах армии и населения, а также об объемах расходования зерна на корм скоту. Во-первых, в России не было приспособленных помещений для сохранения 669 млн. пудов "остатков" прошлых лет. Технология сохранения зерна предполагает, чтобы его постоянно проветривали. Иначе оно начинает "гореть" или покрывается плесенью, теряя свои потребительские качества. Но в условиях 1916-1917 годов крестьянам, если они имели какие-либо излишки хлеба, приходилось хранить их ни как обычно в амбарах, а прятать где-то от многочисленных заготовителей. Такое зерно власти по закону могли просто реквизировать. Но тайно сохранить почти 700 млн. пудов было практически невозможно. Таким образом, приходится признать, что излишков хлеба в объеме даже близком к 500 млн. пудов в 1917 году, как и в предыдущем году, просто не могло быть в наличии.

Что касается реальных потребностей армии и населения в зерне, то более достоверными представляются оценки Н. Кондратьева, располагавшего для этого богатыми исходными материалами: 720 млн. пудов – для армии и порядка 400 млн. – для населения.[169]

Из приведенных данных не следует однако, что в возникших трудностях с продовольствием во всем виновата лишь неуклюжая система заготовок зерна и других продуктов. Глубинная причина – в значительном отставании производительных сил сельского хозяйства, которое накапливалось многими десятилетиями. Равновесие баланса производства и потребления хлеба было неустойчивым, хрупким. А где тонко, там и рвется. И заготовители часто уже не могли изменить положение, как нельзя никакими мощными насосами выкачать из бочки 10 ведер воды, если туда залили всего 8 ведер.

Аграрный сектор стал узким местом в развитии России еще в XIX веке. Чтобы поправить дело, царское правительство хотя бы попыталось провести ряд реформ "сверху". У Временного правительства "руки не доходили" до кардинального решения крестьянской проблемы и, прежде всего, земельного вопроса. Вскоре после своего формирования, оно приняло специальное воззвание, в котором, опасаясь самостоятельных, стихийных действий крестьянства по захвату помещичьих земель, объявило о грядущей земельной реформе и пообещало начать подготовку к ней. С этой целью в центре и на местах специальным постановлением правительства 21 апреля были учреждены земельные комитеты, основная задача которых состояла в том, чтобы готовить материалы и сам проект будущей земельной реформы.[1.70] В компетенцию губернских и уездных комитетов входило также "разрешение вопросов, споров и недоразумений, возникающих в области земельных и сельскохозяйственных отношений".[1.71] Формирование местных земельных комитетов происходило демократическим путем, при активном участии крестьян. Поэтому такие комитеты при разборе конфликтов между крестьянами и помещиками чаще становились на защиту интересов тех, кто сам обрабатывал землю. Стремясь уравновесить соотношение сил в деревне, правительство в специальной телеграмме губернским комиссарам предписывало всеми мерами, вплоть до использования военных команд, не допускать аграрных беспорядков, а если они все же возникнут, – использовать силу.

Поскольку решение крестьянского вопроса затягивалось, неизбежно обострялась *продовольственная проблема.* С самостоятельной инициативой ее локального решения первой выступила продовольственная комиссия Петроградского совета. Уже на заседании 27 февраля она приняла решение о секвестре запасов муки, имеющихся на всех складах Петрограда. Еще через неделю ее председатель В. Громан, выступая в Совете, предложил создать единую организацию продовольственного дела в стране в рамках монополии торговли хлебными продуктами. Это предложение получило поддержку и 25 марта, уже Временное правительство, принимает закон о хлебной монополии. Предусматривались следующие меры: а) строгий учет всего зерна, производимого в стране; б) нормированное снабжение городского населения хлебопродуктами по твердым ценам из расчета один фунт (409 гр.) на человека; в) организованные заготовки-закупки зерна по ценам, которые на 60-70 процентов выше осенних цен предыдущего года; г) создание губернских, уездных, волостных, а также Всероссийского продовольствен-

ных комитетов, на которые возлагалось практическое осуществление принятого закона.[1.73]

Забегая вперед, можно сказать, что задуманные мероприятия были реализованы лишь частично. Иначе и не могло быть. Временное правительство не хотело вступать в открытый конфликт с владельцами помещичьей земли – дворянством. Однако, на местах уездные и волостные земельные комитеты, где большинство голосов принадлежало трудовым слоям деревни, не хотели ждать и явочным порядком производили передел земли крупных владельцев. Им сочувствовал и, по возможности, помогал лидер эсеров В. Чернов, который в двух составах правительства занимал пост министра земледелия. В своем дневнике он записал: "Земельные комитеты в своей деятельности не чужды промахов и ошибок. Но это – единственный барьер, отделяющий помещичьи хозяйства и самих помещиков от погромной стихии, зреющей в более темной и нищей части крестьянства. Мы заинтересованы в том, чтобы произошло не беспорядочное расхищение помещичьего добра и мстительное надругательство над личностью помещиков. Оно ни к чему, и при анархических захватах в конце концов все попадет в руки кулаков и спекулянтов. Казалось бы и помещики должны примириться с неизбежностью и пойти на безболезненный переход сельского хозяйства с частновладельческих на крестьянско-трудовые рельсы. Они этого не понимают. Они надеются как-нибудь сорвать земельную реформу... Сея ветер, они пожнут бурю".[1.74]

Отодвигая земельную реформу на неопределенное время, правительство пошло по пути перестройки лишь сферы купли-продажи зерна в процессе его движения к потребителям. Уже говорилось, что в конце марта был принят закон "О передаче хлеба в распоряжение государства" (хлебной монополии). Готовили его второпях, без разработки общей концепции и необходимой согласованности, а также последовательности в проведении отдельных мероприятий. Повсеместно не хватало подготовленных кадров. Как признавал министр Прокопович, "за продовольственное дело вынуждены были взяться люди, нередко совершенно неопытные в нем...Естественно, что ими допускаются промахи, ошибки, и дело нередко валится у них из рук".[1.75]

Принятие закона от 25 марта была неоднозначно встречено на местах. Стоит отметить, что сами крестьяне были весьма неоднородны по своему экономическому и социальному положению. Без мужиков, призванных в армию, расслоение деревни еще более усилилось. В Европейской части России 17% хозяйств относилось к

категории беспосевных, одна треть не имела лошадей, свыше половины – железных плугов и борон. Практически товарный хлеб производила только третья часть всех домохозяйств – наиболее сильная и продуктивная. Сначала они поддержали принятый закон о введении монополии на хлеб: во-первых, их устраивали повышенные закупочные цены, во-вторых, правительство уделяло много внимания разъяснительной работе среди производителей хлеба: подчеркивалось, что при его заготовках речь идет о спасении революции, помощи армии, о судьбе России и др. высоких материях. "Всех, кого только можно было послать на места, - говорил министр А. Шингарев, – мы разослали для того, чтобы внушить населению, какой страшной опасности подвергается дело продовольствия, дело обороны, и все дело свободы страны...Я не пропустил ни одной крупной делегации с фронта, просил передать товарищам их – солдатам просьбу писать письма на родину для побуждения возить хлеб".[1.76] С целью усилить агитацию в деревне в поддержку хлебной монополии, – при министерстве продовольствия была создана специальная комиссия из представителей Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также объединений кооперативов и профсоюзов, Главного земельного комитета и других организаций. Надо отметить, что целенаправленная агитация сыграла определенную роль в увеличении закупок зерна. Многочисленные резолюции местных крестьянских съездов и сельских сходов соглашались с необходимостью государственных закупок зерна по твердым ценам, хотя одновременно очень часто выдвигалось условие, чтобы и промышленные товары для села продавались на доступном для крестьян уровне цен. И правительство обещало это сделать.[1.77] Однако, данное обещание, как и многие другие, выполнено было только частично.

В августе-октябре настроение и поведение крестьян стало меняться: сказалось поражение на фронте, затяжка с решением земельного вопроса, невыполнение правительством обещания наладить встречную торговлю промышленными товарами на взаимовыгодной основе и др. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что 20 августа министр Пешехонов в специальном циркуляре указал губернским продовольственным комитетам, что "в случае нежелания (крестьян – Р.Б.) сдавать хлеб должны быть применены меры принудительные, в том числе вооруженная сила". П. Волобуев выявил 8 губерний, где в процессе хлебозаготовок использовались военные команды. (В прифронтовых районах реквизиции продовольствия были распространенным явлением). Довольно ча-

сто вооруженные солдаты сопровождали заготовителей для "острастки". В Казанской губернии, где движение крестьян против обязательной продажи зерна приобрело особенно широкий размах, военные команды насчитывали около 2800 человек. Они участвовали при арестах зачинщиков беспорядков, иногда стреляли в воздух, чтобы предупредить эксцессы. Были случаи и расстрела разбушевавшейся толпы... Иногда воинские подразделения вынуждены были отступать. Так, в той же Казанской губернии по донесению властей, "как только воинские части переходят границу волости, во всех ближайших селах раздается набат и толпы крестьян, женщин и детей, крайне возбужденных и вооруженных примитивными деревенскими орудиями, идут встречать своих, как они называют, обидчиков".[1.78]

Другую позицию по отношению к провозглашенной хлебной монополии заняли торгово-промышленные и банковские круги. С самого начала они стали оказывать активное, а главное, заинтересованное сопротивление ее реализации, поскольку увидели в ней опасную для себя попытку государства ограничить предпринимательскую свободу.

Согласно закона от 25 марта и приложений к нему, – все количество хлеба, *взятого на учет*, должно было поступать в распоряжение государства по твердым ценам. При этом хозяину оставляли часть зерна для питания семьи и наемных работников из расчета 1.25 пуда на месяц для каждого. Для лиц, занятых тяжелым физическим трудом, норма повышалась до 1.5 пудов. Кроме того, выделялись семенной фонд (в зависимости от размера посевной площади) и фуражное зерно для скотины. 10% зерна оставалось у хозяина в качестве резерва [1.79]. Такие условия, на первый взгляд справедливые, на самом деле, представляли собой серьезный просчет в самой концепции хлебной монополии: производители зерна становились незаинтересованными увеличивать его валовой сбор - прибавку все равно заберут в распоряжение государства.

Другая слабая сторона закона заключалась в том, что отчуждение хлеба в распоряжение государства было связано с актом "взятия зерна на учет". Это означало, что реализацию хлебной монополии надо было начинать со всеобщей переписи наличного зерна в каждом крестьянском и помещичьем хозяйстве, а их насчитывалось около 19 миллионов. Провести работу по учету зерна в таких масштабах было просто некому. Неудивительно, что когда летом из министерства опросили 38 губерний о том, как идет учет хлеба, 32 ответили, что пока еще эту работу не производили.[1.80] Часто с мест

поступали заведомо неверные данные. Например, если судить по результатам опроса, в производящую, избыточную Тамбовскую область в 1917 году, чтобы не допустить голода, потребовалось бы завести несколько миллионов пудов хлеба со стороны.

Не имея твердой информационной основы, хлебная монополия шаталась из стороны в сторону. Это хорошо было видно на колебаниях "твердых" цен. По идее они были призваны выполнять одновременно две противоречивые функции: сдерживать инфляцию и рост дороговизны на хлебном рынке, то есть защищать интересы потребителей, и одновременно стимулировать производителей, то есть возмещать их издержки и обеспечивать определенную прибыль. Поскольку конкретные исследования и расчеты в сфере ценообразования проводить тоже было некому, практика свелась к тому, чтобы самым примитивным способом привязать твердые цены к рыночным. Такой метод широко применялся еще в 1916 году царским правительством в его попытках стимулировать хлебные заготовки. Используя этот опыт, закон от 25 марта взял за точку отсчета осенние твердые цены предшествующего года в основных хлебопроизводящих регионах, повысив их в среднем на 60-70 процентов. Одновременно, соответствующим образом были изменены единые оптовые цены и розничные таксы на хлеб. Поскольку такое повышение цен не ослабило трудности хлебозаготовок, в конце августа их уровень подняли еще в два раза.

Твердые цены на основные виды зерновых
рубли за пуд

	пшеница	**рожь**	**овес**	**ячмень**
сентябрь 1916	1.91	1.50	1.60	1.31
август 1917	6.42	4.86	4.86	4.19

Интересно отметить, что индексы роста твердых и вольных цен за указанный почти годичный период абсолютно совпадают: по пшенице повышение тех и других составило 3.4; по ржи – 3.2; по овсу – 3.0; по ячменю – 3.2.[1.81.] Это означает: хлопоты по регулированию твердых цен в рамках так называемой хлебной монополии – не больше, чем игра для взрослых людей, делающих вид, что они заняты важным государственным делом.

Крутой рост и твердых, и вольных цен на зерновые был обусловлен рядом факторов, среди которых на первое место следует поставить безудержную эмиссию "керенок", оторвавшихся от товарной массы. Обесценение бумажного рубля автоматически означало относительное удорожание зерна и других продуктов питания,

что и находило свое выражение в динамичном повышении закупочных, а затем и розничных цен. Несмотря на это платежеспособный спрос, опирающийся на бумажные деньги устойчиво превышал предложение сельскохозяйственных продуктов. Дело в том, что товарность крестьянских хозяйств продолжала падать. Их потребности в промышленных изделиях: металлических орудиях труда, гвоздях, минеральных удобрениях, одежде, обуви и других предметах заводского производства были относительно высокими и продолжала расти. Но, предложение таких товаров было недостаточным, поскольку, как уже отмечалось, группа "Б" в условиях военной экономики ослабла и зачахла. Поэтому крестьянин, имея деньги (бумажные), не мог приобрести на них нужные товары. Логично, что у него пропала охота увеличивать запасы мало что стоящих керенок. Отсюда падение товарности всего сельского хозяйства, что не могло не сказаться и на предложении зерна, и на движении хлебных цен.

По 15 губерниям Европейской части России осенью 1917 года цены превысили уровень 1914 года для ржи на 1844%, овса – на 1463%. Цены ситца к августу-ноябрю 1917 года возросли на 1592% против довоенного уровня. Стоимость мужских сапог повысилась на 1000%. Цены кровельного железа в центральных губерниях были на 618% выше уровня довоенного года, проволоки – на 1225%. Из сопоставления этих данных видно, что хлебные цены выполняли роль локомотива в общем движении рыночной инфляции.[1.82.]

Конкретно хлебными заготовками и твердыми ценами занимались губернские, уездные, городские и волостные продовольственные комитеты, точнее их управы, а также уполномоченные на местах Министерства продовольствия и других ведомств с привлечением кооператоров, а также, в отдельных случаях, торговых фирм, хотя в 1917 году частных закупочных организаций как целостной системы уже не существовало.

Практически закупочные операции представляли собой особую форму купли-продажи хлеба по ценам близким к "вольным". В результате такой сделки хозяином хлеба становился представитель государства. Новое в 1917 году в сфере рыночно-административной купли-продажи зерна состояло в том, что резко возрос платежеспособный спрос на пшеницу, рожь и овес, поскольку органы централизованного снабжения вынуждены были обеспечивать продовольствием не только армию, но и все более значительную часть городского населения. Общий объем задания на государственные закупки зерна в 1917 году существенно увеличился. Н. Кондрать-

ев оценивал его как 1000 млн. пудов, в том числе, 2/3 (720 млн. пуд.) предназначалось для удовлетворения потребностей армии и 1/3 – для населения.[1.83] Министр продовольствия назвал эту же цифру (1000) на Государственном совещании, но при редактировании текста уменьшил ее до 700-800 млн. пудов, т.е. ограничил ее только потребностями армии. Выполнить эти задания практически не удалось.

Централизованные заготовки зерновых [1.85]
млн. пудов

	март	апр.	май	июнь	июль	август	сент.	октяб.
1916	62.8	35.7	54.7	34.5	23.8	6.4	19.4	49.0
1917	69.0	30.0	77.0	62.0	28.0	19.8	46.7	27.4

Цифры свидетельствуют, что за восемь месяцев активной деятельности Временного правительства среди крестьян заметно увеличился объем заготовок хлеба по сравнению с предыдущим годом. Одна из причин успеха заключалась в том, что Министерство продовольствия, хотя и не в полном объеме, но все же организовало в хлебопроизводящих губерниях встречную продажу промышленных товаров, пользующихся повышенным спросом у крестьян. С этой целью в распоряжение Министерства поступило, после поставок в армию, порядка 60% всех оставшихся тканей. Всего за июнь-октябрь в сельских районах было реализовано свыше 120 млн. аршин ситца, миткаля и других сортов мануфактуры. Меньше удалось сделать по торговле среди крестьян обувью, мылом, спичками, керосином, нитками и другими предметами первой необходимости.

Заметные перемены произошли в области снабжения села металлоизделиями и машинами. Всего в марте-октябре 1917 года сельскому населению было продано таких изделий 3.3 млн. пудов (при годовой потребности, оцениваемой в 15 млн пудов). Из них: сельскохозяйственных машин – 1.4 млн. пудов. К осени этого же года из-за границы поступило 72 тысячи сенокосилок и других уборочных машин. а также около 900 тыс. пудов сноповязального шпагата. Дело в том, что до войны 90% сельскохозяйственных машин завозилось из Германии, 74% кос для уборки сена и некоторых зерновых – из Австрии. Теперь такие заказы, хотя бы частично, пришлось размещать за морями, дороже и труднее. Естественно, что поставки импортных товаров для деревни круто сократились.

Стоит отметить также, что прямого продуктообмена между заготовителями и крестьянами не получилось. Министерство продовольствия "стреляло по площадям", т.е. старалось реализовать име-

ющиеся ресурсы промышленных товаров на территории хлебопроизводящих губерний. При этом дефицитный товар мог купить и горожанин, и сельский житель, который к производству товарного зерна не имел прямого отношения. И все же приятые меры, как уже отмечалось, положительно сказались на процессе заготовок продовольствия. Однако, еще в большей степени расширился круг лиц, получавших хлеб по карточкам. Всего за 1917 год зерна заготовили чуть более 500 млн. пудов, что было недостаточно даже для удовлетворения потребностей действующей армии. Закономерно, что срыв заготовок (всего запасли примерно половину от запланированного) вызвал серьезные нарушения в снабжении продовольствием, особенно населения крупных городов.

Отгрузка хлеба для нужд фронта и населения в 1917 г [1.87.]
млн. пудов

	Наряд	Погрузка	% выполнения
Июль	63.1	20.2	32.0
1-15 августа	27.2	5.9	21.8
16-31 августа	27.2	10.2	37.5
1-15 сентября	28.4	9.5	33.5

Существенные сбои в хлебном конвейере начинались уже на стадии погрузки зерна в вагоны и баржи. Как видно из приведенных цифр, установленные задания выполнялись лишь на одну треть. При этом план подвоза продовольствия в Петроград не выполнялся, начиная с марта. Запасы зерна и муки быстро истощались. В начале августа хлеба в городе оставалось всего на два дня. Население столицы получало продовольствие буквально с колес. Введенная еще весной карточная система снабжения трещала по всем швам: "Петроградская городская дума, – сообщала газета "День" от 30 августа, – пришла к заключению, что, хотя имеющиеся в городе запасы хлеба незначительны, настроение в городе таково, что является крайне рискованным вводить в данную минуту уменьшенную порцию хлеба". Однако уже на следующий день пришлось все же рисковать: снизить норму выдачи хлеба с 3/4 (300 г.) до 1/2 фунта (200 г.). Тем самым надеялись "растянуть" оставшиеся запасы муки на возможно больший срок, поскольку "направляемые к Петрограду 1800 тыс. пудов хлеба неизвестно где находятся, несмотря на розыски..."

В широких масштабах карточки на хлеб были введены в потребляющих регионах еще в конце марта. С их помощью имелось ввиду уравновесить пошатнувшийся баланс зерна за счет умеренного сни-

жения потребления хлеба. Одновременно власти надеялись разрядить социальное напряжение за счет более равномерного распределения хлебных ресурсов среди различных слоев населения. Начало такому процессу было положено еще в 1916 году введением карточек на сахар. Позже в некоторых регионах были введены карточки при распределении и других продуктов. Практически нормы потребления не были жесткими. Их конкретный уровень предопределялся, с одной стороны, количеством возможных потребителей, с другой, объемом имеющихся ресурсов продовольствия. Неустойчивый баланс достигался чаще всего путем снижения норм потребления. Возможны были и другие варианты. Например, в начале марта министр земледелия предложил местным органам рассмотреть вопрос о запрещении выпечки для продажи сдобных булочек, пряников, пирогов, пирожных и всякого рода печенья из сдобного теста...

Согласно закону 25 марта в городах и поселках городского типа в качестве ориентировочных норм душевого потребления были установлены: 1 фунт муки в день и 3 фунта крупы на месяц. Для лиц, занятых тяжелым физическом трудом (более трети всех занятых), норма повышалась в 1.5 раза. Все эти параметры рассматривались как максимально возможные при наличии соответствующих запасов. В тех случаях, когда резервы муки и других продуктов снижались до рискованного уровня, местные продовольственные комитеты или другие органы власти должны были в срочном порядке искать и находить дополнительные источники поступления продовольствия или снижать нормы потребления, что наблюдалось гораздо чаще.

Фактические нормы потребления хлебных продуктов в Москве летом и осенью 1917 года [1.88.]

на душу населения, за месяц, в фунтах

	хлеб	крупы	макаронные изделия	всего
июль	23.25	1.0	–	24.25
август	20.0	1.0	0.5	21.5
сентябрь	19.0	0.5	0.5	20.0
октябрь	21.25	0.5	0.5	22.25

Из этих данных следует, что даже в купеческой Москве, более надежно связанной железными дорогами с хлебопроизводящими губерниями, не было возможности обеспечить карточное снабжение населения основными продуктами питания по нормам, установленным в марте: фактически они были в 1.5-2 раза ниже первоначально объявленного уровня. Частично в этом были без вины

виноваты и железные дороги. Так, на сто верст пути в 1917 году в наличии было всего 15 исправных паровозов – на треть меньше, чем их было накануне войны.[1.89]

В Петрограде положение было не менее напряженным:

Нормы продуктов, отпускаемых по основной карточке [1.90]
лето и осень 1917 г. в фунтах

Хлеб, на день	¾
Сахар, на месяц	2.0
Крупа, на месяц	2.0
Мясо, на неделю	½
Масло, на неделю	¾
Яйца, на неделю, штук	5

Количество получаемых горожанами продуктов питания по карточкам в 1917 году по сравнению с уровнем их фактического потребления в предыдущем году снизилось, примерно, наполовину. Это было прямой угрозой голода. Чтобы уйти от такой перспективы, жители городов искали разные пути. Богатым было проще. За деньги можно было купить дополнительную карточку, то есть удвоить для себя установленные нормы. Таким способом в Петрограде пользовались по оценкам 300-400 тысяч человек или каждый 6-7 житель. Кроме того, "из-под полы" за хорошую цену можно было приобрести любой дефицитный продукт.

В городе торговля продовольственными товарами осуществлялась через 4400 магазинов и лавок, принадлежавших муниципальным органам власти (207), различным кооперативам (2365), частным лицам (1760) и другим организациям. В Петрограде работали также сотни коммерческих ресторанов и кафе. Кроме того, открыто вели торговлю около 30 тысяч мелких перекупщиков. Они приобретали продукты у оптовиков, а затем реализовали их по свободным (читай: спекулятивным) ценам всем, у кого были деньги. Фунт сливочного масла стоил у них осенью 1917 года 5 рублей ("твердая" розничная такса – 2 руб. 60 коп.), фунт сахара – 6 рублей (розничная такса – 40 коп.), картофеля – 1 рубль. Проконтролировать "теневой" оборот десятков тысяч спекулянтов практически не представлялось возможным. У них сложилась своя система закупки и реализации продукции. Начальным звеном преступной цепочки спекулянтов нередко выступали интендантские офицеры, сбывавшие в частную торговлю дефицитные продукты целыми вагонами.[1.91]

Средний класс – мелкие чиновники, разночинная интеллигенция, квалифицированная часть рабочих и др. – в условиях царившей вакханалии цен и постоянных сбоев в снабжении продоволь-

ствием по карточкам образовывали группы "самозаготовок": собирали у заинтересованных лиц поношенную и новую одежду, обувь, ткани, другие предметы домашнего обихода. Затем снаряжали спецкоманду, которая с немалыми трудностями и приключениями везла собранные вещи в хлебопроизводящие губернии для обмена на муку и продукты питания.

Согласно специальным обследованиям в Москве закупки хлеба на "вольном рынке" имели весьма широкое распространение. К ним прибегало 80% опрошенных лиц и такие закупки составляли примерно 54% потребляемого хлеба.[1.92]

В особо трудном положении оказалась масса городского населения, у которого не было запасов ни денег, ни вещей. Но для них всегда оставалось место в "хвосте" длинных очередей за хлебом, которые формировались еще с вечера. Ночью нужно было не пропустить 2-3 переклички (проверки) с тем, чтобы утром получить заветную горячую буханку, если, конечно, хватит на всю очередь. Но нередко бывало, что последним не хватало хлеба. Возмущенные женщины, – а в очередях преобладали женщины, старики и дети, – с досады громили хлебные лавки и долго еще не могли успокоиться в поисках виновных...

Положение в провинции потребляющих губерний было еще хуже, чем в столицах. Поэтому не приходится удивляться, что одна из причин возникновения сбоев в снабжении продовольствием заключалась в том, что суда, баржи, вагоны, груженные хлебом, следовавшие в Петроград или Москву, подвергались нападениям и разграблению местными голодающими жителями. Так, в сентябре по Мариинской системе было направлено в Петроград около 400 тыс. пудов хлеба (10-дневная норма потребления столицы). По пути следования растащили и разграбили около 200 тыс. пудов. Показательно, что посланные в эти места солдаты отказывались отбирать силой захваченный хлеб у крестьян.[1.93]

Между тем, шел поток телеграмм с разных мест, но одинаковых по содержанию: грозит или уже наступил голод. Так, московский губернский комиссар сообщал: "Положение с продовольствием губернии обострено до крайности. В разных уездах есть многочисленные случаи потребления вместо хлеба жмыхов. Положение городского фабричного населения и безземельного крестьянства отчаянное. Волнения на этой почве дезорганизуют работу революционной власти".

Телеграмма из Донбасса: "Запасы муки, зерна у горнозаводских продовольственных комитетов Донецкого бассейна истощились...

Губпродком не может указать, когда хлеб будет поступать. Угрожает голод и, значит, остановка производства..."

Уполномоченный военпред писал с тревогой об угрозе голода для рабочих военного завода: "Шестидесятитысячное рабочее население Петровских заводов и рудников Русско-Бельгийского металлургического об-ва, работающих исключительно на оборону, в настоящее время совершенно лишено хлеба и муки из-за систематического невыполнения губернскими органами продовольствия обязательств по нашим нарядам..."[1.94].

Приведены только три типичных для августа 1917 года телеграммы. Число их было в десятки раз больше. Только вот отвечать было нечем...

Все это отражало и концентрировало в себе надвигающуюся продовольственную катастрофу. Так называемая хлебная монополия и другие отчаянные меры правительства А. Керенского изменить уже ничего не могли.

1.4. А. Керенский и генерал Л. Корнилов расчищают для большевиков дорогу к власти

Август 1917 года стал роковым для правительства А. Керенского, хотя и два предыдущих летних месяца не назовешь легкими. После неудачного наступления и прорыва немцами фронта под Тернополем, в начале июля вспыхнули острые антиправительственные выступления солдат и заводских рабочих в Питере. Кадеты демонстративно вышли из состава правительства. Тем не менее, летом Керенский не только устоял, но и, как казалось, укрепил свои позиции. Прежде всего, он умело свалил на большевиков вину за военное поражение. Поводом для этого послужили и реальные, и выдуманные факты. Июньские и июльские демонстрации были парализованы, а затем и распущены с помощью ЦИК Совета и самих большевиков. При этом не без участия провокаторов 3-4 июля было убито 56 и ранено 650 человек. В городе введено военное положение. В столицу прибыли "верные" правительству войска. Редакция и типография "Правды" были разгромлены. Вновь всплыли "документы" о том, что Ленин – германский шпион. Подписаны ордера на арест всего большевистского руководства. Троцкий, Каменев, многие другие партийные активисты оказались в тюрьме. Ленин и Зиновьев скрылись: летние месяцы жили в глухом месте, относительно недалеко от Петрограда, затем, когда похолодало, перебирались в Финляндию.

В это же время назревает очередной кризис во Временном правительстве: князь Львов подал в отставку. У власти остались по существу одни меньшевики и эсеры. Керенский назначается министром-председателем "правительства спасения революции" и одновременно военным министром с самыми широкими полномочиями. ЦИК Советов становится его заложником. Учреждаются "военно-революционные суды". На фронте вводится смертная казнь.

Началось формирование новой государственной системы диктатуры А. Керенского. Все, кто писал или будет писать о том периоде, не может не коснуться его личной характеристики. Весной 1917 года Керенскому исполнилось 36 лет. Он закончил юридический факультет Петербургского университета. Успел побывать в тюрьме. Обратил на себя внимание как активный депутат IV Государственной думы, где возглавил группу трудовиков. В качеств иллюстрации его личных качеств можно привести несколько зарисовок, сделанных людьми, которые встречались с ним в разных ситуациях.

Летописец революции Н. Суханов отмечал "его сверхъестественную энергию, изумительную работоспособность, неистощимый темперамент. Но у Керенского не было ни надлежащей государственной *головы,* ни настоящей политической *школы.*

...Перед лицом того факта, что Керенский, по мере сил, действительно душил революцию и больше чем кто-либо довел ее до Бреста, – я утверждаю: Керенский был искренний демократ, борец за революцию – как он понимал ее.

Он настолько верил в свои силы, в свое предвиденциальное назначение, что не отделял собственной деятельности, собственных успехов, собственной "карьеры" от судеб современного демократического движения в России. Отсюда произошло то, что Керенский не только воображал себя социалистом, но и вообразил себя немножко Бонапартом.

...По своим стремлениям, вкусам, повседневным интересам, связям, он не был участником социалистического массового движения. Это был столичный адвокат, всеми корнями связанный с петербургским радикальным и либеральным обществом. Он был необходимым элементом и заправилой столичных интеллигентских кружков, варящихся в собственном соку под знаком социализма – обыкновенно "народнического".[1.95.]

Стоит упомянуть, что еще в 1912 году Александр Федорович стал одним из "братьев" масонской ложи "Малая медведица", а еще через год "секретарем" тайного "Верховного совета народов России". Вместе с ним такие же должности занимали будущие министры

Временного правительства Терещенко и Некрасов, оставшиеся "верными" Керенскому до конца. [1.96] Стоит отметить, что везде, благодаря своей напористости, энергии и смелости, Керенский ухитрялся занять место в верхнем этаже любой структуры. При этом, как отмечал И. Петрункевич, "сочетание трех ипостасей создавало Керенскому исключительное положение и в масонстве, и в Совете, и во Временном правительстве". [1.96а]

П. Милюков писал: "Керенский – та "национальная" ось, около которой совершаются все перемены, постепенно усиливает титулы своей власти, – по мере того как падает его авторитет". [1.97]

Историк Ю. Готье, профессор Московского университета и директор Румянцевской библиотеки отметил в своем дневнике: "Керенский – искренний и сильный человек, но я его считаю злым гением... В первые дни, создавая совет рабочих депутатов, он более сделал для разрушения России, чем во все последующее время для ее укрепления". [1.98]

Добавлю от себя: всякий политик, в большей или меньшей степени, – артист. А. Керенский был одаренным актером массового уличного театра 1917 года. Свои роли он исполнял с подлинным вдохновением и мастерством. Но для государственного деятеля этого недостаточно. Нужно быть еще стратегом, т.е. теоретиком, умеющим заручиться поддержкой широких слоев населения и вести их к намеченным целям. Такими качествами он не обладал.

И еще один эскиз, сделанный Р. Локкартом, – английским агентом, который поможет Керенскому бежать нелегально из России. Но это случится чуть позже. Сейчас Локкарт описывает его приемную: большая комната "наполнена толпой солдат, моряков, служащих, студентов, курсисток, рабочих и крестьян, терпеливо ожидающих своей очереди, как ждут в хлебных очередях на Литейном или на Невском... Секретарь объясняет, что Александр Федорович уехал в Думу. Когда вернется – не известно. Но как раз в это время появляется Керенский. Лицо его мертвенно, даже желтовато. Узкие, монгольские глаза устали. С виду кажется, что ему физически больно, но решительно сжатые губы и коротко подстриженные под бобрик волосы создают общее впечатление энергичности. Он говорит короткими, отрывистыми фразами, делая легкие, четкие движения головой. На нем черный, похожий на спортивный костюм, одетый поверх черной русской рабочей блузы... Он честен, если не велик, искренен, несмотря на ораторский талант, и для человека, превозносимого в продолжение четырех месяцев как божество, сравнительно скромен. С самого начала он вел безнадеж-

ную борьбу, пытаясь загнать в окопы нацию, уже покончившую с войной. Под перекрестным огнем большевиков слева.., правых и союзников... у него не оставалось шансов на победу".[1.99]

Но Керенский не терял надежды, искал новых сторонников, нанося главный удар по большевикам. Ему активно помогали в этом меньшевик И. Церетели, кадет В. Набоков, эсер Н. Авксентьев, генерал Л. Корнилов и многие другие.

Чем же всем этим людям успели так "насолить" В. Ленин и его соратники, занимавшие в Питере поначалу весьма скромные позиции. В феврале их насчитывалось всего 24 тыс. человек. В Исполкоме Петросовета в марте из 15 человек только двое принадлежали к большевикам: А. Шляпников и П. Залуцкий. Весной 1917 года, как отмечал Н. Подвойский, "ни один большевик не мог появиться в казармах, не рискуя быть арестованным, а то и побитым. Солдаты-большевики и им сочувствующие в войсковых частях должны были скрывать, — почти во всех казармах, — что они большевики или сочувствующие. Иначе им не давали говорить.., призывали натравленную против большевиков солдатскую массу учинить с ними расправу, посылали их вне очереди на фронт, непосредственно на передовые позиции."[1.100]

На Первом съезде советов рабочих и солдатских депутатов, состоявшимся в июне, из 777 делегатов, заявивших о своей партийности, 285 считали себя эсерами, 248 — меньшевиками и только 105 — большевиками. Но именно против них было направлено острие активных карательных мер Временного правительства, развернутых в широком масштабе в начале июля.

Относительно небольшая по численности партия большевиков с начала июля и примерно до середины сентября, т.е. пока ее жестко не прижали к стенке, ориентировалась на мирное развитие революции путем перехода власти к Советам. Решающую роль в органах власти в то время играли не большевики, а так называемые умеренные социалисты — эсеры и меньшевики. Тем не менее, именно они серьезно пугали А. Корнилова и стоящий за ним офицерский корпус, кадетов, некоторых лидеров финансово-промышленных кругов, а также А. Керенского, опиравшегося на меньшевистско-эсеровское неформальное объединение в Совете.

Конечно, нельзя не признать, что определенные основания для таких опасений все же имелись: во-первых, с самого начала, несмотря ни на какие угрозы и передряги, большевики заняли непримиримую позицию по отношению к Временному правительству и не меняли ее до победы в октябре. Уже в первом номере "Прав-

ды", вышедшем после февральской революции (5 марта 1917 года), была выдвинута задача "создать *временное революционное правительство*, которое должно встать во главе нового нарождающегося *республиканского* строя". Во-вторых, большевики выдвинули лозунги: земля - крестьянам, хлеб – рабочим, мир – народам, которые отвечали жизненным интересам основной части населения, до предела уставшего и измученного войной. Настроение масс в пользу большевиков менялось относительно медленно. Но изменения начались. Уже летом около половины рабочей секции Петроградского совета и четверть солдатской находились под их влиянием.

Видимо поэтому правительство и лидеры исполкома Петросовета, которые еще в марте смотрели на большевиков свысока как на шумных, но безобидных оппонентов, в июне-июле увидели в них опасных соперников, которых с каждым месяцем поддерживало все большее число рабочих и солдат. В такой ситуации меньшевики и эсеры изменили тактику – они решили использовать все средства, в том числе, силовые приемы, для того, чтобы ликвидировать своих бывших союзников. Поскольку они теряли свое влияние в массах, для успеха в борьбе с большевиками им потребовалась поддержка со стороны военного командования. Начались переговоры с генералом Л. Корниловым о посылке отборных войск для наведения "порядка" в Москве и Петрограде. Состоялось несколько трудных встреч. Суть противоречий заключалась в том, что сам генерал претендовал на роль диктатора, способного наладить порядок не только в армии, но и во всей стране.

Как единственный командующий фронтом, сумевший организовано противостоять натиску германских войск, 19 июля Л. Корнилов был назначен верховным главнокомандующим. Свое согласие занять этот ответственный пост Корнилов связал с рядом условий, направленных на восстановление твердой дисциплины в войсках и в тылу: прекращение преследований офицеров, недопущение вмешательства комиссаров Временного правительства и комитетов в боевые и оперативные распоряжения командиров, введение смертной казни для дезертиров и предателей (Постановление Временного правительства об отмене смертной казни было принято всего четыре месяца назад: 12 марта 1917 г.[1.102.]).

Керенский вынужден был маневрировать. Он соглашался в принципе с предложениями Корнилова и в то же время затягивал решение конкретных вопросов, вызывая недоверие и раздражение генерала. Это объяснялось, прежде всего, той двойственностью, с которой министр-председатель относился к

потенциальным возможностям армии, опирающейся на единоначалие офицеров и устойчивый порядок. Он понимал, что дисциплинированная армия необходима для ведения успешных военных действий против хорошо организованного внешнего противника. В то же время Керенский, как и Совет, опасался, что такая армия может оказаться послушным орудием, инструментом в руках высшего командования для осуществления государственного переворота в России. Чувствуя растущую угрозу для своей власти со стороны генералитета, А. Керенский всеми силами старался сохранить и усилить контроль над армией и, в первую очередь, над ее командованием. В такой обстановке конфликты были неизбежны.

Позже Керенский писал: "Еженедельно я получал от ген. Корнилова какой-нибудь ультиматум. С этими ультиматумами, с этой манерой обращаться с верховной властью, я борьбу вел самую решительную, боролся с первого дня до последнего..."[1.103].

О том, какие драматические формы приобрела эта борьба лучше всего следить, расставив события в хронологической последовательности:

На совещании в правительстве 30 июля Корнилов доходчиво разъяснял свою позицию: "Для окончания войны миром, достойным великой, свободной России, необходимо иметь три армии: армию в окопах, непосредственно ведущую бой, армию в тылу – в мастерских и заводах, изготовляющую для фронта все необходимое, и армию железнодорожную, подвозящую это к фронту... Для правильной работы этих армий они должны быть подчинены той же железной дисциплине, которая установлена для армии на фронте".[1.104].

Через четыре дня генерал привез в Петроград для правительства докладную записку, в которой развивал свою программу укрепления порядка на фронте и в тылу. Керенский, ознакомившись с ее содержанием, заявил, что он согласен с большинством предложений главнокомандующего, но они изложены "в такой редакции и такой аргументацией, что оглашение их привело бы к обратным результатам".[1.105].

Особые опасения вызывали предложения о введении на всей территории страны военно-революционных судов и смертной казни за особо тяжелые преступления. Поэтому Керенский предложил не выносить записку в таком виде на обсуждение правительства и ограничиться докладом генерала на узком заседании с участием Некрасова и Терещенко (оба масоны). После короткого обсуждения решили подготовить для рассмотрения правительством новую,

более "обтекаемую" редакцию записки, используя помощь управляющего военным министерством Б. Савинкова.

По мнению министра-председателя встреча в Петрограде была "совершенно лояльной". Главнокомандующий был другого мнения. Как вспоминает его начальник штаба генерал А. Лукомский, по возвращению из Петрограда, Корнилов "страшно волновался, говорил, что Керенский обманывает, оттягивая проведение в жизнь его требований, и явно хочет уклониться от исполнения данного слова. Отношения между Ставкой и Петроградом портились. Чувствовалось, что нам не доверяют".[1.106]

Еще более странным представляется тот факт, что Керенский скрыл содержание докладной записки главнокомандующего от большинства членов своего кабинета. Но на другой день ее копия оказалась в распоряжении редакции "Известий" – официального органа Совета. Публикация записки вызвала волну возмущения, особенно среди рабочих и солдат, которым открыто грозили возможностью скорого суда и смертной казни. По Петрограду поползли слухи о готовящейся отставки генерала Корнилова и, как обычно бывает, эти слухи тут же докатились до центральной фигуры начавшейся интриги.[1.107]

В это же время в Ставку пришла телеграмма, что Верховного главнокомандующего ждут в Петрограде 10 августа. Корнилов сначала заколебался, так как многие доверенные люди из его окружения высказывали опасение: не ждет ли генерала в столице засада. Но желание добиться принятия своей программы возрождения порядка в армии и стране перед лицом реальной угрозы нового прорыва северного фронта, который уже и без этого слишком глубоко прогнулся в сторону столицы, заставило пренебречь риском. 9-го вечером, в сопровождении эскадрона Текинского полка, с пулеметами, – генерал Корнилов выехал поездом в Петроград. Но, как оказалось, напрасно. Керенский, сославшись на чрезвычайную занятость подготовкой Государственного совещания, вновь отложил окончательное решение о принятии мер, предлагаемых верховным главнокомандующим. Раздосадованный генерал решил также отправиться на совещание, чтобы получить там поддержку своей программы со стороны общественности.

Керенский был против такой поездки. Цель совещания он видел в том, чтобы расширить свою социально-политическую базу и укрепить позиции Временного правительства, серьезно пошатнувшиеся после летнего поражения на фронте. Созванное 12 августа в Москве Государственное совещание задумывалось как

своеобразный Земской собор XX века. На нем присутствовало около 2500 человек, том числе: 488 депутатов Госдумы всех созывов, 313 человек от кооперации, 150 – от торгово-промышленных кругов и банков, 176 представителей профсоюзов, 147 - городских дум, 118 – земств, 117 – от армии и флота, 129 – от Исполкома Совета крестьянских депутатов, 100 – от ВЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов, 99 ученых из различных научных организаций, 83 – от творческой интеллигенции, 82 представителя разных национальных организаций и духовенства, 33 комиссара и все министры Временного правительства. (Представителей от большевистской фракции на совещание не пригласили).[1.108.]

Объединить всех вокруг правительства и создать единый фронт против большевиков на столь высоком форуме не удалось. Основные расхождения по ключевым вопросам четко обозначились, прежде всего, между правительством и военным командованием. Выступая с заглавным докладом на Государственном совещании, Керенский всячески стремился привлечь на свою сторону главнокомандующего и офицерский состав. В то же время он предупреждал, что любой заговор и выступление против правительства будут подавлены со всей решительностью:

"...Здесь перед всероссийским собранием я должен засвидетельствовать глубокое преклонение и великую любовь, которую питает Временное правительство и, полагаю, вся страна *к мозгу русской армии* (выделено мною – Р.Б.), к боевому, карьеры не делающему, но безропотно, при тяжких условиях, а иногда и испытаниях, погибающему за родину офицерству".

Открывая утреннее заседание 14 августа, председатель предложил всем приветствовать в лице присутствующего на совещании верховного главнокомандующего, мужественно за свободу и родину погибающую армию. (Все присутствующие в зале, за исключением крайне левых, поднимается и рукоплещут Корнилову). Чуть позже Керенский назовет его "Первым солдатом Временного правительства".

В то же время Керенский настойчиво повторяет, что любая попытка заговора против правительства будет решительно подавлена. Эта угроза адресована, в первую очередь, сторонникам Ленина: "Пусть знает каждый и пусть знают все, кто уже раз пытался поднять вооруженную руку на власть народную (намек на июльские события), что эти попытки будут прекращены железом и кровью.-..Эта анархия слева, этот большевизм, как бы он не назывался, у нас в русской демократии...найдет своего врага".

Но Керенский видел опасность не только слева, но и со стороны тех, кому он только что выражал свое глубокое преклонение и любовь: "И вам здесь, приехавшим с фронта, вам говорю я, ваш военный министр и ваш верховный вождь, я правлю.., и нет воли и власти в армии выше воли и власти Временного правительства".[1.109]

Генерал Л. Корнилов, конечно, понял прозрачный намек. Он уже давно не испытывал к Керенскому ни симпатии, ни доверия. Их чувства были взаимными. Однако, у обоих претендентов на верховную власть был и общий интерес. Для Корнилова в качестве противника номер один выступали германские войска, под номером два шли Советы, в целом, и большевики, в первую очередь. Относительно германских войск и большевиков их взгляды совпадали. Но Керенский не без основания опасался, что армия, особенно ее командный состав не поддержит его кандидатуру в диктаторы. До него доходили сообщения о готовящемся среди офицерства государственном перевороте. Поэтому он возражал против приезда главнокомандующего на государственное совещание, конечно со ссылкой на тяжелое положение на фронте. Когда же генерал на своем специальном поезде все же прибыл в Москву, Керенский не хотел выпускать его на трибуну. [1.110]

Но верховный главнокомандующий приехал для того, чтобы все знали и поняли его позицию о судьбе страны и армии. Поэтому он добился слова. И Керенский убедился, что недобрые предчувствия не обманывали его. Во-первых, генерал обвинил правительство и Совет в развале армии: "В наследие от старого режима свободная Россия получила армию, в организации которой, конечно, были крупные недочеты. Но тем не менее. эта армия была дееспособной, стойкой и готовой к само пожертвованиям. Целым рядом законодательных мер, проведенных после переворота людьми, чуждыми духу и пониманию армии, эта армия была превращена в безумнейшую толпу, дорожащую исключительно своей жизнью". Во-вторых, Корнилов в ультимативной форме повторил требования, выполнение которых необходимо для восстановления боеспособности войск: установление железной дисциплины, возрождение власти командиров, повышение престижа и материального положения офицеров. Аналогичные меры по укреплению порядка должны быть приняты и в тылу. "Разницы между фронтом и тылом относительно суровости режима, необходимого для спасения страны, не должно быть... Нельзя терять ни одной минуты. Нужны решимость и твердое непреклонное проведение намеченных мер".[1.111]

Если у кого-нибудь еще оставались сомнения относительно

антиправительственной направленности речи Корнилова, то они должны были развеяться после выступления А. Гучкова: "Проблема оздоровления власти не перестает быть очередной и жгучей с первых же дней переворота. Господа, эта власть больна тем, что ее нет. Эта власть – тень власти, подчас являющаяся со всеми подлинными и помпезными атрибутами , с ее жестикуляцией и ее терминологией, с ее интонациями, в которых слышатся оттенки, от которых мы как будто стали отвыкать, и тем трагичнее этот контраст между жизненной необходимостью создания подлинной, твердой, истинно государственной власти и судорожными поисками и страстной тоской по такой власти".[1.112.]

Керенский, видимо, предвидел возможность подобных выступлений, когда говорил: "Какие бы и кто бы мне ультиматумы не предъявлял, я сумею подчинить его воле верховной власти и мне, верховной главе ее"...[1.113.]

Таким образом, позиции обеих сторон были изложены четко, и соответствующих действий пришлось ждать недолго.

Поскольку симпатии большинства присутствующих на совещании, особенно из финансово-промышленных кругов, были на стороне Л. Корнилова, министр-председатель решил все же еще раз тщательно проанализировать и взвесить возможности сторон. Из нескольких донесений он знал о готовившемся заговоре среди военных против правительства.[1.114.] Но в них не упоминалась фамилия Л. Корнилова. Может быть поэтому Керенский не рискнул пойти на открытый конфликт с верховным главнокомандующим и поручил управляющему военным министерством Б. Савинкову быстро подготовить законопроект, отвечающий требованиям Корнилова, согласовать с ним соответствующие тексты и вынести их на заседание правительства.

23 августа Б. Савинков прибыл в Ставку с проектами соответствующих документов. После ознакомления с ними Л. Корнилов заметил, "что, по-видимому, все его требования принимаются".[1.112.] Разногласия остались только по вопросу упразднения комиссаров и военных комитетов. Здесь еще предстояло найти компромисс.

Другое деликатное поручение, которое имел посланец Временного правительства, состояло в том, чтобы договориться о практических мероприятиях, связанных с посылкой в Петроград конного корпуса и объявлением столицы на осадном положении в связи с угрозой выступления большевиков. Этот вопрос решили еще быстрее, чем первый.

Прощаясь, Савинков выразил уверенность, что все пройдет хо-

рошо. И неожиданно добавил: "Только начальником отряда не назначайте генерала Крымова". На это Корнилов ничего не ответил.[1.116]

Вечером 24 августа Б. Савинков уехал поездом в Петроград, едва не столкнувшись с прибывшим в Ставку В.Н. Львовым (бывшим министром Временного правительства). На следующее утро нового посланца принял Л. Корнилов.

Поскольку разные авторы описывают эту встречу неодинаково, придется много цитировать. По версии генерала А. Лукомского: "В.Н. Львов сказал, что он является к Верховному Главнокомандующему в качестве лица, уполномоченного министром-председателем Керенским, выяснить точку зрения Корнилова на вопрос о наиболее целесообразном способе создания сильной власти".[1.117]

На встрече рассматривались три возможных варианта: Согласно первому – диктаторская власть сохраняется за Керенским. При нем будет сформировано правительство в новом составе; по второму – диктаторской властью может быть облечено небольшое правительство в составе трех-четырех лиц (в число их должен войти и верховный главнокомандующий); по третьему – диктаторская власть может быть сосредоточена в лице верховного главнокомандующего, при нем должно быть образовано правительство.

Генерал Корнилов высказался за третий вариант. Он добавил, что считает сохранение в составе кабинета Керенского и Савинкова нужным и признает их приезд в Ставку необходимым, при том, – срочным. "В виду возможных событий в Петрограде (имелось в виду ожидаемое вооруженное выступление большевиков – Р.Б.), он, во-первых, опасается за личную их безопасность в столице, и, во-вторых, их присутствие в Ставке желательно для разрешения целого ряда вопросов, которые, конечно, возникнут".[1.118]

Несколько по-иному, со ссылкой на слова В. Львова, излагает эту встречу в Ставке А. Керенский: "Генерал поручил ему (Львову – Р.Б.) сообщить мне, что дальнейшее существование нынешнего кабинета невозможно и что я должен, как министр-председатель, предложить Временному правительству передать всю полноту власти Корнилову, как Верховному главнокомандующему... По всей России должно быть объявлено военное положение. Что касается Савинкова и меня, то мы должны немедленно выехать в Ставку, где мы будем назначены соответственно военным министром и министром юстиции".

Керенский попросил изложить эти требования в письменной форме. Львов охотно согласился. Вручая свою записку, он спросил: "Ну, а Вы-то сами поедите в Ставку ?"

"Вопрос, – продолжает Керенский, – имел какой-то странный подтекст и поэтому, когда я ответил: "Конечно нет. Неужели Вы и впрямь полагаете, что я соглашусь занять пост министра юстиции под началом Корнилова?" – реакция Львова, по словам Александра Федоровича, была совершенно неожиданной. Он вскочил со стула, широко улыбнулся и воскликнул: "Конечно же, конечно же Вам нельзя ехать. Они устроили для Вас ловушку. Они арестуют Вас... Они все там ненавидят Вас".[1.119.]

В материалах генерала Деникина приведена еще одна версия переговоров В. Львова с двумя главными героями разыгранной в августе трагической для России драмы.[1.120.] Один аспект грубого искажения этих переговоров стоит все же привести здесь: "Львов категорически отрицает версию Керенского. Он говорит: "*Никакого ультимативного требования Корнилов мне не предъявлял.* У нас была простая беседа, во время которой обсуждались разные пожелания в смысле усиления власти. Эти пожелания я и высказал Керенскому. Никакого ультимативного требования (ему) я не предъявлял и не мог предъявить, а он потребовал, чтобы я изложил свои мысли на бумаге. Я это сделал, а он меня арестовал. Я не успел даже прочесть написанную мною бумагу, как он, Керенский, вырвал ее у меня и положил в карман".[1.121.]

После встречи со Львовым Керенский решил лично переговорить с верховным главнокомандующим по прямому проводу:

"Корнилов: – У аппарата генерал Корнилов.

Керенский: – Здравствуйте, генерал. У аппарата Владимир Николаевич Львов (в действительности в аппаратной Львова не было) и Керенский. Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем.

Корнилов: – Здравствуйте, Александр Федорович, здравствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждаю тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мною Владимиру Николаевичу с просьбой доложить Вам. Я вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.

Керенский: – Я, Владимир Николаевич, Вас спрашиваю: то определенное решение нужно исполнить, о котором Вы просили меня известить Александра Федоровича, только совершенно лично? Без этого подтверждения лично от Вас, Александр Федорович колеблется мне вполне доверять.

Корнилов: – Да, подтверждаю, что просил Вас передать мою настойчивую просьбу приехать в Могилев.

Керенский: – Я – Александр Федорович. Понимаю Ваш ответ как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем. Сегодня это сделать и выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков ?

Корнилов: – Настоятельно прошу, чтобы Борис Викторович приехал вместе с Вами..."[1.122.]

Из данной записи довольно нечетких вопросов-ответов по прямому проводу отнюдь не следует, что генерал предъявляет ультиматум и грозит переворотом. Логически короткие фразы Корнилова как бы продолжают его переговоры с Савинковым и Львовым (в изложении последнего). К тому же Савинков раньше Львова вернулся в Петроград из Ставки и, видимо, успел передать своему непосредственному шефу обещание верховного главнокомандующего "всемерно поддерживать А.Ф. Керенского для блага отечества".[1.123.]

Но министр-председатель думал о другом. Для него наступил момент, когда нужно было окончательно решить: кто будет диктатором – он или генерал Корнилов. Возможно, не без колебаний Керенский склонился на первый вариант, к которому последовательно и упрямо шел последние шесть месяцев. Вся его натура вновь протестовала против подчинения воле, пускай даже заслуженного генерала. Поэтому решение созрело быстро.

Одним из первых шагов по его реализации было распоряжение арестовать В. Львова. Видимо, тот мешал как свидетель событий, которые бывший министр юстиции трактовал слишком вольно, по-своему (хорошо, что не "убрал" совсем). Затем Керенский отправился на заседание кабинета, в Малахитовый зал Зимнего дворца. Его сообщение о встрече с В. Львовым и состоявшихся только что переговорах по телеграфу с генералом Корниловым, который якобы готовит переворот, произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Высказавшись за решительное подавление мятежа, Керенский потребовал для себя чрезвычайных полномочий ("всей полноты власти"). Такие полномочия от министров, которые еще не скоро пришли в себя от ошеломляющей информации, – он получил. Двое несогласных – кадеты Юреньев и Кокошкин подали в отставку.

Керенский понимал, что на карту поставлена его судьба. Он начал действовать весьма энергично. Тут же отправил радиограмму в Ставку, в которой потребовал от Корнилова передать полномочия верховного главнокомандующего генералу Лукомскому. Осечка. Генерал – на стороне Корнилова. То же самое произошло и с назначением на освободившуюся должность командующего Северным фронтом генерала Клембовского.

Наконец, утром 30 августа Александр Федорович сам лично прибыл на квартиру к генералу Алексееву и с трудом уговорил его ("А как быть с Россией? Мы должны спасти страну") стать начальником штаба. Для себя Керенский оставил пост Верховного главнокомандующего.

Поздно вечером А.М. Алексеев, уже в новой должности, позвонил генералу Лукомскому в Ставку. Он объяснил, что согласился принять новое назначение "единственно с целью ликвидировать все происшедшее без кровопролития. Если бы он не согласился, то был бы послан карательный отряд..."[1.124]. Поэтому Алексеев готов приехать в Могилев только при условии, что генералы Корнилов и Лукомский сдадут ему свои должности и подчинятся его решению. Условия были приняты и через несколько дней сравнительно небольшая группа "арестованных" генералов и офицеров была размещена в гостинице Метрополь. Вскоре большинство из них было уже на Дону.

Между тем III конный корпус и некоторые другие воинские подразделения, направленные приказом Корнилова несколько дней назад по просьбе Керенского для подавления ожидавшегося вооруженного выступления большевиков, двигались в сторону Питера. 28 августа возникла реальная опасность, что конница Крымова вступит в город. Как и положено в таких случаях, по городу поползли панические слухи. Керенский должен был защищаться. Генерал-губернатором, отвечающим за оборону столицы, он назначил Б. Савинкова. Однако, надежных частей в подчинении правительства было очень мало. Министры занервничали...[1.125].

Биржа отреагировала на приближение корниловских войск повышением курса акций.

На левом фланге, в быстро меняющейся обстановке тоже далеко не все было гладко и слажено. Острые противоречивые процессы образовали глубокие трещины в позициях отдельных партий. Четких мнений, а тем более единства во взглядах и действиях не было. Стоит напомнить, что в это время лидеры большевиков находились еще либо в тюрьме (Троцкий), либо скрывались в Финляндии (Ленин). Устойчивой и быстрой связи с ними не было. В такой обстановке практические вопросы легче решались на местах, где были созданы десятки революционных комитетов из представителей левых сил. Почтовые работники препятствовали, не пропускали или хотя бы задерживали передачу телеграмм военного командования и тем самым серьезно нарушили управление войсками, двигавшимися к Петрограду. Железнодорожники разобрали

пути между Лугой и столицей, не подавали паровозов. Среди солдат вели разъяснительную работу сотни агитаторов-добровольцев. Большевики создали десятки боевых отрядов из матросов Кронштадта, войск гарнизона столицы и вооруженных рабочих.

Войска Краснова и Крымова, направленные для наведения порядка в Питере, были лучше вооружены и обучены для военных действий. Но они уже знали, что генерал Корнилов ввел военные суды и расстрелы провинившихся солдат в армии и предлагает сделать то же самое в тылу. Поэтому воевать за него они не хотели. Защитники Петрограда, напротив, хорошо понимали, что им грозит, если корниловцы войдут в город. Прямо противоположное настроение войск, столкнувшихся на подступах к столице, стало главным фактором поражения генерала Корнилова.

Как уже отмечалось, Ставка еще в первых числах августа начала переброску войск в район Петрограда. 27 августа 3-й конный корпус П. Краснова получил приказ двигаться на Петроград. На следующий день он достиг Пскова и стал, преодолевая немалые трудности, приближаться к столице. В самый острый момент на "помощь" Керенскому пришли кадеты. Они посоветовали Керенскому уйти в отставку, чтобы генерал Алексеев мог занять его место. В полдень этого напряженного дня Милюков предложил свои услуги в качестве посредника между Ставкой и правительством. Представители союзников в лице посла Великобритании Дж. Бьюкенена также убеждали Керенского вступить в переговоры с Корниловым. Керенский заколебался и готов был уже уступить.[1.126]

Интересно, что ЦИК Совета, а также Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов (ИВСКД) выступили против намечавшихся перестановок в правительстве, т.е. встали на защиту Керенского. В то время как политическая элита начала осуществлять свою сложную интригу по замене главы правительства, этажом ниже развернулась кипучая деятельность по организации реального отпора наступающей опасности.

ЦИК и ИВСКД образовали чрезвычайный орган по обороне города - Комитет народной борьбы с контрреволюцией, в который вошли на паритетных началах и представители большевиков. Новый орган начал энергично работать в полдень 28 августа. Через два дня в различных регионах России действовали уже 240 таких комитетов. Они организовывали отряды самообороны, обеспечивали их продовольствием, оружием, боеприпасами, координировали работу коммунальных служб.

Поскольку большевики имели в Петрограде наибольшее влияние

среди рабочих, в армии и на флоте, на их плечи легла основная тяжесть формирования в столице отрядов Красной гвардии, а также подразделений из солдат и матросов, сыгравших главную роль в военной обороне Петрограда.

Большое дело совершили и профсоюзы, особенно Викжель (профсоюз железнодорожников). Трудно взвесить, чей вклад в сопротивление движению конницы и казаков на Питер был наиболее весомым. Но факт остается фактом, что эшелоны с войсками практически большую часть времени стояли, связь между ними была нарушена. Генерал П. Краснов вспоминал: "В 6 часов утра 29 августа мы прибыли на станцию Дно и здесь нам заявили, что поезд дальше не пойдет. Между Вырицей и Павловском путь разобран, идет перестрелка между всадниками Туземного корпуса и солдатами Петроградского гарнизона, вышедшими навстречу. Все пути были заставлены эшелонами... В зале I-го и II-го класса и в буфете, несмотря на ранний час, столпотворение вавилонское. Офицеры, всадники, солдаты... Кухонный чад, волны табачного дыма и отсутствие какого бы то ни было воинского порядка...Никто толком ничего не знал. Эшелоны застряли на всем пути, но никто не знал, что делать, приказаний ни от кого не было. Осетины и дагестанцы могли подойти только через несколько дней".[1.127.]

Позже генерал А. Деникин с горечью отметит: "Когда в стане своих врагов корниловцы увидели всю революционную демократию и особенно...левый сектор ее (большевиков) – это было понятно и естественно. Но, что из среды рыхлой, боязливой или инертной интеллигентской массы, сохранявшей "нейтралитет", на той стороне оказалось много, очень много видных либеральных деятелей – это явилось совершенно неожиданным, представляя большое и роковое историческое недоразумение". Многие газеты начала сентября резко осуждали Корнилова, другие "присоединились к клеветническим выпадам против него...и это говорили или, по крайней мере, с этим соглашались те люди, которые только две недели назад на Московском совещании пели "осанну" Верховному главнокомандующему, возлагая на него все свои надежды".[1.128.]

30-31 августа "мятеж" затух окончательно. Символическим актом его завершения стало самоубийство генерала Крымова – одной из главных и трагических фигур неудавшейся попытки офицерства с помощью нескольких "верных" дивизий остановить силой бурный поток истории. Однако, тлеющие угли, оставшиеся на ветру революции, готовы были разгореться вновь...

Камень преткновения остался на прежнем месте: как и рань-

ше ждал своего решения вопрос о характере и направленности государственной власти. Керенский не отказался от намерения установить личную диктатуру, хотя ни авторитета, ни силенок у него не прибавилось.

Умеренные социалисты в процессе борьбы против Корнилова непроизвольно сдвинулись влево. Они потребовали освободить лидеров большевиков, солдат и матросов, арестованных после июльских событий. В начале сентября вышли на свободу Троцкий, Крыленко, Антонов-Овсиенко, Дашкевич, Дыбенко и другие. Все они вскоре весьма успешно сыграли свои роли в Октябрьской революции. [1.129].

Многие лидеры меньшевиков и эсеров не забыли, как непоследовательно вели себя кадеты во время политического экзамена, устроенного для всех генералом Корниловым. Поэтому они не соглашались, чтобы представители партии свободы вновь вошли в правительство. Этим объясняется, почему в сформированную Керенским 1 сентября правительственную директорию из 5 человек, не вошло ни одного кадета.

Именно в это время в партийных организациях на предприятиях, в воинских частях, на кораблях флота и в Кронштадте все чаще говорили о целесообразности формирования нового правительства только из представителей рабочих, солдат и крестьян. В другой форме это звучало, как требование создания правительства только из министров-социалистов ("однородного правительства"). По существу, речь шла о смене характера государственной власти и изменения стратегических целей ее политики. Стоит отметить, что такие установки выражали интересы основной массы населения, а не каких либо отдельных политических групп или партий. Победа, достигнутая в конце августа над мятежом правых убедительно показала, что для успешной реализации народных интересов нужно единение всех левых сил.

Показательно, что 1 сентября Петроградский совет подавляющим большинством голосов поддержал резолюцию, предложенную Каменевым, о создании "чистого" социалистического правительства. Однако, на другой день совместное заседание ЦИК Всероссийского Совета и ИВСКД, где квалифицированное большинство голосов имели эсеры и меньшевики, не поддержало такую же резолюцию. Решение вопроса о социальном характере власти отложили до созыва нового Демократического совещания.

Оно открылось вечером 14 сентября в Александрийском театре, в котором обычно собиралась изысканная столичная публика.

На этот раз в его мягких удобных креслах расположились очень своеобразные люди. Большинство из провинции, в том числе немало крестьян, с любопытством рассматривающих соседей. Из 1582 делегатов треть составляли социалисты-революционеры, меньшевиков было 172 человека, большевиков – 136, трудовиков – 55.[1.130.] Если в Питере к осени большевики заняли ведущее положение во многих выборных органах, то в глубинке крестьянство по-прежнему доверяло эсерам.

Главный вопрос, на который нужно было найти правильный ответ, состоял в том: кому следует вручить государственную власть. Многие разочаровались в кадетах и были категорически против их участия в новом составе правительства. Другие, отвергая кадетов, считали возможным, чтобы отдельные представители промышленно-финансовых кругов заняли ответственные посты в экономических министерствах, третьи настаивали на создании однородного правительства только из социалистов. Мнения и голоса разделились. Большинством голосов принимали за основу отдельные резолюции. Затем поправки к ним. Но, когда ставился на голосование документ в целом, – он вдруг не получал поддержки, и никто не мог объяснить почему. За многие дни острых дискуссий и многочисленных голосований все настолько смешалось и перепуталось, что для поиска выхода из создавшейся неразберихи в конце концов решили создать новый, в три раза меньший по численности орган, известный в литературе под двумя названиями: Совет республики или Предпарламент.

25 сентября Керенский перехватил инициативу и, не дожидаясь, когда новый государственный орган начнет действовать, объявил состав нового коалиционного правительства. В нем были представлены кадеты, меньшевики, эсеры, представители промышленности и финансисты, а также беспартийные. Таким образом, один человек, одним махом, как известный легендарный герой, разрешил вопрос, над которым несколько дней безрезультатно трудились более 1500 депутатов Демократического совещания. Больше того, Керенский преобразовал Предпарламент во Временный Совет Российской республики и утвердил положение о нем как о совещательном органе, имевшем право обсуждать только те вопросы и законопроекты, "по коим Временное правительство признает необходимым получить заключение Совета". Состав преобразованного Предпарламента был уменьшен до 555 человек, в том числе, примерно треть голосов получили представители кадетской партии, торгово-промышленных организаций, союза зе-

мельных собственников и др. Большевики имели 58 мандатов.[1.131]

Первое заседание нового состава Предпарламента торжественно открылось в красно-белом зале Мариинского дворца, где прежде заседал Государственный совет. Присутствовали Керенский и его министры, дипломаты из посольств союзных государств, журналисты. После протокольных приветствий и торжественных заявлений, уже к концу заседания слово получил Л. Троцкий. Он прямо в лицо бросил министру-председателю жесткие слова, что Временное правительство и Предпарламент – орудия контрреволюционной буржуазии, что революция, Петроград и народ – в опасности. Только сами рабочие, солдаты и крестьяне могут спасти себя и страну... Зал надрывно гудел, выкрикивая ругательства и угрозы... Левые депутаты встали и покинули заседание.[1.132]

В. Набоков, ставший к этому времени вторым лицом в партии кадетов (после П. Милюкова), вспоминал: "... Созданием Совета республики сговаривающиеся стороны (социалисты и к.-д., главным образом) преследовали совершенно определенную цель – укрепление Временного Правительства в его борьбе с большевизмом. Нужно было разрядить атмосферу, дать правительству трибуну, с которой оно могло выступать официально и открыто перед всей страной, оказать ему реальную поддержку в лице партий, вступивших в коалицию и представленных в самом правительстве."[1.133] Но меньшевики и эсеры, не забыв еще уроков мятежа Корнилова, имели достаточно оснований не доверять кадетам. Не прельщала их и перспектива остаться один на один с правыми без, хотя бы потенциального, союзника в лице большевиков. Поэтому в Предпарламенте они не согласились на официальный союз с кадетами. Переговоры Набокова и других лидеров кадетов с Гоцом, Даном и Скобелевым были вязкими, долгими и безрезультатными. "Я, – писал Набоков, – живо вспоминаю то чувство безнадежности и раздражения, которое постепенно овладевало мною во время этих разговоров...Дан отвечал, что он и его друзья не склонны наперед обещать свое доверие и свою поддержку, что все будет зависеть от образа действий правительства, и что, в частности, они не видят возможности встать на точку зрения борьбы с большевиками прежде всего и во что бы то ни стало... Дан вилял, мямлил, вел какую-то талмудистскую полемику... Мы разошлись с тяжелым чувством, – с сознанием, что начинается опять старая канитель, что наши "левые друзья" неисправимы, и что все затраченные нами усилия, направленные к тому, чтобы добиться соглашения и поддержки власти в ее борьбе с анархией и бунтарством, едва ли не пропали даром".[1.134]

24 октября трое министров – Терещенко, Коновалов и Третьяков завтракали в посольстве Великобритании. "Они все трое, – вспоминал Дж. Бьюкенен, – уверяли меня, что правительство имеет за собой достаточную силу, чтобы справиться с положением, хотя Третьяков отзывался о Керенском очень презрительно... Коновалов заявил, что русская революция прошла несколько фаз, и что теперь мы подошли к последней".[1.135.]

"Накануне большевистского восстания, – писал В. Набоков, – Керенский появился в Совете республики, сообщил о раскрытом заговоре и просил поддержки и полномочий. Случайно меня не было в это время в Мариинском дворце, я вернулся немного спустя и застал картину полной растерянности. Происходил обычный тягостный и в данных условиях особенно поражавший своим ничтожеством и ненужностью процесс – поиск таких компромиссных формул, которые могли бы быть поддержаны каким ни есть большинством... Голосовали далеко не дружно, и в результате, после проверки голосования путем выхода в (разные) двери, большинства не составилось. В наиболее решительный момент Совет республики оказался несостоятельным. Он не дал правительству нравственной поддержки, – напротив того, он нанес ему моральный удар, обнаружив его изолированность... Мы разошлись, крайне подавленные".[1.136.]

Конечно, дело было не только и не столько в позиции Совета республики. Глубокий кризис переживало и правительство, и сам Керенский. Он сильно сдал за последние месяцы. В этом отношении характерны наблюдения крупного фабриканта А. Коновалова, занявшего пост министра торговли и промышленности в последнем коалиционном правительстве. Коновалов "к тому времени окончательно разочаровался в Керенском, потерял всякое доверие к нему. Главным образом его приводило в отчаяние непостоянство Керенского, полная невозможность положиться на его слова, доступность его всякому влиянию и давлению извне, иногда самому случайному. "Сплошь и рядом, чуть ли не каждый день так бывает, – жаловался Коновалов. – Сговоришься обо всем, настоишь на тех или других мерах, добьешься, наконец, согласия. Так, Александр Федорович, теперь крепко решено окончательно, перемены не будет? Получаешь категорическое заверение. Выходишь из его кабинета – и через несколько часов узнаешь о совершенно ином решении, уже осуществленном, или, в лучшем случае, о том, что неотложная мера, которая должна была быть принята именно сейчас, именно сегодня, опять откладывается, возникли новые сомнения или вос-

кресли старые, – казалось бы, уже устраненные. И так изо дня в день"... "По-видимому, Керенский в эти дни находился в периоде упадка духа, подвинуть его на какие-нибудь энергичные меры было совершенно невозможно, а время шло, большевики работали вовсю, все меньше и меньше стесняясь. Положение с каждым днем становилось все более и более грозным." [1.137]

* * *

Во внешних формах катастрофы самодержавия и краха режима, созданного после Февральской революции, много общего. Временное правительство, как уже отмечалось, за восемь месяцев своей деятельности практически не разрешило ни одной острой проблемы, доставшейся ему в наследство от прежней власти. Для того, чтобы успешно управлять государством и хозяйством, тем более в условиях затяжной войны, необходимо не просто умение, а талант организовать, направить и мотивировать во многом эмоциональные и спонтанные действия миллионов людей. Керенский с такой задачей не справился. Но дело было не только и не столько в нем.

Общее руководство экономикой оставалось под контролем и прямым воздействием буржуазии. Ее представители возглавляли министерства, связанные с промышленностью, торговлей, финансами, транспортом, т.е. определяли судьбу по существу всего народного хозяйства. Однако, их внимание и силы ограничивались чаще всего тем, чтобы удержать на высоком уровне массовое производство оружия и боеприпасов. Это была первоочередная задача и ее удалось, в основном, решить. Однако, одновременно значительно разросся дефицит топлива, металла, машин и оборудования, а также продовольствия, финансов, транспорта.

В период марта-октября 1917 года в новой, острой форме проявились последствия ошибочной ориентации российских промышленников не на повышение производительности труда, а на его предельную интенсификацию. Петроградский Совет и профсоюзы добились, чтобы на казенных заводах, а также на предприятиях Северо-Западного региона был введен 8-ми часовой рабочий день с сохранением прежней зарплаты. Дневная выработка в расчете на одного рабочего упала, а себестоимость единицы продукции подскочила вверх. Повысились цены на казенные заказы. В многих случаях пришлось за счет бюджета выделять субсидии или предоставлять дополнительные кредиты. Это, в свою очередь, потребовало дополнительной эмиссии бумажных денег. Здесь же появились инфляция и расстройство государственных финансов.

Снизилась рентабельность предприятий. Их хозяева отказывались повышать зарплату и все чаще прибегали к локаутам – остановке производства и увольнения всего персонала. Возросла безработица. В ответ – резкое увеличение числа стачек и забастовок. Таким образом промышленная и социальная политика буржуазии и Временного правительства оказались в узком тупике, где уже нельзя было развернуться.

Ничего положительного не удалось сделать и в сельском хозяйстве. Открытым остался земельный вопрос. Наиболее здоровых и крепких мужиков отправили на фронт. Поставки промышленных товаров для села сократились. Оставшиеся крестьяне, основную массу которых теперь составляли женщины, вступили в скрытую, затяжную борьбу с правительством. Ругали его и открыто. Заготовки зерна, после короткого периода улучшения, – вновь стали сокращаться. Соответственно чаще стали происходить перебои в торговле хлебом в городах.

Настроения деревни быстро становились настроениями армии, которая остро переживала неурядицы в тылу и поражения на фронте. Солдаты, до предела уставшие за четыре года войны и потерявшие последние надежды на ее благополучный исход, во всем обвиняли командование и правительство.

Все эти очаги социального перенапряжения и недовольства осенью 1917 года слились в бурный и опасный поток общего возмущения и протеста, который в мгновение разрушил весьма ненадежные и хрупкие политические постройки, которые успело соорудить Временное правительство. Первый, по существу пробный вариант обновления России, рухнул почти также спонтанно, как и режим самодержавия. Но тут же, а может быть даже несколько раньше, начался новый дерзкий социальный эксперимент, продолжавшийся более семи десятилетий...

Глава 2. Поиск путей обновления России

Напряженные август и сентябрь 1917 года быстрыми, большими шагами подвели страну к началу второго этапа качественных преобразований ее уже основательно разрушенной социально-экономической структуры. Предстояло многое начинать сначала. Во-первых, если февральскую революцию чиновники госаппарата и владельцы промышленных предприятий активно поддерживали, то по отношению к октябрьскому перевороту их позиция была совсем иной. Сохранившаяся старая администрация в министерствах и большинство руководящего состава заводов и фабрик оказывали новой власти плохо скрываемое, упрямое сопротивление. Во-вторых, сохранилась и даже усилилась инерция разрушения, которая достаточно отчетливо проявилась уже в 1916 году. При этом, как отмечает Л. Кафенгауз, рушились те основы, на которых держались старые предприятия. Их владельцы стремились изъять из них "все, что только возможно, и были заинтересованы скорее в сокращении, чем в расширении производства. Что же касается рабочих комиссий, наблюдавших за работой, то они в большинстве случаев в это время не были в состоянии расширить производство, хотя следует указать, что они очень много сделали для охраны фабрик и оборудования от расхищения." [2.01]

Общий объем валовой продукции промышленности к концу 1917 года по сравнению с уровнем предыдущего года сократился больше, чем на одну четверть. Урожай зерновых, собранный осенью 1917 года, был на 5% ниже предыдущего и на 28 процентов меньше среднегодовых сборов 1909-1913 годов. [2.02]

Стоит отметить и то обстоятельство, что Временное правительство получило в наследство деформированные, но все еще дееспособные финансовую и денежную системы. Новой власти в октябре 1917 года и такого наследства не досталось: А. Керенский умудрился в сжатые сроки существенно расстроить и денежное обращение, и государственные финансы. Таким образом, стартовые

экономические условия второго этапа революции были существенно хуже, чем в феврале.

К тому же оставалась открытой и центральная стратегическая проблема: куда и как идти дальше? Какое место должна и могла занять России в меняющемся мире?

Хотя на дворе во всю уже гуляла слякотная осень, общая ситуация поиска новых путей развития российского общества напоминала начало марта. Тогда молодой национальной буржуазии был предоставлен шанс по своему усмотрению, но конструктивно, практически ответить на непростые вопросы о дальнейшей судьбе страны. Еще в 1915 году Съезд торговли и промышленности одобрил программу коренных преобразований будущей России. Февральская революция выполнила один из ее разделов: разрушила самодержавие и сформировала новую власть, которая вначале устраивала буржуазию. Теперь главное было – продержаться до победы над Германией. Оттуда, как представлялось российским предпринимателям, надвигалась самая большая опасность. Еще в марте 1917 года П. Рябушинский предупреждал: "Мы должны готовиться к будущему уже в настоящее время, потому что наш, я бы сказал, вековечный враг – Германия не дремлет и готовится к тому, чтобы после войны вновь вступить в борьбу со всем миром и, в частности, с нами в области экономической...Когда кончится война, то к нам направится поток германских товаров. Я уже не говорю о том, что если наша граница будет прорвана, открыта, то к нам хлынут не только полчища германцев, но и их товары... Но если война кончится и благополучно, то Германия, сильная своим механизмом, выбросит нам огромное количество товаров, извлекая наши денежные средства и заставит нас во многом поступиться..." [2.03]. Поэтому основное внимание российской буржуазии в послефевральский период было сосредоточено на удовлетворении запросов воюющей армии. Однако, как уже отмечалось, и эту задачу решить не удалось...

Поэтому Октябрьская революция стала, в первую очередь, проявлением поражения бездарной политики самой буржуазии, и уже на этом фоне - победой большевиков. У них были свои проблемы: среди руководства партии возникли серьезные расхождения о возможности, и в этой связи, о целесообразности нового этапа преобразований, а также о его характере.

Согласно классической теории марксизма в отсталой стране сначала должна решить свои задачи буржуазно-демократическая революция. Лишь затем наступает время социалистической. Кроме того, левые силы делали главную ставку на мировую или, хотя бы,

европейскую революцию во главе с пролетариатом развитых стран. Стоит напомнить, что апрельская (1917) конференция РСДРП четко предупредила: "Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, *не может задаться целью немедленного осуществления социалистического преобразования"* (выделено мною – Р.Б.). [2.04.]

Через четыре месяца, в августе, уже съезд партии, еще раз подчеркивает: "Пролетариат не должен поддаваться на провокации буржуазии, которая очень желала бы в данный момент вызвать его на преждевременный бой". [2.05.]

Таким образом, документы свидетельствуют о том, что еще в начале осени большевики считали преждевременным включить в повестку дня вопрос о практическом переходе ко второму этапу революции. Больше того, они предупреждали об опасности поспешных действий и призывали не поддаваться на провокации.

Если придерживаться формальной логики, экономика и общество России осенью 1917 года не были готовы к началу социалистической революции. Однако, после мятежа Корнилова политическая ситуация в Петрограде стала быстро меняться. Формально А. Керенский оказался победителем. Его активно поддерживали кадеты, правые эсеры и определенные финансово-промышленные круги, которые требовали дальнейших решительных мер против большевиков. По существу, началась активная подготовка нового широкого наступления контрреволюционных сил на левом фланге революции. Специальное указание – "быть наготове" было отдано трем казачьим полкам, расквартированным в окрестностях Петрограда. Военный штаб подтягивал некоторые верные ему части поближе к столице. На чрезвычайное положение перевели все юнкерские училища. Срочно было отдано новое распоряжение об аресте Ленина, других активных большевиков, в том числе среди военных и моряков. К утру 25-го ждали прибытия с фронта воинских частей...

За несколько дней до решающих событий Керенский несколько раз хвастливо заявлял: "Я желаю только того, чтобы они (большевики – Р.Б.) вышли на улицу, и тогда я их раздавлю". [2.06.]

Как уже отмечалось, утром 24 октября Керенский появился на заседании Совета республики, сообщил о готовившемся восстании и потребовал для себя чрезвычайных полномочий. Однако, таких полномочий он не получил.

Совсем поздно вечером того же дня в Зимнем дворце состоялась "историческая" встреча главы Временного правительства с делегацией от социалистических групп Совета Республики.

"Умеренные социалисты", возглавляемые Федором Даном, пришли с конкретным предложением: правительство должно "немедленно принять весьма существенные решения по вопросу о войне, земле и Учредительном собрании и немедленно оповестить об этих решениях население рассылкой телеграмм и расклейкой афиш...Это непременно должно быть сделано тою же ночью, так, чтобы утром уже каждый солдат и каждый рабочий знали о решениях Временного правительства"... "Для нас было аксиомой, – продолжает Дан, – что пытаться бороться с большевиками чисто военными средствами в это время было нелепо не только в силу "запутанных" соображений, по уверению Керенского, "обыкновенным смертным малопонятных в существе своем", но и просто в силу такого факта, что таких средств в это время у правительства не было и быть *не могло*... Мы говорили, что штаб обманывает правительство, а может быть обманывается и сам, уверяя, что у него имеются какие-то "верные части", достаточные для того, чтобы в открытом бою победить большевиков...

Разговор продолжался не особенно долго. Керенский, производивший впечатление человека, до последней степени измотанного и измученного, относился к нашим аргументам с крайним раздражением и высокомерно заявил нам под конец, что правительство в наставлениях и указаниях не нуждается...Будет действовать само и само справится с восстанием..."[2.07.]

2.1. Взятие Зимнего не означало окончания борьбы за власть

Большевики не стали дожидаться, когда их "раздавят". 10 октября на конспиративном заседании ЦК РСДРП(б) было признано, что вооруженное восстание "назрело и неизбежно". Через два дня исполком Петроградского совета, председателем которого недавно стал Л. Троцкий, образовал Военно-революционный комитет (ВРК), выполнявший функции оперативного штаба по практической подготовке и проведению такого восстания. Для согласования действий комитет направил в воинские части, на корабли, в оружейные склады, на ряд предприятий своих представителей. К началу выступления вооруженные силы, на которые мог рассчитывать ВРК оценивались в 150 тысяч солдат, более 80 тысяч матросов и около 40 тысяч красногвардейцев, что примерно в десять раз превышало реальный военный потенциал, на который опиралось Временное правительство в самой столице. [2.08.]

В состав комитета и его филиалов на местах вошли десятки военных организаций большевиков и их руководителей, в том числе В. Антонов-Овсиенко, П. Дыбенко, Н. Крыленко, Н. Подвойский и др. Поздно вечером 21 октября они провели гарнизонное совещание своих представителей в частях, на котором было принято важное постановление: "распоряжения штаба округа, не подписанные Военно-революционным комитетом, считать недействительными". Это означало, что революционные части Петроградского гарнизона выводились из-под юрисдикции Временного правительства и подчинялись ВРК.

22-23 октября Военно-революционный комитет завершил, в основном, приготовления к вооруженному восстанию. Был разработан детальный план, который установил ответственных и время захвата Государственного банка, вокзалов, телефонной станции, телеграфа, мостов и других ключевых объектов. Предусматривалось также окружение и взятие Зимнего дворца.

В ночь на 24-ое Временное правительство отдало приказ арестовать членов ВРК, установить контроль над важнейшими мостами через Неву, закрыть большевистскую газету "Рабочий путь" (новое название запрещенной ранее "Правды").

Первое открытое столкновение двух противоборствующих сторон произошло вокруг типографии газеты "Рабочий путь" уже в этот же день. Рано утром сюда прибыла команда юнкеров из школы прапорщиков и, предъявив ордер на закрытие газеты, выставила на улицу рабочих, повредила оборудование и конфисковала 8 тысяч отпечатанных экземпляров. Ответные действия последовали незамедлительно: прибывший отряд красногвардейцев решительно и быстро восстановил прежний порядок. К вечеру газета вышла в полном объеме. Без перестрелки и кровопролитий этот эпизод сразу же продемонстрировал превосходство сил восставших.

Рано утром 25 октября 1917 года, когда многие жители Петрограда, привыкшее к шуму и беспорядкам на улицах, еще довольно спокойно спали, отряды солдат, матросов и красногвардейцев, возбужденные новой волной революции, заняли вокзалы, здание Государственного банка, мосты, телеграф, телефонный узел.

Керенский в ночь на 25-ое практически не спал. Сначала помешала делегация Ф. Дана. Затем какое-то время продолжалось совершенно бессмысленное и бесполезное заседание правительства. Уже под утро Керенский с двумя министрами отправились в штаб военного округа, находившийся рядом, с надеждой: возможно там что-нибудь знают о судьбе вызванных с фронта войск. Два-три дня

назад из ставки приходили обнадеживающие телеграммы: на Петроград с трех направлений движутся Кавказская казачья дивизия и некоторые другие части с артиллерией. Однако, встретив сопротивление, они застряли в 70-100 верстах от города. [2.09] Получив такие сообщения, совершенно уставший и морально разбитый министр-председатель вернулся в Зимний.

"Мучительно тянулись долгие часы этой ночи, – вспоминал он позже. – Отовсюду мы ждали подкреплений, которые, однако, упорно не появлялись... Поднявшись наверх в свои комнаты я бросился, не раздеваясь, на стоявшую в моем кабинете отаманку... Заснуть не мог: лежал с закрытыми глазами в какой-то полудреме-полуобмороке. Не прошло и часа, как из этого состояния вывел меня фельдфебель, вошедший в комнату с экстренным сообщением: большевики захватили центральную телефонную станцию, и все наши (дворцовые) телефонные сообщения с городом прерваны. Дворцовый мост (под окнами моих комнат) занят пикетами матросов-большевиков...О казаках ни слуху, ни духу, как и следовало впрочем ожидать...Началась паника". [2.10]

Керенский принимает решение: самому ехать на ближайший фронт за войсками. Но опять незадача: все правительственные автомобили конфискованы новой властью, остались только сломанные. Обратились к В. Набокову, другим "верным" людям – вежливый отказ. Пришлось просить помощи в посольстве США. Здесь, наконец-то пошли навстречу. Керенский без особых затруднений на машине американского военного атташе выбрался из города и к ночи доехал до Пскова, где размещалась ставка командующего Северным фронтом. Оставшиеся министры вновь собрались в Зимнем дворце в ожидании своей участи: успеет ли их руководитель прийти на помощь? Надежды были слабые, но что оставалось делать...

Последние ночи в Смольном тоже было не до сна. Внешне он напоминал растревоженный улей. На первом и втором этажах разместились вооруженные солдаты. Большевики телефонной службе не очень то доверяли. Поэтому только для оперативной связи из революционных частей прибыли десятки связных. У входа стояли легкие орудия, шесть броневиков. В разных местах были оборудованы пулеметные гнезда. В ночное время во дворе горели костры, вокруг которых грелись солдаты.

В самом здании разместились Центральный Комитет партии, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. При нем Военно-революционный комитет, который превратился в дни вооруженного восстания в главное военное звено всех структур

Смольного. Он практически направлял и координировал действия десятков различных организаций, участвовавших в революционной смене режима власти. Общее руководство комитетом осуществлял Л. Троцкий.

Вечером 24 октября в Смольный самостоятельно, никого не предупредив, прибыл В. Ленин. Он был загримирован, в парике. Поначалу его не пустили даже через порог: пропуска не было, а часовые строго придерживались инструкции...

Вот так в здании бывшего Института благородных девиц несколько неожиданно встретились два человека, которым суждено было стать руководителями Октябрьского вооруженного восстания: Ленин и Троцкий, далеко не во всем похожие друг на друга. В прошлом, в конкретные периоды истории они короткое время успешно сотрудничали, затем разошлись, соперничали, какой-то момент даже враждовали, и вот теперь вновь вместе, возможно, в самые напряженные и ответственные дни их жизни.

В. Ленин – это прежде всего мыслитель, стратег. У него за плечами университетское образование юриста. Он активно владеет теорией познания и диалектикой. Конкретно знаком с экономикой крестьянской России.[2.11] Все это позволяет ему смотреть вперед дальше, чем многим другим. Редкое качество прирожденного стратега объективно ставит его во главе революционного движения. "Ленин, – отмечал Луначарский, – чувствует себя творцом и хозяином в области политической мысли. Он очень часто давал совершенно новые лозунги, которые нас всех ошарашивали, казались нам дикостью и которые потом давали богатейшие результаты.

Л. Троцкий такой смелостью мысли не отличался... Он бесконечно смел в своем суждении против либерализма, против полусоциализма, но ни в каком-нибудь новаторстве". [2.12]

Троцкий, прежде всего, человек решительных действий, а потом уже теоретик. В реальном училище он был первым учеником. Однако, в университет так и не поступил. Философию считал несерьезной наукой. Значительно позже, находясь во второй эмиграции, он напишет серию книг, в которых изложит свой взгляд на историю и теорию революции в России. В 1917-1918 годах Троцкий проявил себя как инициативный политик, оратор и требовательный, даже жесткий организатор. В нужный момент он мог повести за собой митинг взбудораженных солдат или рабочих, жаждущих получить установку, на что им ориентироваться в перегруженной событиями обстановке. Это важное в смутное время достоинство делает его крупной политической фигурой,

вожаком масс. В 1918 году он стал одним из организаторов Красной армии.

Нельзя не отметить также его дерзкую смелость и стойкость в угрожающей ситуации. Не случайно в 1905 году двадцатишестилетний Лев Троцкий становится одним из руководителей Петербургского совета рабочих и солдатских депутатов. Но, было одно серьезное осложнение в его судьбе: привыкнув легко становиться "первым", лидером среди окружающих его людей, он рано понял, что политическая карьера еврея, – а Лев Давидович был родом из зажиточной семьи Бронштейна, – в России, в силу неписаного закона, ограничена определенным жестким пределом.

Это обстоятельство наложило свой отпечаток на характер и образ жизни Л. Троцкого. С юношеских лет карьера и даже собственная судьба во многом потеряли для него свою ценность. Вольно или невольно он стал бунтарем, пытавшимся сломать сложившиеся традиции, не задумываясь о риске и возможных неприятных последствиях. Так, зимой 1907 года он совершает дерзкий побег по дороге в сибирскую ссылку. Одиннадцать дней на оленей упряжке пробирается через заснеженную, морозную тайгу. Преодолев таким образом 700 верст, Троцкий добрался до железной дороги. Вначале шансы на успех были минимальные, но он рискнул и выиграл свободу.

Другой пример. После разгона антиправительственных демонстраций и ареста многих лидеров большевиков в июле 1917 года Троцкий остался на свободе и заинтересованные круги стали распускать слухи о том, что он якобы отрекся от Ленина. Тем самым ему подсказывали путь к спасению и продолжению личной политической карьеры. В ответ на это 13 июля в газете "Новая жизнь" Троцкий публикует открытое письмо Временному правительству: "Сообщение о том, что я "отрекся" от своей причастности к большевикам представляет такое же измышление, как и сообщение о том, что я просил власти защитить меня от самосуда толпы..." Выступая несколько дней спустя перед открытой аудиторией, Троцкий прямо заявил: "Теперь всякий считает нужным всадить нож в спину Ленина и его друзей, но тот, кто говорит, что товарищ Ленин может быть немецким шпионом, тот – негодяй". [2.13]

23 июля Временное правительство решило его арестовать. Спустя несколько дней VI съезд большевиков принял в свои ряды группу межрайонцев, в которую входил и Л Троцкий. После разгрома корниловского мятежа, он снова на свободе, больше того, возглавляет Петроградский совет и играет ведущую роль в деятельности Военно-революционного комитета.

Конечно, Октябрьскую революцию "делали" не только эти два лидера. Рядом с ними действовали сотни талантливых, смелых, инициативных организаторов и политиков, среди которых можно назвать Я. Свердлова, И. Сталина, А. Рыкова, Л. Каменева, большую группу военных специалистов, Ф. Дзержинского, Г. Сокольникова, В. Ногина, Н. Бухарина, Н. Крестинского, А. Луначарского, Г. Пятакова, В. Милютина, А. Шляпникова, А. Коллонтай и других. Но, факты остаются фактами: Троцкий фактически руководил Октябрьским восстанием, а Ленин, возглавив Совнарком и, практически, ЦК партии большевиков, как капитан на корабле, намечал и корректировал курс движения молодой Советской республики в самый тяжелый, штормовой период ее жизни.

Очутившись в самом центре революционного вихря, В. Ленин быстро сориентировался в противоречивой обстановке Питера. На первом плане – не всегда управляемый процесс набирающего силу восстания. Необходимо торопиться. Стало известно, что Керенский уехал на фронт за военной поддержкой. В самом Петрограде офицерские и другие организации пытаются организовать единый фронт против большевиков. В таких условиях время становится решающим фактором. Однако, не все идет быстро и гладко. Организация восставших построена на добровольных началах. Поручения и распоряжения ВРК не всегда выполняются. Отсюда неизбежные сбои и задержки. Затягивается штурм Зимнего, где все еще проявляет признаки жизни Временное правительство...

Ленина заботят также вопросы предстоящего II съезда Советов, прежде всего вопросы формирования нового правительства. Желательно, чтобы в него вошли представители наиболее крупных социалистических партий, в первую очередь, левых эсеров. Это укрепило бы позиции революционного правительства среди не только рабочих, но и крестьян.

Утром 25 октября Ленин подготовил обращение "К гражданам России", которое в тот же день было опубликовано: "Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов - Военно-революционного комитета..." [2.14] Возможно, такое заявление было несколько преждевременным. Но большевики готовили общественное мнение к тому, что советское правительство "будет создано революцией" независимо от того, какая ситуация сложится на заседаниях II съезда Советов.

Выделяя ведущую роль Ленина и Троцкого в осуществлении Октябрьского переворота следует подчеркнуть, что они выдвинулись

на такую роль спонтанно и не без колебаний среди их ближнего окружения. В критической обстановке, - а конец октября в Питере был именно таким, - на первом плане всегда оказываются люди сильные и смелые, ставящие общие интересы выше личных выгод и, даже, жизни. В то время в Смольном и вокруг него, а также в Московском совете таких людей было не так уж и много: порядка 150-200 человек. Среди них не было ни карьеристов, ни бюрократов. Большинство, – за свои убеждения и политическую деятельность, – провели многие годы в тюрьмах и ссылках. Трудная, наполненная опасностями жизнь приучила их ничего не принимать на веру, с чужих слов. Самим разбираться в происходящих событиях. Поэтому их оценки и позиции далеко не всегда совпадали. Вокруг спорных вопросов нередко образовывались обособленные группы, позже – фракции.

В. Ленина в этот период последовательно поддерживали Л. Троцкий, Я. Свердлов, И. Сталин, М. Урицкий, Ф. Дзержинский, А. Иоффе, многие другие.

Троцкий фактически отошел от этой группы после своих неудачных маневров на переговорах о заключении мирного договора с Германией и ее союзниками. 28 января, видимо переоценив пацифистские настроения и революционную ситуацию за линией фронта, он выступил с заявлением, что Россия войну прекращает, армию демобилизует, но подписывать грабительский со стороны Германии мирный договор не будет. Противная сторона заявила, что тем самым соглашение о перемирии теряет силу. Через несколько недель германские войска перешли в наступление по всему фронту, и России, чтобы заключить мир, пришлось согласиться на более тяжелые условия. Наркоминдел возглавил Г. Чичерин. Троцкий стал председателем Революционного военного совета (РВС) республики. Его задача состояла в том, чтобы как можно скорее создать новую боеспособную армию. С этой задачей он справился, что в значительной степени предопределило исход гражданской войны. Но, трещина в его отношениях с Лениным осталась. В конце 1922 года больной уже председатель Совнаркома в своем письме съезду напишет о Троцком: "Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела." [2.15]

Особую позицию по ключевым вопросам стратегии и тактики большевиков весьма часто занимали Л. Каменев и Г. Зиновьев. Так, на суде в феврале 1915 года Каменев официально заявил, что не

согласен с ленинской позицией о целесообразности поражения российского правительства в империалистической войне. На апрельской конференции 1917 года он выступил против основных тезисов Ленина. Спустя полгода, вместе с Зиновьевым голосует против установки ЦК на подготовку вооруженного восстания. В конце октября на совещании у Викжеля соглашается с требованием кадетов и правых эсеров вывести из состава правительства Ленина и Троцкого, а через несколько дней демонстративно сам выходит из состава ЦК. Через три-четыре года Каменев сумел вновь войти в доверие к Ленину, став едва ли не самым близким к нему человеком. Однако, в цитированном уже письме к съезду В.И. напоминает, "что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно не являлся случайностью". [2.16]

Против Совнаркома нередко выступала и группа "москвичей": А. Рыков, В. Ногин, В. Милютин и др. Особенно яростно обрушились на Ленина "левые коммунисты": А. Бубнов, А. Ломов, Н. Осинский, Г. Пятаков, К. Радек во главе с Н. Бухариным. Они напрочь отметали Брестский мир, как позорную сделку с империалистами и требовали активных действий в соседних европейских странах, чтобы "подтолкнуть" мировую революцию. В этой связи они готовы были идти на риск, вплоть до "утраты советской власти". Лишь в конце лета 1918 года, когда в условиях обострения гражданской войны возникла реальная угроза победы контрреволюции, "левые коммунисты" признали свои ошибки и активно подключились к защите "красной Москвы". Таковы лишь некоторые примеры (число их можно было бы значительно увеличить, а содержание расширить), которые наглядно свидетельствуют о том, что политика и конкретная деятельность Совнаркома поддерживалась далеко не всегда даже близкими людьми, которых принято считать соратниками и единомышленниками.

Но. вернемся к событиям в Петрограде. Насыщенный до предела, долгий день 25 октября близился к завершению, а открытие II съезда Советов все еще откладывалось. Хотя совещание фракций проходило уже вторые сутки, меньшевики, эсеры, да и большевики никак не могли определить свою окончательную позицию по структурным вопросам власти. Наконец, когда до полуночи оставалось чуть больше часа, исполняющий обязанности председателя ВЦИК первого созыва, один из лидеров меньшевиков Ф. Дан, который сутки назад был у Керенского, открыл 2-й съезд Советов. От политической речи он отказался, ссылаясь на то, что в это время его товарищи-члены временного правительства,

находятся в Зимнем дворце под обстрелом. (В тот период в составе Временного правительства более половины министров были меньшевиками или эсерами).

Предлагается президиум, куда в соответствии с партийной структурой делегатов съезда, кроме большевиков (14 человек) должны войти также меньшевики и эсеры (вместе 10 человек), отдельные представители других партий.. Но меньшевики и правые эсеры отказываются подняться на сцену, а Ф. Дан и еще несколько человек возвращаются в "массы". В президиуме остались большевики и левые социалисты-революционеры. Кресло председателя занял Л. Каменев. Ленина в зале не было. Он оставался в Военно-революционном комитете, здесь же в Смольном. Стремился ускорить штурм Зимнего, поскольку в любой момент можно было ожидать возвращения Керенского с войсками.

На съезде Советов одним из первых взял слово известный меньшевик Л. Мартов. Он выступил за создание такой "власти, которая была бы признана всей демократией". Иначе, – считал он, – неминуема гражданская война. Предложения Мартова о мирном улаживании конфликта вокруг власти поддержали левые эсеры. Слово за большевиками. Зал напряженно ждет пока к трибуне подходит А. Луначарский. Он заявляет: "Фракция большевиков решительно ничего не имеет против предложения Мартова". Вряд ли такое ответственное заявление было согласовано с Лениным. Достаточно было, что оно не противоречило установке – "Вся власть Советам" и предусматривало создание правительства из представителей всех социалистических партий, т.е. исключая кадетов.

Вопрос ставится на голосование. Предложение, предусматривающее начало переговоров о создании такого правительства, проходит единогласно. Однако, тут же начались выпады против большевиков. Первым с внеочередным заявлением выступил представитель 12-ой армии Хараш. "Пока, – заявил он, – здесь вносится предложение о мирном улаживании конфликта, на улицах Петрограда уже идет бой... Меньшевики и эсеры считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит, и собрать общественные силы, чтобы оказать упорное сопротивление попыткам захватить власть".

Его поддерживает от имени фронтовой группы делегатов Кучин: "Съезд неправомочен, несвоевременен... Тут мы видим, что авантюра захвата власти уже произведена".

Выступление Хараша и Кучина встретили резкую критику и опровержения со стороны солдатских делегатов. Перевес был явно на стороне большевиков. Не находя аргументов и не чувствуя

поддержки со стороны основной массы делегатов, несколько десятков меньшевиков, правых эсеров, бундовцев и др., по одиночке и группами, демонстративно покидают заседание. Таким образом, предложение Мартова, который не без колебаний сам примкнул к "дезертирам", оказалось опрокинутым противниками соглашения с большевиками.

Луначарский вновь взял слово: "Мы все единогласно приняли предложение Мартова... Против нас повели форменную атаку, стали нас называть преступниками, авантюристами и т.д. К тем, которые ушли, давно уже неприменимо название революционеров. Они прекращают даже свою соглашательскую работу и открыто переходят в лагерь корниловцев". [2.17]

Позже "интернационалист" Н. Суханов признался: "Мы ушли неизвестно куда и зачем, порвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав все будущее своей организации и своих принципов...Оставляя большевиков с одними левыми эсеровскими ребятами и слабой группкой "новожизненцев", мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей "линии" Ленина... Я лично в революции совершил немало промахов и ошибок. Но самым большим и несмываемым преступлением я числю за собой тот факт, что я немедленно после вотума нашей фракции об уходе не порвал с группой Мартова и не остался на съезде". [2.18]

Из 649 делегатов съезда ушло человек шестьдесят – семьдесят. Фракция большевиков насчитывала 390 делегатов. С ними остались левые эсеры, а также часть рядовых меньшевиков и беспартийных депутатов съезда. [2.19]

После небольшого перерыва, в четвертом часу утра 26 октября съезд бурно приветствует сообщение о взятии Зимнего, аресте членов Временного правительства и переводе их в Петропавловскую крепость. Ленин срочно готовит текст воззвания к рабочим, солдатам и крестьянам, в котором объявляется о конце периода двоевластия: "Съезд берет власть в свои руки". Вновь повторяется фраза, на этот раз уже точно фиксирующая ситуацию: "Временное правительство низложено..." "Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок". Это воззвание принимается как официальный документ. [2.20] Объявляется перерыв до вечера.

Ленин, уставший до крайности, на несколько часов уезжает на квартиру В.Д. Бонч-Бруевича. Некоторое время отдыхает. Затем садится за подготовку текстов первых декретов съезда Советов. Несмотря на усталость, настроение у него приподнятое. События развиваются примерно по той программе, которая намечалась. Но время подгоняет. Он снова спешит в Смольный на заседание фракции большевиков. Началось обсуждение состава нового правительства. Кто-то из намечаемых кандидатов стал отказываться, говоря, что у него нет опыта в этой работе. Ленин расхохотался: "А Вы думаете, у кого-нибудь из нас есть такой опыт?".

После заседания он успел переговорить с товарищами, которым предстояло стать народными комиссарами. Но его по-прежнему беспокоит вопрос об участии в правительстве левых эсеров. Ленин вновь встречается с М. Спиридоновой, другими лидерами этой партии. Однако, их согласия получить не удается. Разговор переносится на заседание ЦК РСДРП(б), куда приглашены и представители левых эсеров. Однако, у них не хватает решимости пойти на открытый разрыв с меньшевиками и правым крылом своей партии. Получив еще раз отказ со стороны своих возможных союзников, принимается решение сформировать правительство из одних большевиков. Еще раз уточняется его состав.

Опять приходится торопиться. Буквально через несколько минут открывается вечернее, а точнее сказать, ночное заседание II-го съезда Советов. На этот раз с участием В. Ленина. Он выступает с короткими, но важными докладами о мире и о земле.

На что раньше никак не могло решиться Временное правительство, оформлено в виде Декрета о земле: "Помещичья собственность на землю отменяется немедленно и безвозмездно... Все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов... Земля рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуется.

В рамки декрета, как его составная часть, был включен "Крестьянский наказ о земле", собранный и обобщенный эсерами: "Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо способом отчуждаема. Вся земля отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

Земельные участки с высококультурными хозяйствами: сады,

плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т.п., не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование государства или общин, в зависимости то размера и значения их...

Вопрос о земле во всем его объеме может быть разрешен (окончательно – Р.Б.) только всенародным Учредительным собранием." [2.21]

Уже совсем под утро, 27 октября, уставшие делегаты рассмотрели и утвердили состав первого советского правительства. Председатель – В. Ульянов (Ленин). В качестве народных комиссаров в его состав вошли: А. Рыков (внутренних дел), В. Милютин (земледелия), А. Шляпников (труда), Антонов-Овсеенко, Н. Крыленко, П. Дыбенко (комитет по военным и морским делам), В. Ногин (торговли и промышленности), А. Луначарский (просвещения), И. Скворцов-Степанов (финансов), Л. Троцкий (иностранных дел), А. Ломов (юстиции), И. Теодорович (продовольствия), И. Сталин (по делам национальности). Все – члены РСДРП (б).

Собраться вместе сразу же после закрытия съезда - а часы показывали 5 часов утра – просто не было сил. Решили хотя бы немного отдохнуть.

Первое заседание нового правительства состоялось в небольшом кабинете Ленина. Быстро обсудили и приняли Положение о рабочем контроле, Постановление о расширении прав городского самоуправления в продовольственном деле. Особого внимания потребовал к себе "Декрет о печати", направленный против газет, поддерживающих контрреволюционные силы. Естественно, что этот декрет не встретил поддержки со стороны буржуазии и тех партий, которые примыкали к ней.

Следует отметить, что работа правительства началась на фоне двух событий, заключавших в себе потенциально большую опасность для новой власти.

Первое было связано с попытками Керенского организовать военный поход на революционный Петроград. Покинув город утром 25 октября, он к вечеру добрался до Пскова, где находилось командование Северного фронта. Однако, армейские генералы приняли беглеца из Питера весьма сдержано. Они не забыли его вероломства, два месяца назад, когда, заключив с Корниловым союз для разгрома левых сил в столице, Керенский в последний момент нарушил договоренность. Теперь история повторялась. Но на этот раз премьер Временного правительства получил отказ. Ему удалось договориться только с командиром корпуса казаков генералом Красновым. Сил было мало, но неожиданно для самого Керенского, их

хватило, чтобы в ночь на 27 октября захватить Гатчину (в это время в Смольном утверждался состав нового правительства), а затем и Царское Село. Окрыленный успехом, чувствуя себя гораздо увереннее, Керенский посылает телеграмму командованию Петроградского гарнизона с требованием, чтобы войска подчинились ему. Устанавливает контакт с эсерами, с городской думой, другими противниками вновь образованного советского правительства...

Лихорадочную деятельность среди офицеров, юнкеров и некоторых воинских частей гарнизона развернул "Комитет спасения родины и революции", созданный меньшевиками и эсерами, ушедшими со съезда Советов. Все это серьезно тревожило новую власть. Она не могла точно оценить реальную силу войск, поддерживающих Керенского. Но понимала всю непредсказуемость событий, которые могли принять характер острейшего кризиса в результате стечения самых неожиданных, в том числе случайных обстоятельств. На три дня, 28-30 октября, Ленин почти целиком переключился на организацию боевого отпора натиску весьма разношерстных сил, вставших под знамена реставрации прежней системы власти. Это был своевременный шаг. 29-го октября в городе вспыхнул мятеж юнкеров, который, однако, быстро был подавлен. Наметился перелом и в действиях против казаков Краснова.

Именно на фоне этих событий на политической сцене, а точнее, на заседании ВЦИК, избранного съездом Советов, появляется новое действующее лицо – представитель Викжеля - отраслевого профессионального союза железнодорожников. Для лучшего понимания последующих действий, следует иметь в виду, что Викжель пользовался определенным авторитетом и поддержкой довольно широких масс. Он сыграл активную роль в том, чтобы помешать переброске войск генерала Корнилова при его попытке подавить революционные силы Петрограда. Кроме того, этому профсоюзу удалось "выбить" у Временного правительства деньги на повышение окладов железнодорожникам, и он пользовался их полной поддержкой. Не без основания Викжель считал себя реальной властью на железных дорогах страны, т.е. мог способствовать или наоборот помешать подвозу войск, продовольствия, других грузов в Петроград, Москву, в иные горячие точки. Сейчас, наблюдая глубокий раскол левых сил и опасаясь вспышки гражданский войны, руководство Викжеля стремилось не допустить углубления разногласий до крайности и добиться общего компромисса.

28 октября представитель Викжеля явился на заседание ВЦИК, избранного всего день назад и в решительной форме потребовал:

первое – перемирия с Керенским и, второе – образование однородного правительства, в создании которого должны принять участие все социалистические партии, "от большевиков до народных социалистов включительно". В противном случае он грозил приостановить железнодорожное движение в стране. Для проведения конкретных переговоров представитель Викжеля предложил этим же вечером послать делегатов на заседание Центрального комитета железнодорожного союза совместно с социалистическими партиями. [2.22]

Чтобы подготовить ответ на требования Викжеля, в короткое время удалось собрать большинство членов ЦК, находившихся, как говорится, под рукой. Подошли Каменев, Милютин, Рыков, Сокольников, Дзержинский, Свердлов, Коллонтай и др. (всего 11 человек, Ленин и Троцкий отсутствовали). После бурных дебатов, заседание согласилось с предложением Викжеля о расширении базы правительства, а также о возможном изменении его состава. Видимо, в ходе дискуссии высказывалась также готовность в крайнем случае пойти на изменение в его руководстве. Так, в первоначальной секретарской записи была фраза "соглашаемся отказаться от кандидатур Троцкого и Ленина, если этого потребуют". Однако, заседание происходило очень неровно. Общее настроение колебалось из стороны в сторону. В результате эту фразу вычеркнули и она не вошла в окончательный текст протокола.

Тем не менее следует отметить, что присутствующие на заседании члены ЦК пошли на серьезные уступки требованиям Викжеля по принципиальным вопросам, в том числе согласились пополнить ВЦИК представителями ушедших со съезда партий, а также ряда профсоюзных организаций. На совещание, организованное Викжелем, была направлена делегация в составе Л. Каменева и Д. Рязанова.

Встреча у железнодорожников началась, как и намечалось, в тот же день вечером. И здесь выяснилось, что далеко не все поддерживают идею однородного правительства. При этом "в антибольшевистском лагере были уверены, что Викжель стоит на стороне большевиков, что под маской нейтральности он собирается нанести удар лагерю Керенского..."

Главным организатором общей антибольшевистской позиции выступала Городская дума Петрограда, которая прислала на совещание двух представителей. Им была дана четкая инструкция: "1. Создать новый предпарламент из представителей всех социалистических направлений и органов самоуправления. Представители последнего должны составлять, по крайней мере, одну треть

всего предпарламента. 2. Из состава предпарламента следует избрать кабинет министров. В состав кабинета не должны войти большевики, во всяком случае ни Ленин, ни Троцкий. 3. Прежде нежели приступить к каким бы то ни было переговорам, большевики обязаны освободить всех арестованных, а главным образом – министров." [2.24]

Совещание открыл представитель железнодорожников. Он старался подчеркнуть свою объективность. "Для него люди обоих лагерей – хорошие революционеры. Но от имени Союза (железнодорожников – Р.Б.) он должен с ужасом констатировать, что гражданская война началась. Необходимо принять все меры для немедленного прекращения преступной братоубийственной войны. Задача совещания – прийти к соглашению... Рассказывая о своих поездках по фронту, он как бы мимоходом, улыбаясь, заметил: "Натурально, я не имею права рассказывать о том, что я видел на фронте. Но я должен упомянуть, что солдаты Керенского произвели на меня впечатление совершенно деморализованных, готовых разбежаться..."

После него выступил Каменев, говорил недолго. "Он в коротких и резких словах подчеркнул, что необходимо прежде всего считаться с победой большевиков, что власть находится в их руках, что на их стороне находится войско и пролетариат. Большевики при желании могли бы вместо разговоров, просто продиктовать противникам переворота свою волю, но так как они стремятся по возможности быстро покончить с гражданской войной и перейти к положительной работе, они готовы сделать некоторые уступки, чтобы сговориться с остальными социалистическими партиями. Большевики однако не намерены отказываться от своих принципов."

Представители других организаций отказывались идти на компромисс с большевиками. Особенно жесткую позицию заняли делегаты от Городской думы, которые изложили имевшуюся у них инструкцию как ультиматум, вызвав весьма эмоциональное выступление Рязанова: "Как ? Исключить из состава правительства Ленина и Троцкого – этих победителей контрреволюции! Допустить в новый предпарламент целую треть городской думы, в которой сидят кадеты и черносотенцы ?" [2.25]

Острая перепалка затянулась до 8 утра. Меньшевики, правые эсеры и их союзники еще в более жесткой, ультимативной форме требовали заключения перемирия с Керенским, подчинения солдат Петроградского гарнизона Городской думе и создания однородного правительства без большевиков. На это Л. Каменев пойти

не мог, хотя и продолжал искать компромисс. Несколько раз объявляли перерывы, собирались вновь, но каких-либо существенных изменений в позиции сторон не наблюдалось.

Решили сделать перерыв до 6 часов вечера, начали только в 12 ночи. Наступило уже 29 октября. После долгих дебатов Каменев и Рязанов пошли на уступки, согласившись на создание нового предпарламента и нового правительства. Дело в том, что Каменев в принципе расходился с позицией Ленина и Троцкого. Он не верил в конечный успех вооруженного восстания и заранее хотел договориться о компромиссе с меньшевиками и эсерами. Но был предел: он не мог согласиться с предлагаемым ими новым составом руководящих органов законодательной и исполнительной власти: умеренные социалисты предлагали, например, включить в новое правительство и Керенского.

На следующий день, когда стало ясно о провале наступления армии Краснова на Петроград, меньшевики пошли на уступки. Их поддержали эсеры. Они сообщили, что Центральный комитет эсеров "получил от Керенского телеграмму, уполномочивающую ЦК заключить с большевиками мир или перемирие на условиях, которые ЦК найдет подходящими. Он, Керенский, выполнит все обязательства, которые будут на него возложены Центральным комитетом". Представители Городской думы также изменили свою позицию, так как и им стало ясно, что "положение Керенского на фронте не блестящее". Поздно ночью 31 октября, после "мучительного пятичасового заседания" участники многострадального совещания у Викжеля подписали протокол о прекращении огня на Петроградском фронте. [2.26] Но было уже поздно: военные действия там прекратились в результате вооруженной победы матросов и красногвардейцев.

1-го ноября (в это время Керенский, переодевшись матросом, бежал из Гатчины) состоялось очередное заседание ВЦИК, где представитель Викжеля первым берет слово, в котором вновь настаивает на "необходимости прийти к соглашению всеми социалистическими партиями по вопросу о создании однородного социалистического правительства".

От имени фракции большевиков ему ответил, теперь уже довольно твердо М. Володарский: "На данном заседании, – отметил он, – вряд ли найдется кто-то, кто не желал бы соглашения. Но мы не можем идти на соглашение при всяких условиях. Мы не можем забыть о том, что обязаны защищать интересы рабочего класса, армии и крестьянства. Кровь, говорили здесь нужно беречь.

Да, это правда, но нужно помнить и о той крови, которая была пролита во имя основных требований рабочего класса и крестьян".

Володарский считает нужным напомнить: "Восстание рабочих и солдат было совершено под лозунгом: "Вся власть Советам" и никаких уступок здесь не может быть". Среди условий соглашения об изменения состава СНК он называет: I. Признание программы Советского правительства, как она выражена в декретах о земле, мире, в обоих проектах о рабочем контроле. 2. Признание необходимости беспощадной борьбы с контрреволюцией (Керенский, Корнилов, Каледин). 3. Признания 2-го Всероссийского съезда единственным источником власти.

На этом же заседании ВЦИК был зачитан другой важный документ – показания генерала Краснова о его последней встрече с Керенским:

"Около 15 часов сегодня, потребовал меня к себе верховный главнокомандующий – Керенский. Он был очень взволнован и сильно нервничал.

– Генерал, – сказал он, – вы меня предали. Тут ваши казаки определенно говорят, что они меня арестуют и выдадут матросам.

– Да, – отвечал я, - разговоры об этом идут, и я знаю, что сочувствия к вам нигде нет.

– Но и офицеры говорят то же.

– Да, офицеры особенно недовольны вами.

– Что же мне делать. Приходится покончить с собой.

– Если вы честный человек, вы поедете сейчас в Петроград с белым флагом и явитесь в Революционный Комитет, где переговорите как глава Правительства.

– Да, я это сделаю генерал.

– Я даю вам охрану и попрошу, чтобы с вами поехал матрос.

– Нет, только не матрос. Вы знаете, что здесь Дыбенко.

– Я не знаю, кто такой Дыбенко.

– Это мой враг.

– Ну, что же делать. Раз ведете большую игру, то надо уметь и ответ дать.

– Да, только я уеду ночью.

– Зачем, это будет бегство. Поезжайте спокойно и открыто, чтобы все видели, что вы не бежите.

– Да, хорошо. Только дайте мне конвой надежный.

– Хорошо.

Я пошел, вызвал казака 10-го Донского Казачьего полка Рускова и приказал назначить восемь казаков для окарауливания

верховного главнокомандующего. Через полчаса пришли казаки и сказали, что Керенского нет, что он бежал". [2.27]

Побег был организован правыми эсерами. Привезли его в глухой лес, в домик, принадлежавший богатому промышленнику Беленькому. Здесь Керенский прожил 40 дней, поддерживая связь с правыми эсерами, иногда получая газеты и другие материалы. К новому 1918 году он нелегально перебрался в Петроград, рассчитывая объявиться на открывающемся Учредительном собрании и, возможно, восстановить свою власть. Однако, в январе, после неудавшегося покушения на Ленина, друзья не рекомендовали ему этого делать. Керенский был глубоко разочарован крушением своих планов и надежд. "Открытие Учредительного собрания, - писал он, – обернулось трагическим фарсом. Ничего из того, что там происходило, не дает возможности назвать его последним памятником защиты свободы.

Лучшую и самую смелую речь произнес лидер меньшевиков Церетели... В ней содержалась критика, она была сказана с большим чувством и все же она была лишь гласом "лояльной оппозиции"... Относительно речи В Чернова: "казалось, что оратор намерено ищет общий язык с большевиками и стремится убедить их в чем-то вместо того, чтобы отмежеваться от них... Я полагаю, что очевидный паралич воли, который сыграл 5 января столь важную роль в наступившей катастрофе, имел глубокие психологические корни... Прежде всего, речь идет о широко укоренившемся страхе начала гражданской войны... Кроме того не следует забывать, что в глазах многих людей большевики были лишь самым крайним левым крылом социал-демократов." [2.28]

Потерпев фиаско в Петрограде, Керенский направился в Финляндию, где начались свои революционные события. Но и здесь ему не нашлось места и он вернулся в Питер, а затем – в Москву. Здесь подпольный "Союз возрождения России" направляет его в Лондон для участия в разработке и заключении мирного договора союзников с Германией. Ему поручили также добиться от бывших союзников военной интервенции в России для борьбы с большевиками и немцами... Из Москвы, с документами, выписанными на имя сербского капитана, бывший глава Временного правительства, через Мурманск, с помощью английской разведки добирается до Лондона и Парижа. [2.29] Однако официальный Лондон и Париж не были заинтересованы в каком-либо участии России в мирном договоре с Германией и не признали полномочий Керенского. Позже он перебрался в США, где и дожил до преклонных лет.

Но вернемся на заседание ВЦИК 1 ноября. Левых эсеров резолюция, предложенная Володарским, не удовлетворила и они вносят свой проект. Главный пункт расхождений – непризнание 2-го съезда Советов единственным источником власти, поскольку там мало представителей крестьянства. Однако, большинством голосов с незначительными поправками проходит проект, предложенный большевиками.

Казалось бы вопрос разрешен. Но, по мнению Ленина, точку ставить было рано. В тот же день состоялось расширенное заседание ЦК и Петроградского комитета партии. На этот раз в нем принимают участие оба лидера, объективно выдвинувшиеся вперед в ходе вооруженного восстания – Ленин и Троцкий. На обсуждение вносится вопрос о переговорах на межпартийном совещании относительно возможных преобразований правительства. Предметом обсуждения на заседании было не только отношение к требованиям Викжеля, но и оценка двойственного поведения Каменева на переговорах с ним.

Каменев, защищая свою позицию, ссылался на то, что "в руках Викжеля большая сила; если этот аппарат, который был пока нейтрален, станет против нас, то военной силы, быть может, окажется мало. Пока мы справимся с забастовкой, пройдет несколько недель... мы проиграем."

Ленин резко возражает, подчеркивая два главные положения: "Разговаривать с Викжелем теперь не приходится" и "политика Каменева должна быть прекращена в тот же момент". [2.31]

На заседании, которое продолжалось и на следующий день, была принята резолюция, написанная В.И. Лениным, где указывалось, что "сложившаяся внутри ЦК оппозиция целиком отходит от всех основных позиций большевизма и пролетарской классовой борьбы вообще ...

Без измены лозунгу Советской власти нельзя отказаться от чисто большевистского правительства, если большинство II Всероссийского съезда Советов, никого не исключая со съезда, вручило власть этому правительству". Вместе с тем, проявляя гибкость, Центральный Комитет подтвердил, что "он и сейчас вполне готов вернуть ушедших и признать коалицию этих ушедших в пределах Советов, что, следовательно, абсолютно ложные речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власть".

Каменеву было поручено довести содержание этой резолюции до членов ВЦИК. Однако, трудно логически объяснить его последующие действия. То ли, как говорится, "важа под хвост попала",

то ли он не верил, что Ленин удержится у власти, но Каменев решил подготовить новый документ, созвучный с предложениями, разработанными ранее на совещании при Викжеле. Проведя свой вариант через фракцию большевиков ВЦИК, он продолжал переговоры о разделе власти со всеми партиями, входящими в Советы, высказывая готовность предоставить половину мест в правительстве эсерам и меньшевикам, резко увеличить за их счет состав ВЦИК.

Столкнувшись с таким вероломством, В. Ленин садится писать ультиматум группе Л. Каменева: "Вчера на заседании ВЦИК большевистская фракция, при прямом участии членов ЦК из состава меньшинства, открыто голосовала против постановления ЦК (по вопросу о численном и персональном представительстве нашей партии в составе правительства). Такое неслыханное нарушение дисциплины... делает для нас очевидным, что оппозиция намерена брать партийные учреждения измором, саботируя работу партии в такой момент, когда от ближайшего исхода этой работы зависит судьба партии, судьба революции....

Разумеется, раскол был бы фактом крайне прискорбным. Но честный и открытый раскол сейчас несравненно лучше внутреннего саботажа, срыва своих собственных решений, дезорганизации и прострации..." [2.32] Документ подписали: В. Ленин, Л. Троцкий, И. Сталин, Я. Свердлов, М. Урицкий, Ф. Дзержинский, А. Иоффе, А. Бубнов, В. Сокольников, М. Муранов.

Этот пример еще раз иллюстрирует, с одной стороны, непредсказуемость общей обстановки тех осенних дней, а, с другой, стойкость лидеров революции, что позже вынуждена была признать и противная сторона. "Большевики, – писал посол Великобритании в России, – составляли компактное меньшинство решительных людей, которые знали, чего они хотели и как этого достигнуть. Кроме того, на их стороне было превосходство ума.., они проявили организационный талант, которого у них сначала не предполагали. Как ни велико мое отвращение к их террористическим методам, и как ни оплакиваю я разрушение и нищету, в которую они ввергли свою страну, однако я охотно соглашаюсь с тем, что и Ленин, и Троцкий – необыкновенные люди... Когда они пришли к власти, то они были еще неизвестными величинами, и никто не ожидал, что они долго продержаться на своих постах. Перспективы были столь темны, что можно было только пробираться ощупью, во тьме". [2 33]

Приходится только удивляться, что в крайне напряженной обстановке Ленин решил все же собрать второе заседание Совнаркома,

судьбами которого некоторые политики распоряжались так легко. Возможно, что председателю, положение которого в ЦК не было уж столь прочным, хотелось заручиться поддержкой народных комиссаров. Формально в повестке дня стоял доклад В. Ногина об обстановке в Москве. Там еще шла борьба. Только 3-го ноября большевики вновь овладели Кремлем. В Петрограде об этом еще ничего не знали. В. Ногин, вернувшись из Москвы несколько дней назад, в своем докладе отставал от событий и с тем большей настойчивостью выступал за соглашение с Викжелем. Его поддержал другой "москвич" – В. Милютин. Одним словом и в Совнаркоме шла борьба, которая своими полюсами смыкалась с расстановкой сил в Центральном Комитете. Раскол четко проявился на следующий день, когда в ответ на "ультиматум большинства" Л. Каменев, Г. Зиновьев, А. Рыков, В. Милютин и В. Ногин "сложили с себя звание членов ЦК". Одновременно, Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович вышли из состава правительства.

Это был сильный удар по правительству, рассчитанный на то, что лишенный поддержки со стороны "своих", перед лицом растущих в стране противоречий и трудностей, председатель Совнаркома капитулирует и вынужден будет принять проект реорганизации правительства, предложенный меньшевиками и эсерами. Но этого не произошло. Ленин готовит текст обращения ко всем членам партии и трудящимся России. Рассказав откровенно о случившемся, он резко заявил: "Ушедшие товарищи поступили, как дезертиры... Мы решительно осуждаем это дезертирство". [2.34]

Не откладывая ни одного дня, глава полуразрушенного Совнаркома начинает переговоры с новыми кандидатами в члены правительства. При этом он рассчитывал решить возникший кризис в несколько дней. В действительности дело оказалось значительно сложнее и решение вопроса затянулось. Но, так как жизнь остановить нельзя, она каждый день требовала от правительства тех или иных постановлений. В. Ленин, с одним-двумя оставшимися наркомами, оперативно принимал решения и подписывал соответствующие декреты. Активно действуя сам, он требовал инициативной, напряженной работы и от других.

Однако, нападки на Совнарком не прекращаются. Его противникам кажется, что еще чуть-чуть и Ленина можно будет "свалить". 4 ноября в накаленной до крайности атмосфере, при переполненном зале открывается заседании ВЦИК, где эсеры поднимают вопрос о превышении полномочий правительством в тех случаях, когда он издает декреты по таким принципиальным вопросам, как

например, свобода печати. Обсуждение вопроса идет в острой форме. Левые эсеры предлагают резолюцию, в которой, по существу, ставится вопрос о недоверии Совнаркому. Перед голосованием Каменев и некоторые его приверженцы выходят из зала. Тем не менее, резолюции левоэсеровской фракции, решавшей по сути судьбу правительства, не хватило всего два голоса.

Около двух недель потребовалось на то, чтобы подобрать новых людей на образовавшиеся вакансии и провести соответствующее решение через ВЦИК. О том, как трудно и порой медленно проходил процесс подбора новых наркомов, можно судить на примере А.Г. Шлихтера, который в октябрьские дни 1917 года выполнял функции продовольственного комиссара Военно-революционного комитета в Москве. Ленин достаточно высоко ценил его организаторские способности и считал, что он будет полезен в правительстве. 7 ноября, т.е. спустя три дня после "бунта" Милютина, Ногина и др., он отправляет ему короткое письмо, с предложением немедленно выехать в Петроград: "Вы нужны в Министерстве земледелия и должны выехать сюда тотчас".

Как это не кажется сейчас странным, письмо главы правительства где-то затерялось на пути из Петрограда в Москву. Верно, кто-то из товарищей буквально на ходу передал Шлихтеру, что его вызывают в центр, но он не придал этой информации большого значения, так как дел и в Москве было выше головы – начинался голод. Между тем Ленин, не получив никакого ответа, пишет второе, уже раздраженное письмо Александру Григорьевичу: "Дорогой товарищ! Ужасно ругаю Вас и все ругаем Вас. Нельзя оттягивать и колебаться в такие минуты. Нельзя дезертировать". И повторяет фразу из первой записки: "Вы нужны в Министерстве земледелия и должны выехать сюда тотчас".

На этот раз письмо быстро попало адресату. "Только из письма Ленина, переданного мне т. Бубновым, - вспоминал Шлихтер, – я узнал, что это сообщение означало в действительности. Ильич не знал как было дело. Заподозрил и меня в дезертирстве". [2.35]

Естественно Шлихтер поторопился в Петроград. Беседа с Лениным в Смольном была недолгой. Когда будущий нарком земледелия вышел из кабинета, его уже ждала одна из сотрудниц. "Вот Ваша канцелярия, - сказала она, подходя к одному из шкафов, стоявших тут же у стены.

– Это все, – спросил Шлихтер.

– Все.

– Ну, а где же я мог бы работать? Столик бы мне какой-нибудь

и один-два стула, – хлопотал он, не без смущения оглядывая весьма скромную обстановку вокруг".

"Впоследствии, – вспоминал Шлихтер, – мне в Петрограде и в других местах моей работы приходилось' иметь разнообразные кабинеты. И, право же, я затрудняюсь сказать, работалось ли мне в них когда-нибудь так весело и с таким деловым видом, как это было в те 7-8 дней, которые я провел за своим наркомземовским столиком в общей канцелярии Совнаркома". [2.36]

А.Г. Шлихтер успел принять участие 15 ноября 1917 года в третьем по счету, а по существу, первом рабочем заседании правительства. В оставшиеся две с небольшим недели ноября и весь декабрь Совнаркому пришлось собираться практически каждый день. После длительных переговоров, с середины декабря в состав Совнаркома вошли также 4 представителя левых эсеров. Вначале они очень аккуратно и активно участвовали в работе, но в марте 1918 года, в знак протеста против подписания Брестского мира, "громко хлопнули дверью".

Постоянные и напряженные конфликты, заявления об отставках, необходимость замены недостаточно квалифицированных кадров, другие причины – привели к тому, что в течение менее года состав СНК обновился почти на две трети. После V Всероссийского съезда Советов (июль 1918 г.), среди членов правительства, возглавляемого В. Лениным, были: Г. Чичерин, Л. Троцкий, Г. Петровский, П. Стучка, А. Шляпников, А. Винокуров, А. Луначерский, В. Подбельский, И. Сталин, И. Буковский, В. Невский, С. Середа, А. Цюрупа, А. Рыков, Н. Семашко, К. Ландер. Из первого состава Совнаркома осталось шесть человек. Это еще одно свидетельство того, насколько трудно и противоречиво шло формирование первых органов Советской власти.

Сложностей было много. Но Совнарком продолжал интенсивно работать. Пока были в Петрограде, вначале собирались в Смольном, на третьем этаже, в небольшой комнате, разделенной надвое деревянной перегородкой. Наркомы и их заместители приходили обычно часам к 6-7 вечера. Почти все заседания проводил Ленин. В течение четырех-пяти часов обсуждались острейшие проблемы политической и хозяйственной жизни страны (в повестку дня обычно включалось 12-15 вопросов), в том числе особенно много времени требовали решения финансовых проблем, снабжения населения продовольствием, расстановки кадров, борьбы с саботажем и др.

Техническую работу приходилось выполнять немногочисленным помощникам. Первое время не было даже машинистки. Сохранились рукописи 47 проектов постановлений СНК, составленные

лично Лениным только с ноября 1917 года по март 1918 года, то есть до переезда правительства в Москву. За это время он подписал или утвердил более 300 различных правительственных актов.

В Москве работу правительства пришлось налаживать заново. Дел заметно прибавилось. Времени не хватало. Четкости и организации тоже. Как вспоминал Троцкий, Ленин "неутомимо председательствовал по пять и шесть часов подряд .., переходя с вопроса на вопрос, руководя прениями, строго отпуская ораторам время по карманным часам, которые позже были заменены председательским секундомером. Вопросы (по общему правилу) ставились без подготовки и всегда, как сказано, в порядке срочности. Очень часто самое существо вопроса было неведомо и членам Совнаркома, и председателю до начала прений. А прения были всегда сжатые, на вступительный доклад полагалось 5-10 минут. И тем не менее, председатель нащупывал необходимое русло. Когда участников заседания было много, и среди них спецы и вообще незнакомые лица, Владимир Ильич прибегал к своему любимому жесту: приставив ко лбу правую руку козырьком, глядел сквозь пальцы на докладчика и вообще на участников собрания, и, вопреки смыслу поговорки "глядеть сквозь пальцы", глядел очень зорко и внимательно, высматривая, что ему нужно...В то же время председатель быстро набрасывал на бумаге резолютивные выводы из тех соображений, которые он нашел наиболее значимыми в процессе прений". [2.37]

Сложность обстановки, саботаж и открытая борьба со стороны разного рода противников, ограниченность информации, нехватка квалифицированных кадров – все это требовало от председателя огромного напряжения и полной отдачи сил при решении многочисленных, в том числе острых вопросов. "Это была не просто напряженная работа, – вспоминает Н. Крупская, – это была работа, поглощавшая все силы, натягивающая нервы до последней крайности; приходилось преодолевать чрезвычайные трудности, вести самую отчаянную борьбу, часто борьбу с близкими по работе товарищами. И не мудрено, что, придя поздно ночью за перегородку комнаты, в которой мы с ним жили в Смольном, Ильич все никак не мог заснуть, опять вставал и шел кому-то звонить, давать какие-то неотложные распоряжения, а заснув наконец, во сне продолжал говорить о делах". [2.38]

Но, противоборство происходило не только среди "своих". Наиболее коварным и опасным было противодействие со стороны промышленно-финансовых кругов, белого офицерства, а также организованного саботажа чиновников и оказавшихся не у

власти "умеренных" социалистов, особенно эсеров. Они организовывали мятежи, настраивали людей против советской власти, стреляли по руководителям. Руководство этих партий, оказавшееся в оппозиции, призывало бывших союзников высадить войска для борьбы с большевиками. Были и такие "патриоты", которые предлагали договориться с Германией об оккупации Европейской части России, лишь бы сломить большевиков. В частности, такую цель преследовало провокационное убийство германского посла в Москве.

Опасный переворот готовился в конце 1917 – начале 1918 года, в дни открытия Учредительного собрания, где правые эсеры имели абсолютное большинство голосов. Схема была весьма простая: физически "убрать" Ленина и восстановить решением Собрания власть Временного правительства. Для этого и был нелегально доставлен в Петроград Керенский.

Еще в декабре 1917 года, среди почтовой корреспонденции, полученной в Смольном, было письмо от "Российской боевой организации по истреблению предателей родины", в котором сообщалось, что Ульянов-Ленин приговорен к смерти. Авторы обещали: "сообразно с обстоятельствами, приговор привести в исполнение в ближайшее время". [2.39]

1 января 1918 года автомашина, в которой ехали В. Ленин и Н. Крупская, была обстреляна с разных сторон. Пулями были пробиты кузов, задние крылья, разбито стекло. По счастливой случайности, пассажиры не пострадали. [2.40] Политический резонанс прозвучавших выстрелов был настолько сильным, что заговорщики не рискнули выпустить Керенского на сцену Учредительного собрания, а большевики постарались его распустить как можно скорее...

В марте того же года террористы готовились взорвать поезд, в котором Советское правительство переезжало из Петрограда в Москву. Им не удалось этого сделать, поскольку они так и не узнали место и время отправления специального состава.

В июле 1918 года на территории 22 губерний было совершено 414 террористических актов против советских и партийных работников, в августе – 389, в сентябре – 6016. [2.41]

30 августа 1918 года, в самый трудный период начавшейся гражданской войны, эсерка Каплан тяжело ранила Владимира Ильича, причем пуля была снаряжена сильным ядом. Врачи с трудом поставили его на ноги, но здоровье было подрублено. [2.42]

Все это, конечно, не способствовало успешной работе правительства...

2.2. Формирование новой системы управления экономикой

Обычно считается, что люди живут так, как они работают. Спорить с таким выводом не приходится. Но следует добавить, что существует и другая тесная связь: от качества организации труда – к его результативности. При этом производительность заметно колеблется под воздействием разной степени заинтересованности работников в высоких конечных результатах и степени согласованности их деятельности. Иными словами, очень многое в экономике напрямую зависит от качества управления и организации жизнедеятельности людей.

С первых же дней, после короткого и бескровного вооруженного восстания в Октябре, десятки острых, неотложных проблем, связанных прежде всего, с обеспечением населения продовольствием и работой, безопасности страны и порядка на улицах, - потребовали вмешательства со стороны государства. Но для этого нужно было создавать соответствующий механизм и инструментарий, осваивать новые методы воздействия на поведение и труд людей. "... Мы должны научиться Россией управлять". [2.42] Эта задача была выдвинута на первое место.

Хотя времени было в обрез, тем не менее, Ленин предупреждал: "Ничего не ломайте, не спешите, не мудрите наспех... Испытайте то, испытайте другое, изучайте практически, на опыте". [2.43] Конкретно речь шла о создании очень сложного и точного механизма целенаправленного регулирования весьма противоречивых и быстро меняющихся социально-экономических процессов в обновляющейся стране. Движителем такого механизма выступали потребности народного хозяйства в целом, и каждого жителя страны в отдельности. Направляющим центром – коллективный интеллект, способный всесторонне анализировать и трезво оценивать экономическую конъюнктуру, прогнозировать ее изменения в перспективе, разрабатывать стратегию обновления и развития экономики. Ключевые места в таком механизме отводились плановым органам, банковской системе, государственному контролю, а также целому набору экономических, административных и правовых инструментов.

Если учесть, что для эффективного использования такого механизма требовались тысячи высоко квалифицированных специалистов, то задача формирования качественно новой системы управления экономикой по своей сути и масштабности была чрезвычайно сложной. Для ее решения нужны были новые знания, опыт и

время. В 1917-1918 годах все это было крайне дефицитным. Поэтому учиться приходилось на опыте управления военной экономикой России, других стран, а также на собственных ошибках и просчетах. При этом в процессе становления новой системы управления следует различать три относительно обособленных этапа:

Первый – от октября 1917 до лета 1918 года, т.е. короткий период относительно мирной передышки. За это время удалось наладить устойчивую работу Совнаркома, активизировать рабочий контроль на предприятиях и учредить Высший совет народного хозяйства. Штаты управленцев быстро росли, а сколько-нибудь заметных положительных результатов не проявилось.

Второй – три года тяжелейшей гражданской войны, которая сопровождалась жесткой милитаризацией экономики и предельной централизацией ее управления.

Третий, начиная с 1921 года, – реорганизация всех форм и методов хозяйствования в связи с новой экономической политикой.

Первый этап – поисковый. На верхнем уровне формировались и "обкатывались" центральные органы: ВЦИК, Совнарком, ВСНХ и др. Впервые конструктивные задачи в сфере экономики стали решать руководящие партийные органы. Наиболее острый вопрос в то время – повсеместная нехватка знающих и умелых кадров. Каких-либо центров по их подготовке не было. Учились на практике, непосредственно *в сфере производства и управления*. В таких условиях правовую основу приобрел рабочий контроль и чуть позже – новые органы заводоуправления. При этом многие романтические представления о функциях и полномочиях таких органов пришлось пересмотреть или даже отбросить в сторону.

Постепенно Совнарком оказался в центре всей законодательной и практической деятельности в области экономики. Дело в том, что напряженная и неустойчивая обстановка вокруг однопартийного Совнаркома вынудило его принять специальный декрет, согласно которому он, наряду с исполнительными функциями, получил право издавать нормативные акты, имеющие силу закона. В этой связи возник конфликт с ВЦИК, поскольку входившие в его состав эсеры категорически возражали против такого расширения полномочий правительства. Потребовался месяц, чтобы постоянный орган Съезда Советов признал целесообразность такого нововведения и специальным постановлением объявил, что советский парламент не может отказать Совнаркому в праве издавать, без предварительного согласования с ним, неотложные декреты в рамках общей программы, определенной Съездом Советов. При этом ВЦИК

сохранял общий контроль за деятельностью правительства, а также право смещения его председателя и отдельных наркомов. Надо признать, что Совнарком полностью использовал свои законодательные полномочия, что нашло свое отражение и в количестве принятых декретов отдельными органами власти.

Количество декретов, изданных различными органами Советской власти [2.44]
июль 1918 - апрель 1920 гг.

	Число декретов	В % к общему количеству
Съезды Советов	22	1,1
ВЦИК	158	8,3
Президиум ВЦИК	68	3,5
ВЦИК и СНК	32	1,6
ВЦИК и Совет обороны	2	0,1
Совнарком	948	49,8
СНК и Совет обороны	5	0,2
Совет обороны	667	35,4
Всего	1902	100

Как видно из этих данных, на долю Совнаркома приходится примерно половина декретов, изданных в первые годы Советской власти, а если добавить к этому нормативные акты, изданные Советом обороны, то доля декретов, разработанных и принятых непосредственно под руководством В. Ленина, составила свыше 85%. С точки зрения содержания их можно объединить в две группы: на первом месте в поле зрения правительства в период гражданской войны находились вопросы финансов (денег хронически не хватало, и делить их приходилось на уровне правительства), затем – транспорта, продовольствия, промышленности, труда и социального обеспечения. Другую группу, по количеству, чуть меньше первой, составляли декреты военного характера, а также нормативные акты по вопросам сельского хозяйства, развития культуры и здравоохранения, изменения организационных структур. [2.45]

При этом проекты декретов, имеющих важное принципиальное значение, обычно вначале обсуждались в Центральном Комитете. "Ни один важный политический или организационный вопрос, – подчеркивал председатель Совнаркома, – не решался ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний ЦК партии". [2.46] Поэтому, обращаясь к местным партийным организациям, ЦК предлагал рассматривать декреты СНК как директивы партии. "Если же вам нужно знать линию ЦК, то рекомендуем вашему вниманию все декреты Совета Народных

Комиссаров, так как они проводят в жизнь программные вопросы нашей партии". [2.47]

Главным связывающим звеном экономической политики партии с деятельностью Совнаркома был Ленин. При разработке стратегических, программных проблем он выступал, прежде всего, как член ЦК и Политбюро. При их реализации в декретах Советской власти и повседневной практической работе – как Председатель Совнаркома.

Сейчас, оглядываясь назад с высоты более чем семи десятилетий можно только удивляться тому, насколько обоснованными и оправданными затем практикой оказались его теоретические положения, сформировавшиеся в сложных условиях первых лет государственного строительства:

– о диалектическом единстве и взаимодействия экономики, политики и управления;

– о необходимости сочетания демократического централизма с самоуправлением на местах, единоначалия с коллегиальностью;

– о широком привлечении трудящихся к управлению производством, как необходимом условии его гибкости и эффективности.

Весьма характерно, что Совнарком уже на первом своем заседании рассмотрел проект *Положения о задачах, функциях и правах органов рабочего контроля*. После небольшой доработки, этот документ был утвержден. Следует отметить, что рабочий контроль впервые стихийно был установлен на некоторых крупных предприятиях Питера, Москвы, других промышленных центров сразу же после Февральской революции 1917 года. Большевики вскоре сумели оказывать решающее влияние на позицию этих организаций (в отличии от профсоюзных комитетов). Логично, что после победы Октября участию трудовых коллективов в контроле за деятельностью администрации придали государственный характер. Это повысило их роль и ответственность за развитие производства на конкретных заводах и фабриках.

Согласно принятому Положению, рабочий контроль, как простейшая форма новых социальных отношений, вводился на всех крупных и средних предприятиях, имевших наемных рабочих. Его функции распространялись на производство, куплю, продажу, хранение продукции и сырья, а также на финансовую деятельность заводов и фабрик. По существу, закладывались организационные основы участия трудовых коллективов в управлении первичными звеньями производства. Чтобы осуществлять эти функции, нужно было научиться анализировать производственные показатели,

считать затраты и результаты, принимать самостоятельные решения. Не сразу и не всегда все получалось, как было задумано, но позитивный опыт и умение постепенно накапливались.

Практически рабочий контроль осуществлялся через выборные органы: фабзавкомы, советы старост, специальные комиссии и т.д. К середине 1918 года такие структуры были созданы на 70% предприятий с числом занятых свыше 200 человек. Они стали начальной школой управления для десятков тысяч рабочих, многие из которых были выдвинуты впоследствии на руководящие должности.

Однако, довольно часто серьезные помехи в деятельности органов рабочего контроля возникали на местах в связи с анархическими извращениями их функций и задач, увлечением митингами и потерей ответственности за конкретное дело. Например, "снизу" был выдвинут лозунг: железные дороги - для железнодорожников. Совнарком не только резко критиковал подобные "инициативы", но и раскрывал их несовместимость с характером нового хозяйственного строительства.

Одним из трудно создаваемых качеств новых отношений в производственной сфере являлось воспитание чувства самодисциплины и организованности у каждого работника. О том, какое значение имели эти вопросы, можно судить по выступлению Ленина на II Всероссийском съезде комиссаров труда в мае 1918 года: "Предстоит либо гибель, – говорил он, – либо самодисциплина, организация...". Необходимо добиться такого положения, "чтобы сознательный рабочий чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны, чтобы он чувствовал на себе ответственность". [2.46]

Другое направление формирования целостной системы управления экономикой – *создание центрального органа*, который мог бы координировать и направлять деятельность первичных звеньев промышленности и других отраслей. Идея состояла в том, чтобы разгрузить Совнарком от растущего потока бумаг, связанных с решением хозяйственных и финансовых проблем, конца которым не было видно.

Относительно структуры и функций такого органа довольно быстро сформировались две основные позиции. Одна из них была разработана и выдвинута центральным советом фабрично-заводских комитетов, а также ЦК профсоюза металлистов. Они делали упор на территориальный принцип управления промышленностью, с широкой самостоятельностью предприятий и единым центральным органом – Высшим Советом Народного Хозяйства (ВСНХ).

В первые же дни после начала своей деятельности в Смольном В. Ленин принял делегацию фабзавкомов, которая изложила ему свой проект создания новой системы управления экономикой. Глава правительства поддержал ряд их положений и признал удачным название центрального органа – ВСНХ.

Вскоре ему представили также тезисы о построении строго централизованной системы органов управления народным хозяйством, подготовленные Оболенским В. (Осинским) и Смирновым В. Оба они были активными участниками Октябрьского вооруженного восстания. Смирнов по образованию – юрист. Оболенский – экономист. В конце 1917 года он был управляющим Госбанка, затем несколько месяцев (до марта 1918 года) – председателем ВСНХ.

В их тезисах отмечалось, что процесс перехода к новой системе управления "протекает на почве борьбы с дезорганизацией хозяйства и с упадком производительных сил." Поэтому такой процесс отличается от "нормальных" форм хозяйствования. Производственная система ближайшего времени представлялся авторам как специфическое проявление диктатуры пролетариата в экономической сфере "при сохранении частично внешних форм капиталистического общества..."

Содержание этой исходной позиции раскрывалось в следующих конкретных положениях:

– национализация банков, тяжелой, а также сахарной промышленности (национализация синдикатов не имеет смысла);

– объявление монополии государства на реализацию продукции всех отраслей по твердым (счетным) ценам;

– "центральные экономические органы должны быть преобразованы на следующих основаниях: при Министерстве промышленности образуется коллегия (экономический комитет), в которую вливаются, поскольку они не подлежат уничтожению, существующие совещания по топливу, транспорту и общегосударственные комитеты: Центрметалл, Центрпром и проч. Секции комитета, разделенные по отраслям промышленности, становятся центральными регулирующими учреждениями по вопросам производства, снабжения и установления счетных цен по отдельным группам товаров;

– на местах образуются, путем такого же слияния местных совещаний и комитетов, районные экономические органы...;

– во всех регулирующих учреждениях большинство обеспечивается за представителями рабочих организаций. В меньшинстве должны быть представлены союзы служащих, технического персонала, мелких промышленников...;

– крупные промышленные предприятия, – поскольку они не национализированы, – переходят в распоряжение местных регулирующих учреждений. Акционеры сохраняют право на получение фиксированного дивиденда; каждое акционерное предприятие сохраняет форму частного предприятия, реквизированного государством;

– мелкие предприятия соединяются в союзы. Снабжение их сырьем осуществляется районным экономическим комитетом, которому союзы обязаны сдавать и свою выработку;

– для рабочих постепенно вводится обеспеченный натуральный паек...;

– для служащих и всего технического персонала, равно как и для предпринимателей, вводится трудовая повинность" .[2.49]

Как видно из этого краткого изложения содержания тезисов В. Оболенского и В. Смирнова, еще в ноябре 1917 года предусматривалось создание, – при сохранении различных форм собственности, – крайне сложной и противоречивой административной системы управления производством и распределением практически всей промышленной продукции. В такой системе не было места для рынка. "Счетные" цены призваны были служить вспомогательным инструментом при определении сметы затрат, составлении сводных балансов и т.д.

Авторы построили такую схему не из абстрактных размышлений, как говорится, "не из головы". В ее основу были положены принципы и структуры, которые использовались в годы Первой мировой войны для управления милитаризованной экономикой в России и Германии.

Председатель Совнаркома во многом разделял такую позицию. Познакомившись с тезисами, он подписал удостоверение (правительство в этот период не действовало), в котором указывалось, что "товарищи В.В. Оболенский, В.М. Смирнов и М.А. Савельев уполномочены вести работу по организации Высшего экономического совещания". [2.50]

Буквально через 4 дня они вынесли новый вариант документа на рассмотрение правительства, собравшегося, наконец, после долгого перерыва. При его обсуждении было высказано много замечаний и проект вернули на доработку. На следующий день специальным постановлением СНК в группу по организации Высшего экономического совещания был включен Н.И. Бухарин, который сразу же активно включился в работу.

18 ноября 1917 года Совнарком вновь вернулся к рассмотрению исправленного проекта о высшем экономическом органе управления.

На заседании был достигнут компромисс – название нового органа и отдельные положения были взяты из материалов Совета фабзавкомов, а его структура и функции – из проекта группы Бухарина-Оболенского. Соответствующий проект декрета был направлен на рассмотрение ВЦИК для окончательного утверждения.

Однако, и здесь вспыхнула довольно острая борьба, главным образом, вокруг вопроса: кому будет подчиняться новый орган управления. Левые эсеры, чтобы усилить свое влияние на экономику, настаивали на том, чтобы ВСНХ подчинился непосредственно ВЦИКу. Большевистская фракция – Совнаркому. Вопрос о принятии соответствующего декрета трижды включали в повестку дня ВЦИК, однако окончательное решение вновь и вновь откладывалось.

Между тем обострившееся положение в народном хозяйстве настоятельно требовало быстрого и конструктивного вмешательства правительственных органов в экономическую жизнь страны. Противостояние интересов переместилось из области политики в экономику. Собственники предприятий изымали из оборота свои средства. Закрывались заводы и шахты. Сокращалась выплавка металла. Свертывалось производство других видов сырья и готовых изделий.

В то же время деятельность органов рабочего контроля натолкнулась на сопротивление, во-первых, со стороны левых, которые считали, что контроль – это уже пройденный этап и надо немедленно захватывать всю власть на фабриках и заводах, "добить буржуазию" и решительно переходить к "непосредственному" обобществлению производства, во-вторых, со стороны частных собственников.

Собрание Петроградского общества заводчиков и фабрикантов, состоявшееся сразу же после принятия правительством Положения о рабочем контроле записало в своей резолюции, что оно "категорически отвергает классовый государственный контроль над промышленной жизнью страны... Собрание признало необходимым в случае предъявления в предприятиях требований о введении рабочего контроля такие предприятия закрывать".[2.51]

Подобные резолюции принимались и в других областях. Частный капитал руководствовался ими в своей практической политике. Так, на Ликинской мануфактуре (Владимирская губерния), принадлежавшей Смирному, еще до Октябрьской революции был установлен рабочий контроль, с чем хозяин, крупный капиталист, никак не хотел мириться и всячески мешал его деятельности. В ноябре 1917 года он распорядился закрыть предприятие. Этому решению рабочие не подчинились и взяли организацию и руководство

производством в свои руки. Совет Народных Комиссаров поддержал действия рабочих и принял декрет о конфискации Ликинской мануфактуры. Тем самым было положено начало национализации в промышленности.

Вскоре в государственную собственность перешли десятки других предприятий: Русско-Балтийское металлургическое общество, акционерное общество Богословского горного округа, харьковский завод "Тельферих-Саде", Ростокинская красильная фабрика, Невский судостроительный и механический заводы, Сестрорецкий металлический завод и др. Вопрос об организации их управления и восстановления экономической жизни становился все более неотложным.

Следует также иметь в виду, что саботаж чиновников и служащих, работавших раньше в аппарате бывших министерств и ведомств, принял в это время весьма широкие масштабы. Контрреволюционные центры стремились через своих ставленников дезорганизовать работу продовольственных учреждений, банков, почты, телеграфа, железных дорог. Чиновникам, которые не выходили на работу, первое время выплачивали жалование из-под полы за счет субсидий, выделяемых финансовыми и промышленными кругами, а также некоторыми монастырями. Непосредственно руководили саботажем лидеры профсоюза служащих государственных учреждений. Путем обмана, подкупа и шантажа им удалось поначалу привлечь на свою сторону значительную часть работников этих учреждений. В такой обстановке затягивание вопроса о создании Высшего совета народного хозяйства весьма беспокоил Ленина. Выступая на заседании ЦК 12 декабря 1917 года он подчеркнул важность создания центрального экономического учреждения и указал, что это дело "до сих пор не встречало достаточного к себе внимания, а вместе с тем оно представляет один из крупнейших факторов современного государственного строительства..." Через два дня ВЦИК вновь вернулся к обсуждению декрета о ВСНХ. После новой дискуссии был принят проект большевистской фракции. В новый орган центральной власти вошли Всероссийский совет рабочего контроля, представители всех народных комиссариатов, а также "сведущие лица" (специалисты) из различных отраслей экономики.

Первое время ВСНХ руководил промышленностью параллельно с Народным комиссариатом по делам торговли и промышленности, что порождало дублирование и неразбериху. В апреле 1918 года Совнарком изменил функции этого комиссариата, который теперь

стал ведать вопросами национализированной внешней торговли. Его "освободившиеся" отделы, собранные статистические и другие материалы, библиотека, канцелярия передавались ВСНХ. Одновременно шло включение в состав Совета бывших "совещаний" и комитетов – по металлу, топливу, обороне (последнее было преобразовано в финансовый отдел).

Вскоре новый орган управления занял помещение Главного экономического комитета, созданного правительством Керенского. На местах создавались областные (губернские) и районные советы народного хозяйства, руководимые из центра. Их деятельность контролировалась одновременно соответствующими региональными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Первоначально на ВСНХ были возложены функции по организации производства, снабжения и распределения продукции во всех отраслях промышленности, а также решение ее финансовых вопросов. "С этой целью ВСНХ вырабатывает общие нормы и планы регулирования экономической жизни страны, согласует и объединяет деятельность центральных и местных регулирующих учреждений соответствующих народных комиссариатов..." Ему были предоставлены широкие права и в отношении частного сектора. Предусматривалось, что все законопроекты и крупные мероприятия, имеющие отношение к регулированию народного хозяйства в целом, вносятся в Совет Народных Комиссаров через ВСНХ. [2.52]

Практическая деятельность этого органа началась с обследования заводов, сбора первичных материалов, их обобщения. Шел поиск рациональной организационной структуры, сочетающей отраслевой и региональный подходы к регулированию производства. Так, в январе 1918 года организуется отдел металла с функциями регулирования и управления рудной и металлургической промышленностью. Через месяц был создан отдел металлообрабатывающей промышленности и машиностроения. Вскоре эти отделы объединились, и образовался единый регулирующий центр металлопромышленности. Ускоряющийся процесс национализации, проходивший часто стихийно, по инициативе рабочих коллективов и сдерживающей позиции Совнаркома, потребовал от ВСНХ перехода от общего руководства промышленностью к ее непосредственному управлению.

Однако, принятая многоступенчатая схема: заводоуправление - районный – областной (губернский) СНХ – ВСНХ – оказалась малоэффективной, особенно в отношении предприятий, находящихся далеко от источников сырья и топлива. Само заводоуправление в условиях нехватки транспорта и расстроенных

связей с поставщиками не в состоянии было обеспечить нормальный ход производства. По каждой мелочи приходилось обращаться в центр. В свою очередь, отделы ВСНХ при сохранении устойчивой тенденции спада производства далеко не всегда могли положиться на местное руководство и стремились сами вникать во все детали деятельности подчиненных им заводов.

Объективная необходимость оперативного маневрирования скудными ресурсами топлива и сырья потребовала более простой и гибкой системы управления. Произошло объединение однородных предприятий в так называемые отделы, главки и центры. Так, в отделе металла были образованы следующие главки: Гомза, Главцветмет, Глававтозав, Главсудострой, Главточмех, Главсельмаш, Главгвоздь и др. Кроме того, было образовано несколько районных правлений. Для решения отдельных вопросов создавались временные комиссии: бюро по восстановлению Уральских заводов, бюро по увеличению производства пил и кос и т.д.

Понимая, что ВСНХ начал свою деятельность в чрезвычайно трудных условиях, председатель Совнаркома взял его под свою опеку. До переезда в Москву в марте 1918 года он старался бывать на всех заседаниях Совета, часто приглашал к себе его председателя и заместителей. "В первый период жизни ВСНХ, – питерский период, – писал Г. Ломов, – роль Владимира Ильича была подавляюще велика. Ежедневно, часто по несколько раз, или т. Осинский (первый председатель ВСНХ), или я, как его заместитель, бывали в Смольном, советовались и обсуждали совместно все стороны хозяйственной жизни."

Работа нового органа налаживалась, как говорится, со скрипом. Несмотря на то, что его аппарат быстро увеличивался (в марте 1918 года он насчитывал 328 сотрудников, в середине сентября – уже свыше 2500, а вместе со штатами главков и центров – более 6000), его деятельность не вызывала одобрения. Объем промышленного производства продолжал снижаться. Постоянно возникали трудности с выполнением заказов. Падала производительность труда и реальный жизненный уровень рабочих...

Наряду с серьезными объективными причинами, новому делу серьезно мешал бюрократический стиль работы руководства ВСНХ, которое с большой готовностью начинало дискуссии вокруг возникающих проблем, затягивая конкретное, деловое решение. Принятые постановления очень вяло проводились в жизнь.

29 января 1918 года Совнарком специально вынес на обсуждение вопрос об улучшении организационной работы высшего

экономического органа страны. Было принято решение "сделать т. Оболенскому, как председателю, заявление о том, что ВСНХ должен немедленно превратить себя из органа дискуссионного в орган, практически управляющий промышленностью". Спустя месяц, после дополнительной проверки Совнарком вновь указал на серьезные недостатки в его работе. Однако вместо того, чтобы конструктивно ответить на справедливую критику, руководители этого органа не смогли преодолеть свои амбиции и образовали, по существу, оппозиционную группу по отношению к главе правительства, а в марте, в знак протеста против подписания Брестского мира, В. Оболенский подал в отставку с поста председателя. Почти месяц Ленину пришлось выполнять его обязанности. В начале апреля вопрос был вынесен на рассмотрение Бюро ЦК РКП(б), которое отметило: "Высший Совет Народного Хозяйства не может развить широкой работы, пока во главе его не стоит достаточно сильный, энергичный человек, способный организатор. Единственным кандидатом на пост председателя ВСНХ является Рыков".

Таким образом, полгода ушло только на то, чтобы практически решить вопрос о формировании структуры двух тесно взаимодействующих между собой центральных органов управления народным хозяйством – Совнаркома и ВСНХ. Однако, это был только первый крупный шаг к решению задачи – научиться управлять экономикой, т.е. целенаправленно влиять на весь комплекс интересов и конкретных действий миллионов работников как в городе, так и в деревне.

Другим очень важным, хотя и не совсем удачным шагом в этом же направлении было создание новых форм управления национализированными заводами и фабриками. Органы рабочего контроля, получившие законный статус в ноябре 1917 года, активно и боевито выполняли свои функции до тех пор, пока личная ответственность за конечные результаты производственной и коммерческой деятельности была возложена на хозяина – частного собственника. Однако, положение изменилось после того, как предприятия стали переходить в государственную собственность. Система органов рабочего контроля не была готова самостоятельно направить и регулировать весь процесс производства и реализации продукции. Волей-неволей пришлось начать поиск новых организационных форм и приемов управления совместным трудом на базе обобществления средств производства.

Первыми проявили инициативу представители национализированных, а также бывших "казенных" предприятий. В январе

1918 года они выработали "Временное положение об организации управления национализированными предприятиями", в основу которого были положены принципы выборности и коллегиальности руководства. Положением предусматривалось, что "высшим органом, выдающим общее направление и руководство жизнью и деятельностью предприятия, является *Совет уполномоченных*", выбираемый в количестве 25-60 чел. тайным голосованием всем личным составом предприятия. (Советы уполномоченных послужили прообразом Рабочих советов, созданных в некоторых социалистических странах уже после Второй мировой войны).

Главным исполнительным органом предприятия выступало *правление* в составе 3-15 человек, избираемое закрытым голосованием советом уполномоченных. Правление само решало все крупные, принципиальные вопросы. Оно же формировало административный аппарат.

На первый взгляд казалось, что ни одно из перечисленных положений не должно было вызывать сомнений, а тем более возражений. Коллегиальность и выборность органов управления активизировали рабочий коллектив, вовлекали их в решение хозяйственных вопросов, способствовали преодолению крайностей и волюнтаризма. Однако, практика очень быстро показала, что подобный подход к обсуждению и принятию решений привели к ликвидации личной ответственности руководителей за работу предприятия в целом. Процветала уравниловка в оплате труда. Советы уполномоченных и правления увлекались заседаниями и часто весьма формально обсуждали принимаемые решения.

Практика показала также, что развитие демократических форм управления непосредственно в сфере производства, предполагает довольно высокое качество экономических отношений, организованности и дисциплины как индивидуальной, так и коллективной, а также зрелый уровень экономического мышления, культуры и моральных ценностей, которыми руководствуются люди. Все это в первые годы после революции только формировалось, находилось в стадии становления. Примеров тому было много. Один из них приводится в воспоминаниях Н.К. Крупской: "Пришла ко мне раз на прием работница за какими-то справками, разговорились. Я ее спрашиваю, в какой она смене работает. Думала, в ночной, - потому и могла прийти в Наркомпрос днем". Однако, дело обстояло иначе: "У нас никто сегодня не работает. Вчера общее собрание было, у всех дел домашних много накопилось. Ну и проголосовали не работать сегодня. Что же, мы теперь хозяева". [2.53]

В. Ленин, который считал, что дисциплина, порядок – исходные предпосылки высокопроизводительного производства, одним из первых поднял тревогу относительно слабой стороны коллегиальности – отсутствия персональной ответственности за конкретное дело. Поэтому вполне закономерно, что еще в марте 1918 года он подчеркивал: "Теперь наступил как раз тот переломный пункт, когда мы должны начать строго отделять две категории демократических функций:

с одной стороны – дискуссии, митинги, с другой стороны – установление строжайшей ответственности за исполнительские функции и безусловно трудовое, дисциплинированное, добровольное исполнение предписаний и распоряжений, необходимых для того, чтобы хозяйственный механизм работал действительно так, как работают часы" [2.54]

Совнарком принял специальный декрет о распространении в управлении производством единоначалия и строжайшей личной ответственности. Однако, практическое их осуществление столкнулось с открытым сопротивлением "левых" коммунистов и происходило в долгой и острой борьбе.

В марте ВСНХ принял новое постановление об управлении национализированными предприятиями, существенно отличавшееся от Временного положения прежде всего тем, что оно опиралось на принцип единоначалия руководства. Предусматривалось, что соответствующие главки назначают "для каждого крупного национализированного предприятия технического и административного директоров, в руках которых находится фактическое заведование и руководство всей деятельности предприятия".

При административном директоре состоит хозяйственно-административный совет из выборных от рабочих, служащих и инженеров предприятия. Совет рассматривает сметы предприятия, план его работ..., материальные и моральные условия работы и жизни рабочих и служащих, а также все вопросы жизни предприятия. По вопросам технического управления предприятием Совет имеет лишь совещательный голос, а по остальным вопросам – решающий. Совету предприятия предоставляется право делать центральному управлению представление о смене директоров предприятия и представлять своих кандидатов".

Как видно из этих нормативных положений, они выражали более трезвый подход к управлению предприятиями государственного сектора, реализующий преимущества единоначалия и достаточно широких демократических прав трудового коллектива.

Однако, "левые коммунисты" не были согласны с этим принципом и решили "дать бой" на первом съезде совнархозов. В конце мая ВСНХ неоднократно обсуждал тезисы доклада об организации управления национализированными предприятиями. Так как полного единства достигнуть не удалось, решили довести до сведения съезда, что по данному вопросу существует два мнения: одно "предусматривает суверенные права представителей власти, другое – коллегиальное правление".

Эти вопросы заняли одно из центральных мест в работе первого съезда совнархозов. Проект Положения сначала обсуждался на секции, которая приняла рекомендации, противоречащие установкам на укрепление демократического централизма и единоначалия.

Узнав из телефонного разговора об обстановке, сложившейся на съезде, Ленин тут же пишет записку Рыкову, новому председателю ВСНХ о том, что "...на съезде совнархозов "левые" наговорили глупостей по вопросу об управлении предприятиями и что грозит пройти глупость об умалении прав председателей правления. Что произошло? И как быть?". [2.55]

Вернувшись на заседание съезда Совнархозов, Ленин внес предложение рассмотреть проект положения на специальной согласительной комиссии. Большинство приняло это предложение. В результате был выработан компромиссный проект, который после обсуждения принял съезд. За полгода это уже было третье Положение об управлении национализированными предприятиями, причем принципиальные установки, видимо, из-за расхождений позиций составителей, были включены в него в виде примечания, в котором отмечалось, что ближайший вышестоящий орган управления имеет право, если в этом встречается необходимость, назначить в фабрично-заводское управление национализированного предприятия своего представителя, который имеет решающий голос и право приостанавливать решения фабрично-заводского управления, противоречащие общественным интересам. В экстренных случаях такой орган имел также право, по согласованию с областными советами профсоюза, менять состав управления предприятием.

Ленину пришлось еще не раз выступать в защиту принципа единоначалия, обосновывая правильность его сочетания с коллегиальностью. Однако, на IX съезде РКП(б) два из трех докладчиков о хозяйственном строительстве, Осинский и А. Рыков – вновь выступили против единоначалия в управлении промышленностью.

Доклад В. Осинского во многом был посвящен защите коллегиальности. А. Рыков высказался короче: "При обсуждении политики

ЦК и его организационной работы был задет вопрос о коллегиальности и единоначалии. Тов. Ленин во имя этого поднял все революции, которые происходили в истории, и заявил, что если не будет введено единоначалие, то все пропадет. Я же утверждаю, что если все и пропадет, то не от этого...По вопросу об организации управления промышленностью мы с профсоюзами стоим на принципе коллегиальности".

В резолюции съезда выражена, по существу, ленинская позиция, но в "мягкой" форме: "Основной задачей при организации управления является создание компетентного, твердого, энергичного руководства, идет ли речь об отдельном промышленном предприятии, или целой отрасли промышленности.

В целях более простой и точной организации управления производством, а также в целях экономии организаторских сил, съезд считает необходимым приблизить управление промышленностью к единоначалию, а именно: установить полное и безусловное единоначалие в мастерских и цехах; идти к единоначалию в заводоуправлениях и к сокращенным коллегиям в средних и высших звеньях административно-производственного аппарата". [2.56]

Наверное стоит отметить, что спор о коллегиальности и единоначалии в управлении производством, на IX съезде партии имел в значительной степени теоретический характер. Перегрузкам экономики в период острой гражданской войны можно и нужно было противопоставить милитаризацию экономики, централизацию управления и личную ответственность руководителей за порученное дело. Именно опираясь на эти факторы, удалось выиграть гражданскую войну в условиях острейшего дефицита всех ресурсов.

2.3. Гражданская война изматывает хозяйство

Спокойной передышки после заключения Брестского договора не суждено было состояться. Соглашение о мире было достигнуто в начале марта 1918 года. Но еще в конце 1917 года на Дону в Новочеркасске собралась разношерстная Добровольческая организация, набиравшая силу для военного свержения большевистского правительства. "В Новочеркасске, – писал генерал А. Деникин, – уже образовалась "политическая кухня", в чаду которой наезжие деятели сводили старые счеты и намечали новые вехи...Приехали и представители Московского центра. Организация эта осенью 17 года образовалась в Москве из представителей к.д.-ской партии, совета общественных организаций, буржуазно-либеральных

и консервативных кругов... Задача делегации: ...служить связью Добровольческой организации с Москвой и остальной общественной Россией, всемерно помогать генералу Алексееву.., передать те первые средства, которые были тогда собраны.

У Алексеева явились , таким образом, надежды расширить значительно масштаб Добровольческой организации – надежды весьма скоро обманувшие его". [2.57] Там же, в Новочеркасске, в декабре был создан орган новой верховной власти: триумвират Алексеев – Корнилов - Каледин. По мнению А. Деникина это было "в скрытом виде *первое общерусское противобольшевистское правительство".* [2.58]

Характерно, что за три месяца до Брестского мира Англия и Франция подписали в Париже документы о совместной интервенции и разделе сфер влияния в России. (Английские деловые круги интересовали, прежде всего, нефтяные районы Кавказа, французов – залежи угля и железной руды на Украине). Через месяц они начали финансирование добровольческой армии на Дону. В марте 1918 года в Мурманске высадились первые войска с английского крейсера "Глори". Вскоре к ним присоединились десанты с французских и американских кораблей. Почти одновременно во Владивосток прибыли японцы, за ними последовали американцы и англичане. [2.59]

Между участниками интервенции не было согласия в том, что и как делать в этой бурлящей стране, но каждый из них опасался пропустить момент с нетерпением ожидаемого дележа богатого наследства Российской империи. Помощь с их стороны "белым" генералам была строго дозирована, поскольку последние выступали за возрождение единой "Великой России". Такая ориентация совсем не отвечала интересам ее бывших союзников. Поэтому: пускай красные и белые дерутся как можно злее, ослабляя друг друга. О цинизме англичан, например, достаточно красноречиво свидетельствуют факты, зафиксированные в записках Б. Соколова, воевавшего на Севере, на стороне интервентов: "Нужно заметить, – отмечал он, – что снабжение было организовано на широкую и щедрую ногу. Паек, выдававшийся русским военным, как офицерам, так и солдатам, был чрезвычайно обильным и идентичным пайку, получаемым английским солдатом..." Но, отношения резко изменились, когда пришлось отступать. Об этом, в частности, свидетельствует следующий отрывок из разговора Б. Соколова с английским майором на борту судна, следовавшего в Архангельск в июле 1919 года с несколькими сотнями русских офицеров:

– Если союзники уйдут, что будет с Северной областью, справится ли она с большевиками?

– Конечно, нет. Об этом нечего и думать. В тот же день, когда мы уйдем, придут большевики. Готов держать пари.

– Но, если так, к чему же везут этих русских офицеров? На растерзание большевикам?

Майор пожал плечами.

– Это не наше дело. Наш штаб возражал. Считал это бесполезным. Но русское командование настаивало. Мы обмундировали их и везем. Дальше – не наша забота. [2.60]

В конце мая в Поволжье и на Южном Урале, не без участия представителей стран Антанты, вспыхнул мятеж Чехословацкого корпуса. Это послужило сигналом для вооруженных выступлений всех антисоветских сил внутри страны. В августе 1918 года эсерка Каплан тяжело ранила В. Ленина. Организуя это покушение, правые силы рассчитывали обезглавить и дезорганизовать Советскую власть. К концу года они захватили две трети территории молодой республики, оставив ее центральные районы без хлеба, топлива и металла. "Российская советская республика подобна крепости, которую со всех сторон осаждают империалистические войска", – зафиксировал в своей резолюции V Съезд советов.

Положение такой крепости было крайне тяжелым и, как многим казалось, безвыходным. Все это происходило сразу же после во многом стихийного процесса демобилизации старой армии. Оборонные заводы либо резко свернули выпуск военной продукции, либо остановились совсем из-за отсутствия заказов, сырья и средств для выплаты зарплаты рабочим. Значительная часть таких предприятий оказалась на территории, захваченной противниками новой власти.

Открытые выступления против Советской республики случались и раньше. Многие ожидали их повторения. Но никто не думал, что они, подобно лесному пожару в сухое лето, так быстро распространятся почти по всем регионам страны.

Экономика только что родившейся Советской республики также не была готова к такому повороту событий. Дело в том, что катастрофу в хозяйстве, об угрозе которой Ленин предупреждал совсем недавно, – так и не удалось предотвратить. Разруха и голод свободно гуляли по регионам России. Потребовался целый комплекс организационных и других мероприятий для того, чтобы остановить экономический спад.

По признанию самих работников ЦСУ, разработавших эту сводную таблицу, она, в силу ряда объективных причин, носит приближенный характер. Однако, эти данные позволяют получить общую

Основные показатели народного хозяйства за 1917-1921 гг. [2.61]
1917 г. принят за 100, на советской территории соответствующих лет

	1918	1919	1920	1921
Продукция цензовой промышленности	48	25	21	30
Число рабочих цензовой промышленности	78	51	47	46
Посевные площади	96	92	85	81
Заготовки хлеба	14	21	42	72
Транспортные перевозки	33	28	33	36
Объем внешней торговли	20	0	1	10
Численность армии	9	32	69	40
Потребление на душу, калорий	100*	125	123	115

* 1918 – год.

картину крайне напряженного экономического положения России в первые годы после Октября 1917 года.

Судя по уровню транспортных перевозок в 1918-1921 годах экономическая жизнь в стране относительно стабилизировалась на отметке "1/3" 1917 года. Половина промышленных рабочих перебралась в деревню или попала по мобилизации в армию. Производительность труда оставшейся части персонала снизилась в 1,5-2 раза.

Экономическая ситуация в сельском хозяйстве выглядела несколько лучше. Посевные площади сократились всего на 19%. Поголовье коров упрямо держалось на одном уровне, что имело решающее значение, особенно, для сохранения здоровья детей, да и взрослой части населения. Наибольшую остроту продовольственный кризис приобрел в 1918 году среди городских жителей. Попытка Совнаркома организовать прямой обмен промышленных изделий на продовольствие успеха не имела. Пришлось вернуться к методам Временного правительства – ввести продразверстку, но еще в более грубой и жесткой форме, используя так называемые комитеты деревенской бедноты.

Болезненные процессы в промышленности приобрели угрожающий характер. Так, объем производства крупной промышленности упал в 1920 году до самого низкого уровня – 21% (вся промышленность 15-17%) к соответствующему показателю 1917 года. Особенно заметно в 1918 году снизился выпуск средств производства и вооружений:

Изменение основных индикаторов тяжелой промышленности [2.62]
1913 г. = 100

	Число рабочих	Продукция	Производительность
1917	134	86	67
1918	88	30	34

Если в 1917 году количество занятых в тяжелой промышленности, выполнявшей в основном военные заказы, было на треть выше довоенного уровня, то после заключения Брестского мира их число резко снизилось. Еще в большей степени упала выработка на одного занятого. В результате тяжелая промышленность была почти полностью дезорганизована.

В легкой промышленности положение было немного лучше. В 1918 году ее удельный вес в общем объеме промышленного производства по сравнению с предыдущим годом повысился: по числу занятых с 41 до 49 процентов, а по объему выпускаемой продукции, соответственно, с 47 до 62 процентов. Сказывались ее более устойчивые взаимосвязи с сельским хозяйством. Однако, и в этой важной отрасли экономическая конъюнктура продолжала ухудшаться, хотя и не так быстро, как в промышленности.

Уже отмечалось, что посевные площади за период гражданской войны сократились всего на 19%. Сказывалась природная устойчивость крестьянских хозяйств. В то же время в 1918 году наблюдается полный провал государственных заготовок хлеба – под контролем Советов к осени осталась только четвертая часть территории и около половины населения страны. Положение несколько улучшилось после введения обязательной разверстки (государственной хлебной монополии в мае 1918 года). Это позволило относительно регулярно снабжать продовольствием вновь создаваемую Красную армию. Но городское население вынужденно было довольствоваться урезанным хлебным пайком и тем, что удавалось приобрести через "мешочников".

Характерно также полное свертывание в этот период всех внешнеэкономических связей советской республики, как прямой результат жесткой экономической блокады со стороны бывших союзников.

В такой экстремальной обстановке новому социальному строю и его руководству приходилось до предела напрягать все свои силы и возможности, чтобы *выжить*, хотя в благоприятный исход в то время верили немногие. Дело в том, что в экономической сфере предстояло разрешить две неразрешимые задачи: во-первых, обеспечить новую, быстро растущую армию продовольствием, оружием и обмундированием, численность которой к концу 1920 года достигла 4.1 млн. человек, во-вторых, накормить население городов и промышленных центров, хотя бы хлебом.

О том, насколько круто ухудшилось положение с продовольствием в тот период, можно судить по резкому изменению графика прибытия в Петроград хлебных грузов по железной дороге

в последнюю неделю октября 1917 года: до 27 октября еще по старым разнарядкам в столицу прибыли 131 вагон с мукой и продовольственным зерном, а за три дня, с 28 по 30 октября, только 20 вагонов. Ежедневное прибытие хлебных грузов в среднем сократилось почти в пять раз. Вагонов с крупой, сахаром и овсом, соответственно, в 1.3 раза. [2.63]

Совнарком в это время из-за внутренних разногласий никак не мог наладить свою работу. Спасение голодающих легло на плечи местных органов власти: в Петрограде – продовольственным обеспечением воинских частей непосредственно занимался Военно-революционный комитет, гражданского населения – заводские комитеты предприятий и Городская дума, враждебно настроенная по отношению к новому правительству.

В Москве в конце ноября запасов муки оставалось на три-четыре дня. Дневную норму выдачи хлеба сократили до "четвертушки" – 100 граммов на человека. В это время сюда вернулся "бунтарь" А. Рыков, который возглавил Московский продовольственный комитет. Он немедленно выехал в южные производящие районы. Здесь бывший нарком успешно "проталкивал" хлебные маршруты, застрявшие на узловых станциях, организовывал новые. В Москве с хлебом стало немного легче: норму его выдачи по карточкам подняли до 300 граммов в день. Вместе с тем Рыков писал: "Советская неразбериха на юге в самом разгаре. Нет людей, нет еще умения работать, а дела много, и самого ответственного".[2.64] После введения разверстки общее положение с продовольствием несколько улучшилось, но на весьма низком уровне – примерно трети того, что имело население России в довоенном 1913 году.

И без того крайне тяжелое продовольственное, общеэкономическое и финансовое положение Советской республики резко обострилось в связи с началом активного этапа гражданской войны.

Ее первый акт, – корниловский мятеж, – военные генералы, далеко не талантливые артисты, неудачно "сыграли" еще до октябрьского переворота. Второй – наступление на Петроград конного корпуса Красного совпало с вооруженным выступлением большевиков. Третий акт, который мог бы стать заключительным, связан с мятежом чехословацкого корпуса в мае 1918 года, послужившим сигналом к активизации действий различных антибольшевистских сил, включая высадку новых десантов иностранных интервентов. Казалось, красная Москва не устоит. Все это заставило правительство срочно принимать чрезвычайные меры – практически от нуля за два года сформировать 4-х миллионную армию,

которую, как уже говорилось, нужно было не только накормить и одеть, но и вооружить.

Произошло внеочередное русское чудо: из хаоса возродилась новая боевая сила, с которой не смогли справиться ни "белые" генералы, ни иностранные интервенты. Если в начале лета 1918 года их войска насчитывали порядка 700 тыс. человек и им противостояли около 300 тыс. красноармейцев (треть из них не имела оружия), то через год личный состав РККА возрос до 1.6 млн. бойцов и командиров, оснащенных всеми видами современного для того времени вооружения. В решении этой сложной задачи, пожалуй, главную роль сыграло умелое руководство быстрым восстановлением военной промышленности.

Стоит отметить, что в 1918 году из 5400 предприятий, выпускавших ранее военную продукцию, 3500 оказались на территории, захваченной противником. К тому же, в центральном районе практически не производилось ни металла, ни коксующих углей. Поэтому пришлось отобрать около сотни наиболее сохранившихся предприятий и отдать им все оставшиеся с прежних времен запасы металла и другого сырья, а также квалифицированных рабочих, что и обеспечило необходимый рывок во 2-м полугодии 1918 года. В последующие два года многие сырьевые запасы кончились. Пришлось снижать выпуск крайне нужных пулеметов, полевых орудий и боеприпасов.

В сфере экономики чрезвычайные меры имели свои конкретные формы и особенности. Прежде всего, нужно было наладить хоть какой-нибудь учет имеющихся ресурсов и создать систему контроля за их распределением и использованием. Это, в свою очередь, потребовало установления жесткого централизованного механизма управления промышленностью и транспортом. Как уже говорилось, была восстановлена государственная монополия на заготовки товарного хлеба и его реализацию по карточкам в городах и промышленных центрах. Введена трудовая повинность для работоспособного населения. Приняты меры по укреплению исполнительной дисциплины. Усилены наказания за спекуляцию и хищение государственного имущества.

Особое внимание уделялось срочному воссозданию боеспособной армии. Уже осенью 1918 года численный состав вновь созданных боевых отрядов составил 450 тыс. человек. (В то время служба в таких отрядах проходила на добровольных началах). В июле V Съезд советов ввел всеобщую воинскую обязанность: "на каждом честном и здоровом гражданине в возрасте от 18 до 40 лет

лежит долг по первому зову Советской республики встать на ее защиту от внешних и внутренних врагов". [2.65] Это сразу же сказалось на ускорении процесса формирования новых воинских частей: в начале 1919 года в РККА насчитывалось свыше 2 млн. рядовых и их командиров. Еще через год личный состав новой армии достиг 4.1 млн. человек – самый высокий уровень за все годы гражданской войны.[2.66]

Особенно сложной была проблема ее обеспечения вооружением, боеприпасами, обмундированием, продовольствием и фуражом. На первый взгляд казалось, что проблемы материально-технического характера можно преодолеть за счет запасов винтовок, пулеметов и артиллерийских орудий, которые остались после демобилизации старой армии. Как уже отмечалось, даже в период максимума своей численности: конец 20 – начало 21 годов, – Красная армия по своим масштабам не превышала и половины количества тех солдат, которые сражались на фронтах Первой мировой войны.

Для учета, сбора и сохранения оставшегося военного имущества еще в конце декабря в Петрограде был создан специальный Комиссариат по демобилизации армии. Практически ему удалось решить только одну из задач – более или менее точно подсчитать наличие оружия, боеприпасов и другого военного имущества, оставшегося после демобилизации. Всего в ноябре 1917 г. по неполным данным на пяти фронтах находилось около 12 тысяч орудий и 28 млн. снарядов к ним, 2.5 млн. винтовок и 1200 млн. патронов. Наибольшая доля этого имущества (примерно треть) хранилась в секторе Юго-Западного фронта. По одной пятой – на Северном, Западном и Румынском фронтах, Остальное – на Кавказе. [2.67]

Большая часть этого оружия так и не попала в распоряжение РККА. Дело в том, что воинские части при демобилизации сдавали огромное количество военного имущества в местах, где они находились в тот период. Но, хранить его было негде и некому. Имевшиеся складские помещения были переполнены. Значительная часть военного имущества осталась под открытым небом, нередко - без охраны. Кто хотел, мог завладеть любым видом оружия. И желающие очень скоро объявились. Среди первых захватчиков, а если точнее, – грабителей, было правительство Румынского королевства. Оно вошло в сговор с командующим фронтом российской стороны генералом Щербачевым и "полюбовно" поделило находившиеся в его распоряжении запасы. "Свою" часть генерал переправил на Дон для добровольческой армии.

Самое крупное "наследство", расположенное в секторе Юго-Западного фронта, досталось германским и австрийским войскам, а также, частично, Центральной раде на Украине.

На Кавказе местные националистические правительства силой отбирали оружие у российских солдат, возвращавшихся с фронта домой железнодорожными эшелонами.

Относительно лучше обстояло дело со сбором оружия, оставшегося после войны на Северном и Западных фронтах. Отсюда было намного ближе до Питера и центральных районов. Поэтому удалось многое своевременно эвакуировать. Вывезли также значительную часть материалов, в том числе, цветных металлов, оплаченных Россией и доставленных в Мурманск, Архангельск и Владивосток до октября.

Всего к концу 1918 года было взято на учет органами советской власти следующее количество оружия:

Оружие, находившееся в распоряжение Центра из старых запасов [2.68]

тыс. единиц

Арт. орудий	1.2	Винтовок	252
Снарядов к ним	5008	Патронов	310436
Пулеметов	3.2		

Из этих данных следует, что из учтенных в начале 1918 года оружия и боеприпасов практически в распоряжение органов Советской власти к концу года попало всего 10-25 % отдельных его видов. Напомним, что к концу 1919 года в рядах РККА числилось 1,6 млн. военнослужащих. Таким образом, одна учтенная винтовка приходилась на 6-7 человек, а один пулемет – больше, чем на 500 военнослужащих.

В таких условиях для того, чтобы практически создать достаточно сильную армию нужно было срочно и круто увеличить производство оружия на тех немногих заводах, где разруха еще не стала полной хозяйкой. Иными словами *промышленность* призвана была сыграть одну из главных и очень трудную роль в организации обороны молодой республики.

Для того, чтобы только приступить к решению этой задачи требовалось преодолеть целый ряд трудных препятствий: а) износ технологического оборудования, в том числе импортного, запчастей к которому чаще всего не было, б) крайне ограниченное количество сырья, в том числе стали, цветных металлов и, особенно, угля и мазута, в) недостаток рабочих, особенно квалифицированных: часть из них была призвана в армию, другие перебрались в деревню, поближе к хлебу и картошке.

В условиях обширной разбалансированности народного хозяйства, разрыва почти всех связей по кооперации и практически полного разрушения рыночного механизма основным движителем и регулятором производства выступала еще только формирующаяся государственная система управления экономикой.

Трудное решение этой задачи искали одновременно по нескольким направлениям: первое – создание самостоятельной, обладающей самыми широкими полномочиями подсистемы материального и технического обеспечения воюющей армии. Осенью 1918 года с такой целью была создана чрезвычайная комиссия при Совете рабочей и крестьянской обороны под председательством Л. Красина. Она координировала военное производство, следила за выполнением военных заказов, финансировала оборонные предприятия, имела право освобождать их рабочих от призыва в армию и др. Для успешного осуществления ее функций, в свою очередь, потребовалось создать две важные предпосылки: во-первых, найти способ разрешения возникающих конфликтов в сфере имущественных отношений – выплаты компенсаций, предоставление кредитов или субсидий, конфискации, национализации и др. Во-вторых, создать достаточно эффективный аппарат для практической реализации всех возможностей мобилизации ресурсов и преодоления неизбежного при этом столкновения интересов.

Первая предпосылка – национализация всех крупных и средних предприятий полустихийно, часто, только формально, но все же была завершена летом 1918 года. Вторая – создание действенного аппарата для удовлетворения растущих потребностей воюющей армии и самой военной промышленности, – затянулось на длительный период.

Формирование и совершенствование нового механизма управления военным производством происходило постепенно. На начальном этапе (конец 1917 г. – ноябрь 1918 г.) основные структуры управления и регулирования военного производства, действовавшие при Временном правительстве и даже раньше, продолжали функционировать. К их числу относились: Совещание по обороне, Главное артиллерийское управление (ГАУ) и некоторые другие учреждения. Сломать их было просто, а вот заменить нечем. Специалисты были в большом дефиците. Поэтому ограничились пока назначением в эти организации комиссаров с широкими контрольными полномочиями. Постепенно обновлялись старые кадры.

В июне 1918 года при Реввоенсовете республики создали Центральное управление снабжения (ЦУС), перед которым поставили

неразрешимую задачу: обеспечить Красную армию всеми необходимыми видами довольствия, в том числе артиллерийскими системами, авиационной техникой, военно-инженерным имуществом, грузовым транспортом и др.

Примерно в это же время начало функционировать Центральное правление артиллерийских заводов, которое координировало и регулировало деятельность не только предприятий, изготовлявших или ремонтировавших полевые орудия, но и оружейные, патронные и пороховые заводы.

В августе того же года, как уже говорилось, при Совнаркоме была сформирована Чрезвычайная комиссия по производству предметов военного снаряжения, которая помогала оборонным предприятиям получить необходимое сырье, топливо и продовольствие для рабочих. Она же размещала военные заказы и контролировала их выполнение. В особых, конкретных случаях на предприятия направлялись ее представители. Постановления комиссии были обязательны для выполнения всеми государственными организациями и учреждениями. Возглавлял ее талантливый инженер Л. Красин, который еженедельно отчитывался перед Совнаркомом и ВСНХ об итогах работы оборонной промышленности.

Кроме того, почти на всех фронтах и во многих регионах действовали различные комитеты и комиссии, которые считали себя в праве напрямую вмешиваться в работу военных предприятий, особенно, при распределении готовой продукции.

Все эти управления и комиссии развили весьма активную деятельность и, буквально в считанные месяцы, немало сделали для восстановления еще совсем недавно заброшенной и обессиленной оборонной промышленности. Однако, не обошлось без фактов ненужного дублирования друг друга, проявлений ведомственности, местничества и грубых ошибок.

Второй шаг к порядку и централизации в системе государственного воздействия на развертывание военного производства был сделан в ноябре 1918 года, когда постановлением ВЦИК был образован Совет рабочей и крестьянской обороны во главе с председателем СНК В. Лениным. Совет обороны, который, взяв на себя ряд функций ВСНХ, направлял из одного центра работу большого количества организаций по повышению боеспособности Красной армии и продолжающейся перестройки на военный лад промышленности, транспорта, продовольственного дела. Он подчинил себе различные комитеты и учреждения, занятые решением этих задач, в том числе комиссию Л. Красина, преобразовав ее в Чрезвычайную

комиссию по снабжению Красной армии, повысив тем самым ее ответственность не только за процесс военного производства, но и за его конечные результаты - достаточную степень обеспечения фронтовых частей вооружением, боеприпасами, другим военным имуществом. В состав комиссии вошли представители ВЦИК, ВСНХ, ВЦСПС и Военного наркомата. Винить другие ведомства за промахи и сбои в материально-техническом обеспечении действующей армии стало невозможным: широкие права и возможности были сбалансированы с высокой ответственностью. Почти еще год работой комиссии успешно руководил Красин, пока его не "перебросили" на другой трудный участок – железнодорожный транспорт...

Новый, третий этап в развитии системы управления военным производством начался летом 1919 года, когда в гражданской войне наступил, пожалуй, самый ответственный и по-своему очень трудный период, а экономическое напряжение, главным образом, из-за нехватки металла, топлива и транспорта, переступило красную черту.

В такой ситуации было решено сосредоточить общую организацию и управление военным производством не только в рамках одного органа, но и передать ее в руки одного ответственного лица – А.И. Рыкова, предоставив ему "диктаторские полномочия в области снабжения армии". [2.69] В то же время он оставался председателем ВСНХ, что расширяло возможности Рыкова быстро и результативно разрешать крупные хозяйственные вопросы, в том числе по обеспечению оборонных предприятий сырьем, топливом и продовольствием. Вскоре он стал заместителем председателя Совета обороны, а несколько позже и Совнаркома СССР. Умелый организатор, человек дела и знаний А.И. Рыков по принципиальным вопросам часто имел свою точку зрения, не всегда совпадавшую с позицией Ленина. Это вызывало осложнения в их отношениях. Но Ленин ценил его, прежде всего, за деловые качества и высокую надежность, доверяя ему решение самых трудных народнохозяйственных задач. Так, он с удовлетворением отмечал: "Рыков, когда работал в Чусоснабарме, сумел подтянуть дело, и дело пошло". [2.70] Дело пошло не только потому, что Алексей Иванович много и напряженно работал, но и потому, что придерживался хорошо продуманной и проверенной на практике стратегии. Трезво оценивая реальные ресурсы и другие возможности, Рыков понимал, что в сжатые сроки поднять всю военную промышленность не удастся. Поэтому он выделил из нескольких сот полулежачих предприятий около 60 заводов, которые в первую очередь снабжались сырьем,

топливом и продовольствием для рабочих. Они образовали достаточно прочный каркас всего оборонного комплекса. Большинство таких заводов были расположены в четырех промышленных центрах: Петрограде, Москве, Туле и Нижнем Новгороде. В этих городах и прилегающих к ним районах на заводах и фабриках трудилось около 1 млн. человек или примерно две трети промышленного персонала, охваченного переписью 1918 года.

Главным арсеналом производства и ремонта стрелкового оружия, особенно в начальный период гражданской войны, стала Тула, где работало на оборону около 300 предприятий, среди них два: оружейный и патронный, входили в число "привилегированных". На их долю в 1918 году пришлось свыше 62 % всех выпущенных в республике винтовок и 69% – патронов.

Петроград в конце Первой мировой войны был в России самым крупным научным, техническим и производственным центром, где использовались современные для того времени технологии. Однако, после Октября он пережил две волны эвакуации оборудования, сырья и квалифицированных рабочих (весной 1918 и летом 1919 года), что значительно ослабило его производственный потенциал. Достаточно отметить, что число только металлистов в городе с января 1917 года по октябрь 1918 года сократилось на 70%. Однако, как показывает практика, ни одна эвакуация не бывает тотальной. Петроград не был в этом отношении исключением. Уже осенью 1918 года началась интенсивная настройка его оставшихся мощностей на выполнение заказов для фронта. Быстро оправились от шока лидеры оборонной промышленности России: Путиловский, Балтийский, Ижорский, Обуховский, Сестрорецкий и другие крупные и средние предприятия. Так, Путиловский завод, на котором в мае 1918 года оставалось 10.8 тыс. рабочих (год назад там было 30 тыс.), быстро перешел от только что освоенного производства кос, серпов, лемехов и других инструментов для села, к выработке привычной для себя продукции: за оставшиеся месяцы 1918 года было выпущено 7 паровозов, 168 вагонов, 3 экскаватора, выплавлено 56 тыс. пудов стали. Изготовлено также около 400 орудий, 6 тыс. шрапнелей, 500 фугасных бомб. Освоен выпуск броневиков и вездеходов на гусеничном ходу. На Адмиралтейском заводе быстро собрали и вооружили 9 канонерских лодок для Волжской флотилии. Вскоре туда же была направлена группа миноносцев. Все это сыграло важную роль в освобождении Казани и всего Поволжья от восставших чехов и войск Колчака.

На других предприятиях Петрограда также развернулось производство бронепоездов и броневиков, самолетов, артиллерийских орудий и снарядов к ним, винтовок, патронов, гранат, оптических приборов, инженерного имущества и военного обмундирования. К началу 1919 года в Петрограде действовали 264 предприятия, на которых было занято почти 125 тыс. рабочих.

Особенность Московского индустриального центра состояла в том, что здесь издавна были сосредоточены, главным образом, предприятия легкой промышленности. В соответствии с исторически сложившейся специализацией и учитывая особенности военных заказов, московские фабрики резко увеличили выпуск шинельного сукна и других тканей для пошива обмундирования и белья. Возросло производство специальной обуви, а также обозного снаряжения.

Другие заводы и фабрики изменили свой профиль и освоили изготовление снарядов, патронов, винтовок, гранат, некоторых видов станков для военной промышленности. Был налажен также ремонт артиллерийских орудий, автомобилей, телефонных аппаратов, производство разнообразного инструмента. Поскольку спрос на металл полностью не удовлетворялся, пришлось налаживать и увеличивать выплавку чугуна. В Москве были расположены 5 из 9 авиационных заводов России. На самом крупном из них – "Дуксе", только в ноябре 1918 года было собрано и отремонтировано 29 самолетов, направленных в действующую армию. Недостроенный автомобильный завод выпускал бензиновые моторы.

Нижегородский регион еще в дореволюционное время славился как один из главных центров судостроения, производства подвижного состава для железных дорог и металлообработки. Здесь имелась своя металлургическая база (Выксунский, Кулебакский и др. заводы). Во время Первой мировой войны сюда было эвакуировано несколько машиностроительных заводов, в том числе по производству дизелей, инструмента, телефонов. Важную роль в масштабах всего Центрального промышленного региона играли мукомольные предприятия Нижегородской губернии и кожевенная промышленность Богородска. Всего в промышленности этой губернии в 1917 году было занято около 45 тыс. рабочих.[2.71] В годы гражданской войны они оказались в прифронтовой полосе и активно подключились к снабжению Красной армии артиллерийскими орудиями и снарядами. Сормовские заводы строили, ремонтировали и вооружали суда для Волжской военной флотилии, соорудили десятки бронепоездов и броневагонов, выполняли другие заказы.

Необходимо подчеркнуть, что неравномерный, но непрерывный процесс перестройки промышленного производства на военный лад наблюдался повсеместно, где для этого были хоть какие-нибудь возможности, не говоря уже о крупных предприятиях. Так, Коломенский машиностроительный завод, находясь в очень трудных условиях со скудными запасами металла и топлива, а его рабочие порой получали по осьмушке овсяного хлеба, не прекращал ремонта подвижного состава и выпуска новых локомотивов. В 1918 году из его ворот на железные дороги страны вышли 37 вновь построенных паровоза, в 1919 году – 22, в 1920 году еще 32. Всего: 91 локомотив, что составляло 22.6% их общего выпуска в Советской России за истекшие три трудных года. [2.73] Трудно переценить народнохозяйственное и военное значение этого подвига.

Оборонные заводы Урала и Поволжья, которые временно оказались на территории, занятой белогвардейскими войсками, после своего освобождения, как правило, быстро подключались к обеспечению различных нужд Красной армии. Например, Ижевский оружейный завод был освобожден летом 1919 года. За оставшиеся полгода он выпустил 172 тыс. винтовок.

Все эти примеры и факты убедительно свидетельствуют о том, что стойкость и героизм тыла сыграли, – не знаю, можно ли сказать решающую, – но во всяком случае весьма важную роль в укреплении боеспособности Красной армии и ее победах.

Общее количество изготовленного и отремонтированного оружия в Советской России за 1918-1920 годы [2.73]

тыс. штук

	1918, 2-я пол.	1919	1920	За 3 года
Винтовки	900	1135	932	2967
Патроны	500 000	357 260	516 024	1 373284
Пулеметы	8.0	6.3	6.5	20.8
Орудия полевые	2.0	0.5	0.2	2.7
Снаряды	2 500	184	16.3	2 700
Револьверы	1 500	77.6	38.3	1 615

Бросается в глаза, что наиболее высокий уровень выпуска важнейших видов вооружения был достигнут во втором полугодии 1918 года. Затем наблюдается резкий спад их производства, хотя расширение состава Красной армии и масштабов боевых операций продолжалось. Для объяснения такой нелогичной динамики есть несколько причин. Во-первых, во второй половине 1918 года оборонная промышленность, находясь на крутом подъеме, достигла или вплотную приблизилась к максимальному уровню своего весьма изношенного и

частично разрушенного потенциала. В последующие два года он стал сокращаться. Во-вторых, и это главное, в 1918 году имелись еще кое-какие запасы черного и цветного металлов, нефти, угля. К концу года они были израсходованы. Поскольку Центральные и Северо-Западный районы оказались блокированными от своих сырьевых и энергетических баз в Донбассе, Кривом роге и на Урале, прогрессирующий дефицит металла и топлива стал буквально душить военное производство. В-третьих, продовольственное снабжение промышленных центров происходило с большими перебоями, что привело к массовому уходу рабочих в деревню, физическому истощению оставшихся, падению дисциплины и производительности труда. Такой вывод можно подкрепить и статистическими данными о производстве металла и добыче топлива в годы гражданской войны:

Производство черных металлов в 1917-1920 гг [2.74]
в границах СССР, тыс. т

	1917	1918	1919	1920	1920:1917
Чугун, всего	3022.6	515.5	113.2	115.1	3.8 %
в т.ч. Центр	147.9	52.9	26.3	18.2	12.3 %
Сталь, всего	3079.6	402.1	199.1	161.8	5.6 %
в т.ч: Центр	464.1	130.6	40.0	10.0*	2.1 %
Прокат, всего	2443.6	357.3	179.3	147.2	6.0 %
в т.ч: Центр	340.7	118.5	41.5	18.9	5.5 %

* Оценка

Как видно из этих данных, производство чугуна, стали и проката в 1919-1920 годах катастрофически обвалилось во всей России. Выплавка чугуна в центральных районах сократилась относительно в меньшей степени за счет работы некоторых домен на древесном угле.

Исходная причина почти полной остановки черной металлургии заключалась в том, что в этот период, по существу, прекратилась добыча железной руды и производство кокса из каменного угля. Так, Криворожские рудники, где в 1913 году было добыто 6.9 млн. тонн железной руды, в течение 1918-1920 годов совершенно бездействовали. В центральном районе, под Петроградом в 1920 году было добыто всего 28 тыс. т, руды против 471 тыс. в 1913 году. Поэтому почти вся выплавка чугуна в этот напряженный период производилась только на тех заводах, где сохранились запасы железной руды и кокса. По мере их сокращения снижалось производство не только чугуна, но также стали и проката. На конце такой технологической цепочки больше всего страдали те предприятия, которые изготовляли "тяжелые" металлоизделия – пушки и снаряды.

В цветной металлургии ситуация была еще сложнее. В 1919-1920 годах полностью прекратилась добыча медных руд и выплавка меди. Выпускать продукцию могли только те медепрокатные и электротехнические заводы, которые имели запасы сырья со времен мировой войны.

Дефицит топлива был узким местом для промышленности еще до февральской революции. В 1918-1920 годах этот сектор народного хозяйства стал настоящим кошмаром, особенно для Центрального района, который оказался без подпитки из Донецкого бассейна.

Добыча каменного угля в 1917-1920 годах [2.75]

тыс. тонн

	1917	1918	1919	1920
Донбасс	24 735	8 862	5 537	4 472
Урал	1 596	799	701	943
Подмосковный бас.	706	383	398	659
Всего по стране	31 229	12 969	9 292	8 555

Из таблицы следует, что общий объем добычи угля в России за три года гражданской войны сократился почти в 4 раза. При этом значительная часть полученного топлива использовалась на собственные нужды шахт, в частности, на откачку воды. Поскольку масса добываемого угля уменьшилась, а расходы на поддержание забоев в рабочем состоянии оставались на относительно постоянном уровне, их доля в общей добыче резко возросла. Например, в Донецком бассейне на собственные нужды в 1920 году использовалось свыше 49% поднятого на гора топлива, в то время как в 1913 году на такие цели расходовали только 8% общего объема его добычи.

При этом следует иметь в виду, что в 1918-1919 годах. Советская Россия вообще не получала угля из Донбасса и с Урала. Единственным поставщиком твердого, к сожалению, низкосортного топлива выступал Подмосковный бассейн. С большим трудом здесь удавалось поддерживать добычу на уровне, который едва перекрывал половину соответствующего показателя далеко не рекордного 1917 года. Только в 1920 году произошел перелом: добыча угля за год увеличилась в 1.7 раза. В том же 1920 году, после освобождения Донбасса в Центральный район поступили первые 2.9 млн. тонн качественного угля. Тогда же "пошел" первый уголь с Урала. Однако, полностью развязать этот тугой узел так и не удалось. Весь топливный баланс по-прежнему держался на дровах. Далеко не всегда такое решение было оптимальным и удобным для потребителей, особенно в безлесных районах.

Еще один фактор, тоже из числа главных, заметно снижавший выпуск промышленной продукции, в том числе на оборонных предприятиях, – это крутое падение производительности труда.

Объем продукции цензовой промышленности на 1 работника [2.76]
в сопоставимых ценах, 1917 г. = 100

	1918	1919	1920
Вся промышленность	61.9	48.3	45.1
Металлообработка и машиностроение	44.8	22.3	15.7

Таблица воспроизводит весьма неприглядную картину: за три года гражданской войны производительность труда в промышленности по сравнению с уровнем 1917 года упала больше чем в 2 раза, в том числе в металлообработке и машиностроении – в 6 с лишнем раз. Такие масштабы падения экономической эффективности свидетельствовали о серьезных нарушениях и неполадках, возникших в системе социальных и экономических отношений в промышленности. Одной из главных причин таких угрожающих сбоев было хроническое недоедание и даже голод практически всего производственного персонала ключевых отраслей военной экономики. Качество жизни рабочей массы резко ухудшилось даже в сравнении с 1917 годом. Систематическая нехватка продовольствия стала невыносимой.

В апреле 1919года, по подсчетам Д. Коваленко, общее число занятых на оборонных и гражданских заводах, производивших продукцию для Красной армии, составляло 862 тыс. из 1.4 млн. всей массы промышленных рабочих. [2.77]

Поначалу Совнарком попытался удержать их продовольственное снабжение на уровне периода Временного правительства. По рабочей карточке полагался один фунт хлеба (400 гр.). Особым категориям – дополнительно 100 или 200 грамм. Иждивенцы могли получить полфунта. Однако, из-за трудностей с заготовками хлеба карточные талоны отоваривались не полностью. Причем из месяца в месяц снабжение становилось все хуже и хуже. Например, в июле 1919 года рабочий паек на ткацких фабриках Тверской губернии был снижен до 1/2 фунта в день. Остальным гражданам 1-ой категории паек составлял 1/4 фунта (100 гр.), 2-ой категории, соответственно, – 1/8 фунта. 3-ья категория не получала никакого пайка... (там же, с. 243).Началась забастовка. Справедливость требований бастующих понимали все. Но что делать властям, когда в их распоряжении нет никаких хлебных запасов.

На некоторых заводах профсоюзы при поддержке дирекции посылали в южные губернии специальные команды для закупки, чаще для бартерного обмена на зерно, муку, картофель, просо, – специально изготовленные для села замки, зажигалки, топоры, косы и другие изделия. Срочно создавали подсобные хозяйства для выращивания картофеля и овощей. Помогали рабочим, не имевшим своей земли в деревне, а таких было примерно две трети, обзавестись семенами и огородом недалеко от места работы. Несмотря на ограничения, широко было развито мешочничество: рабочие прогуливали, ехали за много верст, с приключениями, лишь бы обменять на продовольствие разными путями попавшие в их руки промышленные товары...

Сельское хозяйство также надолго стало больным местом всей экономики страны.

Валовой сбор основных продовольственных культур в России [2.78]
млн. пудов

	1911-1915	1917	1918	1919	1920
Зерновые всего	3 938	3 162	3 235	1 052*	1 127*
В т.ч. по нечерноземной полосе	673	680	–	–	324
Картофель всего	1 280	974	950	878	234
В т.ч. по нечерноземной полосе	435	393	–	–	171
Масличные	96.6	34.5*	–	–	22.9*

* Без Юго-Западного, Малороссийского и Новороссийского районов.

Следует оговориться, что данная таблица содержит весьма приближенные, по существу, оценочные данные, хотя они взяты из статистических справочников и фундаментальной работы Н. Кондратьева. Дело в том, что в течение четырех лет по территории России прокатилось несколько разрушительных волн мировой, а затем гражданской войны. Надежной системы сбора статистических данных в стране не было. Крестьяне, спасаясь от насильственных поборов, были заинтересованы в том, чтобы скрыть хотя бы часть урожая от учета и продотрядов. Поэтому все эти данные следует использовать только для общей ориентации.

Одна из причин резкого снижения валовых сборов зерна и картофеля в 1919 и 1920 годах заключается в том, что таблицы за эти два года не включают данные об урожае по трем южным регионам, входившим в Украину. В это время там ежегодно собирали порядка 800-900 млн. пудов зерна. Поэтому не приходится удивляться, что статистика по сельскому хозяйству тех лет не совпадает даже

в официальных справочниках различных правительственных учреждений, не говоря уже об отдельных авторах.

Однако, имеется достаточно оснований утверждать, что общий сбор зерновых на территории Европейской части России в 1920 году был почти в 2 раза ниже довоенного уровня.

Такое значительное сокращение в период гражданской войны производства основных продовольственных культур было непосредственно связано, с одной стороны, с сокращением посевных площадей, а с другой, – с падением урожайности. Так, в 1920 году посевные площади под зерновыми, картофелем, льном и подсолнечником в среднем по всей стране сократились на 30%, в том числе по нечерноземному поясу, служившему основной продовольственной базой Советской России, на 38%. [2.79] Одновременно круто снизилась урожайность, т.е. полезная отдача земли:

Урожайность зерна и картофеля по всей России (а) и нечерноземной полосе (б) [2.80]

пудов с десятины

	1916	1917	1918	1919	1920
Рожь озим. а)	63	43	41	39	29
б)	56	43	43	40	43
Пшеница яр. а)	49	40	33	39	23
б)	44	54	42	39	35
Овес а)	56	42	40	44	35
б)	51	42	43	38	43
Просо а)	48	42	46	32	26
б)	–	26	–	–	36
Картофель а)	465	421	364	386	363
б)	369	497	386	436	430

Таблица подтверждает оценку, что сбор зерновых в России в 1920 году был примерно в два раза ниже довоенного уровня. Как видно из приведенных данных, только урожайность с десятины двух главных продовольственных культур: озимой ржи и яровой пшеницы за период 1917-1920 годов в среднем по стране снизилась чуть больше, чем в два раза. Но нужно добавить, что за тот же период сократилась общая посевная площадь, занятая этими культурами. Сложение двух однонаправленных факторов соответственно увеличивает общий вектор их отрицательного воздействия на валовой объем урожая зерновых. Возникает вопрос: почему оба фактора проявляли себя одинаково? Причин несколько:

Прежде всего, надо отметить, что мировая и гражданская война заметно сузили рабочий потенциал российского сельского хозяйства, о чем свидетельствуют изменения численности населения:

Население России в 1916 и 1920 годах [2.81]
млн. человек

	Городское и сельское			Только сельское		
	муж.	жен.	Всего	муж.	жен.	всего
1916	–	–	124.3	45.4	53.8	99.2
1920	51.1	61.0	112.1	43.2	51.7	94.9

Бросается в глаза увеличение за 1917-1920 годы доля сельского населения в общей численности жителей России: с 79.8 до 84.7%. Заметная часть мужчин и женщин в этот трудный для жизни период переселилась из города в деревню. При этом число домохозяйств увеличилось в сельской местности с 17.7 до 18.1 млн. При общем сокращении численности сельских жителей такие сдвиги означали, что количество членов крестьянской семьи за годы войны сократилось. Это подтверждают и специальные обследования.

Изменение размера семей двух уездов Тульской губернии [2.72]
доля разных семей в их общей численности, в %

Размер семьи	Алексинский уезд		Каширский уезд	
	1912	1917	1912	1917
до 3-х человек	12.5	11.5	10.9	12.1
4-10 человек	69.4	76.2	67.9	71.8
11-12 человек	12.1	12.3	13.4	16.1
13 и более чел.	6	–	7.8	–

Крупные семьи объединяли раньше родственников нескольких поколений (чаще всего семья сына оставалась в родительском доме), что позволяло создать небольшой семейный кооператив, основанный на разделении труда, обобществлении сельскохозяйственных машин: сеялок, жаток, молотилок и других орудий, а также лошадей и рогатого скота. Все это позволяло существенно повысить производительность труда, урожайность полей и доходность всего хозяйства. Логично, что такие семьи жили богаче, лучше питались, меньше болели. Однако, в годы войны, когда окружающая напряженная обстановка казалось бы стимулировала объединение средств и труда, в жизни деревни повсеместно наблюдалось обратное: крупные родовые семьи дробились на первичные ячейки: родители оставались только со своими детьми. Дело в том, что по установленному тогда порядку, мужика – единственного кормильца семьи в армию не мобилизовали. Этот стимул оказался сильнее всех экономических выгод.

Другая причина сокращения урожайности и валовых сборов зерновых связана с нарушением баланса поступления и отдачи

питательных веществ земли. До войны медленно, но все же увеличивалось поголовье лошадей и крупного рогатого скота, а значит и органики, которой, однако, не хватало для всех полей. Дефицит частично покрывался за счет растущего импорта и собственного производства минеральных удобрений, что наглядно отражалось в динамике урожайности зерна и картофеля. В военное время численность стада крупного рогатого скота и лошадей сократилась, а объем импорта и производства минеральных удобрений снизился почти до нуля: например, выпуск суперфосфата в 1920 году составил всего 9.1 тыс. тонн.

Поголовье лошадей и крупного рогатого скота в 1916-1920 г.г. [2.83]

млн. голов

	1916	1917	1920
Россия:			
Лошади	31.0	28.8	24.1
КРС	50.2	48.2	36.9
в том числе: коровы	22.0	21.5	20.2
Нечерноземная полоса:			
Лошади	5.5	5.4	4.9
КРС	11.1	10.8	8.8
в том числе: коровы	6.0	6.0	6.1

Это весьма интересная таблица. Во-первых, она показывает, что животноводство в годы гражданской войны пострадало в меньшей степени, чем растениеводство. Например, поголовье лошадей в 1920 году составляло 80% к соответствующему уровню 1916 года, стадо крупного рогатого скота – 73.3%, в том числе коров – 91.4%. Во-вторых, в нечерноземной полосе поголовье лошадей и крупного рогатого скота сохранилось лучше, чем в черноземных губерниях. При этом численность коров в этой полосе при советской власти даже увеличилась. Это заслуга не столько властей, сколько женщин-крестьянок, на плечах которых лежала главная забота о том, чтобы почистить хлев, накормить и во время подоить корову. Показательно также, что в эти трудные годы, когда резко сократились посевные площади под зерновыми, увеличились заготовки сена и других кормов для скотины. Такие перемены сыграли свою роль в том, что крестьянство смогло выдержать тяготы военного времени и помочь голодному населению городов. Когда в доме есть молоко, сыты и дети, и мужики. Показательно также, что во многих хозяйствах держали овец, коз и свиней, хотя их поголовье к 1920 году несколько снизилось как по России, так и по нечерноземной полосе.

Общий вывод заключается в том, что благодаря напряженном труду, особенно женщин, основная масса крестьянских хозяйств удовлетворительно продержалась до конца гражданской войны. Конечно, встречались отклонения и в худшую, и в лучшую сторону, но в деревнях голода не было. Положение городского населения было намного хуже. Система насильственных заготовок хлеба не оправдала себя:

Государственные заготовки хлебопродуктов в России [2.84]

тыс. тонн

	1916/17	1917/18	1918/19	1919/20	1920/21
Россия всего	518.2	778.5	176.7	345.3	461.8
в т.ч: потреб. рай-ны	389.7	215.6	195.4	378.0	444.5

*Без Украины, Белоруссии, Закавказья и Средней Азии

Из-за почти полного провала заготовок в 1917/18 и 1918/19 годах Совнарком не имел никаких не только стратегических. но и оперативных запасов зерна и муки. Хлебный паек в столицах пришлось снизить до 100-200 граммов в день. Этого не достаточно для жизни и работы людей даже по минимуму. Они вынуждены были искать хлеб на нелегальном "вольном" рынке. По результатам обследования, проведенного в январе-мае 1918 года в Москве покупали продовольствие на вольном рынке 80% всех орошенных, в том числе, – 85 % рабочих. Причем такие закупки в 1.5 раза превышали количество хлеба, полученного ими по карточкам. [2.85] Обслуживали вольный рынок два типа "мешочников": первый – стремился подешевле купить зерно или муку для удовлетворения потребностей своей семьи. Второй – мелкий перекупщик, непрофессиональный посредник между городом и деревней. Разовый оборот мешочника: от одного до десяти, реже пятнадцати пудов хлеба. Но, в целом за сезон 1917/18 года они доставили в потребляющие губернии, по оценке Н. Кондратьева, 82.3 млн. пудов хлеба – на 28% больше, чем государственные заготовители. Это позволило людям выжить в крайне экстремальных условиях.

Не приходиться удивляться, что в трудное время городские жители питались хуже, чем сельские: они находились дальше от мест, где производилось продовольствие. Семьи служащих имели в своем распоряжении больше продуктов, чем семьи рабочих, хотя по карточным нормам должно было бы быть наоборот. Дело в том, что, располагая большими денежными доходами, в 1918 году, когда рыночная торговля еще, хотя и не в прежних масштабах, но еще

функционировала, семьи служащих могли приобрести значительно больше продуктов, чем им было положено по карточкам. В последующие годы, когда "вольная" розничная торговля заметно сжалась, доля карточного снабжения населения основными продуктами питания увеличилась, хотя общее продовольственное положение стало критическим.

Голод и острый дефицит топлива с двух сторон сдавили экономику Советской России до предела возможного. Временами казалось, что сердце ее остановилось...Но она еще раз удивила мир своей живучестью. Из последних сил удалось все же вырвать победу в гражданской войне.

2.4. Деньги и банки хоронят без почестей

Принципиальное значение и для стратегии, и для практической деятельности органов советской власти после национализации промышленных и крупных торговых предприятий, железных дорог, средств связи имел *вопрос о дальнейшей судьбе рыночных отношений и денег.* Известно, что основоположники марксизма при построении теоретической модели социализма исходили из целесообразности свертывания товарного производства и торговли. "Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями". [2.86]

Мотивировка такого вывода представлялась достаточно логичной. Причинами возникновения рынка считались два главных обстоятельства: общественное разделение труда и частная собственность на продукты производства. Разделение труда предполагает обмен готовой продукцией. Частная форма собственности, т.е. экономическая независимость производителей, делает необходимым эквивалентный характер такого обмена, что, в свою очередь, обуславливает его денежную форму, которая позволяет сопоставить и количественно характеризовать стоимостную (затратную) и потребительскую значимость обмениваемых товаров. Все логично, последовательно, как и другой вывод: рынок способствует не только повышению производительности труда, но и спекуляции. Одни правдами, а главное, – неправдами становятся богаче. Другие, за счет которых наживаются первые, – беднее. Некоторые – разоряются. Отсюда следует, что борьба за социальную справедливость включает в себя и отказ от использования неконтролируемого рынка, денег, торгового капитала.

Русские марксисты в начале века и в первые годы после Октябрьской революции придерживались такой же позиции. Других мнений о судьбе рынка и денег при социализме среди них в то время просто не возникало, настолько все казалось ясным и бесспорным. Однако, председатель Совнаркома более критически смотрел на теоретические постулаты и очень быстро понял, что сразу же деньги отменить нельзя. В первый период "купля-продажа допустимы": "При переходе от капиталистического общества к социалистическому обойтись без денежных знаков или заменить их в короткий промежуток времени новыми – представляется вещью совершенно невозможной". [2.87]

Может возникнуть встречный вопрос: поскольку Ленин и раньше считал, что нужно сохранить банки на всю обозримую перспективу, значит на такой же период предполагалось сохранить финансовую систему и деньги. Однако, противоречия здесь нет. Эти важные сегменты рынка имелось в виду сохранить, изменив их функции. Принципиальное значение имела установка на то, чтобы постепенно в процессе обобществления средств производства и торговли существенно трансформировать стадию обращения, оставив за ней только вспомогательные функции, "сделав из товара не товар, во всяком случае не только товар". При этом имелось в виду производство и распределение направлять и координировать (балансировать) с помощью единого плана, а личное потребление, – используя потребительские кооперативы и другие социально-экономические объединения населения. Банкам, финансам и деньгам оставлялись, в основном, функции измерения, учета и контроля за движением таких категорий, как национальный доход, валовой продукт, накопление и потребление, фонд зарплаты и др.

Как уже говорилось, рыночные отношения и деньги выполняют также важную функцию стимулирования качества и роста производительности труда. В новых условиях эту роль призваны были сыграть органы управления и профсоюзы с помощью воспитательных и административных мер, соревнования, а также инструментов материального стимулирования: каждому по результатам его труда.

Во второй программе компартии, принятой в 1919 году, такой курс экономической политики был очерчен достаточно четко: "...Неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительских коммун, способных с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией и с наименьшей затратой труда распределять все

необходимые продукты". [2.88] Предполагалось также "радикальное изменение и упрощение банковских операций путем превращения банковского аппарата в аппарат единообразного учета и общего счетоводства Советской республики. По мере организации планомерного общественного хозяйства это приведет к уничтожению банка и превращению его в центральную бухгалтерию коммунистического общества". [2.89]

Авторы программы понимали, что все эти установки опираются на логические умозаключения, а не на практический опыт. Поэтому возможны поправки и корректировки. Во всяком случае в текст программы была включена важная оговорка: "В первое время перехода от капитализма к коммунизму, пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным". [2.90]

Ленин буквально с первых же дней после Октябрьской революции познал на собственном опыте значение и истинную цену денег, не как отдельная личность, а как глава правительства. Уже отмечалось, что власть без денег – это только видимость власти. Нужно было поддерживать и развивать экономику, науку, образование, медицину, нововведения, платить жалование служащим госаппарата, армии, расплачиваться за услуги почты, связи, железных дорог и т.д. А денег не было.

Работники государственного банка, несмотря на то, что его управляющий И. Шипов был арестован и "сидел" здесь же, в Смольном, бойкотировали распоряжения Совнаркома о выдаче средств со счета правительства. Пришлось использовать более жесткие методы. 11 ноября Шипов и ряд других руководящих работников Госбанка были уволены без права на пенсию. [2.91]

Через два дня комиссаром по Государственному банку со всеми правами управляющего был назначен В. Оболенский (Н. Осинский). Ему сразу же вручили распоряжение Совнаркома, подписанное Лениным, Троцким, Коллонтай и Менжинским: "Предоставить комиссару государственного Банка В.В. Оболенскому право, в виде временной исключительной меры, выдать с текущего счета департамента Государственного казначейства краткосрочный аванс Совету Народных Комиссаров в размере 25000000 (двадцать пять миллионов) рублей с отнесением их на текущий счет Совета Народных Комиссаров.[2.92]

Перед его отъездом в банк председатель СНК пригласил к себе и управляющего делами Н. Горбунова. Вручая им подписанный документ, он в виде напутствия пожелал: "Если денег не достанете,

– не возвращайтесь". О том, как развивались события дальше, рассказывает сам Н. Горбунов:

"Получив задание от Ленина, мы вдвоем с товарищем Осинским на автомобиле поехали в Государственный банк... Опираясь на низших служащих и курьеров, которые были на нашей стороне, а также угрожая Красной гвардией, которая якобы окружила уже банк, нам удалось проникнуть в помещение кассы банка, несмотря на всякие куншткюки, которые выделывали высшие чины Государственного банка, вроде ложных тревог и т.п., и заставить кассира выдать требуемую сумму. Мы производили приемку денег на счетном столе под взведенными курками оружия солдат военной охраны банка. Был довольно рискованный момент, но все сошло благополучно. Затруднение вышло с мешками для денег. Мы ничего с собой не взяли. Кто-то из курьеров, наконец, одолжил пару каких-то старых больших мешков. Мы набили их деньгами доверху, взвалили на спину и потащили в автомобиль... Так было положено начало нашему первому советскому бюджету. Буржуазная печать по этому поводу потом всюду кричала об ограблении большевиками Государственного банка". [2.93.]

В Совнаркоме Осинскому и Горбунову была устроена радостная встреча. Для хранения денег выделили отдельное, сухое помещение. У входа поставили караул. Были разработаны специальные правила расходования денег.

Однако, этих миллионов хватило не надолго. Практически на каждом заседании Совнаркома приходилось рассматривать финансовые вопросы, и большинство из них сводилось к тому, что у правительства просили финансовой поддержки... Меньше чем через месяц В. Ленин был вынужден вновь обращаться с просьбой, на этот раз к командующему Петроградским военным округом: "Выдайте немедленно 100000 руб. в мое распоряжение для заимообразного пополнения спешных нужд Совета Народных Комиссаров".

100 тыс. рублей – это конечно капля в море. Просьбы или даже требование денег со стороны предприятий, ведомств, местных Советов были, пожалуй, такими же настойчивыми, как и требования хлеба. Для иллюстрации – несколько телеграмм в Совнарком и наркоматы:

"Откройте кредит... В противном случае приостановится работа во всех комиссариатах" (из Самары).

"Просим самого срочного распоряжения о кредитах... бегство работников" (из Иркутска).

"В случае задержки Комитет прекратит свою деятельность за неимением средств" (из Вологды).

"Не дайте погибнуть делу" (из Нижнего Новгорода).

"Положение безвыходное" (из Перми).

"Денег ни копейки. Есть ли смысл ехать за деньгами?" (из Астрахани). [2.94.]

В Москве первые 10 млн. рублей были взяты в порядке экспроприации и ареста управляющего местной конторой Госбанка, который упрямо отказывался давать деньги без приказа из Петрограда...

Как бы подытоживая все эти тревожные сигналы о финансовой недостаточности новой власти, В. И. Ленин откровенно и с горечью вынужден был признаться: "Денег нет, вот где наша слабость, вот отчего мы слабы и отчего страдает наша страна". [2.95.]

Неправильно было бы думать, что правительство сидело сложа руки и ждало, когда же наконец улучшится погода в финансовой сфере.

В ряде регионов одним из источников финансирования работы Советов в первые месяцы после революции стали контрибуции, наложенные на местных богатеев. За первый год, до ноября 1918 года, было собрано таким образом 846,5 млн. руб., в том числе 738,9 млн. – в городах.

Еще в конце 1917 года в ВСНХ был разработан (Ю. Лариным) проект ввести ряд дополнительных налогов на крестьянские хозяйства. Но Совнарком не захотел накануне открытия Учредительного собрания портить отношения с деревней.

Летом 1918 года был введен чрезвычайный налог в сумме 10 млрд. руб. на имущие слои населения уже в масштабе всей республики. Столько денег с самого начала собрать не предполагали. Но никто не мог обосновать верхний предел возможного. Поэтому сознательно завысили плановый объем нового налога. Задания по его сбору распределили между губерниями, а те, в свою очередь, привлекли к этому делу уезды. Каждый получал часть налоговых поступлений в свое распоряжение и был заинтересован получить побольше. Всего таким образом было собрано около 2-х миллиардов рублей – деньги для того времени очень большие. Важно также, что в Совнарком стало поступать меньше просьб с мест о финансовой помощи.

Осенью 1918 года был издан специальный декрет о налоговых льготах. Национализированные предприятия были освобождены от уплаты налогов, железные дороги перевозили грузы государственных

предприятий бесплатно. Были отменены земельный налог, акцизы. Большая часть рабочих и деревенской бедноты была освобождена от каких-либо прямых налоговых платежей государству.

В 1918 году была введена 5-процентная надбавка к цене потребительских товаров, производимых в национализированном секторе, – своеобразный налог с оборота, поступающий в бюджет. Однако по мере расширения номенклатуры товаров, на которые были установлены твердые цены, автоматически отпала и эта налоговая надбавка.

Попытались изменить порядок начисления подоходного налога, который был введен еще в 1916 году, но он практически ничего не значил для бюджета, поскольку начислялся в падающих рублях. Наконец, осенью 1918 года был разработан проект введения натурального сельскохозяйственного налога, который был утвержден, но так и не осуществлен, поскольку пришлось вернуться к более жесткой системе натуральной продразверстки.

В поисках дополнительных доходов финансисты, как правило, обращают свои взоры на производство спирта и водки. Трудный период гражданской войны не был исключением в этом отношении. "Одним из мощных средств борьбы с денежной инфляцией и поднятия курса рубля, – подсказывал автор записки в Совнарком,– является продажа спиртных напитков в форме винной монополии или откупной системы...В настоящее время самогон изготовляется во всей России, и население в некоторых местностях поголовно отравляется, портит себе здоровье, слепнет. При том он изготовляется чуть ли не открыто. Некоторые местные советы назначали в 1918 году даже твердые цены на самогон. Следовательно, дело шло в открытую. В ряде районов без предварительного угощения самогоном сделать ничего нельзя". [2.96]

Кроме попыток как-то расширить доходную базу государственных финансов, Совнарком принимал меры к тому, чтобы упорядочить, по возможности сократить и сбалансировать свои расходы с имеющимися денежными ресурсами. С этой целью финансисты стали составлять годовые росписи государственных доходов и расходов. Хотя исходные данные были весьма ненадежными и неполными, они показали огромные прорехи государственных финансов. Дефицит первых набросков бюджета составил в 1918 году около 66,6%, в 1919 году, соответственно, – 77,3%, еще через год – 86,9% и в 1921 году – 84,1% . [2.97]

Несмотря на острый недостаток государственных доходов, правительство стремилось особенно не злоупотреблять эмиссией денег,

во всяком случае, до начала гражданской войны. В конце 1917 и первой половине 1918 годов Совнарком активно занимался тем, чтобы накопить ресурсы промышленных товаров, пользовавшихся высоким спросом в деревне, установить на них твердые цены и организовать широкий товарообмен на хлеб и другие продукты питания. Для того, чтобы лучше контролировать применение твердых цен была установлена монополия государства на торговлю основными продуктами питания и промышленными товарами широкого потребления. Это не означало, что торговля такими товарами осуществлялась только государственными магазинами и кооперацией. Реализация товаров по твердым ценам осуществлялась и через частные учреждения по специальным лицензиям.

При этом и предприятия, и торговые организации испытывали острый недостаток оборотных средств и наличных денег. Например, на II съезде совнархозов указывалось на "чрезвычайно болезненное противоречие: обилие выпускаемых денег и острый их недостаток на местах". [2.98]

Парадокс состоял в том, что в рыночных отношениях ощущались одновременно и дефицит, и избыток денег. Их недостаток возникал в связи с тем, что увеличение суммарной покупательной способности денег, находящихся в обращении, отставало от динамичного роста цен на все товары. А избыток возник из-за разрушения механизма товарообмена, прежде всего, между городом и деревней. Таким образом, трудное финансовое положение в начале 1918 года сложилось не только потому, что новые органы управления находились еще в стадии становления и, естественно, не могли обеспечить полностью поступление доходов для государственных нужд, но и потому, что материальное производство резко сократилось, а торговля упала до минимума. Кругооборот товаров и денег обмелел. При этом деньги в одних местах лежали без движения, в других – обращались с повышенной скоростью, но не возвращались ни в банки, ни в казну.

Поскольку хозяйственники постоянно жаловались на нехватку наличных денег, на рынке официально использовались десятки различных денежных знаков, сохранившиеся с прежних времен. Из специальных запасников были пущены в оборот довоенные кредитные билеты, почтовые марки с портретами царей, купоны государственных процентных бумаг, облигации "Займа свободы", напечатанные Временным правительством и так называемые "пензенки". Среди населения они были известны и как "пятаковки".

Дело в том, что весной 1918 года, можно сказать случайно,

выяснилось, что в Пензе хранятся новые образцы денег, заготовленные еще Керенским, именно на случай эвакуации из Петрограда в связи с угрозой наступления немецких войск на северную столицу. Одновременно в Пензе была оборудована новая типография для печатанья денежных знаков, подготовлены матрицы, специальная бумага и краски, другие материалы.

Этим вновь открытым источником денег советское правительство не могло не воспользоваться. В Пензе было заготовлено государственных кредитных билетов (мелких и крупных купюр) на несколько миллиардов рублей. [2.99]

Интересно отметить, что на них стояла подпись нового управляющего банком Г. Пятакова (эту должность он занимал с декабря 1917 по март 1918 г.), а на другой стороне – двуглавый царский орел. Кроме того, на всех купюрах было напечатано, что "кредитные билеты разменяваются государственным банком на золотую монету без ограничения суммы и обеспечиваются всем достоянием государства". В то время золотой запас России находился еще в Казани.

Напечатали "пятаковки" еще в 1918 году. Тогда же были изготовлены и новые расчетные знаки ("совзнаки"), но в обращение, в замен старых образцов, их не выпустили – помешало начало гражданской войны. В 1919 году была восстановлена советская власть на Украине. Ей тоже потребовались наличные деньги, которых не хватало и для прежней советской территории. Поэтому денежную реформу пока пришлось отложить. Только 12 мая 1919 года политбюро по докладу Н. Крестинского, бывшего в то время министром финансов, принимает решение:

– издать декрет о выпуске с 1-го июня новых дензнаков;

– "печатанье и выпуск кредитных и казначейских знаков старого образца прекратить 1-го августа";

– аннулирование старых денег приурочить к 1-му октября или 1-му ноября...[2.100]

Один из знатоков истории денег и финансов в Советской России Л. Юровский утверждает, что "денег новых образцов в 1918 году выпущено (в обращение – Р.Б.) не было". [2.101] Другие источники не подтверждают это категорическое заявление. Так, согласно данным Н. Деревенко и Н. Якушкина количество денег в стране за период с 1 января 1918 по 1 января 1919 года возросло на 33,5 млрд. рублей. [2.102]

Эти цифры полностью совпадают с показателями, приведенными Д. Боголеповым:

Количество выпущенных денег в обращение [2.103]
за соответствующий период, млрд. рублей

03-10. 1917	11-12. 1917	1918	1919	1920	1921	1922
8,3	8,9	33,5	164,2	943,6	16 371	19 700

Из этих данных следует, что Совнаркомом уже за первые два месяца своей деятельности выпустило в обращение больше бумажных денег, чем Временное правительство за 8 месяцев, которое уже с лета прибегало к помощи печатного станка. Советское правительство в 1918 году также объективно не могло избежать массовой эмиссии денег. Его тактика состояла в том, чтобы пока новые советские деньги в обращение не выпускать, чтобы избежать их обесценивания в общей массе. Для этих целей предназначались старые кредитные билеты и другие ценные бумаги. По существу, они выполняли функцию косвенного налога, платить который должны были те, кто в течение нескольких лет "сберегал" такие деньги. Практически какая-то часть обесцененной денежной массы была изъята из обращения зажиточным крестьянством, а также, – национальной и иностранной буржуазией.

Припрятывание денег началось еще в годы первой мировой войны. Быстро исчезли из обращения золотые и серебряные монеты. Затем в сундуках и других "тайных" местах стали накапливаться крупные купюры бумажных денег. Этот процесс усилился после Февральской и, особенно, Октябрьской революции 1917 года. Дело в том, что "николаевки" и "керенки" использовались в обороте, легально или нелегально, вплоть до 1922 года. Население помнило, что "царские" деньги до войны обменивались на золото, и отдавало им предпочтение. "Керенки" ценились ниже на 10-15, а в некоторых районах – даже на 30-40% .

Следует иметь в виду также, что на зарубежных биржах "царские" деньги котировались выше, чем в России, особенно после заключения Брестского мира, который предусматривал выплату компенсации германским владельцам ценных бумаг, выпущенных в дореволюционной России. Поэтому буржуазия стремилась переправить теми или иными путями соответствующие наличные деньги и ценные бумаги за границу.

На денежном обращении в молодой республике отрицательно сказывалась и своеобразная экономическая диверсия, осуществляемая германскими властями на территории западных губерний, оккупированных после Брестского мира. При посредстве германского имперского банка для этих территорий были выпущены

специальные бумажные деньги – "ост-рубли". На них немецкие коммерсанты покупали не только продукты и сырье, но и русскую валюту, особенно "царские" деньги, имевшие хождение по всей территории России.

Все эти причины вместе способствовали возникновению искусственного голода на деньги в условиях инфляции.

Вполне логично, что советские финансисты уже давно работали над подготовкой денежной реформы. Выступая в мае 1918 года на съезде представителей финансовых отделов Советов, председатель Совнаркома обнародовал основные принципы подготавливаемого в то время обмена денег. Предполагалось назначить срок, в течение которого все, у кого были старые бумажные деньги заполнят соответствующую декларацию, что давало право для обмена таких купюр на новые. Если сумма окажется небольшой, то меняться будет рубль за рубль, если же она превысит установленную норму, заявитель получит лишь часть ее. [2.104]

При этом возникала даже дискуссия об обеспечении новых денег золотом. Так, народный комиссар финансов И. Гуковский в своем докладе на Всероссийском съезде совнархозов указывал, что крестьяне привыкли оперировать деньгами, обеспеченными золотом, и такую систему нужно восстановить. [2.105] Этим, видимо, объясняется появление на "пятаковках" надписи, что данные "кредитные билеты разменяваются государственным банком на золото".

Провести задуманную денежную реформу в 1918 году не удалось. Отпал и вопрос о золотом обеспечении рубля, поскольку в конце лета 1918 года молодая республика Советов лишалась основной части своего золотого запаса, который был захвачен мятежным чехословацким корпусом и белыми войсками в Казани и позже передан Колчаку. (Золотой запас Госбанка на 8.10. 1917 года составлял 1 713 млн. руб., из которых за границей было депонировано 612 млн. В России оставалось 1 101 млн. Часть золота – 650 млн. руб. эвакуировали в Казань, которые и попали к Колчаку. Наступавшим в Сибири частям Красной Армии удалось вернуть 409 млн. руб. Остальные 241 млн. были частично разграблены белыми, а частично попали в распоряжение атамана Семенова на Дальнем Востоке.[2.106])

Однако, проблема денег, точнее источников денежных доходов для государства не только осталась, но и разрослась до огромных масштабов. Средства финансирования военных расходов нужны были во все больших размерах, а доходы государственного бюджета были весьма ограниченными. В таких условиях пришлось

прибегнуть к крайней мере, – масштабной эмиссии денег, в том числе, новых "расчетных знаков".

За три года гражданской войны количество денег в обращении увеличилось в десятки раз. Тем не менее, эмиссия денег не могла догнать темпы роста цен. Поэтому деньги быстро обесценивались и доходы государства снижались. "В середине 1922 года, – пишет Л. Юровский, – рубль был обесценен (по сравнению с уровнем 1913 г. – Р.Б.) приблизительно в 5-6 миллионов раз и, следовательно, купюра в 50 000 руб. (или 5 руб. образца 1922 г.) имела покупательную способность довоенной копейки. [2.107]

В этой связи большой интерес представляет динамика реальной ценности эмиссии денег в России, рассчитанная Д. Боголеповым:

Покупательная способность денег, выпущенных в обращение в 1916–1921 гг. [2.108]

в млн. довоенных рублей

1916	1917	1918	1919	1920	1921
1630,6	2766,6	467,5	204,0	102,8	128,4

Автор сам подчеркивает приблизительный характер этих расчетов. Тем не менее, он делает на их основе два важных вывода: *первый* – "доход от печатания бумажных денег у Советской власти был относительно незначительным в сравнении с тем доходом, который получило от него царское правительство и правительство Керенского". Это объясняется тем, что наибольший эмиссионный доход получается на начальном временном отрезке, когда темпы прироста денежной массы в обращении обгоняют динамику роста цен. Таким был период до 1916 года. В течение 1916 года соотношение изменилось: денежная масса в обращении возросла примерно в 1,5 раза, а цены – в 2 раза. Это означало уже относительное сокращение реального эмиссионного дохода. За 1917 год разрыв между этими показателями еще больше увеличился: денег в обращении стало больше в 2,7 раза, а цены подскочили более чем в 5 раз.

Советской власти достался период, когда динамика рыночных цен под влиянием возросших ожиданий населения, подогретых прошлым опытом, стала все в большей степени обгонять скорость (темпы) роста эмиссии денег. Соответственно ускорилось сокращение эмиссионного дохода. Конечно, на динамику инфляции влияли и другие факторы: противоречивые колебания платежеспособного спроса, инфляция издержек производства, изменение скорости оборота денег и др. Но ожидание неизбежного рост цен, как движителя инфляции, выдвинулось на одно из первых мест. В качестве

иллюстрации, подтверждающей такой вывод, можно привести воспоминания бывшего курсанта, который в 1919 году проходил курсы подготовки в одном из училищ. За получением жалования будущие командиры занимали очередь с ночи. Это объяснялось тем, что первые, кто получил деньги в кассе, бегом неслись на рынок. Таким образом можно было наиболее выгодно реализовать свою получку, поскольку цены росли не по дням, а по часам. Продавцы, получив деньги, тоже не мешкали и тут же отправлялись купить нужный им товар. Скорость оборота денег была предельной, что, в свою очередь, влияло на спрос и движение цен.

Рост денежной массы и розничных цен
в среднем за год, в разах

	1918	1919	1920	1921
Денежная масса	2,6	3,4	4,8	13,5
Рост цен	14,6	8,9	9,6	11,0

Из таблицы хорошо видно, что инфляция, в период после революции, безжалостно съедала реальный прирост денежной массы в обращении и заодно – эмиссионный доход.

Другой вывод Д. Боголепова состоял в том, что "доход от печатанья бумажных денег у советской власти... вовсе не был главным источником доходов, так как наряду с ним существовали другие, довольно обильные источники". К ним он относит доходы от продразверстки, продналога и реализации продукции национализированных предприятий. В среднем за период гражданской войны Д. Боголепов оценивает их в сумме не менее 800-900 млн. золотых рублей в год. "Поэтому нужно оставить басни о том, будто бы Советская власть жила исключительно за счет выпуска бумажных денег и будто бы она ввела эту систему". [2.109.]

Нельзя забывать, что в то время ожесточенная гражданская война ежедневно не только уносила сотни и тысячи человеческих жизней, но и огромное количество материальных и финансовых ресурсов. Крайне острое положение, особенно с продовольствием, постоянно сохранялось в тылу. В такой обстановке менять хозяйственную систему, в том числе ее рабочие элементы – деньги и цены, было крайне опасным. Недаром говорят: лошадей на переправе не меняют. Поэтому единого мнения, что дальше делать с деньгами, не было ни в руководстве, ни среди экономистов.

Одни считали, что нужно сменить все денежные знаки, находящиеся в обращении, на новые и усилить административное регулирование и контроль в сфере ценообразования. Такие рекомендации

были реализованы в течение трех лет. Каждый год: 1919, 1920 и 1921 в обращение выпускались новые образцы денежных знаков (с изъятием или без изъятия из обращения старых денег). Тиражи были столь велики, что их изготовление пришлось организовать в нескольких местах: Москве, Ленинграде, Пензе, Перми и Ростове на Дону. Число рабочих управления фабриками по изготовлению государственных знаков достигло к 1 января 1921 года 13,6 тыс. человек. [2.110] Но положение не улучшилось: инфляция продолжала бушевать, эмиссионный доход государства увеличился только в 1921 году и то незначительно.

Другие "сведущие люди", наблюдая бессилие государства изменить неблагоприятную ситуацию на рынке в условиях гражданской войны, стали склоняться к тому, что проще и даже лучше сломать рынок совсем, а вместе с ним денежную систему и непослушные цены.

Дело к этому шло уже давно, в значительной степени стихийно. Натуральный продуктообмен стал все шире применяться не только на местах, но и в масштабе всего государства. Так, сразу же после массовой национализации крупных предприятий в промышленности был взят курс на внедрение безденежных отношений между ними, сначала путем безналичных расчетов через банк, а затем путем так называемых безденежных оборотных перечислений, отражавших движение сырья, материалов, готовой продукции в натуральном выражении. В постановлении ВСНХ о расчетах между национализированными предприятиями и советскими учреждениями, принятом в 1918 году, говорилось: "Все национализированные предприятия обязаны сдавать продукты своего производства и получать от соответствующих центров, главков и отделов все необходимые материалы и сырье. Расчеты за сданные и полученные таким образом продукты производят бухгалтерскими записями без участия денежных знаков. За продукты же, сданные или полученные в силу необходимости помимо расчетных центров (подчеркнуто мною – Р.Б.) платежи должны производиться чеками Народного Банка Российской Республики". [2.111] Таким образом, в государственном секторе уже были заложены основы системы продуктообмена, точнее, продукто-распределения через расчетные центры ВСНХ.

Довольно быстро обесценение денег зашло так далеко, что они перестали выполнять свои функции. Крупномасштабная натурализация экономических отношений становилась неизбежной.

Государство снабжало деревню промышленными товарами либо бесплатно (семьи бедняков), либо путем прямого обмена

на продукты питания и сельскохозяйственное сырье. Объемы такого оборота были весьма скромными, поскольку некоторая часть таких товаров поступала рабочим промышленных предприятий и транспорта, а основная доля использовалась для нужд армии. Так, в 1919/20 году военным было передано около 40% хлопчатобумажной мануфактуры, от 70 до 100% других тканей, до 90% мужской обуви, 60% сахара, 100% табака.

Основную часть своей зарплаты рабочие и служащие получали в натуральной форме. Ее удельный вес составлял в 1919 году 64%, в 1920 – 84% и первом квартале 1921 года – 93,2%.

Сначала снабжение горожан продовольствием осуществлялось по карточкам, по твердым, относительно невысоким ценам, а с конца 1920 года рабочие и служащие основных промышленных центров стали получать продовольственные пайки бесплатно. В 1921 году была отменена квартирная плата. Безвозмездным стало также пользование пассажирским транспортом, почтой, телеграфом, телефоном, банями и другими коммунальными услугами. [2.112]

В 1920 году СНК издал ряд декретов, которые отменяли оставшиеся денежные расчеты внутри государственного сектора. К этому времени сложилась "классическая" система безденежного производства и прямого, директивного распределения продукции государственных промышленных предприятий. Главки ВСНХ составляли материальные балансы производства и распределения важнейших видов изделий, устанавливали заводам задания по объему и номенклатуре выпуска продукции, сами распределяли готовые изделия и обеспечивали, – с растущими трудностями и сбоями, – предприятия сырьем, материалами и топливом. На некоторых предприятиях рабочие получали часть готовой продукции, которую обменивали на рынке на необходимые им продукты.

Оставшиеся от рынка угольки едва тлели. В роли эквивалента при обмене стали использоваться: коробка спичек, бутылка керосина, фунт соли, кусок мыла, аршин ситца и т.д. При этом, если в одном регионе России фунт соли можно было обменять на пуд хлеба, то в другом ее приравнивали к полпуду. За аршин ситца в одних местах можно было приобрести 2 пуда муки, в других – лишь десяток картошек.

В таких условиях вновь вспомнили теорию об отмирании денег при социализме. Так, Н.И. Бухарин видел в обесценении денег их "самоотрицание" и "постепенное уничтожение товарной системы". В.М. Смирнов – нарком торговли и промышленности, выступая на I съезде Совнархозов, утверждал: "В данный момент,

когда мы стремимся к социалистическому строю, падение курса рубля совершенно не должно нас пугать, потому что, когда произойдет полное торжество социализма, рубль ничего не будет стоить и у нас будет безденежное обращение" . [2.113.]

Известный в то время экономист Ю. Ларин следующим образом оценивал прогрессирующий процесс разрушения рынка и денежной системы: "Настоящее умирание денег нарастает по мере роста организованности советского хозяйства..Деньги, как единое мерило ценности, не существуют вовсе. Деньги, как средство обращения, могут быть упразднены уже в значительной степени... Деньги, как средство платежа, окончат свое существование, когда советское государство...избавит (рабочих) от необходимости бегать по сухаревкам. И то, и другое находится в пределах нашего предвидения и практически разрешится в ближайшие же годы. А тогда деньги потеряют свое значение, как сокровище, и останутся только тем, что они есть в действительности: цветной бумагой". [2.114.]

Менее известный, но тоже экономист Л. Крицман дал четкую установку: "Социалистическое хозяйство – это хозяйство натуральное". [2.115]

Подобные высказывания по существу были насмешкой, даже издевательством над теорией и практикой, поскольку натуральная оплата труда и бесплатное пользование коммунальными услугами представляло собой безответственное и крайне неэффективное использование и без того скудных, ограниченных ресурсов. Так, в докладной записке А. Киселева на имя председателя Совнаркома указывалось, что "по приблизительным подсчетам в некоторых отраслях промышленности за первое полугодие 1921 года выделено рабочим путем отчисления продуктов собственного производства на сумму 15 млн. рублей золотом...Если к этому прибавить, что расхищается с предприятий, – а расхищается в среднем не менее 15%, – то получается, что главным поставщиком продукции промышленности на рынок являются рабочие ..." [2.116.]

Не приходится удивляться, что в такой обстановке многие экономисты, глядя на разрушительную инфляцию и мучительное бессилие власти взять под контроль движение разбухшей массы бумажных денег, – сходились на том, что денежная система Советской России находится при смерти, спасти ее невозможно, да и не нужно. А раз со сцены уходят деньги, там нечего делать и банкам. Их операции были свернуты совсем или сужены до предела. Потребность в них отпала, и в январе 1920 года Народный (государственный) банк был упразднен, не прожив и трех лет.

Его время ушло, в основном, на борьбу с упорным саботажем старых банковских чиновников и налаживание работы нового аппарата. За этот короткий период сменились три управляющих, что свидетельствует: процесс пошел, но с большим скрипом и низким результатом. Еще в конце октября 1917 года исполняющий обязанности наркома финансов В. Менжинский, вместе с Лениным подготовили и опубликовали Постановление об открытии банков, в котором твердо указывалось: "Рабочее и Крестьянское правительство предписывает открыть завтра, 31 октября банки в обычные часы...В случае, если банки не будут открыты и деньги по чекам не будут выдаваться, все директора и члены правления будут арестованы, во все банки будут назначены комиссары.., под контролем которых и будет производиться уплата по чекам, имеющим печать подлежащего фабрично-заводского комитета". [2.117.]

Выстрел был в потолок – банки к работе не преступили. Через неделю ВЦИК заслушал сообщение В. Менжинского о положении в системе Госбанка и принял резолюцию "О саботаже ...", в которой предложил Совнаркому срочно принять все необходимые меры для восстановления порядка и дисциплины среди служащих. Во исполнения этой резолюции исполняющий обязанности наркома финансов подписал и лично объявил приказ-ультиматум: "Все служащие и чиновники, не признающие власти СНК, считаются уволенными со службы без сохранения права на пенсию. Все военнообязанные, уволенные по этому приказу, лишаются льгот, о чем будет сообщено соответствующим властям. Все служащие и чиновники, желающие продолжать работу и всецело подчиняться Революционной власти СНК, должны в понедельник приступить к занятиям. Списки приступивших к работе должны быть представлены в кабинет министра финансов в понедельник 13 ноября, к 6 часам вечера. Уволенные чиновники, пользующиеся казенными квартирами, должны их очистить в течение трех дней, считая с 13 ноября". [2.118.]

Банковские чиновники, как и работники Министерства иностранных дел отличались особым консерватизмом. Их понимание политической обстановки и настроения довольно точно передает бывший начальник департамента МИДа В. Лапухин: "Громадное большинство служащих составляли беспартийные люди, на которых никакие вообще политические партии влияния не имели. Даже популярная среди служилой интеллигенции того времени партия кадетов не охватывала сколько-нибудь значительной массы служащих. Дело представлялось проще. Чуждое вообще политических партий, мало знакомое с их учениями и программами, огромное

большинство служащих было плохо осведомлено о большевиках... И это речь идет об интеллигенции в ее массе, имевшей штамп высшего образования. В служилую же интеллигенцию входили грамотные люди и значительно более низкого образовательного уровня. В то же время фабрики, заводы, казармы были охвачены большевистской пропагандой. Вот и получилось, что низовой общественный слой той эпохи познал, хоть и в общих чертах, большевизм и проникся симпатиями к нему, а интеллигенция оказалась в стороне, в недоумении перед чем-то неведомым, а по темпераментности выступлений и пропаганды – и перед чем-то грозным...Ну, могли ли эти "царские чиновники", не ведая идеологии большевиков, а слыша и видя, что она призывает на царских чиновников смерть, не почувствовать ни страха, ни обиды? А именно они: эти, едва ли кому нужные, внушенный чиновникам страх и нанесенная обида – явились главнейшими стимулами воздержания служащих от сотрудничества с новой властью.

Менее общей причиной была наивная уверенность многих в том, что большевики пришли ненадолго. А потом? Вернутся те, что ушли, и всыпят за службу большевикам так, что если и жизнь оставят, то не обрадуешься! В этом отношении большой вред принесла посланная с дороги бежавшим Керенским телеграмма, предписывающая служащим учреждений "не подчиняться и не сдавать дел людям, именующих себя народными комиссарами". И в такой же степени вредным было постановление собравшихся при одном из белых правительств на юге группы сенаторов о предании суду с возвращением "законного правительства" всех служащих, оставшихся в должностях после прихода большевистской власти". [2.119.]

Поэтому неудивительно, что в понедельник 13 ноября большинство банковских чиновников "не приступило к занятиям" на своих рабочих местах...Многие из их были уволены, со всеми вытекающими последствиями как для служащих, так и для новой власти, поскольку замену им найти было весьма непросто. Некоторые банки были ликвидированы вообще, в том числе Дворянский, а также все иностранные банки. Частные коммерческие банки были объединены с Государственным и 14 декабря декретом ВЦИК национализированы. Так был создан новый Народный банк.

В течение 1918 года он, в основном, занимался самообразованием и перманентной реорганизацией. Кредитные операции в народном хозяйстве практически были свернуты. Эмиссией денег занимался наркомат финансов. Межхозяйственные безналичные расчеты осуществляли соответствующие центры ВСНХ. Через Народный банк

и его филиалы проходили межведомственные и региональные потоки наличных денег, велись другие расчетные операции. Номинально они выглядели как полноводные реки. Реально это были мелкие ручейки, которые все чаще и чаще пересыхали. Поэтому ликвидация Народного банка в 1920 году никого не удивила и особенно не ущемила...

Говорят, что нет ничего хуже денег, разве что, когда их совсем нет. Как известно, еще социалист-утопист Р. Оуэн и позже Дж. Грей в Англии, И. Робертус в Германии, П. Прудон во Франции высказывали идею об упразднении денег и замене их трудовыми единицами. У К. Маркса есть высказывание о том, что в условиях неторварного производства при социализме "рабочий будет получать от общества квитанцию о том, что им доставлено такое-то количество труда и, в соответствии с этой квитанцией, он получит из общественных складов соответственное количество продуктов". [2.120.]

Поэтому вполне логично, что как альтернативу деньгам в двадцатых годах некоторые советские экономисты стали предлагать трудовую единицу. Еще летом 1918 года М. Смит говорила о целесообразности "перейти к новым формам обмена – замене старой денежной системы системой обмена часа труда на час труда". [2.121.]

В годы гражданской войны проблема "трудовой единицы" отошла на задний план. Если возникала необходимость выразить объемные показатели в денежном выражении", то обычно пользовались, как, например, при разработке плана ГОЭЛРО, ценами 1913 года, в золотых рублях.

Однако, в хозяйственной практике не всегда можно было воспользоваться таким инструментарием, и III Всероссийский съезд совнархозов (январь 1920 г.) вновь выдвинул задачу " установления твердой учетной единицы", взяв за ее основу измерение единицы труда. На съезде для этого была создана специальная комиссия под председательством С. Струмилина. В литературе велась оживленная дискуссия. В начале 1921 года этим вопросом занялся и народный комиссариат финансов. Вскоре был разработан проект декрета о трудовой единице. Предполагалось, что этот проект будет рассмотрен в Совнаркоме и после утверждения вступит в силу с I января 1922 года. Однако, логика хозяйственного строительства предложила другой, более привычный, проверенный на практике вариант – возвращение к рынку и денежным отношениям (см. гл. 4).

Глава 3. Программа на будущее с ориентацией на социализм

В отличие от Временного правительства, которое, увязнув в текущих проблемах, так и не заняло определенной позиции в вопросе о будущей судьбе России, Совнарком с первых же дней своей деятельности начал проводить социально направленную политику в интересах широких трудящихся масс. При этом важно было найти правильный ответ на извечный, трудный вопрос: как и что конкретно делать в обозримой перспективе? Целесообразно ли начинать строительство социалистического общества в России обособленно от всего мира, не дожидаясь революции в наиболее развитых странах? Можно ли при этом рассчитывать на успешное его завершение?

Отвечать на подобные вопросы было не только трудно, но и очень ответственно, поскольку они ставились в практической плоскости и непосредственно затрагивали конкретные стороны жизни миллионов людей. Может быть поэтому Ленин и взялся ответить на них. Здесь весьма пригодились его способности стратега. В крайне сжатые сроки он набросал несколько вариантов своего видения будущего. Один из них был опубликован как статья "Очередные задачи советской власти". [3.01] Суть его позиции кратко сводился к следующему: Россия – богатая разными ресурсами страна. Здесь проживает более ста миллионов человек. Имеется обширная территория. Все это открывает возможность для начала строительства социалистического общества. Но для его успешного завершения необходимо создать такой социально-экономический уклад, который сформирует условия для динамичного роста производительности труда в национальном масштабе, и на этой основе – достижения высокой социальной эффективности народного хозяйства.

3.1. Превосходство в производительности – главное условие для победы нового социально-экономического уклада

Чтобы лучше понять и оценить значение такой установки для экономической политики и управления, стоит еще раз напомнить общую картину того времени: оскуднение и разруха поселились почти на каждом предприятии, в каждом городе и селе. Безработица стала массовым явлением. Миллионы людей голодали. "Все это неизбежно породило крайнее утомление и даже истощение сил." И вот в таких экстремальных условиях, для многих совершенно неожиданно, В. Ленин в качестве основного экономического ориентира движения России в будущее называет "*создание высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация*" (выделено мною – Р.Б.).[3.02] Такая дерзкая постановка стратегической цели в критических условиях тех лет кому-то могла показаться фантазией, утопией, недосягаемым идеалом. Производительность в национальном масштабе – это результативность, полезная отдача, эффективное использование всех имеющихся ресурсов в стране, всего материального, духовного и организационного потенциала общества. Иными словами, это процесс, когда количество переходит в качество, увеличивая полезность конечного результата.

Бесспорно, что Россия в 1918 году обладала богатыми запасами минерального сырья, топлива, леса, пресной воды и земли, а также многомиллионной, но малоквалифицированной рабочей силы. Однако, было ли этого достаточно, чтобы начать строительство нового, социалистического строя? Вот в чем вопрос.

О сложности и напряженности такой задачи свидетельствовали данные о значительном отставании России по производительности в национальном масштабе, показателем которой выступает объем произведенного национального дохода в расчете на душу населения.

Национальный доход на душу населения в довоенные годы (1912,1913) [3.03]

	Россия	США	Англия	Франция	Германия
в дол. США	43	351	237	183	154
Россия = 1	1	8.2	5.5	4.3	3.6

Статистические данные свидетельствуют, что перед Первой мировой войной Россия отставала от США по важнейшему показателю производительности в общенациональном масштабе больше чем

в 8 раз. В 1918 году в связи со спадом промышленного и сельскохозяйственного производства разрыв еще больше увеличился: согласно экспертным оценкам до 12-15 раз.

Могла ли Россия рассчитывать, что, опираясь на преимущества социалистического уклада, она сумеет не только преодолеть этот разрыв, но и превысить наиболее высокие показатели США? В зависимости от ответа на такой вопрос можно было говорить о реальности или, напротив, неосуществимости успешного строительства нового общественного уклада.

Совсем недавно Ленин честно признавался : "Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело". [3.04]

И уже после Октября 1917 года он снова повторяет: "...Если посмотреть чуточку поглубже и подальше на то гигантское, всемирно-историческое дело, которое русскому пролетариату приходится выполнять, пока еще собственными недостаточными силами, тогда станет сразу понятно, что даже гораздо более многократные переделки, испытание на опыте различных систем управления, различных норм налаживания дисциплины неизбежны, что в таком гигантском деле мы никогда не могли бы претендовать, и не один разумный социалист, писавший о перспективах будущего, никогда и в мыслях не имел того, чтобы мы могли по какой-то заранее данной указке сложить сразу одним ударом формы организации нового общества". [3.05]

С тех пор прошло более 80 лет, но и сейчас нет работ, в которых бы была дана многогранная, теоретическая и вместе с тем конкретная модель социализма с учетом накопленного, весьма разнообразного и противоречивого практического опыта в этой области. Подтверждением такого вывода служит оценка "теории" социализма видным современным ученым – математиком и философом Шафаревичем И.Р: "Видимо проблема выбора между социализмом и капитализмом, нежизненная и надуманная в области реальной политики, вызывает очень реальные и острые переживания в области идеологии.

Как мне кажется, причина этого болезненного раскола в том, что термины вроде "капитализм", "социализм", "социалистический выбор и свобода" не определены хоть сколько-нибудь четко, не очерчен круг выражаемых ими понятий и эмоций. Это знаки, символы – целый язык, воспринятый неосознано... Причем этот язык

стал уже не соответствовать описываемым им сущностям. Мы сталкиваемся почти с недоразумением, имеющим глубокие исторические корни и очень болезненным". [3.06]

Очевидно, что в 1918-1920 годах разобраться с подобными символами и парадигмами было не легче, чем в настоящее время. Пожалуй, общепризнанными в то время (как и сейчас) были два исходные требования к новому строю: первое – *социальная направленность производства* на удовлетворение растущих потребностей широких масс, повышение их благосостояния и культурного уровня. Второе – *социальная справедливость, равенство и свобода*. Эти категории-символы тесно связаны и постоянно взаимодействуют между собой.

Социальная справедливость и равенство предполагают: а) одинаковые стартовые условия – от каждого по способностям, что возможно при обобществлении средств производства, включая землю и ее недра, крупные массивы лесов и водные ресурсы; б) бесплатное образование и медицинское обслуживание; в) распределение материальных благ – не всем поровну, а в зависимости от результатов труда (nach der Leistung); г) равенство всех перед законом.

Свобода, как осознанная необходимость, – широкая возможность беспрепятственно совершать любые действия, не противоречащие закону и моральным нормативам, выражать свое мнение и чувства, уважая и не ущемляя в то же время интересы и права других граждан.

Как видно из такой характеристики, система основных принципов социализма во многом напоминает заповеди христианства, ислама, буддизма и других вероучений мира. Неслучайно некоторые сторонники социализма называют его религией интеллигенции и людей труда. Но сходство только внешнее. Религия направлена на то, чтобы помочь людям лучше адаптироваться к окружающим их обществу и природе. Теория социализма сориентирована на то, чтобы изменить окружающий мир в интересах повышения качества жизни практически всех слоев населения. Вопрос состоял в том, можно ли применить такую теорию к России, с ее устаревшей социальной и производственной структурой, а также крайне низкой грамотностью населения.

Поиск ответа на этот вопрос осложнялся тем обстоятельством, что в России в начале XX века столкнулись два относительно самостоятельных социалистических течения. Одно – национальное, крестьянское по происхождению и по традициям. Может быть это течение точнее назвать общинным, отражавшим в себе тяжелый труд

на земле всей крестьянской семья, включая детей и стариков, и принципы справедливости, терпения и взаимопомощи между такими семьями. В этом отношении интересны размышления Н. Бердяева: "Наивный аграрный социализм всегда был присущ русским крестьянам... К социализму весь XIX век у русских была непреодолимая склонность". При этом он отмечает, что "Россия сформировалась в огромное, необъятное мужицкое царство, закрепощенное, безграмотное, но обладающее своей народной культурой, основанной на вере, с господствующим дворянским классом, ленивым и малокультурным, нередко утерявшим религиозную веру и национальный образ, с царем наверху, в отношении к которому сохранилась религиозная вера, с сильной бюрократией и очень тонким и хрупким культурным слоем...

Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной группировкой, образовавшейся из разных социальных слоев. Сначала по преимуществу из более культурной части дворянства, позже – из сыновей священников и диаконов, из мелких чиновников, из мещан, а после освобождения, – из крестьян. Это и есть разночинная интеллигенция, объединенная исключительно идеями. ...Интеллигенция всегда была увлечена какими-либо идеями, преимущественно социализма, и отдавалась им беззаветно". Среди интеллигентов Бердяев особо выделяет В. Белинского, "как центральную фигуру в истории русской мысли и самосознания XIX века". [3.07]

В конце века русский аграрный социализм прошел в своем развитии стадию народничества. В борьбе с царизмом его сторонники использовали методы террора. В период 1905-1907 годов на основе крестьянского социализма сформировалась массовая партия социалистов-революционеров (эсеров), ряды которой заметно поредели после поражения революции. Весной 1917 года она вновь возродилось как крупная политическая организация, пользовавшая широкой поддержкой среди крестьян, солдат и части интеллигенции.

Другое социалистическое течение – рабочая партия (РСДРП), находилась под сильным влиянием западной социал-демократии и, прежде всего, учения К. Маркса. Европейские рабочие партии помнили Вандею и из практики знали, что крестьяне, в массе своей, на выборах отдают голоса консерваторам. Видимо поэтому, они выражали и защищали, в первую очередь, интересы пролетариата. В России такую позицию занимали не только большевики, но и меньшевики: "Русская социал-демократия, – писал Л. Мартов, – настаивала на том, что борцом за социализм призван быть пролетариат. Идея социализма есть теоретическое выражение классовых

интересов пролетариата." Он считал заслугой социал-демократии, что она "раскрыла несостоятельность народнических надежд на крестьянство, как опору русской революции". [3.08]

Таким образом, каждое из социалистических течений в России в начале XX века имело свой перекос, но в разные стороны: первое – в сторону крестьянства, второе – пролетариата. Однако, у них было и много общего, в том числе в программных установках: например, признание принципов социальной справедливости и равенства людей. Главное для эсеров – обращение земли в общенародное достояние и передача сельскохозяйственных угодий в пользование тем, кто может их обрабатывать. Для рабочей партии главное – обобществление основных средств производства, железнодорожного транспорта, банков, а также земли и ее недр. Казалось бы у них была достаточно прочная политическая основа для совместных и скоординированных действий в деле обновления России в интересах людей труда.

Однако, на практике сотрудничество не состоялось – верх взяло вечное стремление партийных лидеров к единоличной власти. Вместо согласия и взаимной поддержки между руководством двух партий постоянно возникали конфликты, споры и даже открытые формы борьбы за каналы влияния и рычаги правления. Сам Октябрьский переворот означал свержение правительства А. Керенского, который хотя и не был лидером эсеров, но считал себя членом этой партии, а ее правое крыло рассматривало Керенского как знамя своей победы в борьбе за власть. Этим во многом объясняется первоначальный отказ представителей эсеров войти в состав Совнаркома в октябре 1917 года и их активное участие в многочисленных заговорах, мятежах и крестьянских восстаниях против большевиков. [3.09]

В таких условиях на тему о дальнейших путях обновления России и возможной ее ориентации на социализм пришлось отвечать рабочей партии, конкретно – Ленину. Важно, что на главный вопрос он ответил утвердительно, но не без оговорок. Видимо, положительный вывод был сделан после определенных колебаний и сомнений. Его не могло не смущать несоответствие между объективной необходимостью и практическими возможностями крутого расширения производства материальных и духовных благ в стране, где ощущался острый дефицит квалифицированных кадров, современной инфраструктуры, а также топлива, сырья и транспортных услуг. Сам процесс решения целого комплекса новых экономических и социальных задач представлялся сложным, нелинейным и многоходовым. В результате предстояло добиться устойчивого

и быстрого роста национального дохода в расчете на каждого жителя России за счет соответствующего повышения полезной отдачи от всех производственных факторов, в том числе от работников промышленности и сельского хозяйства, а также и, в первую очередь, от специалистов управления.

Не все были согласны с таким ответом, оставаясь при мнении, что реальная вероятность высокого скачка производительности труда в России откроется только с помощью пролетариата Европы и Америки, т.е. после победы социалистических революций в развитых странах. Такие страны качественно отличались тем, что уже к началу XX века, в большей или меньшей степени, осуществили у себя технологическое, культурное и организационное обновление. Но так уж случилось, что после Первой мировой войны новых радикальных изменений в социальных структурах развитых стран не произошло (если не считать свержение монархии в Германии).

В это же время в относительно отсталой России у власти оказалась партия, которая была готова рискнуть свершить прыжок из прошлого к новому качеству жизни в большой стране, богатой природными запасами и людьми, но в промышленном, сельскохозяйственном и финансовом отношении не достаточно продвинутой. Поэтому на первом этапе предстояло осуществить или завершить объективно необходимые трансформации по замене или модернизации устаревших, морально изношенных социальных и технологических структур. Только опираясь на позитивные результаты таких перемен, можно было приступить к созданию нового уклада, обладающего преимуществами, достаточными для достижения высшей производительности труда и качества жизни людей.

Конечно, пойти на такой сложный и рискованный шаг было не просто. Но, вывод Ленина был логически сбалансированным и потому представлялся реальным. *Переход к социализму в России в принципе возможен,* – считал он, – *но при условии, что будут созданы необходимые для этого экономические и другие предпосылки, а именно: общественный уклад, обеспечивающий в общенациональном масштабе более высокий уровень производительности (эффективности) народного хозяйства, чем этого достиг капитализм.*

Интересно сопоставить программу В. Ленина с высказываниями ряда видных экономистов, отражавших разные течения социально-экономической мысли России.

В самом начале XX века министр финансов С. Витте в курсе лекций, прочитанных великому князю Михаилу, учил его: "Наибольшей производительностью отличается труд свободный... Такой

труд имеет то огромное преимущество перед всеми видами принудительного труда, что он обнаруживает стремление к беспредельному усовершенствованию. Только ничем не связанный личный интерес и расчет на выгоды от труда побуждают человека затрачивать многие годы жизни на приобретение знаний и, отрешившись от рутины, предпринимать опыты, ведущие к открытию новых более совершенных способов производства...

Великие научные открытия и связанные с ними технические изобретения, повлекшие за собой столь удивительные перевороты в промышленности, с ясностью показывают, как важен для целей капитализации прогресс знаний. Но, с другой стороны, не менее важное значение в этом отношении имеют и заботы о большей доступности знаний для всего населения страны...

Хозяйственная деятельность характеризуется стремлением человека достичь наибольших результатов с наименьшими усилиями (Подчеркнуто мною – Р.Б.). Этому основному хозяйственному принципу сознательно или бессознательно следуют все. Однако, далеко не всем удается с одинаковым успехом провести его в своей деятельности...

Богатство есть тот идеал, достижение которого составляет цель хозяйственной деятельности как частного лица, так и всего народа... Народы тем богаче, чем больше у них материальных и духовных потребностей и чем полнее могут быть удовлетворены эти потребности...Однако, одного лишь существования, даже в обширном количестве, полезных и приятных предметов недостаточно для того, чтобы народ мог считаться относительно богатым. Предметы эти должны быть, кроме того, распределены таким образом, чтобы все общественные классы пользовались известной степенью достатка". [3.10]

Как уже отмечалось, довольно четкая позиция представителей русской буржуазии о будущем развитии страны была изложена в докладе Совета съездов предпринимателей, завершенного в 1915 году "...Требуется широкий план согласованных мероприятий, обнимающий все области хозяйственной жизни в духе развития производительных сил России...Поэтому вопросы накопления, вопросы добычи, вопросы усиления производительности труда – должны встать впереди вопросов распределения народного богатства". Здесь же авторы делают важную оговорку: "Такая постановка вовсе не исключает заботы о благосостоянии масс, – совсем напротив, ибо главную экономическую основу страны составляют не зажиточные классы, а народная масса, – но предсказывает искать решение задачи не в переделе существующих богатств, а в развитии производительных сил". [3.11]

И еще одна позиция, когда-то почти забытого, а в последние годы вновь вошедшего в моду экономиста Н. Кондратьева. На поставленный в 1918 году самому себе вопрос: как обеспечить для России лучшее будущее, он отвечает: требуется планомерное, сознательное воздействие на народное хозяйство, регулировка его. "Основной задачей такого воздействия должна стать задача развития производительных сил нации, как материальных, так и духовных, поднятие производительности труда, расширение производства и, как следствие, увеличение национального богатства". И еще: "рациональными являются только те меры экономической политики, которые, с одной стороны, приводили бы к повышению производительности или, по меньшей мере, не приводили бы к понижению ее. Наконец, меры эти должны удовлетворять требованиям справедливости". [3.12]

Если сопоставить все эти высказывания, то бросается в глаза их сходство в основных, ключевых для развития России проблемах, требующих решения и целенаправленного воздействия со стороны государства и предпринимателей. Это – развитие производительных сил страны, повышение производительности труда и увеличение национального богатства. Причем получается, что монархист С .Витте ближе всего к социализму: во-первых, он считает наиболее производительным свободный, творческий труд, во-вторых, называет всеобщим требование добиваться наибольших результатов с наименьшими затратами, в-третьих, указывает, что необходимым условием богатства народа должно быть такое распределение материальных и духовных благ, чтобы "все общественные классы пользовались известной степенью достатка".

Отсюда следует, что выдвинутые В. Лениным весной 1918 года стратегические установки о развитии экономики России в обозримой перспективе с ориентацией на качественно новый социальный уклад и опережающее повышение производительности, имели не узко партийный, а общенациональный, государственный характер.

Новое у него состояло в том, что он выдвинул проблему многократного повышения производительности труда на первое место среди всех других стратегических задач, придал ей приоритетное значение, как исходной предпосылки для успешного разрешения социальных проблем трудящихся масс и населения в целом. И второе: он предложил использовать показатель достигнутого уровня производительности труда в национальном масштабе, т.е. эффективности всего общественного производства, как критерий для количественной и качественной оценки успехов в социалистическом

строительстве. "Производительность труда, – писал он, – это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя...Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда". [3.13] И еще: "Эта – самая благодарная задача, ибо лишь *после* ее решения (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия *стала* не только советской, но и социалистической республикой." [3.14]

Такая постановка проблемы означала, что строительство социализма – длительный, сложный процесс формирования и наращивания качественно новых условий и факторов, обеспечивающих опережающий, по сравнению с развитыми странами, рост производства материальных, культурных и духовных благ для более полного удовлетворения потребностей всего населения.

К сожалению, это ключевое положение Ленина через десятилетие с небольшим было сознательно забыто и политиками, и учеными, что деформировало и выхолостило саму сущность формирования нового строя и позволило выдавать за социализм общественные структуры, имеющие лишь некоторое внешнее сходство с его научной моделью. Но об этом позже.

Стоит отметить также, что выделение опережающей динамики производительности труда как главного стратегического направления в процессе экономического строительства, коренным образом отличало ленинскую программу от хозяйственной практики русской буржуазии, которой она придерживалась на протяжении более двух веков, а именно, – линии на предельную интенсификацию дешевого труда, в том числе женского и детского (подробнее см. кн. 1, гл. 3). Как уже отмечалось, в программе Совета съездов представителей торговли и промышленности в 1915 году предполагалось внести определенные коррективы в такую политику, но на практике эта рекомендация так и осталась пожеланием. В этом заключалась одна из глубинных причин экономического поражения русской буржуазии в Первой мировой войне и последующего в Октябре революционного переворота.

Показательно также, что Ленин энергично развернул курс политики Совнаркома в сторону решения конкретных проблем, связанных с ускорением динамики производительности труда.

В конце марта 1918 года правительство приняло специальное постановление "О мерах по повышению производительности труда в промышленности", которое предусматривало:

– введение сдельной заработной платы;

– величина сдельной зарплаты не должна ограничиваться никакими пределами;

– самовольные перерывы в рабочее время не допускаются;

– все работники должны беспрекословно подчиняться правилам внутреннего распорядка;

– перевод на жизнеспособные предприятия квалифицированных рабочих тех заводов и фабрик, которые закрываются;

– устранение технической отсталости предприятий, более рациональное использование оборудования, освоение передовых технологий, выпуск улучшенных изделий и др. [3.15]

В работе Совнаркома и других органов управления постепенно наметились шесть главных направлений, которые вели к ускоренному повышению производительности труда:

Первое – широкомасштабное использование во всех отраслях народного хозяйства достижений науки и техники, а для этого - создание достаточно мощной исследовательской и материально-технологической базы. "Подъем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности". Российская республика находится в этом отношении в выгодных условиях, поскольку она располагает гигантскими запасами природных ископаемых. "Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил". [3.16]

Выступая на УШ съезде РКП(б), Н. Бухарин в следующей форме выразил эту же мысль: "Мы сторонники производственного коммунизма, т.е. нашим идеалом является такой строй, основная задача которого не управление дележом всего того, что имелось у буржуазии, у меньшинства и проч., а развитие производительных сил, построение хозяйства, которое дало бы возможность максимально двинуть производство вперед..." [3.17]

Важно отметить, что уже в те годы в России отчетливо понимали зависимость качественных сдвигов в экономике от тесноты связи производства с наукой и многое делали для того, чтобы не только сохранить, но и увеличить имеющиеся кадры ученых, инженеров, специалистов, создать необходимые условия для продолжения научных исследований. В апреле 1918 года Совет Народных Комиссаров принял специальное решение о финансировании работы Академии наук. Примерно в это же время В.И. Ленин написал "Наброски плана научно-технических работ", в котором наметил ряд направлений непосредственного участия ученых в

реорганизации промышленности и экономики Советской России. Несмотря на крайнюю ограниченность ресурсов, в стране возобновили работу или были созданы вновь крупные научно-исследовательские центры и институты, опираясь на которые на последующих этапах удалось осуществить значимые прорывы на ключевых направлениях мировой науки. Эти отдельные примеры иллюстрируют стратегию на опережающее развитие науки, оказание творческой интеллигенции помощи и поддержки в сложнейших условиях первых послевоенных лет.

Второе – первоочередное расширение и обновление энергетической базы страны, создание емких и экономически доступных источников энергии, как основной составляющей части производительных сил страны. Опыт многих стран показал, что динамика производительности "среднего" и конкретного работника напрямую зависит от темпов роста энерговооруженности его труда. В этой связи предметом особой заботы стали проблемы электрификации России. Глава Советского государства буквально в первые же дни своей деятельности установил деловые контакты с учеными и специалистами, работавшими в области электроэнергетики, имея в виду подготовить обширный прорыв на этом важном участке производственного строительства. (Подробнее об этом в сл. разделе).

Третье – повышение общей культуры народа, в том числе квалификации специалистов и работников массовых профессий. Занимаясь вопросами повышения производительности труда, руководство страны отчетливо понимало, что их решение невозможно без осуществления резкого скачка от безграмотности и бескультурья к современной цивилизации, создающей важнейшие предпосылки для развития личности человека, его способностей и потребностей.

Задача всемерного подъема культуры была выдвинута на одно из первых мест. С самого начала было ясно, что для ее осуществления потребуется длительное время, большие средства и силы. Ленин считал эту задачу более трудной, чем решение военной задачи . Ведь предстояло преобразовать самого человека, его духовный мир, условия труда и быта, качество жизни. [3.18]

Первый шаг на таком пути – овладение запасом знаний техники и культуры, накопленных за всю историю человечества. В известной речи на Ш съезде комсомола (октябрь 1920 г.) В.И. Ленин говорил: "Только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру – без такого понимания нам этой задачи не решить. Пролетарская культура не является выскочившей

неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества".[3.19]

В августе 1918 года был принят декрет, который предусматривал, чтобы все желающие могли поступить в высшие учебные заведения. "На первое место, безусловно, должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии".

Через год Совнарком принял декрет, направленный на ликвидацию неграмотности: "Все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке по желанию. На предприятиях, при школах, клубных учреждениях, домоуправлениях были открыты курсы и пункты (ликбезы), где учились сотни тысяч людей. Везде обучение было бесплатным. Заслуживает внимания и тот факт, что число служащих в системе просвещения только за один год (с 1918 по 1919 гг.) возросло с 1230 до 7476 человек." [3.20]

Несмотря на ограниченные ресурсы, нехватку учителей, в условиях гражданской войны, только за 1918-1920 годы число школ в стране возросло на 13 тыс., а количество учащихся почти на 2 млн. человек. Особого внимания потребовала к себе фигура учителя. В одной из своих последних работ Владимир Ильич с тревогой отмечал: "Мы не заботимся или недостаточно заботимся о том, чтобы поставить народного учителя на ту высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре...". И здесь же обосновывает задачу: "Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не сможет стоять в буржуазном обществе. Это – истина, не требующая доказательств. К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом, и над его всесторонней подготовкой и к его действительно высокому званию, и главное, главное, главное – над поднятием его материального положения".[3.21] Хотелось бы обратить внимание на то, что Ленин трижды повторяет "главное" – улучшение материальных условий, в которых живет учитель.

Четвертое – создание условий для соперничества, соревнования между участниками общественного производства, как мощной движущей силы. "Мы еще почти не приступили к громадной,

трудной, но зато и благодарной работе организовать соревнование.., ввести отчетность и гласность в процесс производства хлеба, одежды и пр., превратить сухие, мертвые, бюрократические отчеты в живые примеры – как отталкивающие, так и привлекающие".[3.22]

Пятое – организовать управление, т.е. создать действенный, эффективный механизм для практического разрешения четырех предыдущих проблем. "...До сих пор задача управления *не могла стать главной, центральной.* Теперь она стала таковой...Это – самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому самых глубоких, экономических, основ жизни десятков и десятков миллионов людей", т.е. "налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей".[3.23]

Был выдвинут новый лозунг: "Наш способ борьбы – это организация". Данный вопрос рассматривался как главный, коренной, злободневный. Иными словами, путь к новому социально-экономическому укладу, а через него и к новой материально-технической базе начался с рациональной организации общественного производства. Необходимость такого подхода обуславливается двумя факторами: а) комплексным характером производительных сил, эффективное функционирование которых требует дирижирования – целеполагания, координации и стимулирования. "Во всех работах, при выполнении которых кооперируются между собой многие индивидуумы, связь и единство процесса необходимо представлены одной управляющей волей и функциями, относящимися не к частичным работам, а ко всей деятельности мастерской, как это имеет место с дирижером оркестра".[3.24] б) характером общественной собственности, предполагавшим присвоение полезных результатов и их использование в интересах народа.

Шестое – не просто национализация, а обобществление на деле основных средств производства, что должно служить несущим каркасом всего нового уклада, призванного обеспечить высшую производительность труда в национальном масштабе. По существу речь шла о прочном соединении новых технологий с рациональной организацией коллективного труда, преимуществах общенародного присвоения и распределения материальных и культурных благ, сочетании плана, рынка и мотивации труда. Дело в том, что возросшие масштабы специализации и кооперации труда в рамках как всего народного хозяйства, так и отдельных предприятий в рамках общественной собственности, а также новая социально-экономическая

структура жизнедеятельности миллионов людей существенно изменили взаимодействие их интересов и мотивацию поведения.

С учетом таких изменений в процессе обобществления на протяжении нескольких лет, поэтапно, со сбоями и частыми корректировками было создано единое планирование всей хозяйственной системы в сочетании с широкой самостоятельностью и ответственностью предприятий и местных органов власти за эффективные результаты их деятельности, что стало одним из главных факторов движения экономики к высокой производительности в национальном масштабе.

Историческая практика показала, что обобществленный народнохозяйственный комплекс не может эффективно функционировать, с одной стороны, без единого центра, который придает ему необходимую завершенность и целостность, выполняя функции целеполагания, балансирования и оптимизации структуры для всей системы, а с другой – без самоуправления на местах, наделенного достаточными полномочиями и материальными возможностями для оперативного маневра и гибкого регулирования своей деятельности с учетом местных особенностей. Любая попытка совместить их функции ведет к перегрузке одних органов и ослаблению других, что отрицательно сказывается на качестве и эффективности всего народнохозяйственного комплекса. Искусство политики и управления состоит в том, чтобы четко разграничить и в то же время сочетать экономические, организационные и социальные функции обеих подсистем.

Председатель СНК, поддерживая идею централизации, как исходный принцип организации коллективного производства, проводил четкую грань между демократическим и бюрократическим централизмом: "...Надо ясно понять, как далеко отличается демократический централизм, с одной стороны, от централизма бюрократического, а с другой стороны – от анархизма". Чтобы не возникало никаких сомнений, он несколько раз повторял эту мысль: "Нет ничего ошибочней, как смешение демократического централизма с бюрократизмом и с шаблонизацией". Понимая большую вероятность и вместе с тем опасность крена управления в сторону излишней централизации, В.И. Ленин настойчиво разъяснял, что "...централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели" . Эту мысль

он постоянно помнил и спустя несколько лет повторил почти дословно: "Не учитывать... местных отличий значило бы впадать в бюрократический централизм и т.п., значило бы мешать местным работникам в том учете местных различий, который является основой разумной работы". [3.25]

Территориальный аспект руководства экономикой в период короткой мирной передышки осуществляли областные (губернские) совнархозы, которые одновременно являлись органами местных Советов. Например, совнархоз Северного района уже во второй половине 1918 года разработал две производственные программы - по металлопромышленности и по производству бумаги; Самарский совнархоз – план по выпуску сельскохозяйственных машин и орудий, СНХ Иваново-Вознесенской губернии – по производству тканей. Это были первые шаги обобществления на деле.

Сразу же получить крупный экономический эффект не удалось по ряду причин: все было новым. Многое не стыковалось. Отсутствовали механизмы экономичного распределения готовой продукции и надежного материально-технического снабжения. Людей было занято много, а толку – как всегда. Быстро разрослась плесень бюрократизма. Но накапливались опыт, знания и информация. Росли и учились новые кадры, которые уже после окончания гражданской войны непосредственно приступили к решению стратегической задачи – динамичному повышению производительности труда. Более конкретно об этом будет рассказано в последующих разделах книги.

3.2. Электрификация – ключевой пункт программы

С позиций формальной логики в условиях гражданской войны, голода и разрухи хозяйства, когда стремление выжить закрывало собой все другие проблемы, идея осуществления скачка в области производительности, казалось бы, должна загаснуть, как гаснет на ветру самая яркая свеча. На удивление этого не случилось. Больше того, несмотря на ожесточенную борьбу на фронтах, требовавшую постоянного внимания и мобилизации всех сил, VIII съезд Советов на заседании 29 декабря 1920 года занялся, на первый взгляд, не первоочередным делом: рассмотрел и одобрил разработку плана электрификации России, "как первый шаг великого хозяйственного начинания". Съезд поручил "завершить разработку этого плана и утвердить его, притом обязательно в кратчайший срок". [326]

Такое необычное решение было результатом стратегического подхода руководства страны к перспективам развития экономики России на новой энергетической основе. Дело в том, что после того, как люди научились управлять Огнем, используя его тепловую и световую энергию в своих интересах, произошел качественный скачок в наращивании производительности их труда. Сам по себе Огонь – одно из проявлений энергетики природы. Процесс целенаправленного его применения в крупных масштабах представляет собой сложный процесс, который начинается с добычи топлива. Следующий этап – его преобразование в тепловую, световую и другие виды энергии, используемую при удовлетворении различных потребностей людей. Для этого создаются специальные устройства, начиная от примитивного костра, многоцелевой "русской печи" и кончая мощными паровыми котлами.

Третий, непростой этап – транспортировка полученной энергии до места ее потребления. Многие, кому пришлось бывать на старых заводах и фабриках, помнят неуклюжую, тяжелую, громыхающую трансмиссию, состоящую из нескольких устройств, передающих механическую энергию от парового двигателя к рабочим машинам. Двигатель находился в особом помещении, приводя в движение тяжелое колесо-маховик. Оно, в свою очередь, с помощью ременной передачи вращало длинный стальной вал, проходящий через перегородку в производственный цех, где он тянулся вдоль стены на десятки метров, близко к потолку. От этого вала, в свою очередь, отходили ременные передачи к отдельным станкам. Много энергии тратилось только на то, чтобы вращать всю эту громоздкую махину, к тому же опасную для уставших рабочих, которые находились в цехе. Производственный травматизм, несмотря на принимаемые меры безопасности, был обычным явлением. Поэтому возникла необходимость, а за ней – техническая идея: преобразовывать механическую энергию паровой машины в электрическую и передавать ее по кабелю к электромотору, установленному непосредственно на рабочем месте. Закономерно, что отличительной особенностью XX века почти во всех странах стала массовая электрификация отраслей народного хозяйства, что сопровождалось соответствующим ростом производительности труда и значительно более эффективным использованием других ресурсов. При этом электрификация сама по себе не является новым источником энергии. Она позволяет лишь использовать более эффективные технологии и формы ее производства, транспортировки и применения.

Ученые серьезно стали заниматься электричеством еще в XVIII веке. В 1831 году английский физик М. Фарадей открыл и сформулировал закон электромагнитной индукции, который стал основой теории и практики развития электротехники. На следующий год в Париже был выставлен аппарат, который с некоторыми оговорками можно назвать первым в мире генератором, способным вырабатывать электрический ток.

В 1875 году русский изобретатель П. Яблочков сконструировал и создал дуговую лампу ("свеча Яблочкова"), что открыло возможность электрического освещения производственных и жилых помещений. Это изобретение, запатентованное год спустя, стало настоящей сенсацией для Европы.

В 1882 году на выставке в Мюнхене демонстрировалась действующая система выработки, передачи и применения электроэнергии для хозяйственных целей. Генератор находился за 57 км отт выставки. Вырабатываемый ток передавался по кабелю к насосу с электромотором, который качал воду на высоту двух метров. К концу 80-х годов технически стало возможным производить электроэнергию в крупных масштабах и перебрасывать ее на большие расстояния под напряжением 1500-2000 вольт. Была создана также система приборов, позволяющая работнику измерять (контролировать) и регулировать все эти процессы. [3.27]

Основным фактором, сдерживающим быстрое распространение электрификации, стала экономика. Высокая стоимость оборудования и большие потери в сетях требовали соответствующего повышения цен, что снижало конкурентоспособность электроэнергетики по сравнению с паровыми установками. Последнее десятилетие прошлого века было использовано для того, чтобы снизить потери и добиться повышения КПД всех звеньев электросистемы, поднять ее надежность и другие полезные качества. Все это позволило сократить издержки и снизить конечные цены для потребителей электроэнергии. Рыночный спрос резко повысился. Весьма динамично расширялась выработка электроэнергии.

Массовая электрификация основных отраслей промышленности и транспорта, а также жилищного хозяйства, медицины, научных исследований в развитых странах Европы началась еще в конце прошлого века. Лидером в этой области на континенте стали Англия и, особенно, Германия с двумя конкурирующими фирмами: АЭГ и Сименс-Гальске. Показательно, что только за пять лет: с 1895 по 1900 год число электростанций в этой стране возросло со 148 до 625, а их суммарная мощность увеличилась с 34 тыс. до 192 тыс. киловатт.[3.28]

Россия задержалась на старте этого процесса лет на 15-20. Лампочка Яблочкова загорелась и погасла. Российский капитал не рискнул вкладывать деньги в новое, непроверенное дело. Инициативу перехватили немецкие фирмы: они построили в России несколько электростанций, завод по производству генераторов в Петербурге и электромоторов – в Москве.

О серьезном отставании России в наращивании своей производительной силы, а значит, и в производительности труда отдельных работников свидетельствуют данные об общей мощности всех силовых установок в ее промышленности:

Суммарная мощность первичных двигателей в промышленности в начале XX века [3.29]

млн. л. сил

США (1914)	22.4	Франция (1913)	3.3
Англия (1907)	10.6	Россия (1908)	3.0
Германия (1907)	6.9	Италия (1911)	1.6

Из таблицы следует, что перед Первой мировой войной Россия по мощности своей производительной силы в промышленности более, чем в 7 раз уступала США, в 3 раза Англии и в 2 раза Германии. Но, дело было не только в количественных, но и качественных характеристиках: электрификация российской производственной базы только-только началась, о чем свидетельствует, прежде всего, морально устаревшая структура ее силовых установок:

Мощность отдельных видов двигателей цензовой промышленности России [3.30]

тыс. л.с.

	1900	1908	1918
Паровые машины и турбины	479.8	624.0	982.4
Дизели и др. двигатели внутреннего сгорания	6.0	58.0	258.0
Водяные колеса	30.3	34.8	45.6
Электромоторы	6.7	9.1	176.7
Конные приводы	1.2	0.7	1.3
Ветряные двигатели	-	0.04	0.04

В российской промышленности длительное время среди всех механических двигателей абсолютно преобладали паровые машины и локомобили. В начале XX века на их долю приходилось 92% суммарной мощности двигателей. В то время удельный вес электродвигателей едва перевалил за 1%.

В период с начала века до 1918 года паровые двигатели удвоили свою общую мощность. Но более стремительно развивались двигатели внутреннего сгорания, прежде всего дизельные установки, газогенераторы, моторы, работающие на нефте и керосине. Их суммарная мощность за два десятилетия возросла более, чем в 40 раза. Электромоторы за первые 8 лет XX века развивались средними темпами, как все другие двигатели. Зато в следующем десятилетии отмечается сильный рывок – их общая мощность возросла в 26 раз, обогнав, по скорости прироста, двигатели внутреннего сгорания. Соответственно удельный вес электромоторов в общем балансе увеличился до 12%. Эти цифры отражали высокую эффективность и другие преимущества электрификации.

Не случайно вопросы развития энергетики в России стали предметом особого внимания Совнаркома с первых же месяцев начала его деятельности. Уже в декабре 1917 года видный энергетик А.В. Винтер был принят главой Советского государства в Смольном. Основная тема беседы – успешный опыт строительства небольшой электростанции, работающей на торфе. А.В.Винтер обосновал целесообразность строительства под Москвой новой, более мощной электростанции на одном из крупных торфяных массивов. Ленин поддержал его, и строительство Шатурской ГРЭС вскоре началось. В январе 1918 года, в холодном зимнем Петрограде другой известный в то время ученый-энергетик Г.О. Графтио получил от Советского правительства задание приступить к разработке проекта Волховской гидростанции и сделать расчет ее сметы. По прямому указанию Председателя Совнаркома в район Подмосковного угольного бассейна выехала группа специалистов для выбора строительной площадки будущей Каширской ГРЭС.

Крайне напряженная гражданская война задержала, но не прервала процесс строительства новых электростанций, несмотря на весьма серьезные трудности: мешали осложнения не только в обществе, но и в природе. Зима 1919/20 года выдалась особенно студёной. К голоду добавился жгучий холод. Топлива не было. В Москве на дрова разбирали деревянные дома. Рабочие многих заводов и фабрик, где еще недавно, хотя и со сбоями, продукция все же выпускалась, – теперь вынуждены были остановить станки. Г.М. Кржижановский, будущий председатель Госплана, в одной фразе дал четкую характеристику положения в народном хозяйстве того периода: "Явления полупаралича были налицо, паралич знаменовал бы полнейший крах". [3.31]

Можно представить себе тревогу и озабоченность руководителей молодой Республики Советов, угроза гибели которой из-за почти полного расстройства энергетического хозяйства стала такой реальной. Председатель Совнаркома упорно искал выход из крайне сложной и опасной обстановки. Буквально накануне нового 1920 года он пригласил в Кремль Г.М. Кржижановского — талантливого инженера-энергетика. В.И. Ленин не только давно его знал, — вместе когда-то отбывали ссылку, — но и доверял ему, внимательно прислушивался к его мнению.

После февральской революции Глеб Максимилианович начал работу в Московском Совете рабочих и солдатских депутатов. Он отвечал за обеспечение города топливом и энергией. Особое внимание уделял московской электрификации, в том числе "Электропередаче" – электростанции, работавшей на торфе. Такого топлива в Подмосковье было достаточно.

Установление Советской власти в Москве открыло новые возможности для реализации способностей Г.М. Кржижановского. Он сохранил пост директора "Электропередачи" и возглавил Комитет государственных сооружений ВСНХ, который ведал всем капитальным строительством в стране.

И вот спустя два с небольшим года после революции ответственная встреча в Кремле с главой Совнаркома... Быстро стемнело, и пришлось зажечь свечи. Это как бы подчеркивало остроту энергетической проблемы. О ней и разговор. Опытному инженеру-энергетику, возглавлявшему правление самой крупной электростанции в Москве, не нужно было объяснять обстановку. Вопрос состоял в том, как выбраться из создавшегося топливного кризиса, что для этого можно и нужно конкретно сделать.

Г.М. Кржижановский видел выход в максимальном увеличении добычи торфа. Ещё в 1915 году он опубликовал доклад об использовании местных видов топлива. Его расчеты показывали, что торфяных запасов, находящихся южнее 60-й параллели, т. е. южнее Петрограда, достаточно, чтобы удовлетворить потребности страны в энергетическом топливе. Это позволило бы увеличить производство электроэнергии. Он уже изучал разные аспекты решения проблемы. Много думал, набрасывал альтернативные варианты, проверял их расчетами. Поэтому его высказывания звучали конкретно и убедительно. Владимир Ильич больше слушал. Иногда задавал вопросы. Предмет разговора был весьма непростой. Его нужно было всесторонне осмыслить, прежде чем делать какие-либо замечания, а тем более, – выводы.

Но и время не ждало. Разделяя в принципе концепцию специалиста-энергетика, В. И. Ленин решил начать дело с подготовки общественного мнения, заодно проверяя обоснованность всей концепции. Буквально через несколько часов после встречи в Кремле, в тот же вечер, 26 декабря 1919 года, Кржижановскому доставили домой записку от В. И. Ленина:

"Глеб Максимилианович!

Меня очень заинтересовало Ваше сообщение о торфе.

Не напишете ли статьи об этом в "Экономическую Жизнь" (и затем брошюркой или в журнал)?

Необходимо обсудить вопрос в печати.

Вот-де запасы торфа – миллиарды. Его тепловая ценность.

Его местонахождение – под Москвой; *Московская область.*

Под Питером – поточнее.

Его легкость добывания (сравнительно с углем, сланцем и проч.).

Применение труда *местных* рабочих и крестьян *(хотя бы по 4 часа в сутки для начала).*

Вот-де база для электрификации *во столько-то раз* при теперешних электрических станциях.

Вот *быстрейшая и вернейшая*-де база восстановления промышленности;

- организация труда по-социалистическому (земледелие + промышленность);
- выход из топливного кризиса (освободим *столько-то* миллионов кубов леса на транспорт).

Дайте *итоги* Вашего доклада;—приложите карту торфа; — краткие расчеты, суммарные. Возможность построить торфяные машины быстро и т.д., и т.д. Краткая суть экономической программы.

Необходимо *тотчас* двинуть вопрос в печать". [3.32]

Статья, соответствующая пожеланиям главы правительства, была написана и вскоре опубликована под названием "Торф и кризис топлива". Она вызвала много откликов, писем, в том числе с конкретными предложениями. Вскоре автор подготовил еще одну публикацию: "Задачи электрификации промышленности", в которой связывал перспективы роста торфодобычи с ее механизацией и использованием готовой продукции на месте для получения электрической энергии. Текст статьи Кржижановский направил Ленину и уже на другой день, 23 января 1920 года, получил от него ответное письмо, которое предопределило не только начало работ над планом ГОЭЛГО, но и в значительной степени его содержание:

"Глеб Максимилианович! Статью получил и прочел. Великолепно.

Нужен *ряд* таких. Тогда пустим брошюркой. У нас не хватает как раз спецов с размахом или "с загадом".

Надо: 1) Примечания *пока* убрать или сократить. Их слишком много для газеты (с редактором буду говорить завтра).

2) Нельзя ли добавить *план* не технический (это, конечно, дело *многих* и не скоропалительное), а политический или государственный, т. е. задание пролетариату?

Примерно: в 10 (5?) лет построим 20-30 (30-50?) станций, чтобы всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) верст радиуса; на торфе, на воде, на сланце, на угле, на нефти *(примерно* перебрать Россию всю, с *грубым* приближением). Начнем-де сейчас закупку необходимых машин и моделей. Через 10 (20?) лет сделаем Россию "электрической".

Я думаю, подобный "план" – повторяю, не технический, а государственный – проект плана, Вы бы могли дать.

Его надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно для массы увлечь ясной и яркой (вполне *научной* в основе) перспективой: за работу-де, и в 10-20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем *электрической.* Доработаемся до стольких-то (тысяч или миллионов лошадиных сил или киловатт?? черт его знает) машинных работ и проч.

Если бы еще *примерную* карту России с центрами и кругами? или этого еще нельзя?

Повторяю, надо увлечь *массу* рабочих и сознательных крестьян *великой* программой на 10-20 лет". [3.33]

Статью, подготовленную Г.М. Кржижановским, пришлось сокращать, но и после сокращений она – почти печатный лист – все же не умещалась в рамки газетной публикации. Редакция предложила изложить ее в виде тезисов. Автор согласился, и вскоре был опубликован конспект этой статьи. 31 января 1920 года в "Правде" появляются его же "Тезисы к вопросу об электрификации", а через день – "К плану районных станций России".

Были приняты необходимые меры, чтобы все четыре статьи Г.М. Кржижановского в самые сжатые сроки, к началу ближайшей сессии ВЦИК, опубликовать отдельной брошюрой. Дело в том, что на недавнем (январь 1920 г.) III съезде совнархозов главе правительства пришлось критиковать позицию председателя ВСНХ, выступавшего с традиционно составленным планом государственного развития России, который исходил из сложившихся тенденций

экономического роста на основе имевшихся в то время технологий. В. И. Ленин думал о плане, который был бы переломным в истории России и имел бы не только экономический, но и политический характер, зажег бы у людей надежду на будущее. Сердцевиной такого плана должна была стать электрификация.

Спустя несколько дней после закрытия съезда совнархозов на страницах "Правды", как уже говорилось, одна за другой появились четыре статьи Г.М. Кржижановского, который рассматривал электрификацию как могучее орудие в борьбе на экономическом фронте.

Сессия ВЦИК открывалась 2 февраля, и В.И. Ленин хотел обратиться к делегатам с призывом начать широкую пропаганду идей электрификации в низах. Этому он придавал большое политическое значение и рассчитывал в своем выступлении опереться на брошюру Г.М. Кржижановского. [3.34] Опубликовать ее к сроку удалось с большим трудом. Но все же удалось. ВЦИК поддержал общую установку автора и поручил ВСНХ совместно с народным комиссаром земледелия разработать проект постройки сети электрических станций как составную часть государственного плана развития всего народного хозяйства. В постановлении ВЦИК указывалось, что "для Советской России впервые представляется возможность приступить к более планомерному хозяйственному строительству, к научной выработке и последовательному проведению в жизнь государственного плана всего народного хозяйства". [3.35]

Для выполнения этого поручения была сформирована специальная комиссия, костяк которой образовали члены Центрального электротехнического совета: Г.М. Кржижановский (председатель), Г.О. Графтио, Г.Д. Дубеллир, А.Р. Коган, М.Я. Лапиров-Скобло, Б.Э. Стюнкель, Б.И. Угримов. Ученым секретарем комиссии стал Е.Я. Шульгин. В дальнейшем её состав был расширен до 18 человек. К разработке отдельных разделов плана привлекалось свыше 180 специалистов-ученых и инженеров.

Активную, принципиальную позицию по вопросу о разработке единого хозяйственного плана занял IX съезд партии (март-апрель 1920 г.). Работники комиссии ГОЭЛРО рассматривали соответствующий раздел его резолюции, как задание в свой адрес. "Основным условием хозяйственного возрождения страны, — отмечал съезд, — является неуклонное проведение *единого хозяйственного плана,* рассчитанного на ближайшую историческую эпоху".

Съезд указал, что "текущие хозяйственные задания советских хозяйственных центров должны представлять собой не простую

сумму учтенных потребностей и нужд, но должны с железной последовательностью вытекать из всего хозяйственного плана, рассчитанного на ближайшую эпоху". [3.36]

Буквально горстка ученых и практиков (всего 18 человек) с огромным подъемом взялась за дело. Комиссия разместилась на Мясницкой, 24, в отдельной квартире, которая зимой отапливалась "печкой-буржуйкой". Временами в квартире становилось настолько холодно, что приходилось надевать пальто и валенки. Летом, наоборот, стояла жара, и подготовленные с таким трудом материалы едва не погибли во время пожара. Тем не менее, работа не прерывалась, и менее, чем за год комиссия подготовила книгу "План электрификации России", представлявшую собой обобщение ее трудов.

Следует отметить, что результаты работы комиссии далеко не у всех вызывали одобрение и поддержку. Так, особую позицию по данному вопросу занимал Л. Троцкий. Еще весной 1920 года, на IX съезде партии он выступил со своим долгосрочным планом развития России: "Прежде всего надо обеспечить возможность жить стране хотя бы в нищенских условиях, сохранить города... Весь первый ближайший период целиком заполнен сосредоточением, напряжением рабочей силы на разрешении этой задачи, которая является предпосылкой дальнейшего. Второй период – будет ли он измеряться месяцами, годами – сейчас очень трудно предсказать, это зависит от тысячи причин, начиная от международного положения и, в последнем счете, от единодушия партии: это – машиностроение в интересах транспорта, добычи сырья и продовольствия. Третий период – в интересах производства предметов широкого потребления и, наконец, 4-ый период – производство предметов массового, широкого потребления. Эта градация имеет большое значение для выяснения нашего хозяйственного плана перед рабочими массами". [3.37]

Незадолго до открытия VIII съезда Советов Троцкий выпустил брошюру "Путь к единому хозяйственному плану", в которой полностью игнорирует работу комиссии ГОЭЛРО. И уже после съезда, выступая 4 января 1921 года на собрании членов партии Замоскворецкого района, он несколько раз подчеркивает: до единого народнохозяйственного плана "мы не дошли и еще не скоро дойдем...План электрификации является черновой гипотезой, некоторыми черновыми предположениями, наметкой на карте, а осуществление этого плана зависит от сто одной причины... Я уже говорил, что никакого общего единого хозяйственного плана VIII съезду Советов Совет народных комиссаров еще представить не может

и в будущем году не представит. Думаю, через два года может быть этот черновой план будет выработан грубо, с ошибками и не полностью, на 50%, не более". [3.38]

По существу это выступление было прямым выпадом против председателя Совнаркома. Не следует забывать, что в период 1917-1921 годов оппозиция использовала любой повод, чтобы "кольнуть" Ленина. Так, долго и остро спорили о соотношении единоначалия и коллегиальности в управлении, о роли профсоюзов, об отношении к крестьянству и "буржуазным" специалистам. Теперь борьба за влияние и власть приобрела форму дискуссии вокруг единого народно-хозяйственного плана. В этой борьбе позиции Ленина были достаточно прочными: он возглавлял правительство и, практически, ЦК. Ежегодно съезды партии, т.е. ее актив, выражали поддержку его политики. С созданием Совета обороны была нейтрализована группа оппозиционеров в ВСНХ.

Троцкий оставался наиболее сильным и активным соперником Ленина. В такой обстановке приходилось считаться с его нападками, и в ноябре 1920 года председатель Совнаркома официально обратился к членам ЦК РКП (б) с письмом, в котором предложил включить в повестку дня VIII Всероссийского съезда Советов, намеченного на конец декабря, доклад председателя комиссии ГОЭЛРО. "...Мы вполне можем... получить на съезде Советов, писал В. И. Ленин, как раз то, что партии и стране необходимо: деловой и в то же время ставящий широко и увлекательно план работы – доклад об "Основных задачах восстановления народного хозяйства". [3.39]

Логически план ГОЭЛРО охватывал две взаимосвязанные части: первая – это сводная программа электрификации и развития народного хозяйства на ближайшие 10-15 лет, и вторая – размещение производительных сил по восьми экономическим районам, освобожденным к тому времени от войск противника (Северный, Центральный, Южный (Украина), Приволжский, Уральский, Кавказский, Западно-Сибирский и Туркестанский).

Для каждого района намечалась своя программа строительства электростанций и рационального размещения промышленности. При этом выдерживался принцип приближения материало- и энергоемких производств к источникам сырья и топлива, а обрабатывающей промышленности – к районам потребления.

Книгу открывает обширная вводная часть, в которой изложена методология разработки плана ГОЭЛРО. Авторы исходят из того, что "составить план народного хозяйства России на электрической

основе невозможно, не отдавая себе более или менее ясного отчета о перспективах этого хозяйства в целом. *Более того, составить проект электрификации России – это означает дать красную руководящую нить для всей созидательной хозяйственной деятельности, построить основные леса для реализации единого государственного плана народного хозяйства.* [3.40]

Решающее значение для выработки такого плана имел общий исходный замысел восстановления и будущего развития основательно разрушенной экономики страны. Следует напомнить, что 1920 год – низшая точка падения производства (промышленность давала всего 15-17% продукции к довоенному уровню).

Комиссия ГОЭЛРО, видимо, отвечая на критику Л. Троцкого, в следующих словах сформулировала свою исходную позицию: "...нам прежде всего предстоит решить вопрос, где центр тяжести нашей созидательной экономической деятельности: в использовании ли тех обширных запасов живой силы, которая обеспечена нам громадной наличностью населения РСФСР, в той привычной обстановке ее труда, которая сложилась целыми веками и которую сравнительно легко возобновить вследствие крайнего примитива этой трудовой обстановки, или же, наоборот, для нас выгоднее возможно быстрый переход к наиболее совершенным европейским методам производства? Другими словами, не является ли линией наименьшего сопротивления крестьянин, кустарь, ремесленник, мелкая фабрика и не преждевременно ли мечтать о европейской обуви, когда донашивается последний лапоть? Но такая постановка вопроса, несмотря на весь видимый практицизм, была бы глубоко утопична". [3.41]

Концепция плана ГОЭЛРО – это концепция качественных изменений в структуре производительных сил и радикального повышения эффективности их использования. Она сориентирована на то, что непосредственной целью "хозяйственной деятельности является достижение наибольших результатов при наименьших усилиях, т.е. максимальная ее производительность". [3.42] (Подчеркнуто мною – Р.Б.). Чтобы достичь такой цели, нужен качественно новый уровень производительных сил, важный элемент которых — электрическая энергия. Отсюда логически следовало, что электрификация — это могучий фактор, ключ к практическому решению проблемы крутого подъема производительности труда. Только такой подход позволял *"выровнить фронт нашей экономики. в уровень с достижениями нашего политического уклада"*. [3.43]

При этом важно подчеркнуть, что план ГОЭЛРО учитывал также социальный фактор: Для того, чтобы человек мог полно

развернуть свою индивидуальность и действительно перейти из царства необходимости в царство свободы, - указывали его разработчики, – необходимо предварительно проделать громадную черновую работу. "Заботы об элементарных человеческих благах, жилище, продовольствии, одежде и способах перемещения и сношения с другими людьми не должны представлять собой ту ношу, которая в настоящее время пригнетает весь трудящийся мир". [3.44]

Таким образом, концепция плана ГОЭЛРО предусматривала последовательное во времени, но вместе с тем комплексное решение проблем технических, экономических и социальных.

Восстановление и расширение топливно-энергетической базы страны служили исходной, отправной точкой для преодоления отставания в других областях. В соответствии с этим были выработаны основные стратегические направления развития экономики, а также тактика решения конкретных проблем хозяйственного строительства.

Энергия – это запас силы, т.е. необходимая предпосылка высокопроизводительного труда. Поэтому энергетическая проблема в то время выступала на одно из первых мест и с точки зрения текущих задач. Дело в том, что в начале 20-х годов образовался "заколдованный" треугольник: голод – паралич транспорта – дефицит топлива. Парадокс состоял в том, что хотя производство зерна и существенно снизилось, но не настолько, чтобы вызвать катастрофическое положение со снабжением хлебом городов и промышленных центров. Проблема состояла с доставкой его в город. Та небольшая часть паровозов, которая была "на ходу", очень часто не могла быть использована из-за отсутствия топлива.

Судьба электрификации также зависела от того, будут ли найдены для ее осуществления достаточные энергетические ресурсы. Практически можно было рассчитывать только на местные угли (подмосковные, кизеловские и др.), торф и гидроресурсы. Состояние топливных ресурсов во многом определило технические и экономические решения в области электрификации.

Исходя из перспективных потребностей развития народного хозяйства страны на новой технической основе, комиссия ГОЭЛРО считала, что нужно бы построить около 100 районных электрических станций. Однако, из-за острого дефицита топливных, материальных и финансовых ресурсов пришлось ограничиться всего 30 станциями (27 – в европейской части страны, 3 – в Западной Сибири и Средней Азии).

Весьма характерно, что из общего числа намеченных к строительству объектов 10 использовали энергию рек (ГЭС), 5 станций

намечалось построить на базе торфяных ресурсов, 2 – на подмосковных и 2 — на уральских углях, остальные – на штыбе (угольной крошке), сланцах и отходах лесопиления.

Всего за 10-15 лет намечалось ввести в эксплуатацию на районных электростанциях 1,5-1,75 млн. кВт мощностей и восстановить или отремонтировать действующие установки на 0,25 млн. кВт. Если смотреть с позиций 1920 года, эти цифры – весьма "дерзкие". Как подчеркивал Г.М. Кржижановский, выступая на VIII Всероссийском электротехническом съезде с докладом о работе комиссии ГОЭЛРО, "суть дела, однако, отнюдь не в этом масштабе, который в зависимости от объективной исторической обстановки Советской России может количественно отклониться в ту или другую сторону, а в том принципиальном предвидении, по которому локомотив всей нашей экономики неизбежно связывается с электрическими рельсами". [3.45]

Для практического достижения намеченных рубежей в области электрификации важно было создать соответствующую материально-техническую базу, прежде всего собственное машиностроение. Машины и технологическое оборудование нужны были для строительства и оснащения новых электростанций. Чтобы преобразовать энергию в реальную производительную силу, нужно технологическое оборудование, оснащенное электромоторами и соответствующими инструментами, а также квалифицированные кадры. Для производства машин, в свою очередь, требовалось много металла, химических материалов и других видов сырья и полуфабрикатов.

Таким образом, программа электрификации постепенно обрастала расчетами по развитию всех других отраслей тяжелой промышленности, а также сельского хозяйства:

Задания плана ГОЭЛРО по важнейшим видам промышленной продукции [3.46]

в сопоставлении с уровнем производства 1913 и 1920 гг.

		1913	1920	План ГОЭЛРО
Эл. энергия	млрд. кВт-ч.	2,0	0,5*	8,8
Чугун	млн. т.	4,2	0,1	8,2
Сталь	млн. т.	4,3	0,2	6,5
Желез. руда	млн. т.	9,2	0,2	19,6
Уголь	млн. т.	29,2	8,7	62,3
Нефть	млн. т.	10,3	3,9	11,8-16,4
Торф	млн. т.	1,7	1,4	16,4
Цемент	млн. т.	1,5	0,04	7,75
Кирпич	млрд. шт.	2,1	0,2	10,0
Бумага	тыс. т.	197,0	30,0	688,5

* 1921 г.

Как видно из этих данных, план ГОЭЛРО намечал не просто восстановление довоенного уровня производства важнейших видов промышленной продукции, но и существенное превышение дореволюционных показателей. Общий объем промышленного производства предполагалось увеличить в течение 10-15 лет почти в 2 раза по сравнению с соответствующими показателями 1913 года и более чем в 10 раз – к уровню 1920 года.

Особенно высокие темпы намечались для развития отраслей тяжелой промышленности. Так, продукция машиностроения и металлообработки должна была вырасти против уровня 1913 года на 97%, химической промышленности – на 150, производство стройматериалов – на 158%. Предусматривалось освоение новых производств, в частности, алюминия, электросплавов и др. Продукция текстильной и пищевой промышленности по плану ГОЭЛРО должна была возрасти на 47-48% против довоенного уровня.

Высокий рост промышленности намечалось в значительной степени (примерно, на 75%) обеспечить за счет повышения производительности труда, снижения энергоемкости и материалоемкости производства.

В области транспорта наряду с его реконструкцией предполагалось электрифицировать важнейшие магистрали протяженностью около 3,5 тыс. км и одновременно развернуть сооружение 25-30 тыс. км новых железных дорог.

В плане ГОЭЛРО также широко и смело были предусмотрены работы по механизации и электрификации сельского хозяйства, другие мероприятия, направленные на то, чтобы ликвидировать его отставание от растущих потребностей населения в продуктах питания. Было предусмотрено, в частности, возделывание новых земель с помощью тракторов и других видов техники, развитие государственных хозяйств (совхозов) и кооперативных пригородных хозяйств, отказ от чересполосицы, введение правильных севооборотов, широкое применение достижений агротехники и химических удобрений. Большое внимание уделялось развитию малой энергетики на базе использования местных энергетических ресурсов, в том числе небольших рек.

Разработка плана ГОЭЛРО была крупным шагом в развитии методологии народнохозяйственного планирования, прежде всего, в области анализа общественных потребностей и их балансовой увязки с имеющимися ресурсами. В. И. Ленин считал большим достижением тот факт, что комиссия впервые разработала "материальный и финансовый (в золотых рублях) баланс электрификации

(около 370 миллионов рабочих дней, столько-то бочек цемента, штук кирпича, пудов железа, меди и проч., такая-то мощность турбогенераторов и т. д.)". [3.47]

Этот план опирался на балансовые расчеты потребления и производства отдельных видов топлива, металла, оборудования, строительных материалов, что позволило обосновать необходимые пропорции и темпы развития важнейших отраслей тяжелой промышленности, поскольку "хозяйственный план должен прежде всего установить надлежащую пропорциональность основных производственных подразделений". [3.48]

Общая сумма необходимых капитальных вложений достигла 17 млрд. руб. золотом, что по тем временам и в условиях тяжелейшей разрухи было огромной цифрой. Поэтому все балансовые расчеты предусматривали осуществление строгого режима экономии и значительное повышение эффективности использования ресурсов. Так, при увеличении общего объема промышленной продукции в 1,85 раза число рабочих должно было увеличиться всего в 1,2 раза, производственные мощности – в 1,7, расход топлива – в 1,4 раза. Это значит, что удельные нормативы использования основных производственных ресурсов существенно снижались.

Таким образом, в плане ГОЭЛРО впервые балансовые расчеты тесно переплетаются с анализом эффективности и увязываются с режимом экономии.

Было бы неправильно рассматривать план ГОЭЛРО только как программу развития ключевых отраслей народного хозяйства. Огромное значение он приобрел и как политический документ, который показал путь для движения миллионных масс из разрухи, помог организовать их идеологически и начать работы на чрезвычайно трудном фронте хозяйственного строительства.

22 декабря 1920 года открылся VIII Всероссийский съезд Советов. Впервые в истории России высший орган государственной власти обсуждал перспективный план экономического переустройства страны на основе электрификации. Докладчиком по данному вопросу выступил Г. Кржижановский. В выступлении председателя Совнаркома было кратко изложено содержание плана, дана ему высокая оценка: "Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем...Только тогда, – продолжал он, – когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно". [3.49]

VIII Всероссийский съезд Советов одобрил работу комиссии ГОЭЛРО и предложил в кратчайший срок завершить доработку плана.

Стоит напомнить, что даже в критический период гражданской войны электроэнергетика России, преодолевая многочисленные ухабы и дефициты, вопреки формальной логике упрямо оставалась живой и растущей. Она представляла собой едва ли ни единственную отрасль, которая в эти годы не только сохранила, но и расширила свою производственную базу.

Мощность электростанций России [3.50]

тыс. кВт

1917	1918	1919	1920	1921
293.9	295.1	301.4	309.2	312.4

21 декабря 1921 года СНК принял постановление о плане электрификации России, утвержденное несколько дней спустя IX Всероссийским съездом Советов. Когда удалось ввести в эксплуатацию первую турбину, Ленин отмечал: "12 тысяч киловатт – очень скромное начало. Быть может, иностранец, знакомый с американской, германской или шведской электрификацией, над этим посмеется. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним" 3.51.

"Кремлевский мечтатель" – так назвал Герберт Уэллс – шестую главу книги "Россия во мгле", посвятив ее встрече с В.И. Лениным в октябре 1920 года. Известный английский писатель-фантаст отмечал: "...Ленин, который, как положено ортодоксальному марксисту, осуждает всяческих "утопистов", в конечном счете, сам увлекся утопией — утопией электрификации. Он употребляет все свое влияние, стремясь осуществить план строительства в России мощных электростанций... Можно ли вообразить более отважный план в этой стране лесистых равнин, населенной безграмотными крестьянами, в стране, где нет ни водных энергетических ресурсов, ни квалифицированных специалистов, где угасает торговля и промышленность?.. Сколько ни вглядываюсь я в будущее России, словно в темный кристалл, мне не дано разглядеть то, что видит этот невысокий человек, работающий в Кремле...Я возражал...". [3.52]

Действительно, план ГОЭЛРО начал осуществляться в крайне сложной и напряженной обстановке. В начале масштабы строительства были крайне небольшими. Но спустя всего двенадцать лет, в 1932 году общая мощность электростанций страны достигла 4,7 млн. кВт, а выработка электроэнергии – 13,5 кВт-часов. [3.53] Напомню, что план электрификации России предусматривал увеличить производство электроэнергии в течение 10-15 лет до 8,8 млрд. кВт-часов.

В 1934 году Уэллс вновь посетил Россию. Он имел возможность убедиться, что "кремлевский мечтатель" был стратегом дерзким, но расчетливым.

3.3. Интеллигенция и специалисты как творческий потенциал обновления страны

Электрификация России только открывала долгий путь к эффективным технологиям. Чтобы пройти его и достигнуть намеченную цель, нужны были еще профессионально подготовленные руководители и организаторы, исследователи и конструкторы, инженеры и техники, квалифицированные рабочие самых разных специальностей. Таких специалистов не хватало и до войны. К концу смуты их осталось еще меньше...

Острота проблемы усиливалась тем обстоятельством, что для подготовки и переподготовки умелых работников требовались годы, а также опытные преподаватели, учителя, мастера практического обучения. Времени было в обрез, а многие профессора университетов и значительная часть учителей отказывались сотрудничать с большевиками.

Стоит напомнить, что Россия вступила в XX век с многочисленной интеллигенцией, владевшей разносторонними знаниями и высокой культурой. Это было богатое наследство русского ренессанса предыдущего века. Однако, три бурных революции, которые одна за другой пронеслись над страной подобно тайфунам, оставляющим после себя разрушения и хаос, не прошли бесследно для интеллигенции. В массе своей она не понимала и не поддерживала радикализм Октябрьского переворота. Как уже говорилось, ученые, профессура, учителя, другие работники умственного труда весьма болезненно пережили поражение революции 1905-1907 годов. Оставаясь в оппозиции к царскому режиму, они группировались, в основном, вокруг партии кадетов, частично, – эсеров, и, в меньшей степени – меньшевиков и большевиков. Февральская революция, как казалось поначалу, вполне отвечала их устремлениям и многие интеллигенты активно поддерживали Временное правительство.

Хотя авторитет Керенского быстро таял, октябрьская альтернатива, предложенная большевиками, за которой проглядывался призрак гражданской войны, пугала своей жесткостью и новыми массовыми жертвами. К тому же, мало кто верил, что Ленину удастся надолго удержаться у власти. Так, член ЦК кадетов А. Изгоев откровенно писал в своих воспоминаниях: " На большевиков в

октябрьские дни смотрели как на захватчиков-авантюристов, царствие которых будут считать, если не неделями, то месяцами". [354]

"Подавляющая часть интеллигенции очень плохо представляла, что такое большевики и чего они хотят...Переворот, осуществленный большевиками накануне созыва Учредительного собрания, казался чудовищным и не мог встретить среди представителей интеллигенции ни одобрения, ни понимания. Непонимание тактики большевиков коренилось еще в чувстве патриотизма по отношению к России, независимо от того, каков ее социальный облик...Редко встречалась интеллигентная семья, в которой не был убит или тяжело ранен кто-либо из близких. Как всегда, люди хотели считать, что эти потери являются неминуемыми жертвами, понесенными во имя Родины. Большевики же отбрасывали идею Родины, заменив его смутным понятием интернационализма"[355] .

Заметное число специалистов и служащих стремилось по возможности придерживаться нейтральной, выжидательной позиции: быть "вне политики", продолжая выполнять свои обязанности на работе, понимая, что саботаж бьет, прежде всего, по простым людям, которые пользуются их услугами...

"Люди, одаренные живым и активным характером, – разъяснял С. Фриш, – не могли отсиживаться, оставаться в позиции ожидающих. Они должны были либо включиться в революцию, либо стать ее врагами. И многие представители русской интеллигенции, сами раньше чувствовавшие сковывающее влияние царской власти, включились теперь в новую работу и, раз включившись в нее, быстро находили широкое поле для своей деятельности. Так перекинулся мост между старой русской культурой и зарождающейся культурой новой Советской России". [356]

В то же время, не дождавшись падения советского правительства, измученные бытовыми невзгодами и голодом, грубостью и беззаконием смутного времени, не видя проблесков света в разгулявшейся стихии, тысячи интеллигентов устремились за рубеж со слабой надеждой поймать там синюю птицу,. В конце 1922 года остававшаяся часть литераторов, журналистов и университетской профессуры, недоброжелательно относившаяся к Советской власти, была посажена на небольшой рейсовой пароход и отправлена в Германию. "Ах, Россия, Россия, суровая мать! Как многих отринула ты только потому, что не умели они стричься под одну гребенку...", – писала жена М. Булгакова в своих воспоминаниях. [357]

Далеко не всем эмигрантам удалось ухватиться за хвост госпожи удачи. Чужбина, даже парижская, по-своему больно бьет

по чувствам русского. Многих из тех, кто еще два-три года назад с настороженностью покидал Россию, теперь потянула назад какая-то неведомая сила. Эту силу правдиво описал А. Толстой в своем письме из Берлина Корнею Чуковскому весной 1922 года: "Первое и главное – это то, что у вас, живущих в России, нет зла на нас, бежавших... Мы, разумеется, уверяли себя и других, что эмиграция – высококультурная вещь, сохранение культуры, неугашение огня. Но это так говорилось, а в эмиграции была собачья тоска: как ни задирались, все же жили из милости в людях, а думалось – может быть вернемся домой и там примут неласково: без вас обходились, без вас и обойдемся. Эта тоска и это бездомное чувство вам, очевидно, не знакомы. В особенности, когда глаза понемногу стали видеть вещи жизни, а не призраки, началась эта бесприютная тоска. Много людей наложило на себя руки. Не знаю, чувствуете ли вы с такой пронзительной остротой, что такое Родина, свое солнце над крышей? Пускай наша крыша убогая, но под ней мы живы..." [358]

Конечно, интеллигенты были весьма разнородны по образованию, происхождению, служебному положению и, соответственно, по своим взглядам и поведению. Очень важную положительную роль в налаживании деловых отношений, а затем и сотрудничества между разноцветной интеллигенцией и Советской властью сыграл Анатолий Васильевич Луначарский, назначенный в октябре 1917 года в новом правительстве на пост наркома просвещения. Он занимал этот пост в течение 12 непростых лет.

Будучи еще гимназистом, Луначарский познакомился с народничеством, а вскоре – и с марксизмом. Это стоило ему "четверки" по поведению в аттестате, что перекрыло путь к университетскому образованию в пределах России. Поэтому 20-летнему юноше, не отличавшемуся крепким здоровьем, пришлось отправиться в далекий Цюрих, где в местном университете, под руководством профессора Р. Авинариуса Луначарский начал осваивать философию и другие науки. Общение с творческим ученым оставило глубокий отпечаток в его мировоззрении: молодой студент становится сторонником теории относительности человеческого познания. Отсюда наука – лишь бесконечный ряд гипотез, которые подтверждаются или отвергаются практикой. Такая "мягкая" мировоззренческая позиция в какой-то степени отделяла Луначарского от сторонников значительно более упругой теории исторического материализма. В то же время она создавала ряд преимуществ в его общении с интеллигенцией.

Осенью 1898 года Луначарский вернулся в Россию, где наряду с активной пропагандистской деятельностью, с большим увлечением участвовал в дискуссиях, проходивших в Киевском литературно-артистическом обществе. Рационализм ортодоксального марксизма он щедро украшал эстетическими и эмоциональными приправами. Однако ему не удалось избежать ареста, суда и ссылки в Вологду. Здесь он попал в новую удивительную среду одаренных интеллектуалов, отбывавших свои "сроки". Среди них – далеко неординарные философы Н. Бердяев и А. Богданов. По существу, в Вологде он получил второе университетское образование, на этот раз российское. Особенно большое влияние на Луначарского оказала организационная теория Богданова, в основу которой было положено положение о решающей роли культуры в формировании и развитии нового общества. Такой вывод был обоснован тем, что культура включает в себя комплекс моральных и нравственных норм, а также эстетических обязательств, которые организуют, точнее, должны организовывать и регулировать весь спектр жизнедеятельности людей. "Культура класса, – писал А Богданов, – это вся совокупность его организационных форм и методов... Пока рабочий класс не владеет своими организационными орудиями, а напротив, они владеют им, до тех пор он, очевидно, не может и *не должен* предпринимать попытки непосредственного решения мировой организационной задачи, попытки осуществить социализм. Это было бы авантюрой без малейшего шанса на успех, попыткой построить мировой дворец без знания законов архитектуры... Потребуется немалая работа: *полный пересмотр всего наличного культурного наследства,* полученного пролетариатом от старых классов, – пересмотр с *новой, коллективно-трудовой точки зрения,* которая есть вместе с тем *научно-организационная".*[359]

Таким образом, А. Богданов предлагал "полный пересмотр всего наличного культурного наследства" и постепенное формирование принципиально новой культуры пролетариата.

Луначарский тоже был сторонником создания пролетарской культуры, но не путем полного пересмотра, т.е., по существу, отказа от старого наследства. Кроме того, он считал, что речь идет о формировании ни какой-то особой, сугубо пролетарской культуры, а о радикальном повышении нравственного, образовательного и духовного уровня всей массы народа до лучших показателей мировой культуры, опираясь *на все культурное наследие прошлого.*

Весьма показательно, что оказавшись после поражения революции 1905 года на длительное время за границей, Луначарский

с увлечением не просто знакомился, а тщательно изучал историю европейского искусства и литературы, постоянно посещал музеи и выставки. Он установил дружеские отношения с парижскими художниками и горьковской школой на Капри. Сам занимался писательской и издательской деятельностью. Его статьи о новых книгах, понравившихся ему произведениях французского искусства, театральных постановках, – регулярно появлялись в русских газетах и журналах. Судьба как будто специально готовила его на должность наркома просвещения, где пересекались, концентрировались и боролись за свое выживание культурные интересы самых разных слоев и направлений российской интеллигенции. При этом Луначарский был ее представителем и защитником в правительстве и в то же время тактичным и умным комиссаром среди творческих работников свободных профессий.

В начале 1918 года к кругу гражданской интеллигенции относили свыше 1 миллиона человек. Из них в рядах большевиков состояло 30-35 тыс. или около 3-3,5 процентов. При этом среди членов партии каждый 10-й считался интеллигентом. Но при этом среди оставшихся 90% нередко встречалось настороженное и даже враждебное отношение к интеллигенции, поскольку многие считали ее буржуазной по интересам и материальному положению.

Тем не менее, в годы гражданской войны наблюдался довольно интенсивный процесс перехода интеллигентов на сторону Советов. Это происходило по разным причинам: менялись взгляды под воздействием трудной действительности и откровенных, ясных выступлений Ленина, Луначарского, Рыкова, Коллонтай, других большевиков, убежденных в правоте своего дела. На некоторых интеллектуалов давил страх остаться без работы и без карточек...

Показательно, что уже в 1920 году 25% членов коммунистической партии по социальному положению относили себя к интеллигенции и служащим. В ее рядах в это время состояли 10 тыс. педагогов, 8,1 тыс. инженеров, техников и юристов, 1 тыс. агрономов и других специалистов сельского хозяйства, 1,5 тыс. врачей и фельдшеров, 2 тыс. работников искусств, 1,7 тыс. военных специалистов, 5,3 тыс. работников связи, 45 тыс. государственных служащих. 3 60 Конечно, среди них попадались и карьеристы. Но их было немного: членов партии направляли на фронт в первую очередь и без лишних разговоров.

Относительно легко и искренне на сторону Советов перешла значительная часть (20-25 тыс.) интеллигенции, занятой в области искусств и литературы. Среди них были А. Блок, А. Горький,

В. Маяковский, А. Серафимович, другие писатели и поэты, которые с большей или меньшей степенью активности помогали власти рабочих и крестьян удержаться на своих позициях, стараясь в то же время исправить или хотя бы смягчить их явные ошибки и грубые, часто необоснованные акты насилия, особенно по отношению к растерявшимся интеллигентам, наивно пытавшимся противостоять революционным нововведениям. Так, А. Горький своими личными письмами к Ленину способствовал освобождению от арестов десятков известных литераторов, актеров и других деятелей свободных профессий. В трудном 1918 году Горький составил список творческих работников культуры и выхлопотал для них в Совнаркоме специальные продовольственные пайки.

Многие интеллигенты, держась на некотором расстоянии от новых властей, несмотря на доставшиеся на их долю невзгоды и трудности, остались в России и в своем, не очень широком круге ценителей искусства, продолжали работать и творить, создавая произведения, значимые для культуры всех народов. Вряд ли они думали о том, что придет время, и их имена внесут в Мировую книгу памяти и поклонения. Это писатели и поэты А. Ахматова, В. Вересаев, А. Грин, К. Чуковский, М. Пришвин, С. Сергеев-Ценский, В. Шишков, В. Маяковский; художники: А. Архипов, Б. Кустодиев, К. Петров-Водкин, К. Юон; скульпторы: Н. Андреев, В. Мухина, М. Манизер; композиторы: А. Глазунов, М. Ипполитов-Иванов, артисты и режиссеры: А. Нежданова, О. Книппер-Чехова, Л. Собинов, Е. Гельцер, А. Южин, В. Мейерхольд, К. Станиславский, В. Немирович-Данченко, многие, многие другие... 2 мая 1920 года в Москве торжественно чествовали М. Ермолову. В тот день она стала первой народной артисткой республики.

Не следует думать, что для всех них смена публики в жизни и в зале прошла незаметно и просто. "К моменту революции, – писал позже народный артист СССР И.Москвин, – я притащил сорокалетний хвост, который сразу не отрежешь. Было у меня много предрассудков, кажущееся благополучие, традиции, равнодушие к окружающей действительности. Можно было, конечно, поторопиться и перекраситься снаружи в красный цвет. Мне это казалось несолидным. Я стал переделываться изнутри...". [361]

Творческой интеллигенции, оставшейся в России, было достаточно, чтобы сравнительно в короткие сроки создать, по существу, новую форму реализма в искусстве с элементами романтики и героизма, поскольку жить в то время и не сломаться – уже был подвиг.

Количество работников искусств в середине 20-х годов [3.62]
тыс. человек, на 1-ое января

	1925	1927
Актеры	21,4	21,6
Музыканты	17,2	18,1
Эстрадные артисты	2,5	3,0

Из таблицы следует, что артисты, выступавшие в театрах, в концертных залах и на эстраде в период НЭПа чувствовали себя неплохо: число их росло. К сожалению, среди них не было многих знаменитостей – не выдержали тягот лихого времени. Так, Великий Федор Шаляпин в тот момент, когда прогремел выстрел "Авроры", пел арию короля Филиппа в опере Дон Карлос в Народном Доме, что почти напротив Зимнего дворца. После некоторого замешательства спектакль на сцене довели до конца. Верно, домой пришлось идти почти через весь город, по темным улицам пешком – извозчика в тот вечер найти было невозможно.

"На отопление театров не хватало топлива, и музыкантам в оркестре нередко приходилось играть в пальто, а мы, певцы, в это время дрожали от холода. И все же оперы продолжали идти... Я думаю, это потому, – писал Шаляпин, – что русские люди не могут жить без музыки. При царях ли, при Советах – искусство всегда остается искусством. Что касается меня, никогда не занимавшегося политикой и посвятившего свою жизнь искусству, то на меня смотрели, как на Баяна. Это наше древнеславянское слово. Оно означает "бард" или певец.

За все это время никто ни разу не угрожал ни мне, ни членам моего семейства, хотя бывали, образно говоря, выпады против меня со стороны мелких начальников, дорвавшихся до власти. Часть моего личного имущества подверглась реквизиции... Крайняя нужда заставила меня продать все золотые вещи, которые у меня были, чтобы покупать муку, сахар и другие вещи первой необходимости...

Настал день, когда я почувствовал, что мне абсолютно необходимо уехать... Получить паспорт было, конечно, не так просто. В отчаянии я обратился к Луначарскому, которому всегда буду благодарен за помощь. Он устроил меня в особый поезд, в котором Литвинов и другие советские комиссары отправлялись в Ригу. И вот в августе 1921 года я уехал из России, взяв с собой только театральные костюмы, грим и поношенный, латанный-перелатанный концертный фрак. На мне были совершенно неподходящие друг к другу пиджак, жилет и брюки". [3.63]

Не вернулся в Россию композитор и пианист С. Рахманинов. В чужих краях похоронены писатель И. Бунин, философ И. Ильин, шахматист А. Алехин, всех не перечислить...

Особый и весьма важный отряд интеллигенции составляли *военные офицеры*. Это – люди мужественные, волевые, организованные, как правило, образованные и нравственно чистые. Отречение Николая II от престола освободило их от воинской присяги, и они могли относительно свободно выбирать свою дальнейшую судьбу. К середине 1918 года более трети офицеров бывших вооруженных сил царского режима оказались на Дону, в рядах Добровольческой армии, у Колчака в Сибири, в других центрах военного сопротивления Советам. Еще одна треть сменила военные мундиры на гражданское платье. Остальные, в том числе, почти половина офицеров Генерального штаба, влились (многие по мобилизации) в ряды Красной армии, что во многом способствовало ее победам в гражданской войне. [3.64]

Медицинских работников можно по праву поставить рядом с военной интеллигенцией: из них 40 процентов находились в армии – лечили раненых и больных красноармейцев. Крайне тяжелым было положение и на "внутреннем фронте": массовое распространение среди гражданского населения приобрели сыпняк и легочные заболевания, часто сопровождавшиеся летальным исходом. Волнами накатывались эпидемии гриппа, других инфекционных болезней. Лекарств, больничных коек и медицинского персонала не хватало. Всего в Советской России (без Украины) к началу 1920 года насчитывалось примерно 24 тыс. врачей и около 60 тыс. младшего медицинского персонала. Всем приходилось трудиться с полной отдачей сил, не обращая внимания на реальную опасность заразиться самим. В такой обстановке политические и идеологические расхождения сами собой отходили на задний план.

Служащие государственных органов управления, – другая большая и весьма своеобразная категория интеллигенции, – в первый период после победы большевиков объявили решительный бойкот новой власти. Особенно упорствовали начальники отделов (департаментов) и выше. Однако, оставшись без хлебных пайков, под угрозой увольнения без пенсии, почувствовав реальную силу "диктатуры пролетариата", большинство саботажников пошло на мировую: хотя и без энтузиазма, но все же вернулись на работу.

"18 февраля (1918 г.) я поступил на службу к большевикам, – писал один из них, некто Н.Майер, который явно не сочувствовал большевикам. – Комиссариат юстиции только формировался.

Из прежнего состава служащих остались несколько канцелярских чиновников. Во главе комиссариата стоял левый эсер Штейнберг с ближайшими помощниками из той же партии – Шрейдером и Алгасовым". Комиссариат был разделен на три отделения: гражданское, уголовное и административное. Каждое отделение, в свою очередь, состояло из заведующего, его помощников, консультантов, секретаря, вспомогательных работников канцелярии. Из шести консультантов, по мнению Майера, только двое по своим знаниям были работоспособными. "В канцелярию набралось множество тоненьких, незаметных человечков, уже начавших плести мелкие чиновничьи хитрости и подвохи. Но были и яркие фигуры, загнанные на службу к большевикам революционным безвременьем...

Священник каким-то образом завоевал себе отдельный кабинет и постоянно удалялся в него со своими просителями, особенными, приходившими лично к нему по делам, досье которых, как это впоследствии обнаружилось, хранились у него в письменном столе и на учете текущих дел не состояли...

Де-Бурдо, высокий молодой человек, без растительности на лице, с красным носом и серыми оловянными глазами, неизменно насвистывал или напевал веселенькие мотивы, рассказывал о своих необычайных успехах у женщин, но не прочь был высказать и деловое суждение по тому или иному вопросу. Эти суждения вызывали, смотря по характеру, у одних унынье, у других – неудержимую улыбку... Иногда он приходил с предложениями заработать деньгу, устроив получение из сейфа какого-то чудовищного золотого слитка или много миллионных бриллиантов". [3.65]

Аналогичная картина с подбором новых служащих наблюдалась и в других комиссариатах.

Многие собственники и руководящий состав частных предприятий и компаний еще до октябрьских событий вступили в открытую борьбу с рабочим контролем и профсоюзами. Поэтому проблема подбора специалистов для управления национализированными предприятиями, прежде всего, хозяйственных руководителей, сразу же приобрела особую остроту. Квалифицированных кадров, готовых сотрудничать с Совнаркомом, почти не было. Трудовые коллективы выдвинули из своей среды немало талантливых организаторов, прошедших первую ступень школы управления в фабзавкомах и рабочем контроле. Но у них не хватало специальных знаний и опыта практического руководства противоречивыми отношениями внутри крупных коллективов, не говоря уже о сложных технологических процессах. В тот период

не существовало учебных заведений, да и не было времени для основательной подготовки и переподготовки нового поколения организаторов производства. Оставался фактически только один источник: выдвижение на руководящие должности инженерно-технических специалистов, имевших опыт работы на производстве. При этом пришлось приложить немалые усилия, чтобы преодолеть как необоснованные, так и имеющие под собой почву предубеждения и недоверие рабочих по отношению к так называемым буржуазным специалистам.

Еще весной 1918 года В. Ленин настойчиво разъяснял: "Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта,— переход к социализму невозможен, ибо социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда... Лучшие организаторы и крупнейшие специалисты могут быть использованы государством либо по-старому, по буржуазному (т.е. за высокую плату), либо по-новому, по пролетарски (т.е. созданием той обстановки всенародного учета и контроля снизу, которая неизбежно и сама собой подчинила и привлекла бы специалистов).

Нам пришлось теперь прибегнуть к старому, буржуазному средству и согласиться на очень высокую оплату "услуг" крупнейших из буржуазных специалистов". [3.66]

Некоторые из крупных представителей буржуазии сами проявляли инициативу в налаживании деловых связей с новым правительством. В этом отношении большой интерес представляет необычная встреча, которая состоялась 3 декабря 1917 года в помещении комиссариата труда. В ней участвовали, с одной стороны, два видных российских промышленника – А. Мещерский и Я. Венгеров, с другой – нарком А.Шляпников, представители руководства ВСНХ, других государственных органов управления.

Первым, с большой речью выступил А.П. Мещерский. Это был один из "китов" русской промышленности, создатель концерна Сормово, член правления и директор-распорядитель АО Коломенский машиностроительный завод, член правления акционерного общества Выксунских и Белорецких горных заводов, Русского судостроительного акционерного общества, Царицынского орудийного завода. Одновременно он занимал ряд ключевых постов в банковской системе и в Советах различных съездов промышленников.

Указав на трудности, переживаемые "в связи с той финансовой неразберихой, которая наблюдается", Мещерский прямо заявил: остается только одна надежда – на государство. "Получать деньги

мы теперь можем только от казны – нашего единственного заказчика. Мы на заводах объявили об их закрытии, так как нечем расплачиваться с рабочими. Обвиняют нас в саботаже, в политиканстве. Обвинения вздорные, так как мы, прежде всего, люди дела и, если нет заказов и возможности получить денежные знаки, то нам платить нечем. У нас в правлении была делегация рабочих от Сормовского завода. Мы им показали книги, доказали отсутствие заказов. И они убедились в финансовой катастрофе... Как быть дальше? Намечает ли правительство продолжать военные заказы, конечно, с известной депрессией? Для обеспечения рабочих масс это необходимо. Или, если будет признано, что военные заказы необходимо прекратить, то нужно известное время содержать наших рабочих. Перевести наши заводы, работающие в большинстве своем на военные нужды, сразу на работы мирного характера чрезвычайно затруднительно. В Сормове до 9 тыс. человек работают только пушки и снаряды...".

Далее Мещерский перешел к анализу рынка, который по его словам находился "в большом смущении". Без помощи со стороны правительства перевод военного производства на мирные рельсы пойдет очень медленно. "Перевести наши заводы на постройку судов будет легче всего". По оценке Мещерского, только для бассейна Волги требовалось 350 пароходов и 500-600 барж. Кроме того, часть мощностей можно использовать для выпуска тракторов, двигателей к ним и сельскохозяйственных машин. Возможен также выпуск паровозов, вагонов и платформ...

Такова была позиция и конкретные предложения одного из влиятельных лидеров российских промышленников, который достаточно трезво оценивал сложившуюся политическую и хозяйственную обстановку в стране и понимал, что выходить из кризиса можно и нужно не через борьбу с советским правительством, а путем делового сотрудничества с ним.

Ответить Мещерскому взялся Ю. Ларин – руководитель одного из отделов ВСНХ. Он согласился с тем, что государственные долгосрочные заказы на оборудование для всех отраслей народного хозяйства, в том числе для транспорта и сельского хозяйства, "совершенно необходимы". Чтобы организовать это в общегосударственном масштабе, промышленные предприятия должны быть предварительно объединены в синдикаты, "с которыми правительство смогло бы столковаться и между которыми могло бы распределять заказы... В правлении таких синдикатов должны быть, – в качестве контролирующего начала, – представители государственного

банка... Необходимо также создание единого промышленного банка, в который вошли бы пайщиками все существующие коммерческие банки и государственный банк. Новый банк и занялся бы вопросами финансирования промышленных предприятий... Ввозиться (из-за рубежа) будет только то количество продуктов, которое не в состоянии выпустить русский рынок. Сами синдикаты будут определять, сколько нужно ввести иностранных продуктов и сами будут расплачиваться за ввоз. Таким путем будет устанавливаться средняя цена.

Рабочий контроль является подсобным государственным контролем. Он не будет вмешиваться в вопросы финансирования. Рабочий контроль будет следить, чтобы продукты не сбывались помимо определенных мест..."

Мещерского, видимо, такая программа в целом устраивала. Он высказался только против синдикатов. "Синдикаты могут убить промышленность. В других государствах этого нет и это очень опасно. Тресты – не убивают творчества, а побуждают его и усиливают. Социализация должна проводиться с осторожностью, с предоставлением индивидуальности места и простора".

Его поддержал Я.М. Венгеров, визитная карточка которого выглядела намного скромнее: член правления АО Донецких антрацитов, Совета съездов промышленности и торговли, комиссии по рабочему законодательству и др. Он выдвинул несколько условий, которые государство должно соблюдать, чтобы "успокоить предпринимателей":

– гарантии получения определенного % на капитал,

– твердое положение руководителей, чтобы они не разбегались. Теряем людей честных и опытных. "Вы должны спасать людей и дело. Мы потеряем людей, а не чиновников";

– нужно "стоять на государственной точке зрения и потребовать от рабочих производительности в первую очередь." [3.67]

Протокол переговоров с Мещерским и Венгеровым был направлен В. Ленину, и он серьезно заинтересовался предложениями "идеологов" госкапитализма, которые руководствуются своими классовыми интересами. Не без его вмешательства этот вопрос получил дальнейшее развитие, вплоть до разработки проекта смешанного треста из 14 крупных металлургических, паровозо- и вагоностроительных предприятий, входивших в концерн "Коломна-Сормово". 27 марта 1918 года Ленин пришел на заседание президиума ВСНХ, где рассматривался этот план-проект. Во время заседания он набросал схему управления трестом и направил, по-видимому,

В.И. Милютину, записку: "Не повести ли дело к тому, чтобы данное собрание наметило (или даже выбрало) комиссию для обсуждения плана треста и его организации?". [3 68]

Примерно, в это же время В.И. Ленин вынужден был вмешаться в судьбу другой организационной формы, напоминавшей госкапиталистическое объединение, – Главного комитета по кожевенным делам, созданного еще в годы Первой мировой войны и имевшего свои отделения (районные комитеты) по всей стране.

С созданием ВСНХ Главный комитет по кожевенным делам вошел в состав нового ведомства. Съезд рабочих кожевенного производства, поддержав создание комитета, ввел в органы его управления две трети рабочих. В результате получалась своеобразная модель организационной структуры государственного капитализма с возросшим рабочим контролем в целой отрасли промышленности. Однако, местные Советы своими постановлениями стали подчинять себе отдельные кожевенные заводы, т.е. разрушать единую структуру объединения. Кожевенники обратились за помощью в Совнарком. В ответной телеграмме правительство подтвердило, что "распоряжения Главного комитета и районных комитетов по кожевенным делам должны неукоснительно проводиться в жизнь. Вмешательство других организаций в дела кожевенной промышленности недопустимо. Распущенные районные комитеты должны быть восстановлены". [3.69]

Такой подход к созданию смешанных госкапиталистических структур был логическим завершением исканий новых эффективных форм организации крупных производств с заинтересованным участием в этом деле буржуазных специалистов, в том числе в руководящих органах крупных производственных объединений. Новую концепцию нужно было разъяснять, обосновывать, защищать. Весной 1918 года В. Ленин выпустил брошюру: "Главная забота наших дней – о "левом ребячестве и о мелко буржуазности". Значительное место в ней уделено проблемам государственного капитализма. Прежде всего, он отмечал, что "государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения в нашей стране". Такую постановку вопроса многие воспринимали как "измену социализму". Чтобы убедить читателя в обратном, Ленин напоминает, что в переходной экономике России существуют и с большим или меньшим успехом действуют пять укладов: патриархальный (натуральное крестьянское хозяйство); мелко товарный, крестьянский (наиболее многочисленный); частнокапиталистический; государственно-капиталистический и социалистический.

При этом важно понять, как взаимодействуют между собой эти уклады, не искажая и не упрощая сложную и противоречивую систему их единства: "Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борются вместе, заодно и против государственного капитализма, и против социализма...". Спекулянт, мародер торговли, нарушитель монополии (государства) – вот наш главный, внутренний враг, враг экономических мероприятий Советской власти". Государственный капитализм в такой обстановке" был бы гигантским шагом вперед.., ибо продолжение мелкособственнической анархии есть самая большая, самая грозная опасность, которая погубит нас (если мы не победим ее) безусловно". [3.70]

Активная пропаганда положительных сторон госкапитализма не означала, что Совнарком не видел его отрицательных черт: казнокрадства в крупных масштабах, стремления получать монопольную прибыль путем завышения цен, бюрократического подхода к решению даже срочных, жизненно важных вопросов. Но при взвешивании тех и других качеств на больших весах истории, получалось, что в условиях нестабильности и обострившейся борьбы как с мелкой, так и с крупной буржуазией, при реальной оценке других факторов, стрелка весов смещалась в сторону целесообразности принятия модели госкапитализма. В чрезвычайно трудных экономических условиях, в которых оказалась тогда Россия, "социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку перестающая быть капиталистической монополией". [3.71]

Конкретно задача состояла в том, чтобы, во-первых, разъяснить необходимость и возможность поставить государственный капитализм на пользу всего народа, и, во-вторых, реализовать такую возможность практически. Таким образом, уже весной 1918 года в России была разработана оригинальная социально-экономическая модель, которая в 1921 году будет положена в основу НЭПа и которая позже будет принята и развита социал-демократами Скандинавии, получив известность как "шведская модель социализма".

О принципиальной возможности компромисса с "буржуазными специалистами" свидетельствует также апрельский (1918 г.) Декрет Совнаркома о регистрации акций, облигаций и других ценных бумаг. Он включал важный пункт о возмещении, в конкретных случаях, бывшим владельцам стоимости фабрик и заводов в тех размерах и с теми условиями, которые определяются законом о национализации. И когда, например, завод братьев Бромлей в

Москве переходил в собственность государства, его бывшие владельцы обратились с ходатайством о выплате им пособия для жизни. Такое пособие им регулярно выплачивалось. Один из их потомков стал впоследствии видным советским академиком.

Весьма красноречиво также постановление ВСНХ, принятое летом 1918 года, согласно которому предписывалось, впредь до особого распоряжения, мелкие и средние национализированные предприятия "признавать находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев. Правление и бывшие собственники финансируются на прежних основаниях". [3.72]

IX съезд партии (1920 г.) считал возможным и допустимым следующие структуры при образовании руководящих органов в промышленности: а) директор-администратор из рабочих. В качестве его помощника по технической части – инженер; б) инженер-специалист в качестве руководителя предприятия. При нем комиссар из рабочих; в) рабочие, один или два, в качестве помощников директора-специалиста; г) коллегия, члены которой хорошо дополняют друг друга. При этом на председателя, имевшего решающий голос, возлагалась личная ответственность за конечные результаты дела. В условиях НЭПа такая модель подключения рабочих к управлению национализированными предприятиями оказалась недостаточно защищенной от разъедающего воздействия взяток и других форм подкупа "красных директоров". Но в первые два-три года ничего другого найти не удалось (см. гл. 4-ую).

Всего за 1918-1921 годы на руководящую работу в различных отраслях народного хозяйства было выдвинуто более 3,5 тыс. рабочих и крестьян, которым предстояло еще долго и много учиться, прежде чем стать неотъемлемой частью пока только формирующейся новой хозяйствующей интеллигенции.

Наиболее крупную долю во всей массе творческих работников составляло *учительство*. Несмотря на все трудности периода гражданской войны количество преподавателей, особенно в начальных школах, постоянно росло. В 1921 году их насчитывалось 351 тысяча, против 231 тыс. в 1915 году. В школах должности преподавателей занимала молодежь, часто не имевшая ни опыта, ни соответствующих знаний для работы с детьми. Лишь 12% учителей имели специальное педагогическое образование. Но не было недостатка в энтузиазме, который помогал активно участвовать в формировании нового поколения молодежи и готовности упорно учиться самим. В то время возникла дискуссия о реформе начального образования. Больше всего споров возникало относительно создания единой трудовой школы.

Пожалуй, наибольшие трудности в адаптации интеллигенции к политике Советской власти в области формирования новой культуры и связанной с этим перестройкой системы высшего образования возникли среди *профессуры* – людей, которые годами формировали мировоззрение студенческой молодежи, и не только её, теперь должны были менять свои собственные взгляды, концепции и методы работы. Это было мучительно трудно, особенно для тех, кто преподавал гуманитарные и общественные дисциплины. Большинство профессуры не разделяло и не поддерживало идеологии контрреволюции, но профессура не была согласна и со многими программными установками большевиков. Однако, невозможно излагать в лекции или защищать на семинаре положения, которые внутренне считаешь неверными. Отсюда конфликт, разрешаемый только временем.

Другая причина разногласий между профессурой и новым правительством – радикальная демократизация высшей школы. В августе 1918 года Совнарком принял декрет "О правилах приема в высшие учебные заведения", который предоставлял право молодым рабочим и крестьянам поступать в вузы без аттестата о среднем образовании и без вступительных экзаменов. Плата за обучение отменялась для всех желающих учиться в университетах и других высших учебных заведениях. Профессура была не согласна с таким снижением требований к качественному уровню подготовки будущих студентов, не без основания утверждая, что далеко не из всякой глины можно изготовить фарфоровую чашку.

О настроениях и отношении университетской профессуры к нововведениям в высшей школе вполне откровенно написал в своих личных записках один из профессоров медицинского факультета Московского университета: "...Выборы товарища (помощника – Р.Б.) декана заняли два заседания. Студенты выставили кандидатуру профессора Б. И упорно держались за нее. Но собрать большинство он не мог. Баллотировался четыре раза, но безуспешно. С другой стороны, проваливались и кандидаты старой профессуры... На формирование деканата ушло более месяца. Наконец, факультет сконструировался и началась академическая жизнь. Но какая! На первый курс было принято по распоряжению комиссариата (Наркомпроса – Р.Б.) 5000 человек, а помещения были рассчитаны на 250 мест. На вступительной лекции по анатомии набилась полная аудитория и во дворе осталась огромная толпа. У проф. Граве на вступительной лекции одному студенту сделалось дурно, но он остался в стоячем положении,

стиснутый толпой... Но скоро рвение остыло, а с наступлением холодов занятия фактически прекратились.

Дров у университета не было, и в аудиториях стояла температура от минус трех до плюс двух градусов, в зависимости от погоды. Читать чисто теоретические лекции, сопровождая их демонстрацией рисунков было, хотя и трудно, но все же возможно. О настоящих демонстрациях, особенно на больных, не могло быть и речи. А без демонстраций что же за лекции на медицинском факультете?

В клиниках количество больных сократилось до минимума. Те, кто мог ходить, проводили целый день в "кубовой", где топились печи. Здесь же происходили врачебные осмотры и нечто вроде лекций...

Весной было решено устроить летний семестр для исправления дефектов зимнего. Но дополнить удалось немногое и на экзаменах студенты поражали невежеством, которого раньше даже и представить себе было невозможно". [373] Сложившаяся ситуация оказалась невыносимой для профессора, и вскоре он уехал в Берлин.

В подобных ситуациях Наркомпрос мало, что мог сделать. Денег ему выделяли крайне скупо и далеко не в первую очередь – шла война. Опытных кадров – не намного больше, чем денег. Приходилось маневрировать. Чтобы обойти наиболее стойкие очаги сопротивления, особенно в старых университетах, пришлось пойти по линии создания новых учебных заведений.

В Петрограде, например, на базе Политехнического института, был образован второй университет. Распространились слухи, что первый закроют. Старая профессура, естественно, заволновалась и начала подготовку к активной обороне. На торжественном собрании, посвященном столетию университета, ожидали прибытие представителя правительства, который якобы объявит о предстоящем его слиянии с новым учебным заведением. К открытию собрания никого из начальства не было. Первый выступающий высказался весьма эмоционально против слияния с "Политехом". До большинства тревожные слухи еще не дошли, и они не могли понять, о каком слиянии идет речь... В это время в зале появился Луначарский. С взлохмаченной головой, несколько сутулясь, он прошел в президиум и попросил слова. Зал встретил его настороженно. Но он говорил о том, что народ нуждается в свете науки и что носителями этого света являются ученые, прежде всего, ученые университетов. Говорил он темпераментно и хорошо. О каком-либо объединении не было сказано ни слова. В конце Луначарский еще раз подчеркнул: "Народ относится с уважением к науке, хранит ее,

а равно и данный университет, как ценность... И пусть запомнят все, что в этот день – день столетия – представитель рабочего правительства явился, чтобы, несмотря ни на какие недоразумения, отвесить нижайший поклон перед университетом". Зал взорвался дружными и длительными аплодисментами. [3.74]

С февраля 1919 года во многих вузах создавались специальные подготовительные рабочие факультеты (рабфаки), где молодежь, не имевшая аттестата, "проходила" краткий курс среднего образования.

Некоторые вузы и рабфаки не имели необходимой материальной базы, не хватало и квалифицированных преподавателей. Но количественный эффект был достигнут (при потере качества): в 1914/15 учебном году в России функционировали 105 вузов, в которых обучалось 127 тыс. студентов. Осенью 1920 года число вузов возросло до 253, а количество студентов – до 216 тысяч. Можно долго спорить, насколько правильно и обосновано был выбран такой способ ускоренной подготовки нового поколения специалистов. Но выбор был сделан и он остается историческим фактом, отражая в себе диалектику трудного начала большого этапа культурного обновления и подъема России.

Непросто сложилась и судьба бывшей *Академии генерального штаба*, которая готовила высший командный состав для вооруженных сил. В дни Октябрьских событий ее профессорско-преподавательский состав и слушатели придерживались нейтральной позиции с небольшим креном в сторону одобрения происходящих в стране перемен. Об этом косвенно свидетельствуют раздраженные записки представителя нелегального правого центра: "Наша Академия генерального штаба, имевшая, по существу, задачей создать мозг русской армии и заполнившая своими воспитанниками все высшие командные должности, фактически привела к двум результатам. С одной стороны, она развила в обучаемой ею среде рассудочность в ущерб волевым качествам. С другой – она породила в ней дух интриги и беспринципного карьеризма. Достаточно вспомнить, что декларация прав солдата была единогласно одобрена штабными офицерами, а также, что те же штабные офицеры первые перелицовывались на революционный лад до такой степени, что собрание этих офицеров в Петрограде, где участвовали верхи Военного министерства, пришло к заключению: им следует всем in corpore записаться в члены партии социал-революционеров". [3.75]

Советская власть по отношению к Академии вела себя тактично и сдержано. Не изменили даже ее названия. В марте 1918 года, при эвакуации почти всех государственных учреждений из

Петрограда, преподаватели Николаевской военной академии, вместе с офицерами, обучавшимися на 3-м ускоренном курсе, перебазировались в Екатеринбург. Вскоре часть слушателей была откомандирована в штабы военных округов, другие – в распоряжение командования Красной армии на Южном фронте. В апреле 1918 года в Академию прибыл новый набор из командиров Красной армии, среди которых 80% были бывшими офицерами. Около 3% имели университетское образование, 10% – среднее. Остальные – "просто грамотные люди".

При приближении к Екатеринбургу белых войск в конце июля личный состав Академии был переведен в Казань, которая через месяц также оказалась в руках армии Колчака, причем почти все преподаватели и основная часть слушателей перешли на его сторону, считая видимо, что война уже кончается в пользу белых.

На обломках прежней Академии в декабре 1918 года, в Москве была создана Академия генерального штаба РККА, которую окончили 4 набора слушателей. После окончания гражданской войны ее преобразовали в обычное высшее военно-учебное заведение. Лишь спустя 15 лет воссозданная вновь Академия генерального штаба произвела свой первый набор...

К концу 1921 года трудный и мучительный этап формирования высшей школы в Советской России был, в основном, завершен: весной 1922 года в России получили дипломы 4000 агрономов, 1405 инженеров и 2340 врачей. [3.76] Это было весьма нужное и своевременное пополнение рядов отечественной интеллигенции, что, в свою очередь, позволило динамично наращивать процесс подготовки и переподготовки все более квалифицированных хозяйственных руководителей и специалистов.

Сравнительно успешному проведению реформы высшей школы способствовало то обстоятельство, что значительная часть ученых с мировым именем, несмотря на все трудности и даже лишения, осталась в России и сохранила к концу гражданской войны живые очажки науки. Продолжали заниматься наукой такие ученые-фанатики как химик А.Н. Бах, металлург И.П. Бардин, невропатолог В.М. Бехтерев, ректор Горной академии геолог И.М. Губкин, кораблестроитель А.Н. Крылов, физиолог И.П. Павлов, экономист С.Г. Струмилин, естествоиспытатель К.А. Тимирязев, один из основоположников мирового ракетостроения К.Э. Циалковский, математик О.Ю. Шмит и др.

Надежной опорой для развития естественных наук служила российская математическая школа – одна из ведущих в мире.

Ее разработки в области теории вероятности, дифференциальных уравнений, функционального анализа и др. широко использовались в физике, химии, аэродинамике, в других отраслях науки. На мировом уровне удержалась экономическая статистика. В двадцатые годы в Советской России была разработана методология составления межотраслевого баланса народного хозяйства. Впервые в мире создана и внедрена в практику теория социально-экономического планирования на длительную перспективу в масштабе всей страны и многое другое.

Развитие науки стало государственным делом. Советское правительство стремилось помочь ученым не только выжить, но и создать хотя бы минимальные условия для продолжения их исследовательской деятельности. Работникам науки выдавали специальные академические пайки, выделяли денежные средства для организации и проведения исследований, экспедиций, публикации трудов. Была создана специальная *комиссия по улучшению быта ученых.*

Несмотря на крайнюю ограниченность ресурсов в стране возобновили свою деятельность или были созданы вновь такие важные научно-исследовательские центры и институты как Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ) под руководством профессора Н.Е. Жуковского, Петроградский физико-технологический институт, которым руководил академик А.И. Иоффе, Атомная комиссия, Государственный оптический институт, Центральный институт труда во главе с А.К. Гастевым, Институт удобрений. Академия наук подключилась к изучению природных богатств страны, хотя в ее структуре в то время не было ни одного научно-исследовательского института. О том, как они создавались и работали можно проиллюстрировать на двух примерах.

До первой мировой войны в России для производства оптических приборов не было собственной ни научной, ни производственной базы. Всю оптику ввозили, в основном, из Германии. Не удивительно, что с началом военных действий в русской армии не хватало биноклей, прицелов, дальномеров. Прежде, чем наладить их выпуск, необходимо было освоить производство оптического стекла. Эту сложную задачу удалось решить в 1916 году только благодаря помощи ученых, среди которых главную роль сыграл Д.С. Рождественский, который в 1900 году окончил Петербургский университет. Это был самобытный ученый: он по-своему смотрел на науку, сам ставил перед собой задачи, сам искал их решения. При этом не стеснялся признаться, что не знает какого-то аспекта и охотно консультировался с людьми намного моложе его, но не считал нужным идти

на поводу у кого бы то ни было. "Разговаривая с Дмитрием Сергеевичем, я всегда чувствовал, – отмечал С. Фриш, – что говорю с человеком, который на голову выше окружающих. Такого интересного собеседника, как он, мне, кажется, потом никогда не пришлось встретить в моей жизни". [377]

Одна из особенностей научно-исследовательских институтов того времени состояла в тесном сочетании теоретических разработок с их внедрением в практику. Несмотря на трудности, научная жизнь быстро приобрела творческий, интенсивный характер. Ученые-физики каждый год, в том числе в период гражданской войны собирались на свой съезд, где выступали с десятками докладов по актуальным проблемам своей науки. Когда в начале 20-ых годов, после снятия блокады русские физики получили возможность читать специальные зарубежные журналы и другие издания, – а в ряде случаев были установлены прямые контакты и обмен информацией с иностранными коллегами, – выяснилось, что направления и результаты их исследований во многом совпадают, а в отдельных случаях российские исследователи ушли даже вперед. Например, труды Д. Рождественского по аномальной дисперсии света получили известность во всем мире. Ряд обоснованных им исходных методологических положений исследования строения атома послужили одной из предпосылок дальнейшего развития советской физики.

Одновременно работники Оптического института принимали непосредственное участие в пуске завода оптического стекла и налаживании производства оптических изделий как военного, так и гражданского назначения.

Нельзя не отметить еще одного весьма важного направления в деятельности института, связанного с подготовкой нового поколения молодых ученых-физиков. С этой целью были отобраны 12 студентов первого и второго курса университета, которые были зачислены лаборантами мастерской. Но их главная задача состояла в том, чтобы целенаправленно учиться по специальной программе, сориентированной на подготовку из них научных работников. Д. Рождественский лично беседовал с каждым из этой дюжины, внося существенные коррективы в их личные планы и намерения. С. Фриш весьма красочно описал свою встречу с руководителем института: "Взглянув на меня довольно строго поверх очков, он предложил рассказать, как я предполагаю заниматься в предстоящем семестре. Я перечислил лекции и лабораторные занятия, которые собирался посещать.

– Бросьте, – сказал Дмитрий Сергеевич, - на лекции не ходите.
– Как, ни на какие?
– Ни на какие!
– И на Ваши тоже не ходить?
– И на мои не ходите...

Потом Дмитрий Сергеевич спросил меня, какие я знаю иностранные языки. Я знал немецкий и французский. Услышав это, он сказал:

– Надо выучить еще английский, и не откладывая. Каждый физик должен уметь читать по своей специальности, по крайней мере, на трех иностранных языках...

Затем он взял лист бумаги и написал на нем перечень книг по физике, почти все на иностранных языках, в том числе и на английском...

– Уточните с Карлом Карловичем в какие сроки вы проработаете эти книги и сдадите по ним зачет.

Затем снова, взглянув поверх очков, но на этот раз широко улыбаясь, отчего его лицо стало приветливым и даже добрым, он прибавил:

– Ну, когда все это проработаете, станете довольно образованным человеком, более образованным, чем прослушав наши университетские лекции." [3.78]

Практика показала, что такой подход оказался весьма результативным в деле подготовки квалифицированных физиков-исследователей.

Вторым творческим исследовательским центром в Петербурге в области физики стал Рентгено- и радиологический институт, который возглавил Абрам Федорович Иоффе. После окончания Петербургского университета он длительное время работал в Германии под руководством *самого* Рентгена, научная школа которого во многом предопределила дальнейшую судьбу талантливого и трудоспособного ученого, в том числе его интерес к электрическим и упругим явлениям в кристаллах. Но Иоффе пошел дальше и в сторону... Так, уже в 1919 году в его институте было осуществлено искусственное превращение атомных ядер путем бомбардировки ядер легких элементов альфа частицами, испускаемыми естественными радиоактивными веществами. [3 79]

В январе 1920 года в Петрограде состоялось первое заседание Атомной комиссии, в работе которой приняли участие А. Крылов, А. Иоффе, Д. Рождественский, В. Фридерикс, А. Крутков и другие.

Наконец, третья самостоятельная научная школа физиков сформировалась раньше других, еще до войны, вокруг Петра Николаевича Лебедева. К сожалению, в 1911 году он, в знак протеста против увольнения ректора Мануйлова, вышел из университета и через год умер: не выдержало сердце. Оставшиеся ученики сохранили верность своему учителю и продолжали исследования под руководством П. Лазарева, хотя далеко не все можно заменить без потерь. Тем не менее, эти центры продолжали расти и развиваться, выполняя роль тех трех легендарных китов, на которые опирались российские физики в своем долгом пути к созданию атомной энергетики и атомного оружия...

Как уже отмечалось, несмотря на то, что тяжелые бои на фронтах гражданской войны жадно поглощали все имеющиеся ресурсы, правительство при распределении продовольствия и топлива довольно часто на первое место ставило науку. Уже в 1918 году при Совнаркоме был создан специальный научно-технический отдел во главе с Н. Горбуновым, главная задача которого состояла в том, чтобы сохранить имеющуюся сеть научных учреждений и организаций и, по возможности, создать достаточно благоприятные условия для их плодотворной деятельности.

К осени 1918 года в Советской России было зарегистрировано 308 средних и небольших институтов, лабораторий, научных обществ. (В 1914 г. их было 289). Они самостоятельно проводили различные эксперименты и опыты, анализировали и обобщали их результаты, в большей или меньшей степени обращаясь к фундаментальным разработкам. С образованием ВСНХ отдел Н. Горбунова был переведен в структуру нового руководящего органа страны. Основные функции отдела состояли в том, чтобы разрабатывать и проводить в жизнь единую научно-техническую политику в стране с учетом потребностей народного хозяйства, сближать исследовательскую деятельность с реальными проблемами повышения производительности, направлять, координировать и стимулировать деятельность отдельных научных учреждений с помощью целенаправленного распределения заказов и ресурсов. Стоит отметить, что в марте 1918 года Президиум ВСНХ принял постановление о наложении секвестра на радиоактивные остатки ураново-ванадиевой руды, хранившейся в Петрограде. Тем самым в его распоряжение поступило не менее 2,4 г радия-металла. (Справочно: в 1913 г. в Западной Европе было добыто 2,126 г радия-металла). [3.80]

Весьма важно также, что научно-технический отдел вел учет ученых, обеспечивал их работой, пайками и карточками. К концу

1919 года в качестве постоянных сотрудников, консультантов и экспертов в этом отделе работали более 200 профессоров, 300 инженеров, 240 других специалистов. В состав отдела входили также Комитет по изобретениям, два издательства, редакция журнала "Научно-технический вестник". Отдел активно взаимодействовал с 12 научно-исследовательскими институтами, которые административно находились в ведении НТО. Среди них были: уже названный ЦАГИ, институты чистых реактивов, прикладной химии, удобрений и другие. Кроме того, научно-технический отдел имел право и ресурсные возможности организовывать новые опытные производства, лаборатории, научные станции. Стоит добавить также, что НТО создал свои региональные отделения в Москве, Петрограде, Киеве, Харькове и других городах. Таким образом, уже в начале 20-х годов научно-технический отдел стал крупнейшим научно-организационным и, одновременно, информационным центром страны.

Все это позволило Советской России не только сохранить свой научный потенциал, но и начать его целенаправленно увеличивать.

Состав научных работников в СССР [3.81]

	1924	**1926**
Общее число, тыс. человек	12,0	13,4
В том числе:		
По возрасту, в %		
До 40 лет	60,8	52,0
От 40 до 50 лет	19,0	28,0
От 50 до 60 лет	14,8	14,4
Свыше 60 лет	5,4	5,6
По специальностям, в %		
Точные науки	21,5	24,8
Гуманитарные	31,7	30,9
Медицинские	22,5	20,7
Прикладные	24,3	20,3
Прочие	-	3,3

Только за два года количество ученых в стране увеличилось почти на 12%, прежде всего, за счет точных наук. Показательно также, что среди них заметно возросла доля зрелых и наиболее работоспособных исследователей в возрасте от 40 до 50 лет, уже имевших за плечами практический опыт, а впереди – достаточно времени, чтобы его осмыслить и обобщить.

Закономерно также, что рост численности и зрелости ученых оказывал активное влияние на университетскую профессуру, а тем самым и на процесс подготовки квалифицированных кадров хозяйственных руководителей и специалистов.

3.4. Научная организация труда – недорогой и действенный способ повышения его результативности

Известно, что на динамику производительности оказывает влияние большое количество факторов. Среди них особое значение имеет *умение* работать с высокими полезными результатами. При этом рост производительности проявляется в двух направлениях: во-первых, в повышении качества изготовленного продукта или оказанной услуги и, во-вторых, в снижении удельных расходов трудовых, материальных, финансовых и других ресурсов.

Среди тех трудностей, с которыми сразу же столкнулась экономика Советской республики одним из самых узких мест был низкий уровень квалификации работников массовых профессий. Председатель Совнаркома с горечью отмечал: "Русский человек – плохой работник по сравнению с передовыми народами", "уменья нет", крестьянин "темный", "забитый", "веками угнетаемый". И это не его вина, а наследие "темноты и некультурности, дикости и одичалости, которые нам достались". [3.83]

Поэтому электрификация, механизация, другие достижения науки и техники не могли найти широкого применения в России без предварительного радикального решения главной проблемы – овладеть навыками умелого труда. К достижению этой цели вели два пути: первый – обучение на собственных ошибках и промахах (многие упрямо идут именно таким путем) и второй – учиться на опыте других с помощью науки, преподавателей и инструкторов.

К концу гражданской войны в промышленности России имелось достаточное количество изношенного и устаревшего, но все еще годного для производства оборудования, которое было загружено всего на 20-25 процентов. В то же время остро не хватало сырья, топлива и, пожалуй, главного – умелых или, как говорится, хватких работников. Основная их часть перебралась в деревню, была мобилизована в армию или, по разным причинам, ушла из жизни...

В такой обстановке пришлось искать нестандартные решения ускоренной подготовки, по существу, нового поколения умелых работников для разных отраслей народного хозяйства. Одно из таких решений предусматривало перевод трудового процесса на научные основы организации. Это был наиболее быстрый и экономичный путь к преодолению неразберихи, налаживанию дисциплины и упорядочению связей по кооперации как в рамках предприятий, так и всего народного хозяйства, а, следовательно, и

наиболее прямой путь к повышению эффективности производства.

Дело в том, что организационная структура, т.е. внутреннее строение производства, представляет собой исходную форму соединения вещественных и личных факторов, образующих в совокупности производительные силы. Их качество во многом зависит от качества организации, которая вносит необходимый порядок и ритм в технологические, а также деловые связи между участниками комбинированного труда.

Многочисленные примеры из практики убедительно подтверждают правильность положения о том, что высокая степень упорядочения (согласованности) структуры – исходная предпосылка экономии ресурсов, прежде всего рабочего времени. Этим объясняется тот особый интерес, который в начале 20-х годов стал широко проявляться к организационным отношениям, которые придают кооперации труда необходимую завершенность и устойчивость.

Организация и порядок на производстве – всегда результат хорошо продуманных мероприятий. Поэтому особое внимание придавалось тому, чтобы внедрить научные основы в формировавшиеся организационные отношения.

Для проведения исследований в этой области были созданы Институт экспериментального изучения живого труда при Наркомате труда, другие аналогичные учреждения. Вскоре образуется Центральный институт труда (ЦИТ) при ВЦСПС во главе с А.К. Гастевым. В Положении об Институте говорилось, что он, являясь исследовательским и практическим центром НОТ в производстве, имеет целью изучение, разработку и проведение в жизнь методов рационализации труда, средств труда и аппарата управления. Институт получил широкие права, в том числе право непосредственного обращения в правительство, право созыва всероссийских съездов для координации работ по НОТ в общегосударственном масштабе. Меду тем оборудование рабочих мест и бытовые условия его сотрудников оставляли желать лучшего. А.К. Гастев писал, в частности: "У меня есть сотрудник, исполняющий ценнейшую работу, который ходит буквально без подметок, ни один из сотрудников не имеет комнаты". [3.84]

Время было трудное, тем не менее, В.И. Ленин обратился с письмом в Наркомфин, в котором выразил свое заинтересованное отношение к новому научному направлению: "Хочется мне помочь товарищу *Гастеву,* заведующему Институтом труда. Ему надо на 0,5 миллионов золотом прикупить. Этого, конечно, теперь мы не можем... Подумайте, узнайте точнее и постарайтесь исхлопотать

ему известную сумму. Такое учреждение мы все ж таки, и при трудном положении, поддержать должны". [3.85]

Центральный институт труда оправдал возлагавшиеся на него надежды. В короткое время он превратился в весьма крупный по тем временам исследовательский, учебный и конструкторский центр. Его основные функции состояли в разработке, пропаганде и внедрении в жизнь принципов научной организации труда, рационализации производства и управления. Институт имел многочисленные филиалы по всей стране, в том числе непосредственно на предприятиях, готовил инструкторов по НОТ, издавал журнал "Организация труда", разрабатывал методические пособия, модели, схемы, участвовал в подготовке и переподготовке рабочих массовых профессий. В его стенах создавались новые образцы инструмента и даже станков. При этом "ЦИТ стремился насадить всюду мелких рассыпанных организаторов, которые заразили бы текущую действительность неуемной работой, постоянным творчеством, иногда в хороших условиях, иногда в невыносимо скверных". [3.86]

Кроме ЦИТа в стране были созданы десятки других институтов, лабораторий, секций по научной организации труда. Среди них особенно выделялась секция при Высшем техническом комитете НКПС. Возглавлявший этот Наркомат Ф.Э. Дзержинский постоянно следил и живо интересовался работами в области НОТ, привлекал специалистов к анализу организации транспортных перевозок, рационализации ремонта и использования вагонов и паровозов. [3.87]

Летом 1923 года было создано Особое совещание по научной организации работ на транспорте при НКПС во главе с П. М. Керженцевым. В этот же период он возглавил широко известную в то время лигу "Время" (позже она стала называться "Лига НОТ"), которая, по существу, была вторым крупным научно-практическим центром по изучению организационных отношений, имевшим свой печатный орган – журнал "Время". Лига возглавила движение за экономное использование рабочего времени, устранение прогулов, простоев, опозданий. Это способствовало росту производительности труда, улучшению стиля работы. Между лигой и Центральным институтом труда, который возглавлял А.К. Гастев, возникло соревнование, даже соперничество, которое, в конечном счете, способствовало интенсивному развитию и специализации знаний о рациональной организации трудовых процессов сначала в масштабе предприятия, а затем отрасли, региона и народного хозяйства.

Таким образом, теория управления в середине 20-х годов выступала, прежде всего, в форме науки об организации труда, т.е.

как система знаний о рациональном соединении важнейших элементов производительных сил и их экономном движении как единой системы.

На первом этапе определенное влияние на развитие этой науки оказали работы А. Богданова, а также "классиков" капиталистического менеджмента – Ф. Тейлора, супругов Ф. и Л. Гилбрет, представителя французской школы А. Файоля и др.

В годы Первой мировой войны Богданов написал книгу "Тектология, всеобщая организационная наука", в которой изложил теорию строения структур и систем, классифицировал типы организации и обосновал общие закономерности их развития. После Октябрьской революции эта книга была переиздана в СССР. [3.88] Его метод исследования близок к современным методам системного анализа и кибернетики. "*Всякая человеческая деятельность объективно является организующей или дезорганизующей.* Это значит: всякую человеческую деятельность – техническую, общественную, познавательную, художественную – можно считать как некоторый материал *организационного опыта* и исследовать с организационной точки зрения". "Природа – великий *первый* организатор". Больше того, вселенная "выступает перед нами как беспредельно развертывающаяся ткань форм разных типов и ступеней организованности – от неизвестных нам элементов эфира до человеческих коллективов и звездных систем". [3.89] Богданов считал, что, какова бы ни была задача – практическая, познавательная, эстетическая, она слагается из определенной суммы *элементов,* ее "данных"; сама же ее постановка зависит от того, что наличная комбинация этих элементов не удовлетворяет то лицо или коллектив, который выступает как действенный субъект в этом случае. "Решение" сводится к новому сочетанию элементов, которое "соответствует потребности" решающего, его "целям", понимается им как "целесообразное". Понятия же "соответствие", "целесообразность" – всецело *организационные,* а это значит: выражающие некоторое повышенное усовершенствованное соотношение, подобное тем, какие характеризуют организмы и организации, соотношение "более организационное", с точки зрения субъекта, чем то, какое имелось раньше. Более высокий уровень организации придает системе новое качество.

Ошибочен здесь не метод разложения вселенной, как системы на отдельные элементы (атомы и более мелкие частицы) и изучение их структур для достижения намеченных целей, а трактовка содержания и значения этого метода. Автор все сводит к организационным отношениям и не видит их связи с объективными

нетрадиционными закономерностями развития. Например, теория относительности. Остаются за бортом теории духовный мир людей, их чувства, эмоции, переполненные диалектикой. Тем самым нарушается сам принцип системного подхода.

Такая однобокость таила в себе опасность возникновения многих ошибок в хозяйственной практике, которая никогда не сводилась только к организации. Эту опасность видел и понимал Ф.Э. Дзержинский. "Мы страдаем организационным фетишизмом... – писал он. – Нам кажется достаточным взять карандаш и начертить генеалогическое дерево с развернутыми кружками. Поставить там кружок, тут кружок, один кружок этим ведает, другой кружок другим ведает, третий – третьим и т.д., и вот, нарисовав картину, организовали. При этом организационном фетишизме, при этом бюрократизме стираются живые люди, между тем... не учреждения работают, а люди работают в учреждениях. Центр тяжести должен заключаться в ответственности работающих, в противопоставлении организационному фетишизму живых людей, ответственных людей...

Мы должны ввести личную ответственность, чтобы было известно, кто чем занимается, что изучает и за что отвечает, в какой мере". [3.90]

Достаточно полную характеристику двойственности учений буржуазных "классиков" по вопросам организации труда дал В.И. Ленин на основе анализа работ Ф. Тейлора. "...Система Тейлора, – писал он, – как и все прогрессы капитализма, – соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т.д." [3.91] В этой связи ставилась задача перенять все действительно ценное из завоеваний европейской и американской науки.

Исследования советских ученых были направлены прежде всего на то, чтобы помочь выработать правильные приемы трудовой деятельности, освоить наиболее экономные способы движений, навести элементарный порядок на рабочем месте, в цехе, на предприятии, в учреждении.

На постановку задачи: "Учиться работать" Центральный институт труда ответил сводом конкретных правил "Как надо работать".

"Работаем ли мы за канцелярским столом, пилим ли напильником в слесарной мастерской или, наконец, пашем землю – всюду надо создать трудовую выдержку и постепенно сделать ее привычкой.

Вот основные правила для всякого труда:

1. Прежде чем браться за работу, надо всю ее продумать, продумать так, чтобы в голове окончательно сложилась модель готовой работы и весь порядок трудовых приемов. Если все до конца предвидеть нельзя, то продумать главные вехи, а первые части работ продумать досконально.

2. Не браться за работу, пока не приготовлен весь рабочий инструмент и все приспособления для работы.

3. На рабочем месте (станок, верстак, стол, пол, земля) не должно быть ничего лишнего, чтобы попусту не тыкаться, не суетиться и не искать нужного среди ненужного.

4. Весь инструмент и приспособления должны быть разложены в определенном, по возможности раз навсегда установленном порядке, чтобы можно все это находить наобум.

5. За работу никогда не надо браться круто, сразу не срываться с места, а входить в работу исподволь. Голова и тело потом сами разойдутся и заработают; а если приняться сразу, то скоро и себя, как говорится, зарежешь, и работу "запорешь". После крутого начального порыва работник скоро сдает; и сам будет испытывать усталость и работу будет портить.

6. По ходу работы иногда надо усиленно приналечь: или для того, чтобы осилить что-нибудь из ряда вон выходящее, или чтобы взять что-нибудь сообща, артельно. В таких случаях не надо сразу налегать, а сначала приладиться, надо все тело и ум настроить, надо, так сказать, зарядиться; дальше надо слегка испробовать, нащупать потребную силу и уже после этого приналечь.

7. Работать надо как можно ровнее, чтобы не было прилива и отлива; работа сгоряча, приступами портит и человека, и работу.

8. Посадка тела при работе должна быть такая, чтобы и удобно было работать и в то же время не тратились бы силы на совершенно ненужное держание тела на ногах. По возможности надо работать сидя. Если сидеть нельзя, ноги надо держать расставленными; чтобы выставленная вперед или в сторону нога не срывалась с места, надо устроить укрепу.

9. Во время работы надо обязательно отдыхать. В тяжелой работе надо чаще отдыхать и, по возможности, сидеть, в легкой работе отдыхи редкие, но равномерные.

10. Во время самой работы не надо кушать, не пить чай, пить в крайнем случае только для утоления жажды; не надо и курить, лучше курить в рабочие перерывы, чем во время самой работы.

11. Если работа нейдет, то не горячиться, а лучше сделать

перерыв, одуматься и приняться снова опять-таки тихо; даже нарочно замедлять, чтобы себя выдержать.

12. Во время самой работы, особенно когда дело нейдет, надо работу прервать, привести в порядок рабочее место, уложить старательно инструмент и материал, смести сор и снова приняться за работу и опять-таки исподволь, но ровно.

13. Не надо в работе отрываться для другого дела, кроме необходимого в самой работе.

14. Есть очень дурная привычка после удачного выполнения работы сейчас же ее показать; вот тут обязательно надо "вытерпеть", так сказать, привыкнуть к успеху, смять свое удовлетворение, сделать его внутренним; а то в другой раз в случае неудачи получится "отравление" воли и работа опротивеет.

15. В случае полной неудачи надо легко смотреть на дело и не расстраиваться, начинать снова работу, как будто в первый раз, и вести себя так, как указано в 11-м правиле.

16. По окончании работы надо все прибрать: и работу, и инструмент, и рабочее место; все положить на определенное место, чтобы, принимаясь за работу, можно было все найти и чтобы сама работа не опротивела". [3.92]

Начав с анализа и рационализации трудовой деятельности на отдельном рабочем месте и перейдя затем к совершенствованию организации производства в рамках предприятия, исследователи НОТ довольно быстро расширили масштабы своего влияния до рамок всего общественного производства и управления. "...Главное качество, которое требуется от работника по научной организации труда, – это крайняя бережливость, бережливость материала и бережливость человеческой энергии. А ведь такая бережливость, – подчеркивал А.К. Гастев, – может быть проведена где угодно". [3.93]

П.М. Керженцев трактовал организационную работу как целевую программу действий, направленную на решение определенной задачи (производственной, экономической или социальной) и состоящую из семи основных элементов:

"**1. Цель.** (В чем состоит цель или задание работы?)

2. Типы организации. (Какая форма организации явится наиболее подходящей для выполнения намеченной работы?)

3. Методы. (Какими организационными методами можно будет добиться намеченной цели?)

4. Люди. (При помощи каких лиц и при использовании какой людской силы будет производиться работа?)

5. Материальные средства. (Какие материалы нужны для

выполнения работы? И какие орудия можно применить для обработки материала по намеченным методам?)

6. Время. (В течение какого времени работа может и должна быть выполнена? Сколько времени потребуется на выполнение каждой отдельной операции? В какой последовательности должны быть проведены все операции, на которые можно расчленить данную работу?)

7. Контроль. (Каким образом вести учет работы и организовать действенный контроль над ее выполнением?)". [3.94]

Теория научной организации труда в России по-новому подошла и к проблеме стимулирования, подчеркивая важность для роста производительности труда не только материального поощрения, но и социального продвижения работника. "...Наш установочный подход, позволит заражать работника не только перспективой премии, которая дает ему определенную прибавку к получаемому вознаграждению, но наша система может заразить его постоянной **жаждой повышения квалификации,** и уже на основе этого повышения он будет получать более чувствительное вознаграждение, чем премия.

Конкретно это дело мы представляем следующим образом... в конце определенного периода, например, года за полтора, он должен иметь **возможность показать** успехи в своем квалификационном движении... В этом должны быть заинтересованы как инструктор, который должен получать определенное вознаграждение соответственно коэффициенту повышения квалификации подчиненных ему работников, так и работники...

Каждый рабочий должен знать, что в перспективе он может быть рабочим высокой квалификации. Каждый старший должен знать, что в перспективе он может быть мастером, каждый мастер может быть с течением времени заведующим производством, а заведующий производством может быть директором. Получается **социальная динамика,** которая должна заразить заводские рабочие массы жаждой технического совершенства". [3.95]

Количественно оценить позитивные результаты внедрения НОТ в производства весьма трудно, поскольку этот метод всегда используется в комплексе с другими факторами. Однако, проведенные специальные обследования свидетельствуют о высоких показателях роста эффективности там, где этой проблемой занимались профессионалы. Так, за три месяца организационной работы инициативной комиссии в чугуно-литейном цехе Изюмских железнодорожных мастерских производительность труда повысилась в 2 раза, в

медно-литейном цехе – в 3,5 раза. Неплохие результаты были достигнуты на Подольском патронном заводе, где общая выработка на работника увеличилась в среднем на 50 процентов. [3.96]

Немалое значение имел и тот факт, что одновременно с улучшением организационных отношений на уровне предприятий повышалось качество работы государственного и партийного аппарата. "Владимир Ильич, – вспоминала Н.К. Крупская, – все время усиленно думал о новых формах управления. Он думал о том, как организовать такого рода аппарат, которому чужд был бы дух бюрократизма, который умел бы опираться на массы, организовывать их в помощь своей работе, умел растить новый тип работников". [3.97]

Внедрение научной организации начинается с налаживания порядка и внедрения делового стиля работы руководителя, а также коллективных органов управления. При этом В.И. Ленин особенно выделял и подчеркивал принцип ответственности как основной принцип управления. [3.98]

Важное значение руководитель Совнаркома придавал и таким качествам, как высокая дисциплина и заинтересованное отношение к делу, умение выделить главное, основное для решения проблемы, краткость и логичность изложения сути вопроса, будь то устное выступление, подготовка справочных материалов или проекта решения. Это относилось к работе всех звеньев и уровней управления, включая и заседания Совнаркома. "Ровно в 6 часов, – вспоминал нарком здравоохранения Н.А. Семашко, – когда обычно начиналось заседание СНК, открывалась дверь сзади простого деревянного кресла председателя, и он входил из своего кабинета...

Все наркомы бывали уже налицо: Ленин поддерживал строгую трудовую дисциплину... Он заботился об обстановке заседания — о том, чтобы оно дало при наименьшей затрате сил максимальные результаты. Забота о чистоте воздуха, о тишине во время заседания, о порядке обсуждения вопросов, о краткости и конкретности выступлений были постоянными предметами его забот. Иногда во время заседания летом он присаживался на подоконник окна, ведущего в кремлевский двор, чтобы подышать чистым воздухом... Владимир Ильич редко выступал в прениях первым (если он не был докладчиком): очевидно, он не хотел давить своим авторитетом. Он выжидал высказываний других. Если никто не брал слова, он часто даже вызывал товарищей... А в заключение так убедительно резюмировал прения и вносил предложения, что они, как правило, проходили или единогласно, или громадным большинством голосов". [2.34]

Все, кто работал в то время в Совнаркоме, подчеркивают атмосферу деловитости и требовательности, а вместе с тем доброжелательности и непринужденности, которая окружала каждого.

Уже при Ленине, – писал нарком просвещения А.В. Луначарский, – утвердились внешние приемы рассмотрения дел: чрезвычайная строгость в определении времени ораторов, будь то свои докладчики или докладчики со стороны, будь то участники в дискуссии. Уже при нем требовалась чрезвычайная сжатость и деловитость от каждого высказывающегося. В Совнаркоме царило какое-то сгущенное настроение, казалось, что самое время сделалось более плотным, так много фактов, мыслей и решений вмещалось в каждую данную минуту. Но вместе с тем не было заметно ни самомалейшего запаха бюрократизма, игры в высокопоставленность или хотя бы напряжения людей, производящих непосильную работу..."

Особое внимание обращалось на качество декретов и других документов, которые рассматривались и принимались на заседаниях Совнаркома. Подготавливая или редактируя их проекты, стремились добиться ясности, точности и лаконичности каждого раздела. Вместе с тем такие же требования предъявлялись к документам, поступавших из других учреждений. Так, познакомившись с проектом Положения о премировании рабочих и служащих, Ленин отметил: "Проект грешит размашистостью, абстрактностью, неделовитостью, все обещает, ничего не проверяет".[2.36] Проект был возвращен в Наркомат труда на доработку. Аналогичную позицию Председатель занял и по отношению к проекту декрета СНК "О централизации библиотечного дела в республике", где было немало неточных фраз и двусмысленности. Резолюция Владимира Ильича была краткой: "Я отказался подписать, ибо размашисто и неясно".[2.37]

Качество управленческого решения во многом зависит от тщательности его подготовки. Это значит, что центр тяжести работы по повышению эффективности целенаправленного воздействия управления на производственные и социальные процессы смещается на стадии, предшествующие самому акту рассмотрения и принятия решения. Важно также правильно отобрать наиболее важное, поскольку повестка дня заседаний в большинстве случаев была напряженной.

Бывший секретарь Совнаркома Л.А. Фотиева вспоминала: "Владимир Ильич упорно и настойчиво вел борьбу с внесением мелких дел на разрешение СНК, снимал их с повестки и возвращал

на решение самих ведомств. Вопросы, представленные на рассмотрение Совнаркома, часто были не подготовлены и не согласованы с заинтересованными ведомствами. Такие дела, по указанию Владимира Ильича, также возвращались ведомствам для тщательной подготовки их к слушанию. Необходимым в подготовке дела для обсуждения Владимир Ильич считал представление краткой объяснительной записки (не более 2-3 страниц), сформулированного проекта решения СНК или СТО и отзывов о нем всех заинтересованных ведомств, а также контрпроекта в случае несогласия какого-либо ведомства. Материалы должны были заблаговременно рассылаться секретариатом всем членам Совнаркома". [2.38]

Еще раньше, в ноябре 1917 года, при Совнаркоме для его разгрузки от мелких вопросов и предварительной подготовки материалов была создана небольшая постоянная комиссия (из 3-4 наркомов или их заместителей), так называемый Малый совнарком. Она собиралась не реже 3 раз в неделю и действовала до 1931 года. В шутку ее иногда называли "вермишелевая комиссия" из-за разнообразия идущих через нее мелких дел, главным образом, финансовых вопросов, споров между ведомствами и т.п.

Важнейшей предпосылкой высокого качества всей системы управления всегда выступало четкое разграничение функций, обязанностей, ответственности и прав между каждым из ее звеньев, каждым работником, а затем – организация четкого контроля и проверки исполнения. В "Наброске правил об управлении советскими учреждениями" В.И. Ленин писал: "Коллегиальное обсуждение и решение всех вопросов управления в советских учреждениях должно сопровождаться установлением самой точной *ответственности каждого* из состоящих на любой советской должности лиц за *выполнение определенных,* ясно и недвусмысленно очерченных, заданий и *практических* работ". [2.39]

Это положение о необходимости четкого разделения управленческого труда и вместе с тем высокой ответственности каждого за выполнение своих функций неоднократно подчеркивалось в устных и письменных выступлениях главы Советского государства. Переход на более высокий уровень организации производства и управления был неразрывно связан с повышением государственной, плановой и трудовой дисциплины. Однако укрепление дисциплины нельзя отождествлять с администрированием, а тем более с бюрократизмом. Как показывает исторический опыт, бюрократизм – весьма живучее и быстро приспосабливающееся к изменениям внешней обстановки извращение административных

отношений. Поэтому борьба с ним требует постоянного внимания и гибких методов. Ленин органически не переносил бюрократов, формалистов, равнодушных к делу работников. *"Нас затягивает,* – писал он, – поганое бюрократическое болото в писание бумажек, говорение о декретах, писание декретов, и в этом бумажном море тонет живая работа". [243] Для борьбы с бюрократизмом предлагалось резко усилить ответственность, наладить деловую проверку исполнения принятых решений и наказания виновных.

Еще в декабре 1917 года с этой целью была образована Коллегия государственного контроля, которая весной 1919 года была преобразована в Наркомат. "Старый бюрократизм разбит, – говорилось в декрете ВЦИК "О государственном контроле", – но бюрократы остались. Войдя в советские учреждения, они внесли туда дух косности и канцелярской волокиты, бесхозяйственности и распущенности". [2.44]

Вскоре для усиления контроля и совершенствования организационных отношений был создан специальный орган – Рабоче-крестьянская инспекция (РКИ). Однако ей не сразу удалось найти правильные подходы к решению проблемы. Уже будучи больным, в 1923 году, Ленин диктует статьи "Как нам реорганизовать Рабкрин" и "Лучше меньше, да лучше", где в острой форме ставит вопрос о необходимости существенного улучшения организации и качества работы государственного аппарата. С этой целью он предлагал объединить государственный контроль с партийным. Решающим фактором, обеспечивающим высокую действенность контроля, выступают кадры, обладающие опытом, знаниями и умением использовать все это на практике. Считалось необходимым, чтобы служащие Рабкрина сдавали экзамены на знание теории о госаппарате, основ науки управления, делопроизводства и т.д. [2.46]

В 1923 году был создан единый орган ЦКК – РКИ, который возглавил В. В. Куйбышев. Новый орган серьезно занялся совершенствованием методов, стиля и организации общественного производства и управления.

Активную и целеустремленную работу по улучшению стиля работы аппарата управления вел Ф.Э. Дзержинский, который с февраля 1924 по июль 1926 года возглавлял ВСНХ. "...Наши предложения, – требовал он, – должны быть краткими, четкими, реальными и конкретными, а не так, как у нас часто бывает, когда мы хотим решить задачу, а в голове у нас ничего нет,

и пишем поэтому что-нибудь вроде: "Принять меры" и т.п.

Очень много времени уходит на совещания и комиссии. Должен сказать, что при нашей системе они не всегда неизбежны.

Согласование вопросов превращается у нас часто в карикатуру; открываются прения, преют, в то время как наперед можно сказать, какое будет решение. Наконец, сплошь и рядом согласовать вполне возможно простым телефонным разговором". [2.47]

Развитие науки об организации труда и управления тесно переплеталось с активной деятельностью по реализации ее рекомендаций в хозяйственной практике, особенно в промышленности.

Так, в начале 20-х годов начался массовый поход к высокой культуре труда за счет его научной организации. Организационный фактор стал движущей силой подъема производительности труда, прежде всего, в промышленности. Все это способствовало переходу к новой экономической политике и формированию значительно более эффективного хозяйственного механизма в целом.

Глава 4. Поэтапное освоение нового хозяйственного механизма

1921 год. Заканчивается гражданская война. Объем промышленного производства составлял всего 15-17% от уровня довоенного 1913 года. Производство сельскохозяйственной продукции снизилось на одну треть. Круто упала производительность труда и реальные доходы населения. Дальше так продолжаться не могло. Нужно было принимать экстренные меры – иначе новый социальный взрыв неизбежен. Но, какие? Проще всего было бы во всем обвинить затяжные, разрушительные военные действия, которые навязали молодой республике белогвардейцы и иностранные интервенты. Но Ленин, подводя итоги первых лет Советской власти, делает совсем другой, для некоторых неожиданный вывод: "Мы хозяйничать не умеем, – и вновь с горечью повторяет, – ...мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать не хуже капиталистов мы не умеем. Это основной урок". [4.01]

Важно, что из такого урока были сделаны конструктивные выводы. Начались аналитические поиски, на основе которых создаются эскизные наброски и теоретические обоснования во многом новой более эффективной модели хозяйствования в переходный период. Ее отдельные положения, после проверки на практике и соответствующих корректировок, постепенно складывались в целостную, взаимосвязанную систему:

- Первоочередная задача – преодоление продовольственного кризиса. Для этого необходимо создать условия для материальной заинтересованности крестьян в увеличении урожая зерна и других продуктов. Прежде всего, решительно отказаться от разверстки и перейти к твердому продналогу.
- Предоставить крестьянину право, после внесения налога, свободно распоряжаться оставшейся частью товарной продукции.

- Чтобы такое право можно было реализовать практически, необходимо в короткий срок восстановить рыночный механизм, в том числе, твердый рубль и доступный кредит.
- Существенно расширить самостоятельность промышленных предприятий в вопросах формирования ассортимента выпускаемой продукции, ценообразования, а также закупок сырья и топлива. В то же время повысить их ответственность за конечные результаты хозяйственной деятельности. Ввести особый режим финансового контроля – коммерческий расчет.
- В экономической политике необходимо учитывать двойственный характер рынка: с одной стороны, он выступает как стимулятор улучшения качества товаров и снижения издержек их производства. А с другой, – как питательная среда для возникновения и быстрого размножения спекуляции, коррупции, хищений в мелких и крупных размерах.
- Для того чтобы ослабить, а при возможности, и преодолеть отрицательное воздействие спекулянтов и мошенников на кругооборот товаров и денег, а также – на реальные доходы трудовой части населения, необходимы активизация регулирующей, контрольной и карающей функций государства, а также укрепление кооперации, расширение ее места в сфере обращения.

Исходная, фундаментальная установка новой экономической политики – согласование интересов городского и сельского населения, поскольку они регулируют их действия и, тем самым, оказывают регулирующее влияние на общую обстановку в народном хозяйстве. Несогласованность, а тем более развитие противоречий между этими интересами – довольно быстро ведет к расстройству экономической конъюнктуры, вызывает серьезные диспропорции, а иногда и кризисные явления.

Если посмотреть с такой точки зрения на экономику России в начале 20-х годов, то она содержала в себе серьезные расхождения между интересами рабочих и крестьян. В определенной степени это обусловливалось просчетами в политике и отсутствием хозяйственного механизма, который бы такое согласование формировал и поддерживал. Предстояло найти новые конкретные формы экономических отношений. При этом приходилось считаться с тем, что в повседневной деятельности наиболее сильное регулирующее воздействие на целевые установки и поведение человека оказывают его личные интересы.

Как правило, для того, чтобы достигнуть высокого уровня общей заинтересованности, необходимо сначала преодолеть наиболее острые формы проявления противоречий, затем достигнуть хотя бы приближенной, "компромиссной" согласованности интересов в основном, а на зрелой стадии – обеспечить их более или менее устойчивое единство, т.е. совпадение по принципиальным вопросам. Для успешного решения таких задач, как показывает исторический опыт, нужно иметь правильно рассчитанный стратегический курс, гибкую тактику и хорошо отлаженный хозяйственный механизм.

Таких предпосылок в первые годы после Октябрьской революции создано не было. Следует отметить, что большевики не сразу нашли правильную позицию в своих отношениях с крестьянством. Несколько позже Ленин самокритично признавал: "Мы рассчитывали – или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета – непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку... Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки ... Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции". [4.02]

Поскольку после окончания гражданской войны на первое место во времени, среди всех острых проблем выдвинулся продовольственный, а следовательно и крестьянский вопрос, потребовалось осуществить ряд энергичных мер, как оперативного, так и стратегического характера. Их главная отличительная черта – переориентация экономической политики на потребности и интересы сельского населения.

4.1. Новая экономическая политика – это, прежде всего, поворот к интересам крестьянства

Не случайно говорится: где тонко, там и рвется. В течение десятилетий и даже столетий таким "тонким" или, точнее, слабым местом в социально-экономической структуре России было сельское хозяйство. Его ядро составляло многомиллионное крестьянство на земле, которая не принадлежала ему. В конце XIX-начале XX веков крестьянина почему-то стали относить к мелкой буржуазии, т.е. к прослойке эксплуататоров, хотя и не самых главных. Позволительно

спросить: по какому критерию этому неутомимому, к тому же низкооплачиваемому труженику страны приклеивали такой обидный и незаслуженный ярлык? Разве его труд легче, чем труд фабричного рабочего? Весной, летом и осенью: от зари до зари трудилась вся семья. По нагрузке, т.е. по интенсивности, труд крестьянина заметно выделяется, при этом, в худшую сторону. В сельском хозяйстве повышенная степень риска – уж слишком велика зависимость урожая от капризов погоды и других непредсказуемых факторов. Условия труда – почти всегда под открытым небом. А сколько раз приходиться одному таскать мешки по 60-80 кг. Ну, а если заболел, вывихнул ногу, да мало ли что может случиться, – больничный бюллетень никто не оплатит...

Как уже отмечалось, большевики, называя себя *рабочей* партией (РСДРП), долгое время не рассматривали крестьянство как своего союзника. Такая роль отводилась только сельскому пролетариату и рабочим зарубежных стран. Это было стратегической ошибкой, за которую пришлось заплатить дорогой ценой – политической изоляцией партии от основной массы населения, особенно в первый период после Октября.

Чтобы оперативно поправить дело II съезд Советов включил целиком в текст декрета о земле "Крестьянский наказ", подготовленный эсерами. В конце ноября представители их левого крыла вошли в состав Советского правительства. Уже в январе следующего года, буквально через несколько дней после разгона Учредительного собрания, они внесли на рассмотрение III Всероссийского съезда Советов проект Закона о социализации земли. Его авторами считаются эсеры И. Майоров и А. Колегаев, занимавший в то время пост наркома земледелия. При обсуждении проекта закона между эсерами и большевиками возникли серьезные разногласия по ряду принципиальных вопросов. Съезд одобрил лишь первые 19 статей, остальные – только "в основном". Над окончательной редакцией закона поручили поработать Президиуму. Практически это задание выполнили Ленин и Колегаев. В феврале 1918 года ЦИК утвердил отредактированный документ и закон был опубликован в печати.

Наибольший интерес вызывают его следующие статьи:

– "Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы отменяется навсегда... Земля без всякого выкупа (явного или скрытого) отныне переходит в пользование всего трудового народа".

- "Право пользоваться землей принадлежит лишь тем, кто обрабатывает ее собственным трудом... Распределением земель сельскохозяйственного значения между трудящимися ведают сельские, волостные, уездные, губернские, областные, главные и федеральный земельные отделы Советов, в зависимости от значения этих земель". В задачи этих органов власти входит: "а) Создание условий, благоприятствующих росту производительных сил страны, в смысле увеличения плодородия земли, поднятия сельскохозяйственной техники и, наконец, поднятия уровня сельскохозяйственных знаний в трудовых массах земледельческого населения... в) Развитие сельскохозяйственных промыслов... г) Ускорение перехода от малопроизводительных к более производительным системам производства... д) Развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов..." (Подчеркнуто мною – Р.Б.).
- "Распределение земли между трудящимися должно производиться на уравнительно-трудовых началах так, чтобы потребительно-трудовая норма не превышала трудоспособности наличных сил каждого отдельного хозяйства и в то же время давала бы возможность безбедного существования семье земледельца".
- "Общим и основным источником права на пользование землей сельскохозяйственного значения является личный труд. Кроме того, представляется (право – Р.Б,) органам советской власти для поднятия сельскохозяйственной культуры (устройства сельскохозяйственных образцовых ферм или опытных и показательных полей) занимать из фонда запасных земель (бывших монастырских, казенных, удельных, кабинетских и помещичьих) определенные участки земли и обрабатывать их трудом, оплачиваемым государством".
- " Все граждане, занятые земледелием, должны быть застрахованы за счет государства на случай смерти, старости, болезни, увечий, делающих их нетрудоспособными."
- "Торговля сельскохозяйственными машинами и семенами монополизируется органами советской власти.
- Торговля хлебом как внешняя, так и внутренняя должна быть государственной монополией".[4.03]

Стоит отметить, прежде всего, тесную связь этого закона по сути, стилю и духу с программой социалистов-революционеров,

принятой в 1906 году.[4.04] На этой почве и возникли неизбежные конфликты с большевиками. Однако, они благополучно заканчивались компромиссами, поскольку ни одна из сторон в тот период не хотела и не стремилась к разрыву. Главным камнем преткновения был вопрос о собственности на землю. Эсеры выступали за социализацию земли путем превращения ее в общенародное достояние в форме общинного пользования под контролем органов местного самоуправления. Большевики считали целесообразным обобществить землю в форме государственной собственности. Компромиссное решение нашли в формуле: "Всякая собственность на землю отменяется навсегда". Отныне земля переходит "*в пользование*" всего трудового народа.

Распределение земли имелось в виду осуществлять с учетом наличной трудовой силы в домохозяйстве. Закон не предусматривал, но прямо и не запрещал использование крестьянами наемного труда. В то же время земельный надел должен обеспечить нормальное питание всем членам семьи. Это традиционный принцип общины, который поддерживали и эсеры. Но следующая статья (13-ая) разрешала создание крупных хозяйств, где управление и оплата труда осуществляется государством.

Программа эсеров еще в 1906 году предполагала формирование разных форм крестьянских товариществ. Теперь и большевики поддерживают "развитие коллективного хозяйства в земледелии", как форму более выгодную в смысле экономии труда.

Наконец, новый закон (ст. 13) предусматривал, что внутренняя и внешняя торговля хлебом является государственной монополией. Тем самым сохранялось действие закона О хлебной монополии, принятого Временным правительством в марте 1917 года.[4.05]

Крестьяне и, соответственно сельские Советы, где большинство принадлежало эсерам, встретили новый закон с одобрением, поскольку уже начавшийся на местах стихийный захват помещичьих, удельных и казенных земель получил теперь правовую основу.

Таким образом, закон о земле стал одним из факторов "триумфального шествия" Советской власти по обширным территориям России в начале 1918 года. Однако, вскоре положение круто изменилось: после подписания Брестского мира левые эсеры вышли из правительства. С целью спровоцировать войну с Германией был убит германский посол в Москве. В тот же день, 6 июля, в столице начался левоэсеровский мятеж. Примерно в это же время была организована серия террористических актов: в том числе убийства

В. Володарского и М. Урицкого. 30 августа эсерка Каплан тяжело ранила В. Ленина. Эсеры стали участвовать почти во всех крупных выступлениях, направленных против Советской власти. Такие серьезные перемены в позиции крестьянской партии фактически игнорировали те позитивные сдвиги по отношению к крестьянству, которые происходили в стране, начиная с октября 1917 года.

Одним из первых шагов, который сделал Совнарком в направлении к налаживанию практического сотрудничества с деревней была попытка организовать широкий и сбалансированный обмен промышленных товаров на продукты сельского хозяйства.

Стоимость промышленных товаров, реализованных среди сельского населения в порядке продуктообмена в 1917-1918 г. [4.06]
млн. рублей

Ноябрь 1917	Декабрь 1917	Январь 1918	Февраль 1918	Март 1918
3,3	8,5	13,0	21,0	43,0

В марте намеченный объем продуктообмена был выполнен лишь частично из-за нехватки ресурсов промышленных товаров, что серьезно встревожило правительство и оно оперативно подготовило специальный декрет Об организации товарообмена для усиления хлебных заготовок. Имелось ввиду предоставить в распоряжение Наркомата продовольствия не только значительно больше товаров по количеству, но и существенно увеличить их ассортимент. Он включал в себя: ткани, нитки, галантерею, кожу, шорные изделия, обувь, галоши, спички, мыло, свечи, керосин, сельскохозяйственные машины и орудия, смазочное масло, проволоку, листовое железо, подковы, гвозди, веревки, шпагат, стекло, посуду, соль, сахар, чай, табачные изделия, др. [4.07]

Выполнить этот декрет не удалось. Началась гражданская война. Имевшиеся ресурсы тканей, кожи, обуви, других промышленных изделий пришлось передать в распоряжение миллионной армии. Но ее нужно было еще и кормить. Между тем Советская республика оказалась отрезанной от Украины, Северного Кавказа, Черноземного центра и Сибири, т.е. от всех житниц, откуда раньше поступал хлеб. Казалось, что вот-вот и без того измученная страна погибнет от голода...

ВЦИК и советское правительство вынуждено было принять целый ряд жестких, чрезвычайных мер, чтобы спасти положение. Главную роль в их осуществлении сыграл Наркомат продовольствия,

возглавлял который в эти трудные и напряженные четыре года (1918-1922) легендарный Александр Цюрупа. В мае 1918 года были опубликованы два важных декрета: первый – о реорганизации наркомата и его органов на местах. Создавалась строго централизованная система новых органов власти, главная задача которой состояла в том, чтобы обеспечить существенное увеличение заготовок продовольствия для быстро растущей Красной армии и рабочих промышленных центров. Второй – наделение Наркомпрода, по существу, неограниченными полномочиями для закупки хлеба по твердым ценам, борьбе с мешочниками и спекулянтами, а также с теми, кто пытался скрыть от властей запасы излишнего зерна. Вновь созданный орган власти имел право издавать постановления по продовольственному делу, обязательные для исполнения всеми, кто прямо или косвенно влиял на процесс заготовок.

Уже говорилось, что еще в начале 1918 года были сделаны попытки наладить товарообмен с деревней по твердым ценам, создать новую налоговую систему, провести денежную реформу и т.д. Однако ни ресурсов, ни времени для этого не хватило.

Любая модель рыночных отношений предполагает наличие не только двух субъектов: продавца и покупателя, но и как минимум двух товаров: промышленных изделий и хлеба. Поэтому полупаралич промышленности объективно обуславливал, если не разрушение, то очень серьезные нарушения товарообмена между городом и деревней, а значит и дальнейшее обострение противоречий в наиболее уязвимом месте – в снабжении продовольствием трудовой массы населения.

Крайнее напряжение в этой сфере достаточно красочно иллюстрирует обращение губернского Совета из Новгорода, которое поступило в Совнарком в апреле 1918 года: "Новгородская губерния в настоящее время уже голодает в буквальном смысле этого слова. Из назначенных в нашу губернию нарядов (по поставке хлеба – Р.Б.) исполняется только одна двадцатая часть их. Во многих местах губернии происходят голодные бунты, прямо направленные против Советской власти. Положение катастрофическое. Крестьяне, имеющие кое-какие запасы семян, подъедают их. Необходимы самые срочные, самые экстренные меры – иначе гибель наша неминуема". [4.08]

Примерно такой же тревожный характер имеет телеграмма, направленная Московским продовольственным комитетом летом 1918 года в южные губернии: "Москва уже 4 дня не выдает хлеба населению... Надежд никаких". [4.09] Подобных телеграмм, писем были сотни.

Надвигающийся голод и угроза полной хозяйственной разрухи заставили прибегнуть к крайней мере – перейти к продразверстке и создать для ее реализации комитеты бедноты и вооруженные продовольственные отряды. Это был вынужденный шаг. "В стране, которая разорена, – говорил В. И. Ленина, – первая задача – спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся. Если он выживает, мы все спасем и восстановим". [4.10]

Продразверстка позволила собрать какой-то минимум запасов зерна. Хлебные пайки были установлены на крайне низком уровне, но и они чаще всего отоваривались не более, чем наполовину. [4.11]

Тем не менее рабочий класс спасти от голода удалось. В то же время продразверстка существенно задела интересы деревни. Принцип эквивалентности обмена пришлось отодвинуть в сторону. Крестьянину зерно оставляли по минимальной норме для личного потребления на каждого члена семьи и на корм для скота. Так называемые излишки забирали за номинальную плату в общественные фонды. На практике нередко встречались перегибы и у крестьян изымали фактически весь хлеб. (В продовольственные отряды попадало немало проходимцев и лиц, враждебно настроенных к Советской власти). Позже Ленин прямо скажет: "... крестьянство формой отношений, которая у нас с ним установилась, недовольно... оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет". [4.12]

Действовавшая в то время силовая, директивная система присвоения и распределения продукции подавляла заинтересованность в экономическом росте. Судите сами: крестьянину оставляли минимум независимо от того, какой урожай он соберет. Рабочему бесплатно давали мизерный хлебный паек за счет зерна, отобранного у крестьянина, но всю производимую продукцию тоже бесплатно отбирали для распределения согласно плану. Естественно, что и крестьянин, и рабочий в таких условиях не были заинтересованы не только увеличить конечные результаты своего труда, но и поддержать их на достигнутом уровне. Логично, что в течение всех трех лет этого периода объем производства и в промышленности, и в сельском хозяйстве ежегодно снижался. При этом неизбежно снижался и жизненный уровень населения. Не помогали ни строгие приказы засевать всю пашню, ни директивы полностью использовать мощности предприятий. Дело шло к катастрофе. Хотя к концу 1920 года основные очаги гражданской войны затухли, мир

не вернулся в полуразрушенную и обездоленную страну. То в одном, то в другом районе вспыхивали волнения крестьян. Дерзко и часто безнаказанно действовали вооруженные банды. Открыто проявляло свое недовольство ухудшающимся продовольственным снабжением и население городов. Например, 2 февраля 1921 года председатель Петроградского губкома С. Зорин телеграфировал В. Ленину: "Настроение тревожное. Путиловский завод прекратил работу, т.к. рабочие не получают пайка. Такое же положение на Балтийском заводе и на целом ряде других. Гарнизон в продовольственном положении обеспечен еще хуже". [4.13] Обстановка не только напоминала весну 1918 года, но была значительно острее и опасней.

Все говорило за то, что нужен крутой поворот в экономической политике и хозяйственной практике. И он начался. Начался полустихийно, не в силу каких-либо новых теоретических разработок, а в силу объективной необходимости, прежде всего, как ответ на ультиматум жизни: или будут найдены принципиально иные экономические отношения с крестьянами, или... полный паралич экономики и поражение революции.

Было еще одно важное обстоятельство, которое требовало скорректировать политику по отношению к стомиллионной массе крестьянства – неблагоприятная внешнеполитическая обстановка. Как уже отмечалось, курс на вооруженное восстание и успех социалистической революции руководство большевиков напрямую связывало с вероятным, как казалось, началом мировой пролетарской революции. Однако время не подтвердило эти надежды. Поэтому реалистический анализ сложившегося соотношения классовых сил и трезвая оценка перспектив их развития подсказывали необходимость расширения социальной базы партии, прежде всего, путем укрепления экономического и политического союза с крестьянством. "Мы знаем, – говорил В. И. Ленин, – что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах". [4.14]

Было бы неверным считать весну 1921 года временной точкой отсчета поворота экономической политики к интересам крестьянства. Среди большевиков всегда было двойственное отношение к продразверстке, как к чрезвычайной форме волевого воздействия на крестьянство. С одной стороны, в конце 1918 – начале 1919 года казалось, что другого выхода, чтобы обеспечить город хлебом, не было. С другой, такой выход все же имелся. Известно, что декрет о введении продразверстки был принят в январе 1919 года. Он глубоко

подрезал интересы не только кулачества, но и среднего крестьянина – основного производителя товарного хлеба. В марте 1919 года, т. е. спустя всего два месяца после принятия декрета о продразверстке, в резолюции VШ съезда РКП (б) говорилось: "... в настоящей момент особо важное значение имеет более правильное проведение партийной линии по отношению к среднему крестьянству, в смысле более внимательного отношения к его нуждам, устранения произвола со стороны местных властей и стремления к соглашению с ним". [4.15]

Материальные средства. для оказания помощи и поддержки этому союзнику рабочего класса были крайне ограниченными. Поэтому особое внимание уделялось политическим и организационным вопросам, прямо или косвенно связанным с интересами крестьянина-середняка. Началась борьба против перегибов и нарушений в проведении разверстки. "У нас нет таких благ, – говорил Ленин, – которые мы могли бы дать среднему крестьянину, а он – материалист, практик и требует конкретных материальных благ... Но мы можем многое сделать в нашей административной практике: улучшить наш аппарат, исправить массу злоупотреблений. Мы можем линию нашей партии, которая недостаточно шла на блок, на союз, на соглашение со средним крестьянством, мы эту линию, можем и должны выровнить и выправить". [4.16]

Вполне логично, что в руководстве страны внимательно следили за настроениями крестьян, прислушивались к их высказываниям, особенно конструктивным. Таких высказываний, особенно в письмах из деревни, содержалось немало. В них часто ставился вопрос о том, чтобы не просто уменьшить разверстку или устранить злоупотребления при ее взимании, но установить определенную норму изъятия зерна, т. е. налог, который заранее должен быть известен сельскому труженику. Так, крестьяне Витебской губернии обратились к председателю ВЦИК М. И. Калинину: "Просим указать нам норму". [4.17]

В большом письме В. И. Ленину от Г. Бесснного в феврале 1921 года с Северного Кавказа прямо говорилось, что необходимо "установить норму", ибо "у крестьянина пропал всякий интерес к работе". Это приводит "не только к исчезновению крупного хозяйства, теряющего теперь всякий смысл, но в значительной мере сокращается и поле среднего хозяйства". [4.18]

Осенью 1920 года началась разработка конкретных мер по оказанию помощи крестьянству. 30 ноября 1920 года, при обсуждении

в Совнаркоме вопроса о проблемах налогов, его председатель предложил рассмотреть вопрос о необходимости превращения "продразверстки в натуральный налог". Таким образом перемены в экономической политике по отношению к деревне назревали быстро. Каждый месяц, а иногда и неделя приносили с собой что-то новое. Все отчетливее проявлялись контуры новых форм такой политики, а также изменения ее содержания.

В начале декабря на Пленуме ЦК стоял вопрос о тезисах наркома земледелия Середы по сельскохозяйственному производству. Пленум признал тезисы неудовлетворительными и предложил составить новые с тем, чтобы "в центре стоял... вопрос о помощи и льготах крестьянам в возможно более конкретной и полной форме". Ленин следующим образом объяснил причины отклонения этих тезисов: "в предложениях, которые выдвинул т. Середа, гвоздем было то, что неверно ставить ставку на старательного хозяина", [4.19] т.е. нарком пошел против течения, которое уже достаточно явно проявлялось как в партии, так и в разных слоях общества.

22 декабря 1920 года, в отчетном докладе VШ съезду Советов В.И. Ленин среди хозяйственных вопросов особо выделил необходимость срочной помощи крестьянину, положение которого на рубеже 20-21 годов, было критическим. Обсуждение вопроса перешагнуло рамки официальных заседаний и довольно бурно продолжалось на совещании беспартийных крестьян-делегатов. Однако в то время кардинально решить вопрос так и не удалось. Принятые съездом Советов постановления обязывали Совнарком оказать помощь крестьянскому хозяйству по развитию ремонтного дела, снабжению материалами, орудиями и инструментами, а также "по расширению сельскохозяйственного машиностроения и производства минеральных удобрений, считая эти задачи ударными и первоочередными". Отказаться от административных мер решимости не хватило. Учитывая постигший в 1920 году страну неурожай, а также реальную угрозу новой засухи, съезд Советов потребовал "от всех земледельцев полного засева полей по заданию государства и правильной их обработки". [4.20]

Для контроля за осуществлением этого требования на местах создавались посевкомы. Предусматривалась возможность применения "семенной разверстки". Имеющиеся запасы семян в крестьянских хозяйствах объявлялись "неприкосновенным фондом". Допускалось их внутригубернское перераспределение, т.е. сохранение чрезвычайных мер, так знакомых крестьянству в течение последних лет.

Ленин не был удовлетворен таким решением, хотя оно принималось с его участием. Мысли об этом не уходили из головы, и он продолжал поиск иного подхода, который бы задействовал интересы старательного крестьянина. 8 февраля 1921 года во время заседания Политбюро, где рассматривался вопрос о весенней посевной кампании, Ленин записал несколько ключевых мыслей, которые уже достаточно полно очертили конкретные пути перехода к новой экономической политике:

"1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом.
2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой.
3. Одобрить принцип согласования размера налога с старательностью земледельца в смысле понижения % налога при повышении старательности земледельца.
4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога". [4.21]

Из этого краткого текста хорошо видно, что: во-первых, новая экономическая политика выкристаллизовывалась из анализа предложений крестьян, т. е. в какой-то степени была подсказана "снизу"; во-вторых, экономическая политика возвращалась к замыслу 1918 года – хлебному налогу; в-третьих, предусматривалось создание дополнительных стимулов для "старательного земледельца".

Эти записи были использованы при разработке резолюции X съезда партии о замене разверстки налогом. Первый пункт этого документа гласил: "Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцами своими хозяйственными ресурсами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на землевладельцев государственных обязательств, разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменятся натуральным налогом". [4.22]

Поначалу предполагалось, что налог будет взиматься в виде процентного или долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов с учетом урожая, числа едоков в хозяйстве и наличия скота. Такие условия не стимулировали повышение урожайности с гектара. Через месяц в декрете Совнаркома это положение было изложено иначе: налог устанавливался в зависимости от размера

пригодной для пахоты земли. Предусматривалось также, что старательные хозяева-крестьяне, увеличивающие площади засева, получают льготы.

В резолюции X съезда партии говорилось также, что "все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота". [4.23]

Вскоре после съезда, на заседании Политбюро рассматривался текст обращения "К крестьянству", в котором в популярной форме разъяснялась суть новых отношений с деревней: "Отныне... разверстка отменяется и вместо нее вводится натуральный налог на продукты сельского хозяйства. Этот налог должен быть меньше, чем хлебная разверстка. Он должен назначаться еще до весеннего посева. Налог должен взиматься без круговой поруки, т.е. должен падать на отдельного домохозяина, чтобы старательному и трудолюбивому хозяину не пришлось платить за неаккуратного односельчанина. По выполнению налога остающиеся у крестьян излишки поступают в его полное распоряжение... Он может использовать их для обмена на нужные ему продукты через кооперативы и на местных рынках и базарах". [4.24]

В принятом вскоре декрете ВЦИК, который почти дословно повторил текст резолюции съезда, последняя фраза учитывала уже формулировку обращения Политбюро к крестьянам: "Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота или через кооперативные организации, так и на рынках и базарах". [4.25]

Таким образом, вопрос о коренном повороте в экономической политике по отношению к крестьянству принципиально был решен и закреплен законодательно. Но оставалась еще очень большая дистанция до его практического решения. Требовалось создать ряд очень важных конкретных предпосылок, среди которых на X съезде были выделены две исходные: "Нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина, а во-вторых, нужно было достать товары и продукты".

Е. Преображенский, выступивший в прениях, назвал еще одну предпосылку перехода от продразверстки к продналогу и возрождению товарно-денежного обмена, а именно: замену обесцененной

бумажной массы новыми деньгами на серебряной основе (золото имелось в виду израсходовать для закупки товаров за границей). "Мы должны будем предоставить возможность нашему теперешнему рублю умереть и должны приготовиться к этой смерти – приготовить ему наследника..." [4.26]

Выполнить это условие, особенно два последних – найти товары для обмена на хлеб и создать твердую валюту было крайне трудно, прежде всего, из-за развала в народном хозяйстве. Россия из войны вышла в таком положении, говорил Ленин, что "ее состояние больше похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двинуться!" Это было сказано весной 1921 года, когда еще не было доподлинно известно о том страшном голоде, который расползется по многим регионам России вследствие сильной засухи.

Разруха, перебои в снабжении, падение реальной зарплаты рабочих вызывало недовольство населения, демонстрации, забастовки. Все это, в свою очередь, сопровождалось разбродом в партии, острыми дискуссиями, появлением всякого рода "платформ", что захлестнуло и работу X съезда, заняло его время и внимание. Вопрос о переходе к продналогу отошел как бы в тень политических дискуссий и баталий. Показательно, что съезд открылся 8 марта, а вопрос о продналоге начали обсуждать только через неделю. При этом председательствующий от имени Президиума предложил "покончить с этим вопросом в течение одного утреннего заседания". В прениях заранее записалось одиннадцать человек. Чтобы выиграть время, председательствующий предлагает ограничиться шестью. Большинством голосов съезд соглашается с таким регламентом. Поэтому вопрос рассматривался в общем, с принципиальной стороны. В ходе обсуждения докладов Ленина и Цюрупы все выступающие поддержали переход от разверстки к продналогу, но возникли сомнения в целесообразности "свободы оборота", т.е. отказа от государственной монополии торговли хлебом. Опасения были двоякого рода: первое – усиление дифференциации доходов отдельных хозяйств. В период разверстки они выровнялись под воздействием изъятия "излишков" у богатых и помощи бедным. С переходом к эквивалентным товарно-денежным отношениям разрыв в реальных доходах неизбежно возрастает, поскольку на рынке реализуется более высокая эффективность крупных хозяйств. Такие хозяйства опираются обычно на большие семьи, где много работников – мужчин. На законных основаниях у них больше земли,

лошадей, скота, сельскохозяйственных машин и орудий, а также удобрений. Отсюда выше урожаи, производительность труда и доходы. В мелких хозяйствах – все наоборот. Но, зато в таких хозяйствах был сосредоточен сельский пролетариат. Поэтому у них нашлись свои защитники.

Другое опасение замены разверстки продналогом было связано с неверием, что новые условия формирования хлебного баланса в стране не создадут дополнительные трудности со снабжением населения продовольствием. Так, один из выступавших на съезде, известный экономист Фрумкин признавал, что государственная монополия на торговлю хлебом "не составляет признака коммунизма или приближения к коммунизму. Монополия была введена Шингаревым, она проводилась во время войны в Западной Европе". Но в данной исторической обстановке, считал он, она нужна. "Отказ от монополии, т.е. от регулирования распределения хлеба и других важнейших продуктов, означает в настоящее время, несомненно, обречение пролетариата на гибель. Нет никаких оснований предполагать, что мы извлечем путем налога хотя бы 50% того, что мы брали до сих пор". [4.27]

Ленин в своем заключительном слове уклончиво ответил Фрумкину, не называя его фамилии: "В какой мере оставим мы свободу хозяйственного оборота, мы не знаем. Что мы должны оставить до некоторой степени свободу хозяйственного оборота, это несомненно. Экономические условия этого надо учесть и проверить". [4.28]

Не до конца определенную позицию на данном этапе X съезд занял и по некоторым другим проблемам, в том числе по вопросу о кооперации. Ленин считал целесообразным, чтобы свобода хозяйственного оборота с излишками хлеба, остающимися у крестьянина после уплаты налога, реализовались бы через кооперацию. В связи с этим ее роль в хозяйственной жизни страны должна была активизироваться. [4.29] Значит возрастет и ее влияние, хотя руководство кооперацией в это время оставалось в руках не лояльных по отношению к большевикам людей.

Цюрупа и Милютин, выступая на съезде по вопросам о кооперации, заняли противоположную позицию. И здесь Ленин не стал настаивать. Родилась гибкая формулировка: "Каким образом будут развиваться отношения мелкого свободного хозяйственного оборота: через кооперации или путем воссоздания мелкой частной торговли, – мы едва ли можем сейчас окончательно установить". [4.30]

Таким образом, целый ряд вопросов новой экономической политики весной 1921 года оставались открытыми. К тому же НЭП объективно требовал отказаться от многих привычных, но уже устаревших представлений по отношению как к крестьянину, так и к торговле, финансам и деньгам. Поэтому возникла необходимость уже через два месяца после съезда собрать, как высказался В.И. Ленин, "не вполне очередную" конференцию по проблемам новой экономической политики, волнующим партию. В своем докладе председатель Совнаркома особо подчеркнул, что НЭП есть политика, проводимая "всерьез и надолго". Накануне конференции он выпустил брошюру "О продовольственном налоге, в которую включил значительную часть своей ранней работы "О "левом" ребячестве и мелкобуржуазности", показывая тем самым связь НЭПа с тем, что партия намеревалась осуществить весной 1918 года, опираясь на теорию государственного капитализма. Вместе с тем, он подчеркивал, что весной 1921 года надо начинать именно с улучшения положения крестьянства, поднять его производительные силы , потому, что для улучшения положения рабочих нужны хлеб и топливо. Сейчас "задержка" самая большая – с точки зрения всего государственного хозяйства – именно из-за этого... Кто не понимает этого, кто склонен усматривать в этом выдвижении крестьян на первое место, "отречение" или подобие отречения от диктатуры пролетариата, тот просто не вдумывается в дело, отдает себя во власть фразе".

Вместе с тем, как бы предупреждая от перегибов в политике, значительную часть доклада на конференции Ленин посвятил проблемам развития промышленности.

На конференции выступило еще четыре докладчика (Милютин, Хипчук, Свидерский и Преображенский), которые достаточно подробно и всесторонне осветили конкретные вопросы, связанные с практическим осуществлением крутого разворота экономической политики: о размере налога, о свободе торговли, кооперации, пересмотре правовых норм, о финансах и денежной системе.

Новую экономическую политику конференция признала "установленной на долгий, рядом лет измеряемый период времени". Основным ее инструментом "признается товарообмен". "Предприимчивость и самодеятельность мест должны быть всесторонне поддерживаемы". "Борьба с анархическим (т.е. ускользающим от всякого контроля и надзора государства) товарообменом путем сосредоточения его преимущественно в руках кооперации, отнюдь не стесняя правильной свободной торговли".

Кроме того, конференция очертила некоторые направления НЭПа в сфере промышленности, в том числе высказалась за поддержку мелких и средних (частных и кооперативных) предприятий, за сдачу в аренду частным лицам, кооперативам, артелям и товариществам государственных предприятий, предоставив право местным хозяйственным органам самостоятельно решать конкретные вопросы арендных отношений.

Предусматривался также пересмотр производственных программ и планов крупной промышленности в направлении усиления производства предметов широкого потребления крестьянского обихода.

Наконец, следует подчеркнуть еще одно важное направление в конкретизации и эволюции новой экономической политики, отраженное в резолюции десятой партконференции – расширение самостоятельности и инициативы каждого крупного предприятия в деле распоряжения финансовыми средствами и материальными ресурсами.

Конференция одобрила также проект "Наказа СТО" о проведении в жизнь начал новой экономической политики. Вскоре этот наказ, уже от имени СНК был разослан на места. Он требовал принять "меры к развитию государственного и кооперативного товарообмена, причем не следует ограничиваться рамками местного оборота и переходить, где это возможно, к денежной форме обмена

Таким образом, программа перехода к новой экономической политике быстро обогащалась как по содержанию, так и по конкретизации ее отдельных направлений. Однако реальные перемены в хозяйственной жизни происходили с большими трудностями, вызванными как объективными, так и субъективными причинами. 1921 год – один из критических в нашей истории. Продолжалось падение сельскохозяйственного производства (главным образом, в связи с засухой). Продовольственное снабжение опустилось ниже красной черты – вновь наступил массовый голод. Крайне напряженной оставалась политическая обстановка. Ломку старого хозяйственного механизма и замену его на новый приходилось осуществлять в тяжелейших условиях. Дело шло трудно и медленно.

Состоявшийся весной 1922 года, XI съезд РКП (б), последний съезд на котором присутствовал и выступил В.И. Ленин, сделал главный упор не на задачах, а на первых, точнее сказать, предварительных итогах проведения новой экономической политики. "Кое-какие, хотя и малюсенькие, успехи уже за этот год есть". Но в целом Ленин был неудовлетворен итогами истекшего года.

Отсюда вытекал главный вывод: "Давайте учиться с начала, тогда мы выиграем дело... Если мы это сознаем, тогда мы экзамен выдержим, а экзамен серьезный, который устроит рынок".

Другая важная задача состояла в том, чтобы создать новый действующий механизм рынка, прежде всего восстановить сбалансированную денежную и финансовую систему. Впервые в истории партии в повестку дня съезда в качестве самостоятельного вопроса был включен вопрос о финансовой политике (докладчики Сокольников и Преображенский). Вопрос этот имел долгую историю, и не менее длинное продолжение...

4.2. Успешная денежная реформа

Провозгласив необходимость перехода к денежной форме свободного обмена товаров, т.е. к рыночным отношениям, советская власть круто, буквально на 180 градусов, развернула курс своей экономической политики в отношении к одной из ключевых сфер воспроизводства – сфере обращения. Монополия государства на заготовки и реализацию хлеба, введенная законом еще Временного правительства, была официально отменена. В то же время продуктообмен наладить нигде не удалось. Практически, вместо него стихийно стала возрождаться торговля, т.е. купля-продажа товаров. Рыночные отношения явно вытесняли натуральный обмен. В этой связи Ленин писал: "Торговля, – вот то "звено" в исторической цепи событий, "за которое надо всеми силами ухватиться... Если мы теперь за это звено достаточно крепко "ухватимся", мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка". [4.31]

В этом же ключе, но с большей финансовой направленностью была составлена резолюция XI (декабрь 1921 г.) конференции РКП(б): "Оздоровление рынка, без которого невозможно и быстрое восстановление крупной промышленности, требует ряда финансовых мер, направленных к созданию устойчивой валюты". [4.32]

Восстановление и развитие товарно-денежных отношений сопровождалось сложным и длительным (примерно двухлетним) процессом денатурализации хозяйственных связей и оплаты труда. Одним из первых мероприятий в этой области был декрет от 9 июля 1921 года, восстановивший оплату перевозок грузов и пассажиров на железных дорогах и водном транспорте. Затем последовали декреты об оплате писем, телеграмм, почтовых посылок, коммунальных услуг. Введена квартирная плата и др. Такие шаги были выз-

ваны объективными причинами. Бесплатная пересылка писем, почти бесплатная перевозка всех желающих по железной дороге привели к страшной перегруженности почты, к почти полной невозможности урегулировать пассажирское движение, особенно при страшном недостатке топлива и изношенности подвижного состава, для ремонта которого не было средств.

Выступая весной 1922 года на одиннадцатом съезде РКП(б), Г. Сокольников с удовлетворением отмечал: "На железных дорогах введена платность, Вы помните, как против этой платности боролись осенью... И нужно сказать сейчас, что только благодаря этой системе платности у нас работают железные дороги. Выручка НКПС была в январе месяце около 300 миллиардов (по официальному отчету), в феврале – около 800 миллиардов, в марте должна составить не менее 2,5 триллионов, а в апреле, по предположительному исчислению, составит 4 триллиона". [4.33]

О том, как введение платности воздействовало на поведение людей, Боголепов иллюстрирует на следующем примере: "Когда была введена платность за пользование парикмахерскими, то в бывшей ранее парикмахерской ВЦИКа резко изменилось количество посетителей. Те лица, которые брились каждый день, стали бриться два-три раза в неделю. Стричься вместо одного раза в неделю – раз в месяц и реже". [4.34]

Поэтапно стало свертываться также бесплатное снабжение населения продовольственными продуктами и промышленными товарами первой необходимости. "С надлежащей осторожностью и постепенностью" вводилась новая система коллективной оплаты труда служащих. Фонды продовольствия, выделяемые для предприятий, не менялись при выполнении производственной программы при меньшем количестве рабочих. Продовольствие распределялось самими предприятиями с учетом квалификации и трудовой дисциплины рабочих. Новая система дала положительные результаты: возросла заинтересованность в конечных результатах, повысилась производительность труда, уменьшились прогулы, производственные программы стали выполняться и перевыполняться.

Вместе с тем расширение объемов товарооборота потребовало возрождения твердых денег и кредитной системы. О том, как четко и быстро, – когда это требовалось, – могла работать "административно-командная система" можно судить на примере восстановления Государственного банка. В сентябре 1921 года этот вопрос обсуждали в Политбюро ЦК РКП(б), в октябре – на заседании

Совнаркома, затем последовал декрет ВЦИК об учреждении Государственного банка, который начал свою работу 16 ноября. За три месяца удалось уточнить не только его функции, структуру и штаты, но и подобрать квалифицированных специалистов, в том числе из бывших царских служащих.

Согласно положению Госбанк учреждался "с целью способствовать кредитом и прочими банковыми операциями развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота, а также с целью концентрации денежных оборотов и проведения других мер, направленных к установлению правильного денежного обращения".[4.35] Перед ним была поставлена также задача непосредственно участвовать в торговых операциях, что далеко не всегда относится к функции кредитного центра. Председатель Совнаркома требовал: "Развитие торговли, постановка торгового отдела Госбанка так, чтобы он не спал, а двигал всю торговлю – вот главное". Весь гвоздь "в торговле и ее захвате Госбанком". "Нам нужен Госбанк во сто раз более близкий к торговле, чем самый торговец из госбанков капитализма".[4.36]

Государственный банк перестроил свою работу в соответствии с изменившимися условиями. Во-первых, он развернул кредитование кооперации, других органов, осуществлявших торговые операции, во-вторых, наладил на комиссионных началах реализацию промышленных товаров, в-третьих, сам торговал некоторыми промтоварами (керосином, мануфактурой и др.), в-четвертых, осуществлял закупку зерна у крестьян .

Но все же главное, с чем вошел Госбанк в историю НЭПа – это создание твердой валюты – червонца. Сама формула товарообмена ($Т^1 - Д - Т^2$) предполагает наличие денег, способных выполнить функции меры стоимости, инструмента обращения и кредита. Быстро обесценивающиеся из-за несдерживаемой эмиссии новые бумажные деньги, в том числе, "государственные денежные знаки" образца 1922 года, не могли выполнить ни одной из этих функций.

Закономерно, что в условиях некоторого оживления торговли в 1921-1922 годах стихийно выделились в роли всеобщего эквивалента сахар и, особенно, соль, а затем и золотые деньги дореволюционной чеканки, изъятые из обращения государством и населением еще в первые дни войны. В начальный период НЭПа эти деньги стали возвращаться в хозяйственный оборот. Сначала в Закавказье, в портовых городах, на Украине, на Дальнем Востоке. Потом эти процессы охватили и центральные губернии. Все шире стало использоваться золотое исчисление для анализа и

калькуляции себестоимости, межхозяйственных расчетов, определения реального уровня оплаты труда, а также при планировании государственного бюджета и составлении смет крупных расходов. В конце 1921 года было даже издано специальное постановление Наркомфина по упорядочению методов таких расчетов. Для этого были установлены официальные индексы. Так, на ноябрь 1921года курс совзнака к довоенному золотому рублю был определен, как 60 000 к 1. На декабрь – 80 тыс. к 1, на январь 1922 года – 100 тыс., на февраль – 150 тыс., на март, соответственно, – 200 тыс. Это были весьма приближенные коэффициенты, но они все же достаточно четко отражают динамику обесценения денег в тот период. В апреле индекс Наркомфина заменил соответствующий показатель Госбанка, который претендовал на большую точность и менялся (публиковался) несколько раз в месяц. Практически по этому курсу Банк определял цену при покупках золота, в то время как Наркомфин использовал свой индекс для бюджетных расчетов. В конце августа 1922 года, т.е. накануне выпуска в обращение червонца, была создана специальная межведомственная комиссия, задача которой заключалась в том, чтобы рассчитать и установить более реальный курс советских денег не к довоенному золотому рублю, а к иностранной валюте и текущим ценам на золото.

Неудивительно, что некоторые государственные хозяйственные органы стали требовать расплаты за дефицитные товары золотой монетой. Она появилась даже в кассах отдельных учреждений. Получил известность, в частности, случай, когда одно из таких предприятий, находящихся в Москве, расплачивалось с рабочими золотыми монетами .[4.37]

Вытеснение советских расчетных знаков иностранной валютой на внутренних рынках серьезно тревожило правительство и служило одной из причин подготовки денежной реформы. Выступая в 1924 году. в Деловом клубе нарком финансов Г. Сокольников вспоминал: "Осенью 1922 года на Дальнем Востоке преобладала японская иена и ее хождение дополнялось обращением китайского серебра и серебра старой царской чеканки...В общем и целом в Средней Азии господствовало золото, роль которого была решающей в Бухаре, откуда оно перекочевало в Ташкент, и эта решающая роль золота подкреплялась циркуляцией полноценного серебра бухарской чеканки...Московский рынок был в самой тесной связи и зависимости от ташкентского и бухарского рынков.

В Закавказье, в Армении ходили армбоны, в Грузии – грузбоны, в Азербайджане – азбоны. Но решающей валютой была в Тифлисе турецкая лира и наряду с ней, золотая десятка, роль которой в Баку в сношениях с персидским рынком была еще большая, чем в Тифлисе... На юге России – в Крыму, в Одессе в связи с контрабандной торговлей и закавказскими и турецкими влияниями самым широким образом внедрялось в обращение золото. Широкой сплошной полосой вытеснения нашей бумажной валюты и внедрение золота и серебра старой чеканки, а также польской валюты наблюдалось во всем районе, смежном с Польшей. В Петрограде и Москве золото, серебро и иностранная валюта являлись единственными средствами накопления..." [4.38]

Идея восстановления твердого рубля, возможно золотого, с началом НЭПа стала оживленно обсуждаться партийными, советскими и хозяйственными органами. Государственный банк начал очень осторожно, но последовательно готовиться к введению твердой валюты. За счет прибыли от торговли зерном, другими продуктами, а также эмиссионного дохода от выпуска в обращение новых совзнаков он скупал через своих представителей драгоценные металлы и устойчивую иностранную валюту, т.е. накапливал определенный золотой запас, создавал валютные резервы, необходимые для обеспечения устойчивости денег.

Само воссоздание Государственного банка следует рассматривать как составную часть начала поэтапной денежной реформы. Еще за несколько месяцев до этого Наркомфин осуществил три выпуска новых денежных знаков: летом в обращение поступили купюры достоинством от 100 до 10 тыс., а спустя месяц и 100 тыс. рублей. В сентябре появились "обязательства РСФСР" номинально достоинством 1, 5 и 10 миллионов рублей. Такие, можно сказать, нервные, даже судорожные манипуляции с денежным обращением были вызваны засухой, а также голодом 1921 года, которые со страшной силой ударили не только по миллионам людей, но и по финансовой и денежной системе, существенно деформировав их. "Расходы, которые мы бросили на Поволжье, – а там в 1921 году мы не добрали продналога на 100 миллионов золотом и дали туда 200 миллионов, т.е. всего потеряли для бюджета 300 миллионов золотом, что составляет весь наш бюджет, – доход от эмиссии за год". [4.39]

Промышленное производство, которое все еще опиралось на натуральные формы межхозяйственных связей, продолжало на-

ращивать выпуск продукции, хотя и медленнее, чем раньше. Спад в сельском хозяйстве имел катастрофический характер. Как уже отмечалось, соответственно пострадали и государственные финансы, поскольку поступления хлеба по системе разверстки, а теперь продналога были и должны, как предполагалось, хотя бы первые год-два, остаться основным источником доходов для государства. Теперь же государство не только не получило значительную часть своих доходов, но и вынуждено было искать средства для того, чтобы помочь голодающему крестьянству. Для этого пришлось использовать и без того уже заметно похудевший золотой запас.

Главным источником финансовой жизни государства осталась эмиссия бумажных денег. Месячный прирост всей находящейся в обращении денежной массы составил в июле 1921 года 20%, в сентябре почти 30, в ноябре 52 и в декабре 79 процентов. Это означало, что только в декабре 1921 года эмиссия бумажных денег достигла примерно 80 процентов общего объема бумажных денег, выпущенных с начала войны. Однако реальные доходы государства продолжали падать. [4.40]

Это обстоятельство подстегивало работу по подготовке денежной реформы Еще в ноябре 1921 года было принято постановление о выпуске в обращение так называемых "Государственных денежных знаков образца 1922 года". Оно предусматривало деноминацию и обмен всех образцов денег, которые использовались при оплате товаров и услуг. При этом выбрали не совсем удобный коэффициент обмена: за 10 тысяч рублей старыми купюрами давали один рубль новыми. При осуществлении мелких рыночных сделок и покупатель, и продавец долго, иногда на бумажке, считали, сколько же стоит конкретный товар. Удобнее было, если бы выбрали коэффициент 1:1000 или 1:1000 000. Авторы деноминации (комиссия Е. Преображенского) не учли "народный" опыт в этом деле. Так московские извозчики давно уже установили "твердую" оплату своих услуг – один рубль. Но вначале за таким рублем стояла одна тысяча, затем десять, сто, наконец, миллион рублей (один "лимон").

У основной массы населения наличных денег было немного. Поэтому обмен прошел сравнительно спокойно. Все старые деньги и их заменители "ушли" или были изъяты из обращения. В 1923 году была проведена еще одна деноминация рублевой массы: новый рубль приравняли к 100 рублям образца 1922 года. Это означало,

что за два года рубль номинально "окреп" в миллион раз. Денежная система стала более простой и понятной. Но двойственность осталась. В 1923 году на российском рынке одновременно "крутились", причем по разным орбитам, с неодинаковой скоростью и успехом, два денежных знака: твердый червонец, которым пользовались, особенно вначале, при заключении оптовых сделок предприятия, торговые организации, включая кооперативные, и так называемые нэпманы. При этом цены в червонцах оставались стабильными. К концу года червонец стал основной валютой для всех горожан. И второй – государственный денежный знак, эмиссия которого превышала потребности рынка. Он продолжал быстро обесцениваться, что, в свою очередь, сопровождалось динамичным ростом цен, выраженных в этом денежном знаке.

Месячные приросты цен [441]
Всероссийский индекс статистики труда

	1920	1921	1922
Январь	27,7	28,6	89,2
Февраль	23,3	27,8	111,6
Март	25,2	29,3	118,9
Апрель	21,2	19,6	61,9
Май	13,7	45,2	22,2
Июнь	23,9	30,2	13,9
Июль	11,4	0,5	3,6
Август	1,8	4,9	7,3
Сентябрь	4,2	7,2	22,5
Октябрь	9,1	16,6	57,5
Ноябрь	14,3	44,5	42,2
Декабрь	40,0	108,7	29,2

Из данной таблицы можно сделать ряд выводов: во-первых, в период подготовки денежной реформы динамика инфляции имела явную тенденцию к ускорению – в 1921 году приросты цен были выше, чем в предыдущем, а в 1922 году они еще повысились; во-вторых, кризис в сельском хозяйстве вызвал осенью 1921 года резкое повышение общего индекса цен. Ситуация на рынке успокоилась только к лету следующего года, когда стало ясно, что хлеба хватит до нового урожая, а он обещал быть хорошим. В-третьих, на фоне динамики трех лет отчетливо видна устойчивость сезонных колебаний цен. В июле, когда на рынок в массовом порядке поступают свежие овощи, зелень, фрукты и ягоды, достаточно молока и молочных продуктов, – цены снижаются или заметно замедляется их рост. Такая конъюнктура на

рынке сохраняется до сентября-октября. Затем она резко меняется в худшую сторону.

В таблице не приведены данные за 1923 год, хотя книга Л. Юровского вышла в 1924 году. Видимо, автор не хотел трогать свежую рану – цены в новых государственных денежных знаках за один год выросли примерно в тысячу раз, при этом основной удар достался деревне, которая после такого потрясения стала категорически отказываться принимать новые "государственные знаки" в оплату за свои продукты: крестьянин продавал на рынке ровно столько своих товаров, чтобы выручки только-только хватило на покупку гвоздей, керосина, галош или других необходимых в хозяйстве промышленных товаров. Закономерно, что товарооборот в таких условиях снижался.

Но главная беда заключалась в том, что многоразовое увеличение эмиссии "государственных знаков" снижала реальный эмиссионный доход для бюджета: динамика инфляции обгоняла прирост номинальной ценности бумажной массы.

Отношение роста цен к темпу эмиссии государственных денежных знаков [4.42]

	1920	1921	1922
Январь	176,4	257,7	130,2
Февраль	184,9	194,4	175,2
Март	155,6	215,4	178,0
Апрель	153,6	143,1	108,0
Май	85,1	422,4	34,0
Июнь	174,5	287,6	27,8
Июль	84,4	–	–
Август	14,6	–	15,7
Сентябрь	29,2	24,8	100,9
Октябрь	57,6	38,6	200,3
Ноябрь	238,5	139,2	83,9
Декабрь	239,5	139,2	83,9

Индекс более 100 в таблице фиксирует, что в данном месяце темпы роста цен были выше, чем динамика эмиссии денег, т.е. государство не получало желаемого и так нужного прироста дохода. Число менее 100 показывает, что какое-то увеличение дохода было все же получено. Но таких положительных результатов было чуть больше трети. Общий итог был отрицательным. Особенно угрожающими были май и июнь 1921 года, когда небывалая засуха заранее предупредила о предстоящем голоде. Затем всадник, который символизировал эмиссию, на короткое время вырывается

вперед. Однако, лошадь, на которой мчалась инфляция, оказывается сильней. Всю зиму и почти всю весну она вновь впереди и первой приходит к финишу. Это означает, что главный, реальный денежный приз в казну не попадает.

В 1923 году червонец постепенно почти полностью вытесняет из обращения падающий денежный знак.

Напомню, что в октябре декретом Совнаркома Госбанку официально было предоставлено право выпуска в обращение новых банковских билетов. Им присвоено наименование "червонец", т.е. название довоенной десятирублевой золотой монеты, что должно было подчеркнуть устойчивый характер новых денег, в отличие от государственных денежных знаков.

Первая партия червонцев появилась на рынке в ноябре того же 1922 года. На их лицевой стороне было напечатано: "Один ЧЕРВОНЕЦ содержит 1 зол. 78.24 дол. ЧИСТОГО ЗОЛОТА. Банковский билет подлежит размену на ЗОЛОТО." И дальше: "Начало размена устанавливается особым правительственным актом".

Спустя шесть лет эту надпись уточнили: "Один червонец содержит 7,74234 грамма ЧИСТОГО ЗОЛОТА", сохранив обещание: "Банковский билет подлежит размену на ЗОЛОТО." И оговорку: "Начало размена устанавливается особым правительственным актом", хотя к этому времени было ясно, что такой акт не последует по простой причине: достаточных для этого запасов золота нет. Однако, на банковских билетах выпуска и 1922, и 1928 годов была гарантийная надпись: "Банковые билеты обеспечиваются в полном размере ЗОЛОТОМ, драгоценными металлами, устойчивой иностранной валютой и прочими активами ГОСБАНКА".

Эти надписи означали, во-первых, тесную связь новой банкноты с таким денежным авторитетом, каким был довоенный золотой рубль (но о какой-либо связи с государственными денежными знаками, доверие к которым было подорвано полностью, не упоминалось ни словом). Во-вторых, банк брал на себя обязательство в будущем, по согласованию с правительством, производить свободный обмен банковских на золото, исходя из расчета: 7,74234 грамма золота за один червонец. В-третьих, при установлении курса червонца к устойчивой иностранной валюте банк должен исходить из того, что червонец приравнен к 10 золотым рублям довоенной чеканки.

Согласно декрету Совнаркома банковские билеты, выпущенные в обращение, должны были не менее, чем на четверть, обеспечиваться

драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой. Руководство Государственного банка, видимо, подражая С. Витте, в первые годы стремились поднять эту планку до 50 процентов.

Обеспечение выпуска червонцев надежными активами [4.43]
В % к общей сумме активов, на 1-ое число месяца

	Драг. металлы	Иностран. валюта	Всего
1923, январь	33,7	29,0	62,7
февраль	42,6	14,3	56,9
март	40,4	12,1	52,5
апрель	53,4	1,5	54,9
май	49,4	0,7	50,1
июнь	44,1	3,5	47,6
июль	46,6	2,7	49,3
август	43,1	3,8	46,9
сентябрь	40,6	10,2	50,8
октябрь	36,0	14,4	50,4
ноябрь	34,2	15,7	49,9
декабрь	32,8	17,4	50,2
1924, январь	31,6	19,5	51,1
февраль	29,2	21,4	50,6

Небольшие, но все же заметные колебания в обеспечении червонца высоко ликвидными активами объясняются тем, что в это время происходил интенсивный процесс выпуска червонцев в обращение. Естественно, не всегда удавалось синхронно увеличивать соответствующие запасы драгоценных металлов и иностранной валюты.

Ежемесячная эмиссия твердых рублей в 1923 году [4.44]
тыс. червонцев

Январь	498
Февраль	749
Март	963
Апрель	1 187
Май	994
Июнь	2 252
Июль	4 120
Август	5 398
Сентябрь	4 885
Октябрь	2 013
Ноябрь	190
Декабрь	1 310

Объемы эмиссии червонца определяли, в основном, два фактора: потребности рынка и размеры высоко ликвидных активов Госбанка. Связь банковских билетов с золотом подкреплялась следующим важным положением: червонцы принимались в уплату государственных сборов и платежей (таможенных пошлин, налогов и т.п.) и в тех случаях, когда по закону платежи должны были осуществляться твердой валютой.

Внедрение червонца в денежное и кредитное обращение осуществлялось продуманно, весьма осмотрительно и без какой-либо спешки. Так, к началу 1923 года их было выпущено в обращение всего на 3,6 млн. рублей, на 1 января 1924 года их было 280 млн. Кроме того, первым декретом Совнаркома (25 июля 1922 г.) была установлена очень высокая купюрность банковских билетов: 10, 25, 50 и 100 червонцев (соответственно: 100, 250, 500 и 1000 рублей). Между тем, на 1 марта 1922 года в Москве платили совзнаками по их золотому курсу за 1 фунт ржаного хлеба – 6,7 коп., картофеля – 1,2 коп., масла русского – 48,7 коп. Аршин ситца стоил 16,8 копеек. Месячная заработная плата рабочего в том же исчислении составляла в 1 квартале 1922 года всего 7,9 золотых рублей.

Ясно, что первоначально выпущенные банковские билеты не могли функционировать как средство обращения в сфере розничной торговли и как платежное средство при оплате труда рабочих и служащих. Их главное назначение состояло в том, чтобы обслуживать кредитную функцию Госбанка. Поэтому предприятия, получив ссуду в банковских билетах, очень часто тут же меняли их на совзнаки. Иногда на червонцы смотрели как на ценную бумагу, в которую помещали свободную наличность с тем, чтобы в момент, когда понадобятся "деньги", эту ценную бумагу продать.

11 октября 1922 года был издан новый декрет, который изменил купюрность банковских билетов, они стали выпускаться достоинством в 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев.

И все же рынок не сразу принял червонец. Поначалу он стал городской валютой. Медленнее, с трудом распространился червонец в сельской местности. И только к осени 1923 года процесс внедрения банковских билетов в товарно-денежном обращение в основном завершился.

Доля червонцев и денежных знаков в обращении [4.45]
На начало месяца, с учетом покупательной способности, в %

	червонцы	гос. денежные знаки
1923, Январь	8,6	91,4
Февраль	13,2	86,8
Март	18,2	81,8
Апрель	23,5	76,5
Май	31,3	68,7
Июнь	39,1	60,9
Июль	44,4	55,6
Август	54,8	45,2
Сентябрь	68,6	31,4
Октябрь	80,5	19,4
Ноябрь	76,2	22,6
Декабрь	78,1	20,4
1924, Январь	80,5	16,7
Февраль	85,5	11,0

Уже в начале февраля 1924 года червонец стал господствующей валютой на рынке. Доля государственных денежных знаков упала до одной десятой. Эти знаки задержались, главным образом, в деревне, в небольших суммах, менять которые на червонные копейки часто не имело смысла. Кроме того, в октябре 1923 года в обращении появились сертификаты НКПС, доля которых за полгода возросла с 0,1 до 4,7%.

Выдвижению червонца на первую роль способствовала его относительно устойчивая покупательская способность, имевшая слабую тенденцию к снижению.

Покупательная способность червонца [4.46]
Соотношение его курса к индексу цен, на 1-е число месяца

	Оптовый индекс Госплана	Розничный индекс Конъюн. И-та
1923: январь	11 руб. 08 коп.	8 руб. 94 коп.
февраль	10 руб. 88 коп.	8 руб. 61 коп.
март	9 руб. 17 коп.	7 руб. 76 коп.
апрель	9 руб. 50 коп.	7 руб. 81 коп.
май	10 руб. 24 коп.	8 руб. 63 коп.
июнь	9 руб. 22 коп.	7 руб. 30 коп.
июль	7 руб. 76 коп.	6 руб. 44 коп.
август	7 руб. 55 коп.	5 руб. 57 коп.
сентябрь	7 руб. 45 коп.	6 руб. 12 коп.
октябрь	7 руб. 47 коп.	6 руб. 15 коп.
ноябрь	8 руб. 13 коп.	5 руб. 99 коп.
декабрь	8 руб. 20 коп.	6 руб. 02 коп.
1924: январь	7 руб. 93 коп.	5 руб. 57 коп.
февравль	7 руб. 38 коп.	5 руб. 22 коп.

Следует иметь в виду, что эти цифры приближенные: вызывают сомнения методика и точность расчетов как индексов цен, так и курса червонца. Тем не менее, таблица показывает существенный разрыв между левой и правой колонками данных, причем в течение 1923 года этот разрыв увеличился. Это отражает тот бесспорный факт, что розничные цены возросли по сравнению с довоенным уровнем в большей степени, чем оптовые. Другая причина заключалась в том, что оптовая торговля почти целиком контролировалась государственными органами, которые ограничивали злоупотребления в данной сфере. В розничной торговле существенная доля оборота осуществлялась через частный сектор, где правдами и неправдами стремились обесценить червонец, увеличивая тем свою прибыль.

После того, как червонцы (денежные обязательства банка) завоевали прочные позиции на рынке, возник непростой вопрос – как быть с государственными денежными знаками? Отказываться от них Наркомфин не хотел – ему нужны были "свои" деньги.

Конечно, наличие в обращении в течение нескольких лет двух видов денег, один из которых быстро "терял в весе", а другой – сохранял свою покупательную способность, – создавало благодатную почву для валютных спекулянтов. Они зарабатывали на колебаниях курсов (при обмене совзнаков на червонцы, червонцев на золото, совзнаков и червонцев на иностранную валюту).

Официальный курс червонца устанавливался на Центральной московской товарной бирже, где производилась оптовая торговля государственными промышленными предприятиями и торговыми организациями. Один раз в день такой курс передавался по телеграфу по всей стране. В марте 1922 года в стране функционировали уже 24 торговые биржи. В Москве, на Ильинке (и в других местах) существовал "вольный" рынок, где курс валют определялся спросом и предложением и колебался иногда несколько раз в течение дня. Представители Госбанка не только следили за курсом на черном рынке, но и старались влиять на него, скупая червонцы, если они падали в цене. Однако здесь же действовали крупные спекулянты, которые тоже могли сразу же выбросить или, наоборот, скупить крупные суммы денег. Борьба многих сил иногда заканчивалась неожиданными и нежелательными для Госбанка результатами. Особенно большие отклонения "вольного" курса от официального – до 20% – наблюдались в отдельных городах.

О том, какие масштабы приняла в этот период валютная спекуляция, можно судить по следующему письму Ф.Э.Дзержинского в

Политбюро ЦК в октябре 1923 года: "Одним из немаловажных факторов, вздувающих цены на фабрикаты, являются злостные спекулянты, которые своей профессией избрали вздувание цен (особенно валюты) и опутывание своими махинациями трестов и кооперации и их работников... Они овладевают рынками, черной биржей. Метод их действия – подкуп и развращение"...

Принятые в конце 1923 и начале 1924 годов меры ограничили операции наиболее злостных спекулянтов, но не ликвидировали полностью злоупотребления в этой сфере, так как для них существовали легальные возможности (разрешение частных сделок с золотом, серебром, платиной, драгоценными камнями и иностранной валютой).

Система параллельного обращения государственных денежных знаков и червонцев создавала необходимость в обменных операциях не только для частных лиц, но и для государственных предприятий, а также торговых организаций, действовавших на началах коммерческого расчета. Поскольку официальный курс был обязателен при платежах, то при превышении его над вольным курсом хозяйственники стремились платить совзнаками, для чего необходимо было предварительно продать червонцы и купить совзнаки. Действия разворачивались в противоположном направлении, если официальный курс был ниже вольного. Все это создавало почву для злоупотреблений и вызывало немалые трудности для укрепления финансов государственного сектора.

В условиях своеобразного "двоевластия" на денежном рынке у некоторых финансистов возникали сомнения, что денежную реформу удастся успешно завершить. Раздавались голоса, чтобы отложить ее на какой-то срок. Выступая в январе 1924 года на Пленуме ЦК, Сокольников подчеркнул, что для успешного завершения реформы нужно обеспечить три основных условия: 1) ликвидация бюджетного дефицита и отказ от излишней эмиссии денег; 2) переход от натурального налога в сельском хозяйстве к денежному, чтобы активизировать денежные отношения в деревне, 3) обеспечение активного внешнеторгового баланса.

Эти условия в течение 1924 года удалось, в основном, выдержать. Хотя и без полной уверенности, что новые казначейские билеты будут такими же "твердыми", как и червонец, 5 февраля 1924 года был подписан декрет об их выпуске в обращение. Они имели номинальную стоимость в 1, 3 и 5 рублей золотом. Законом было установлено, что новые казначейские билеты обязательны к приему по их золотой стоимости на всей территории страны.

Дело было не в том, кто выпустил казначейские билеты, а какие цели преследовались при этом. Как показал опыт первых шести лет после Октября, новые власти относились к деньгам весьма некорректно. Одни рассматривали их как "пережиток прошлого", который раньше или позже придется ликвидировать, другие рассматривали деньги, как своего рода фискальный инструмент и использовали его нерасчетливо, чрезмерно перегружая. В результате он не просто сломался, а полностью износился и не смог выполнять функции косвенного налога.

К началу 1924 года государственные денежные знаки оказались полностью дискредитированы. Естественно, что в первый период рынок с недоверием отнесся к казначейским билетам. Фактическая их покупательная способность нередко опускалась на 10-15% ниже номинала. Возникали опасения, что они потянут за собой вниз и червонцы. Фактически в середине февраля 1924 года их общая масса, находящаяся в обращении, перешагнула рубеж 300 млн. червонных рублей – тот предел, который, по оценкам специалистов, требовался для нормального обслуживания рыночных сделок. Но экономика в этот период находилась на крутом подъеме и она без каких-либо серьезных осложнений "переварила" первые, относительно умеренные выпуски казначейских билетов. При этом находившиеся в обращении старые совзнаки были изъяты из обращения путем выкупа: за номинальные 1000 руб. в денежных знаках образца 1923 года платили 2 червонных копейки.

Вскоре на рынке появились также новые серебряные и медные монеты. Это событие также имело свою историю. Советские финансисты с уважением относились к денежной реформе С. Витте, не без оснований считая ее образцом, заслуживающим повторения. Отсюда проект И. Гуковского о выпуске в 1918 году "золотого рубля" и обещание Г. Пятакова обменивать Государственные кредитные билеты на золото без ограничений...

Выступая на десятом (март 1921 г.) съезде РКП(б), член коллегии Наркомфина Е. Преображенский категорически заявил: "Мы и одного золотника золота для обращения внутри страны дать не можем", Но "у нас имеется огромное количество серебра". "Мы будем иметь возможность выпустить серебряной валюты на двести миллионов рублей – в переводе на золотую валюту". [4.47]

Выступление Преображенского заинтересовало членов Политбюро. Буквально через десять дней они заслушали его доклад "О чеканке серебряной валюты". По существу Политбюро поддержало позицию Преображенского, постановив:

- поручить СТО проверить все имеющиеся у нас запасы серебра как в монетах, так и в слитках,
- принять меры к приведению монетного двора в такое состояние, чтобы можно было начать чеканку серебряной и медной монеты,
- поручить комиссии Преображенского продолжить работу как в отношении серебряной валюты, так и по деноминации выпущенных бумажных денег. [4.48]

В сентябре того же 1921 года, когда пришлось израсходовать много золота на закупки зерна за рубежом, Политбюро, рассмотрев вопрос "О золотом фонде", постановило:

- ввести строжайшую, точную и быструю регистрацию всех расходов из золотого фонда,
- ни Совнарком, ни СТО, ни президиум ВЦИК не имеют право расходовать золото из этого фонда без специального согласования с Политбюро,
- 1-го и 15-го числа каждого месяца руководство фонда обязано письменно отчитываться об его изменениях. [4.49]

Тем не менее, в декабре 1921 года, т.е. уже после засухи, в условиях начавшегося голода одиннадцатая конференция РКП(б) записала в своей резолюции: "Восстановление денежного обращения на металлической основе (золото) должно стать руководящим принципом Советской власти в области финансов". [4.50]

Формулировка XI съезда партии (апрель 1922 г.) была более реалистичной и осторожной: "Ни сколько не ставя задачи немедленного возвращения к золотому обращению, твердо установить, что наша экономическая и финансовая политика решительно ориентируется на восстановление золотого обеспечения денег...". [4.51]

В октябре 1922 года Совнарком принял декрет о чеканке золотых монет – червонцев. Через месяц, в ноябре, на рынке появились первые бумажные червонцы, которые подлежали "размену на золото".

Таким образом, до конца денежной реформы даже на верхних этажах управления сохранялись две точки зрения, две позиции относительно того, на какой металл будет опираться новая денежная система. Спор разрешила реальная действительность: золотой фонд был слишком мал, чтобы справиться с такой ролью, а серебра было вроде бы достаточно, хотя раздавались и голоса скептиков: люди растащат серебряные монеты по своим тайникам как единственное средство создания страхового запаса "на всякий случай".

Поэтому золотой червонец так и не появился в сфере свободного обмена. Практически работники банка поддерживали устойчивый курс банковских билетов путем их обмена на иностранную валюту, в том числе, на "черном" рынке. Характерно, что если в январе 1923 года за червонец там платили 4,36 доллара США или 0,47 фунта стерлингов, то через год, в январе 1924 года – соответственно 4,54 дол. и 1,07 фунта (при официальном курсе: 4,59 долл. и 1,07 фунта). В начале 1924 года банк получил возможность использовать с данной целью также серебряные рубли и полтинники высшей пробы. (Значительная часть из них была отчеканина за границей, поскольку реконструкция монетного двора к сроку так и не была завершена).

Меньше, чем через полгода, к концу 1924 года создание целостной и устойчивой денежной системы было завершено, что способствовало ускоренному развитию оборота на внутреннем рынке, введению коммерческого расчета в промышленности, укреплению режима экономии во всем народном хозяйстве, формированию сбалансированного бюджета (подробнее см. 5 главу).

4.3. Сочетание плана и рынка

Новая экономическая политика началась с замены административных методов изъятия хлеба у крестьянства на строго фиксированное налоговое обложение хозяйств и постепенного, довольно противоречивого развития товарно-денежных форм обмена между городом и деревней. Про промышленность, казалось забыли. Верно, еще в 1920 году был разработан план электрификации страны как программа качественно новой и более высокой ступени промышленной революции. Но собственных средств на ее реализацию не было, а крупные иностранные кредиты получить так и не удалось. Создалась тупиковая ситуация.

Выйти из нее помогло новое экономическое мышление. Оно позволило взглянуть с иных позиций на некоторые догмы и ставшее уже привычным положение дел. В этом отношении весьма показательна инициатива Президиума ВСНХ, который всесторонне проанализировав общую обстановку в хозяйстве и более конкретно, – в промышленности, предложил летом 1921 года свою концепцию качественной модернизации этой ключевой отрасли экономики. Кратко суть этой концепции можно сформулировать следующим образом: необходимо и в промышленности перейти от

разверстки к твердому налогу, разрешив предприятиям реализовать излишки своей продукции на рынке.

"Одним из основных недостатков нынешней экономической политики – это отсутствие хозяйствующего субъекта, и как следствие этого, рационального управления промышленностью... Мы выбрасываем массу продовольственных и др. ресурсов при ничтожном производственном эффекте – непроизводительно, на ветер. Это неминуемо должно привести нас к поражению на хозяйственном фронте, если мы быстро и решительно не перестроимся применительно к новым условиям". И авторы предлагают следующие направления такой перестройки:

1. "Необходимо установить, как принцип, что в области народного хозяйства государство ничего никому не дает даром.
2. Все снабжение рабочего входит в его заработную плату, которая для той части, что останется, должна быть повышена значительно и приблизиться к средней прожиточной норме ...
3. Все полученное рабочее снабжение делится не на количество занятых, а на единицу выработанного продукта.
4. ...В основу всей экономической политики положить хозяйственный расчет.
5. Разрешить государственным промышленным объединениям реализовать большую, чем теперь часть продуктов собственного производства как внутри республики через Центрсоюз, так и за границей через НКВТ.
6. Надо сдвинуть с мертвой точки вопрос о разгрузке государственного аппарата от мелких предприятий и заводов. Энергично и решительно проводить в жизнь декрет о сдаче их в аренду. С двусмысленностью и недоговоренностью в этом вопросе надо кончать.
7. Идти по пути кооперирования мелких производителей, комбинируя там, где это целесообразно кооперативно организованную кустарную промышленность с крупными промышленными предприятиями.
8. Возложить на Госплан особо ответственную задачу по срочной выработке общехозяйственного плана.
9. Во всех товарообменных операциях: а) мы не должны ограничивать себя рамками местного оборота, б) наряду с натуральным товарообменом, где это выгодно, мы должны самым решительным образом переходить к денежной форме обмена.

10. В целях установления большей устойчивости нашего рубля, необходимо проведение ряда мер к обратному приливу денег в кассу государства. Надо ввести сборы (плату – Р.Б.) в коммунальном хозяйстве, налоги, платность государственных услуг. Открыть ссудо-сберегательные кассы и широко использовать кредитную кооперацию".
11. Расширить самостоятельность предприятий в области внешней торговли, оставив за НКВТ общий контроль и ее регулирование. [4.52]

Как видно из приведенной выдержки, Президиум ВСНХ уже в июле 1921 года предложил целостную программу реконструкции хозяйственного механизма промышленности, во многом предопределив дальнейшие действия в этой области. Документ был (вероятней всего через А. Рыкова) передан в правительство и вернулся обратно с небольшими корректировками, но уже в форме официальных декретов.

Само провозглашение правительством внимания к интересам работника возродила его надежду на лучшее будущее, а вместе с ней разбудила инициативу и активность. Наступил долгожданный перелом - уже в 1921 году, после затяжного спада начался рост выпуска промышленной продукции. Это свидетельствовало о том, что удалось найти дополнительные движущие силы – в их роли, прежде всего, выступали самостоятельность и ответственность предприятий за конечные результаты хозяйственной деятельности. Трудовые коллективы должны были сами зарабатывать высокие доходы за счет повышения производительности труда, развития совместной и индивидуальной предприимчивости.

Идеи 1918 и 1920 годов о госкапитализме были трансформированы в модель самостоятельных трестов, развивающихся на основе самофинансирования за счет амортизации и той прибыли, которую они получали от реализации на рынке своей продукции.

Конечно, новое пришло не разом и не без трудностей. Под углом зрения практического создания нового механизма хозяйствования поэтапно была проведена реформа управления промышленностью, реорганизованы планирование, финансы и экономические отношения предприятий как с государством, так и между собой. Исходным мероприятием такой реформы стало создание хозрасчетных трестов и синдикатов.

В Совнаркоме давно уже зрела мысль: преодоление разрухи в промышленности нужно начинать с того, чтобы пустить в ход и

наладить производство на нескольких десятках предприятий, занимающих ключевые позиции в народном хозяйстве. В августе 1921 года эта идея, с учетом предложений ВСНХ, была конкретизирована в вышедших один за другим трех документах правительства, положивших начало реализации новой экономической политики в промышленности. [4.53]

Эти документы предусматривали:

- группировку всех промышленных предприятий по следующим критериям: а) государственные заводы и фабрики, имеющие особо важное народнохозяйственное значение. Они оставались в подчинении ВСНХ, но условия их хозяйствования менялись; б) государственные предприятия, находящиеся в подчинении местным (губернским) Совнархозам: в) национализированные предприятия не вошедшие в первые две группы, подлежали либо сдаче в аренду (в том числе, частным лицам), либо закрытию; г) предприятия местной и кустарной промышленности;
- государственные предприятия первых двух групп предполагалось перевести на начала хозяйственного расчета (понятие хозяйственного расчета впервые появилось в Наказе Совнаркома от 9 августа 1921 г.). Они были обязаны в соответствии со своей производственной программой составлять смету доходов и расходов, которая подлежала утверждению вышестоящим органом управления;
- предприятия имели право самостоятельно реализовать всю или часть продукции на вольном рынке;
- наиболее крупные, технически оборудованные и соответственно расположенные заводы и фабрики могли образовать объединение, работающее на началах хозяйственного расчета;
- правление предприятия назначается вышестоящим органом (ВСНХ или губернским совнархозом). Оно представляло в вышестоящий орган проект производственного плана с соответствующей денежной и материальной сметой;
- суть и условия хозяйственного расчета были сформулированы следующим образом: "В целях обеспечения работы объединения (предприятия) денежными знаками, продовольствием, сырьем, топливом и т.д. государство выделяет, в пределах плана, в распоряжение Правления объединения (предприятия) определенные фонды. Для

пополнения недостающих ресурсов Правлению объединения (предприятия) предоставляется право самостоятельной заготовки за счет своей продукции продовольствия, сырья, топлива, материалов и т.д. согласно норм, утвержденных Советом Труда и Обороны". [4.54]

В принятом несколько позже (октябрь 1921 г.) декрете Совнаркома "О свободной реализации продукции предприятиями, снятыми с государственного снабжения", был установлен следующий порядок реализации договоров с потребителями: в первую очередь выполнялись заказы государственных предприятий и учреждений, затем – кооперативных, и, наконец, – частных организаций и физических лиц. [4.55]

Бесплатное снабжение было ликвидировано и все доходы рабочих включались в заработную плату, которая устанавливалась таким образом, чтобы заинтересовать их в повышении производительности труда.

Принятые осенью 1921 года постановления о внедрении новых условий хозяйствования ускорили процесс образования трестов в промышленности. Поскольку в декретах правительства были изложены только исходные принципы, а конкретные пути их реализации определялись на местах, возникли многообразные формы и структуры таких объединений.

Первый, наиболее простой тип трестов – ассоциация технологически взаимосвязанных предприятий, как правило, расположенных недалеко друг от друга. Например, объединение прядильных и ткацких фабрик. При этом стремились, по возможности, замкнуть весь технологический цикл, включая обеспечение основного производства топливом и вспомогательными материалами. В этой связи, например, за текстильным трестом закрепляли определенные леса или торфяные разработки. Льняной трест в Костромской и Ярославской губерниях включал в себя металлообрабатывающий заводик, делающий рогульки, необходимые при обработке льна. К этому же типу можно отнести тресты, в которые входили предприятия, разбросанные по стране, но особо тесно связанные по технологии, например, анилинокрасочный трест.

Второй тип треста представлял собой объединения разнородных предприятий, близко расположенных друг к другу и связанных между собой общими интересами (а не технологией). Например, в трест Химуголь (объединение химических заводов на Украине), вошли не только химические предприятия, но и несколько угольных

шахт, а также стекольный завод. Изделия из стекла использовались как тара и как товар, который относительно легко можно было обменять на продовольствие.

Третий тип трестов объединял предприятия, важные с народнохозяйственной точки зрения, например, шахты Донбасса, нефтепромыслы Баку.

Машиностроительные и металлообрабатывающие заводы были объединены в целый ряд трестов: Гомза, Цугая, Новая Этна, Николаевское объединение, Мосмаштрест, Петроградский машинотрест, Арматрест, Петрогвоздь и др. Уральские заводы были объединены в шесть трестов, южные металлургические заводы влиты в Югосталь, машиностроительные заводы – в Южмаштрест. Кроме того, был образован обособленный трест заводов машиностроения.

Создание трестов и существенное расширение их хозяйственно-оперативной самостоятельности потребовали глубокой перестройки функций и структуры ВСНХ. Поскольку прямое планирование и распределение конкретных видов продукции в натуре было резко сужено, а по ряду изделий полностью отменено, логично было ликвидировать соответствующие главки и центры, а вместе с ними пронизанные бюрократизмом методы "главкизма". О масштабах и характере перестройки можно судить хотя бы по тому, что в центральных хозяйственных органах из 35 тысяч служащих к лету 1922 года осталось только 8 тыс., в том числе, в аппарате ВСНХ – 1,5 тыс. человек. В Губсовнархозах, насчитывавших 235 тыс. служащих, осталось только 18 тыс. [4.56]

Центр тяжести управления государственной промышленностью в это время резко сместился "сверху вниз", ближе к предприятиям. В июне 1921 года было принято постановление ВЦИК о создании областных (губернских) экономических совещаний как местных органов Совета Труда и Обороны (а не ВСНХ), отвечающих за своевременное и точное выполнение постановлений всех высших государственных органов. В их компетенцию входило согласование, регулирование и руководство всеми местными хозяйственными органами, независимо от их ведомственного подчинения, утверждение губернского хозяйственного плана и принятие мер, необходимых для его осуществления, широкое развитие местной инициативы и самостоятельности .

Через три месяца, в сентябре 1921 года, ВСНХ, который явно не хотел упускать из рук управление экономикой в регионах, принял Постановление о создании "своих" областных органов –

промбюро, которые должны были руководить деятельностью губернских совнархозов и управлять предприятиями центрального подчинения, расположенными на территории данной области. [4 57]

Надо сказать, что не все работники ВСНХ "устояли на ногах" при крутом повороте в экономической политике 1921-1922 годов. Некоторые из них растерялись, не могли сразу перестроиться. Когда "утверждались положения о трестах, – писал в это время один из руководящих работников ВСНХ И.Смигла, – при определении взаимоотношений этих трестов с центральными учреждениями во всех положениях писалось, что за центром остается общее регулирование и контроль. Что понималось под этим словечком – "регулирование", было неясно. Обыкновенно под этим понималось составление производственных программ, их увязка в Госплане, контроль и наблюдение за их исполнением. Но, как это регулирование выразится на деле, было чрезвычайно трудно установить...

В настоящее время мы уже имеем возможность судить о том, что получилось на деле. Целый ряд отраслей промышленности оторвался совершенно от центра, т.е. от всякого регулирования. Сказанное относится не только к мелким объединениям. Такой факт, как распродажа текстильным синдикатом по баснословно низким ценам значительной части своей продукции, является ярким выразителем того, что одна из самых основных отраслей промышленности оказалась в совершенной изоляции от всяких планов и регулирований. Далее, бесконечное число жалоб одних трестов и объединений на другие, по поводу невыполнения одними своих обязательств по отношению к другим, говорит за то, что установление производственных программ контроля и наблюдение за их осуществлением в деле регулирования промышленности является совершенно недостаточным ." [4.58]

Видимо, чтобы ответить на все эти вопросы и преодолеть имевшие место шатания, разговоры и колебания, в июле 1922 года совещание представителей промбюро, т.е. местных органов ВСНХ, принимает несколько неожиданную резолюцию, в которой расширяет компетенции ВСНХ в новой экономической обстановке: "ВСНХ являются органом, в руках которого сосредоточено высшее руководство и регулирование промышленности. Это свои функции он осуществляет:

а) мерами экономического порядка: финансирование промышленности, организация промышленного кредита, политика цен и т.д.;

б) мерами административного характера: назначение и увольнение ответственных руководителей трестов и других торгово-промышленных объединений, переброска материальных фондов из одной отрасли промышленности в другие, из предприятий в предприятие и т.п. в пределах промышленного плана;
в) мерами производственно-планового характера: составление производственных планов и планов реализации, контроль и наблюдение за их выполнением, согласование промышленного плана с общим планом народного хозяйства, регулирование внутренней торговли и т.д.

...ВСНХ является действительным хозяином в пределах руководимых им предприятий. Разговоры о сужении прав ВСНХ и передача части его функций факультативным объединениям промышленности является вульгарным фритредерством..." [4.59]

Время от весны 1921 года до весны 1923 года было "малым" переходным периодом в формировании новой системы управления промышленностью. Он совпал с периодом разрушения денежной системы и бешеной инфляцией. В таких условиях серьезно говорить о внедрении хозрасчета было бы пародией на реформы. Поэтому принятые нормативные документы оставляют ВСНХ широкую возможность вмешательства в оперативную деятельность созданных трестов и объединений. Не было четкого разграничения функций регулирования и непосредственного хозяйствования. Будучи органом общего руководства промышленностью, ВСНХ выполнял также целый ряд функций по заготовкам и снабжению, по финансированию, кредитованию и др. Такая обстановка нередко толкала к мелочной опеке, к сложной отчетности и другим формам центризма.

Следует отметить, что результаты работы трестов в 1922-1923 годах были далеко не блестящими. Выступая на XП съезде РКП(б) с докладом о промышленности, Л. Троцкий кратко суммировал итоги за эти два года следующим образом: "Наша промышленность работала в убыток". При этом он согласился с мнением А.Рыкова, что "... успехи истекших двух лет недостаточны. Они не сумели обеспечить даже полной приостановки процесса уменьшения основного и оборотного капитала". [4.60] Иными словами надежда на хозрасчет, что он поможет сломать тенденции разрушения основных фондов и позволит начать расширенное воспроизводство в промышленности на основе самофинансирования, не оправдалась.

Широкое внедрение червонца в обращение позволило начать второй этап реального повышения ответственности трестов за финансовые результаты их деятельности. Предусматривалось также дальнейшее расширение их самостоятельности и вместе с тем ужесточение требований к режиму экономии. В Декрете ВЦИК и Совнаркома от 10 апреля 1923 года. "О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)" особое внимание уделялось укреплению экономических методов воздействия на повышение эффективности производства в условиях развивающихся товарно-денежных отношений и растущих трудностей сбыта промышленных товаров. Видимо, в связи с этим, чтобы подчеркнуть перемены – вместо термина "хозяйственный расчет", примененного впервые в нормативных документах 1921 года, в изменившихся условиях его назвали "коммерческим". [4.61]

Законодательно было установлено, что "государственными трестами признаются государственные промышленные предприятия, которым государство представляет самостоятельность в производстве своих операций, согласно утвержденному для каждого из них уставу, и которые действуют на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли". [4.62] Они получили все права и ответственность, как юридическое лицо. Предприятия, входящие в трест, теряли свою юридическую самостоятельность.

Правление треста назначалось на один год (позже – на три года) ВСНХ или местным совнархозом (в зависимости от подчинения) в количестве от трех до пяти членов, в том числе, председатель. В отдельных случаях допускалось вместо правления назначать единоличного управляющего трестом. Правление имело право избрать директора-распорядителя.

Один раз в год оно отчитывалось перед вышестоящим органом управления. По результатам отчета в его состав могли быть внесены соответствующие изменения. В течение хозяйственного года такие изменения допускались лишь в исключительных случаях.

Предусматривалось, что Высший Совет народного хозяйства не вмешивается в текущую административную и оперативную работу правления треста . [4.63]

Регулирующее воздействие ВСНХ на создание и функционирование трестов центрального подчинения (а губернских совнархозов – на местные тресты) обеспечивалось следующими методами:

При учреждении каждого треста ВСНХ определял состав его имущества и разрабатывал проект устава, который подлежал

окончательному утверждению Советом Труда и Обороны. В его же функции входило назначение и смещение членов правления (единоличного управляющего), ревизионной и ликвидационной комиссии, утверждение инструкции по их деятельности. Он же рассматривал и утверждал смету, а также план действий на следующий год. Распределял прибыль за истекший год в соответствии с установленными законом правилами.

Таким образом, некоторое расширение оперативно-хозяйственной самостоятельности трестов сочеталось с сохранением достаточно действенных и вместе с тем гибких рычагов централизованного руководства промышленностью.

Усиление экономического (коммерческого) характера деятельности трестов выражалось в следующем:

В качестве главной цели деятельности треста было названо получение прибыли. Предусматривалось ее долевое распределение. Не менее 20% прибыли направлялось в резервный капитал треста, пока он не достигнет половины уставного капитала (вскоре этот норматив снизили: в резервный капитал отчислялось не менее 10% прибыли, пока последний не достигнет одной трети первоначального капитала).

Резервный капитал использовался правлением треста по согласованию с вышестоящим органом управления для расширения производства и возмещения убытков от хозяйственной деятельности.

Чтобы заинтересовать членов правления в повышении эффективности производства для них были установлены специальные премии и наградные, выплачиваемые в зависимости от размера полученной прибыли. В то же время они несли гражданскую и уголовную ответственность как за сохранность вверенного им имущества, так и за хозяйственное ведение дела.

Для рабочих была установлена сдельная или аккордная оплата труда, а также премии из прибыли. Оставшаяся часть прибыли направлялась в доход казны.

Реализация продукции производилась на основе биржевых (рыночных) цен. Поначалу многие тресты попытались увеличить прибыль путем повышения цен. Но тут они столкнулись с трудностями сбыта своей продукции. Потребовалось ужесточение контроля и регулирования цен со стороны государственных органов. Это заставило тресты серьезно и целенаправленно заняться снижением издержек производства и сокращением непроизводственных расходов.

Развитие трестов было переведено на самофинансирование за счет

амортизации, резервного капитала (прибыли) и кредитов банка. В таких условиях те из них, которые работали нерасчетливо, без инициативы и постоянного поиска резервов – попадали в трудное финансовое положение. Закон предусматривал, что "государственная казна за долги трестов не отвечает". Хотя исключения из этого правила и делались, но делались они редко и действительно в крайних случаях. Известна записка В. Ленина министру финансов: "Вы мне сказали, – писал он, – что некоторые наши тресты могут в ближайшем будущем оказаться без денег и просить нас ультимативно о том, чтобы мы их национализировали. Я думаю, что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий. Если это оказывается ими не достигнуто, то, по-моему, они должны быть привлекаемы к суду и караться в составе всех членов правления длительным лишением свободы (может быть, с применением по истечении известного срока условного освобождения), конфискацией всего имущества и т.д". [4.63]

В ходе реализации апрельского (1923 г.) декрета о трестах их система была упорядочена. Заводы, которые не могли работать рентабельно, были законсервированы. Началась реконструкция ряда предприятий, оборудование которых не только не обновлялось в течение десятилетия, но часто даже капитально не ремонтировалось.

В связи с образованием СССР была осуществлена перегруппировка трестов центрального подчинения – часть из них была передана в подчинение союзным республикам. Так, в 1923/1924 годах в металлопромышленности функционировали 17 общесоюзных, 16 республиканских и 15 трестов местного подчинения.

В условиях развития товарно-денежных отношений и трестирования промышленных предприятий на основе реального хозрасчета неизбежной стала и перестройка системы материального снабжения. Этого требовали объективные законы общественного разделения труда и товарного производства. Сложившаяся к этому времени в ВСНХ централизованная система снабжения и распределения конкретных видов продукции не отвечала новым условиям хозяйствования. Собственно говоря, ВСНХ никогда не мог полностью обеспечить бесперебойное снабжение национализированных предприятий необходимыми материалами, сырьем и оборудованием. Еще в 1918 году в его структуре появился общий отдел снабжения и нормативов, на который возлагалось ведение учета и распределения ресурсов. Затем он был преобразован в центральное управление снабжением –

"Центроснаб". Распределение конкретных видов сырья и материалов, а также годовой продукции осуществляли сектора или отделы, входившие в состав отраслевых главков и центров. В связи с развитием торговли и с созданием самостоятельных трестов, громоздкость, неэффективность и бюрократический характер деятельности всех этих органов проявились очень отчетливо.

Вместо них, с использованием частично старых кадров, в 1922 году стали образовываться синдикаты – органы оптовой торговли совершенно иного характера. Первые синдикаты были созданы в легкой и пищевой промышленности, на развитие этих отраслей новая экономическая политика сказалась наиболее быстро и широко – продовольственный, текстильный, кожевенный, махорочный синдикаты, главный хлопковый комитет, сольсиндикат, росмаслосиндикат, акционерное общество "шерсть". С небольшим отставанием, но также интенсивно синдицирование охватило и сферу реализации продукции тяжелой промышленности. В мае 1922 года был образован специализированный синдикат для сбыта продукции заводов сельскохозяйственного машиностроения. В это же время был учрежден синдикат Уралмаш, объединивший сбыт и снабжение уральских предприятий. Вскоре начал свои операции Металлургический синдикат, включавший в свой состав группу предприятий центрального района. [4.63]

В январе 1923 года было образовано особое бюро (конвенция) синдикатов, которое регулировало продажу и движение цен на продукты металлообработки и металлургии. На основе анализа издержек производства и конъюнктуры рынка конвенции удалось обосновать так называемые конвенционные цены, получившие широкое распространение в практике. Расчеты и разработки этого органа в области оптовых и розничных цен на металлоизделия использовались также органами розничной торговли. Всего в 1922-1923 годах было создано около 20 синдикатов и конвенций. В большинстве случаев их создание финансировалось за счет паевых взносов заинтересованных трестов и выпуска акций, а также кредитов. Так, согласно сводному балансу 15-ти общесоюзных синдикатов на 1 октября 1923 года их пассив составлял 38 % и кредиты разного рода – 55%.

Основные функции синдикатов состояли в том, чтобы способствовать реализации готовой продукции своих трестов-пайщиков и обеспечивать их материалами, сырьем, топливом. В необходимых случаях синдикат оказывал коммерческий кредит членам синдиката, а иногда получал такой кредит от них.

Основной формой хозяйственных отношений между синдикатом и его членами явились месячные и квартальные заказы на материальное обеспечение (позже получили распространение предварительные заказы на более длительный срок) и договора на реализацию продукции.

Услуги синдикатов были платными. В 1923/24 годах 15 общесоюзных синдикатов получили 21 млн. рублей прибыли. Она была распределена следующим образом: 8,4% – в казну, 2,9% – пайщикам, 25,4% на увеличение, резервного капитала, 6,7 – в фонд улучшения быта рабочих, 46,8% – в специальный капитал. Оставлено на балансе – 9,8% . [4.64]

О том, что в развитии синдикатов была найдена удачная форма товарных связей между промышленными трестами и потребителями продукции, свидетельствует, прежде всего, их быстрое распространение практически во всех отраслях. Если в 1923 году на долю синдикатов приходилось 20-40% оборота промышленности, то через пять лет, в зависимости от отрасли – уже 80-90, а в отдельных отраслях – 100%. Некоторые синдикаты, например, текстильмаш, нефтесиндикат вышли на мировой рынок. [4.65]

Синдикаты способствовали углублению специализации промышленных предприятий. Они стремились оптимизировать межхозяйственные связи, содействовали поставкам продукции непосредственно от производителя потребителю, минуя перевалочные склады и базы. Так, если в 1923 году все товары, реализуемые текстильными синдикатами, проходили через его склады и базы, то в 1927/28 годах доля прямой, транзитной реализации достигла 73%. Это значительно снизило издержки снабжения. [4.66]

Постепенно именно на синдикаты легла главная ответственность за удовлетворение потребностей народного хозяйства по всей номенклатуре и ассортименту промышленной продукции. Они же контролировали качество, а в ряде случаев разрабатывали стандарты. В середине двадцатых годов синдикаты стали внедрять систему двух прейскурантов: один для производителей, второй - для потребителей. Это позволило гибче и полнее реализовать их интересы.

Таким образом, синдикаты выступали одним из главных связующих звеньев между планом и рынком в условиях новой экономической политики в сфере обращения товаров для населения и продукции тяжелой промышленности. Конечно, в работе синдикатов было немало упущений и даже злоупотреблений. Так, несмотря на прямые указания, частник нередко снабжался, конечно, не

без "смазки", лучше и быстрее, чем государственные предприятия и кооперация. Однако, в целом именно к синдикатам постепенно перешли некоторые функции регулирования – сначала рынка, а затем и производства. Синдикаты вносили в сферу обращения определенные элементы планирования. Государство использовало эти объединения для регулирования цен, доходов и движения межотраслевых потоков.

Образование хозрасчетных трестов и синдикатов, активизация товарно-денежных отношений и неизбежное при этом усиление центробежных устремлений выдвинули новые, более сложные задачи перед советским государством по обеспечению сбалансированного и планомерного развития всего народного хозяйства. Под таким углом зрения в конце 1923 – начале 1924 года были приняты новые нормативные документы о ВСНХ. [4.67]

На первое место в его деятельности было поставлено "общее регулирование государственной промышленности и торговой деятельности предприятий Высшего Совета Народного хозяйства, наблюдение за кооперативной и частной промышленностью".

Хотя одной из обязанностей ВСНХ считалось "...составление общего производственного плана и бюджета промышленности Союза ССР в целом", главным все же стало его мягкое воздействие ("регулирование") на хозяйственную деятельность государственных трестов и синдикатов и "наблюдение" за кооперацией и частником. Это позволило значительно упростить организационную структуру ВСНХ. В его составе остались 3 главных подразделения:

а) Главное экономическое управление, которое призвано было обеспечить разработку общих вопросов промышленной политики и через состоящую при нем Промышленную плановую комиссию – разработку проекта плана и бюджета для всей промышленности страны, а также ряда других вопросов;

б) Центральное управление государственной промышленности, на которое возлагалось управление трестами и синдикатами общесоюзного значения (составление производственного плана и бюджета этих организаций, проведение кадровой политики, осуществление общего контроля над деятельностью трестов и синдикатов, в частности, руководство их ревизионными комиссиями);

в) Главное управление военной промышленностью. Оно сохранило планово-директивные методы управления, поскольку деятельность оборонных предприятий не могла

быть переведена на коммерческие основы. Уже в это время была выдвинута задача осуществить техническое переоснащение Красной Армии перед лицом растущей военной опасности на границах республики.

В структуре ВСНХ сохранилось еще одно очень важное подразделение: научно-технический отдел. Но он в условиях рынка заметно ослабил свою функцию координации и развития исследований и инноваций, что послужило впоследствии одной из причин острой критики ВСНХ в целом.

Важно отметить также, что создание государственных хозрасчетных трестов и синдикатов происходило в условиях быстро растущего "настоящего" рынка, рождавшего среди нэпманов немалое количество дельцов, которые далеко не всегда действовали в рамках закона и всеми силами стремились выйти из-под контроля государства. По сути, задуманная модель госкапитализма получалась с серьезными изъянами. Используя взятки и "своих" людей в финансовом аппарате и других органах, частный капитал сам начинал оказывать активное влияние на госсектор – в своих интересах, конечно.

Конкретные примеры таких явлений и механики обогащения частного капитала ("теневой экономики" по современной терминологии) за счет государственного сектора путем противозаконных операций, включая хищения, коррупцию, спекуляцию, достаточно детально и ярко изложены в нескольких книгах, изданных в конце 20-х годов, а также в архивных документах. Одна из таких книг представляет собой обобщение материалов ряда крупных судебных процессов над представителями тогдашней теневой экономики.[4.68] Ее автор И.Е. Кондурушкин в годы НЭПа принимал непосредственное участие в качестве обвинителя в подобных процессах, т.е., как говорится, получил материал из первых рук. Вот несколько характерных примеров из этой книги.

Уже к 1923 году не было ни одного треста, ни одного синдиката, ни одного торга, в штате которых не числились бы уполномоченные в других городах. Многие из них, – в определенной доле от оборота, – давали взятки. Часто не обходилось без воровства и спекуляции. Дело Гужона, например, заслушенное в июне 1923 года, целиком построено на фактах, где такие уполномоченные, обильно "смазывая" кого нужно взятками, сбывали тысячи пудов сахара, овса, тысячи аршин мануфактуры (стр.31).

Некоторые проходимцы за счет государственных средств открывали доходные учреждения, присваивая себе значительную часть

выручки. Например, председатель областной комиссии Помгола (помощи голодающим) открыл в Ленинграде самый низкопробный ресторан "Веселый ад", с кутежами, тройками и прочими развлечениями. В Ельце общество "Друг детей" создало казино – игорный притон, с теми же "придатками".

В деле Ленинградского военного порта проходил частный предприниматель Легач, бывший купец 1-й гильдии. За 5 тыс. рублей он покупает у Балтийского пароходства по цене лома два буксирных парохода, четыре баржи, два плашкоута и шаланду. Их реальная стоимость была, по меньшей мере, в 20 раз выше. Заполучив таким образом в свою собственность небольшой грузовой флот, Легач заключает договор на перевозку грузов с Нефтеторгом, конкурируя с госпароходством (с.41).

В первые годы нэпа частник был гол, как новорожденный младенец. Он мог оперировать только краденными государственными ценностями. Как это делалось, можно видеть на примере посреднической конторы Берлина и Броунштейна "Заводопомощь", основной капитал которой составлял поначалу двести рублей совзнаками, что без большой натяжки можно приравнять к нулю. Вскоре Броунштейн заключает с Ижорским заводом договор на поставку 50 тыс. пудов мазута в обмен на стальные трубы, которые заранее предназначаются для обмена на кровельное железо. В этот момент у конторы "Заводопомощь" не было ни мазута, ни труб, ни денег. Тем не менее, все операции были реализованы: мазут украли через служащих Ленинградского военного порта. Отправили его Ижорскому заводу. Получили трубы. Обменяли их на кровельное железо, которое реализовали частнику за наличные деньги. Часть из них выплатили "помощникам" в Ленинградском порту. "Хищение, – пишет И.С. Кондурушкин, – основной метод развертывания деятельности частных контор в 1921, 1922, 1923 годах. Везли или тащили краденное, и это краденное через десятки рук исчезало из глаз". [4.69]

Декретом СНК от 5 июля 1921 года разрешалось сдавать некоторые госпредприятия в аренду частным лицам. Как оценивает Кондурушин, 9/10 всех появившихся арендаторов не имели вначале никаких средств, но договоры об аренде заключались за взятку лицам, от которых зависело принятие соответствующего решения. Нередко, значительная часть арендованного имущества распродавалась на сторону.

Динамика роста теневой экономики косвенно отражалась в числе преступлений.

По данным Угрозыска РСФСР число отдельных преступлений составило: [470]

	Взятка	Администр. нарушения	Самогоноварение
1921г.	1712	14034	14932
1922г.	3979	14009	28272
1923г.	4766	25494	35991

При этом характерно: чем дальше в лес, который назвался "НЭПом", тем больше должностных преступлений.

Из 100 служащих, привлеченных к уголовной ответственности по промышленно развитым губерниям РСФСР, приходилось осужденных:

	1923 год	1-е полугодие 1924 года
Взяточничество	29	40,6
Растрата-присвоение	15,8	21,3
Служебный подлог	4,2	7,0

Это значит, что в первом полугодии 1924года (начало расцвета НЭПа) на долю взяточников и растратчиков государственных средств приходилось почти две трети преступлений.

Одной из наиболее часто встречающихся форм, под которой скрывалась теневая экономика, то есть дельцы, преследующие цель бесконтрольной наживы, была кооперация, точнее лжекооперация. Используя официальный курс на поддержку и развитие кооперации, частный капитал использовал в своих интересах все ее формы: потребительскую, валютную, кредитную, сельскохозяйственную и др.

Дельцы, стоявшие во главе таких кооперативов, как правило, имели в своем распоряжении печать, а иногда и секретаршу с пишущей машинкой. Этого было часто достаточно, чтобы получать на льготных условиях у государства кредиты, сырье и материалы и продавать их (иногда после обработки с помощью наемных работников) на черном рынке по спекулятивным ценам.

Только один пример. В 1923 году группа лиц (Эдельман, Миркин, Зак и др.) регистрируют в Москве артель инвалидов. Без зазрения совести эксплуатируя добрые чувства людей, эти, с позволения сказать, инвалиды стали разъезжать по регионам, выпрашивая помощь в любой форме от любой организации, которая потенциально могла что-то дать. Так, из Орехово-Зуевского треста для артели лжеинвалидов было получено тканей на 20 тыс. руб., деньгами получено с разных учреждений – около 30 тысяч. Кроме того,

было собрано 2 тыс. кубометров "тряпья", среди которого были и новые детские рубахи, и новое обмундирование. Все это пошло на черный рынок. [4.71]

Центральные органы создали несколько комиссий по изучению и анализу различных форм злоупотреблений в экономике со стороны частного капитала. По оценке Ю. Ларина, участвовавшего в работе одной из комиссий "по частному капиталу" под председательством Орджоникидзе, нэпманы увеличили свой капитал только в начальный период, с 1921 по 1923 года больше чем в два раза. [4.72] "Можно сказать, – писал Ларин, – что буржуазия вступила в НЭП почти что с голыми руками, очень мало, часто почти ничего не имея за душою, кроме предприимчивости и связей в различных советских учреждениях, кроме готовности пойти на всякое преступление ради обогащения." При этом он выделяет 12 основных видов хозяйственных преступлений со стороны частного капитала: 1) использование своей агентуры и соучастников в госаппарате; 2) деятельность под "крышей" государственных трестов и предприятий, 3) перерождение отдельных руководителей государственных предприятий в частных предпринимателей; 4) приобретение у государства материальных средств из неликвидных фондов на льготных условиях, используя несовершенство закона и головотяпство; 5) хищническая аренда; 6) нелегальная перекупка; 7) контрабанда; 8) злоупотребления государственным кредитом; 9) спекуляция государственными займами; 10) валютные операции; 11) уклонение от налогов; 12) создание лжекооперативов. [4.73]

Конкретные формы и механизм таких злоупотреблений четко раскрыты также в материалах комиссии Куйбышева, созданной Политбюро для проверки персонального состава руководящих органов трестов. Комиссия тщательно обследовала деятельность правлений 67 трестов, расположенных в Москве. Обращает на себя внимание тот факт, что половину их руководящего состава составляли члены РКП(б), 45% – из рабочих. Казалось бы, что вся деятельность правлений находилась под партийным и рабочим контролем.

Стоит отметить также, что из 137 членов правлений только трое имели высшее и еще трое – среднетехническое образование. Остальные, в лучшем случае, имели какой-то опыт работы в управлении производством. Однако более, чем одна треть членов правлений не имели ни такого опыта, ни образования. Этим и пользовались всякого рода "предприимчивые" люди.

Так, во главе Серпуховского хлопчатобумажного треста, созданного

в декабре 1921 года, стоял беспартийный инженер – текстильщик Чердынцев. Его характеризовали как способного администратора. Раньше он был членом коллегии Главтекстиля в СНХ. Пользовался авторитетом и доверием руководства.

Однако, комиссия Куйбышева характеризовала деятельность Чердынцева как систему "полного расхищения треста". Практически это осуществлялось с помощью частных фирм, которые носили следующие, часто загадочные названия: Первое текстильное объединение, текстильные общества Сигма, Бета, Якорь и др. Все они были созданы Чердынцевым, и он состоял их пайщиком. На практике расхищение происходило довольно грубо. Серпуховской хлопчатобумажный трест 70-80% всех выпускаемых тканей отпускал таким фирмам со значительной скидкой под векселя, зачастую не учитываемые в банке. Как правило, товар был лучшего качества. Естественно, что государственный трест имел огромные убытки, а миллионы уплывали в сейфы дельцов. [4.74]

Характерна и такая деталь: комиссия Московской рабоче-крестьянской инспекции, основываясь на результатах четырехмесячного обследования Серпуховского треста, убедилась в преступной деятельности Чердынцева и рекомендовала привлечь его к уголовной ответственности. Однако последний, видимо не без крупной взятки, нашел себе защитников в парткоме РКИ. Проведя "дополнительный разбор баланса правления треста, комиссия, созданная парткомом, признала выводы и критику МРКИ ошибочными".

О том, насколько тесно переплелись спекулянты и коррумпированные лица в органах управления и судах, свидетельствует судьба Семена Пляцкого, проходившего по целому ряду судебных процессов. До революции он был крупным торговцем металла, миллионер. В первый период после Октября стал государственным служащим. В 1921 году вновь занялся частным предпринимательством. За 6 лет НЭПа он восемнадцать раз привлекался к судебной ответственности. Каждый раз ему давали различные сроки, и, тем не менее, он вскоре выходил на свободу. [4.75]

В материалах комиссии В.Куйбышева имеется и другая "схема" деятельности дельцов в государственном шелковом тресте. Возглавлял его бывший рабочий, член партии Благов. Но фактически заправлял делами некий Хвальковский. Чтобы нейтрализовать Благова, его систематически задаривали дорогими подарками: бриллиантовыми кольцами, золотыми часами, норковой шубой и т.п., а также деньгами. В результате тот "загулял": оставил свою

жену, связался с артисткой и, бросив последнюю, вступил в связь с бывшей дворянкой – генеральской дочерью, с которой посещал скачки и разные притоны. [4.76]

Поскольку подобные примеры имели массовый характер, они тревожили органы советской власти. Выход виделся в нескольких направлениях: а) более тщательный подбор и выдвижение кадров; б) систематическое обновление и чистка аппарата; в) укрепление контрольных и судебных органов; г) ограничение частного капитала и стихии рынка.

Характерно, что именно в этот период Ленин направляет ряд писем наркому юстиции Д. Курскому с требованием укрепить законность и активизировать деятельность суда против злоупотреблений частного капитала.

В 1924-1926 годах был проведен ряд крупных судебных процессов, которые показали достаточно наглядно, что советское государство не мирилось с извращениями его новой экономической политики в пользу интересов темных дельцов, а также коррумпированных работников государственного и партийного аппарата.

Ряд целенаправленных мер принимают и общественные организации. Так, еще в 1920 году по решению IX партийной конференции была образована Контрольная комиссия – КК (впоследствии она стала называться центральной – ЦКК), задачей которой была борьба не только с бюрократизмом, но и со служебными злоупотреблениями, нарушениями со стороны членов партии общепризнанных норм морали и этики. [4.77] Вновь созданную комиссию часто называли "судом чести". Соответствующие комиссии были созданы также в рамках губернских и областных организаций.

Почти одновременно в партии разгорелись острые дискуссии относительно того, что можно и что нельзя делать коммунистам. Ее острие все чаще направлялось против "хозяйственного обрастания", морального разложения, пьянства и т.п. явлений.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что вместе со свободным рынком появляются опасные "рыночные болезни", бороться с которыми очень трудно, поскольку большие деньги часто становятся сильнее власти, закона и совести.

Таким образом, отрицательное влияние рынка и больших денег на поведение многих людей, на их мораль и нравственность заставили государство и общественные организации перестраиваться, чтобы противостоять отрицательному влиянию денег и рынка. При этом государство должно иметь достаточно финансовых средств,

чтобы успешно бороться с коррупцией и криминальными структурами, а также соответствующий контрольный и плановый инструментарий, чтобы направлять и регулировать хозяйственные пропорции и связи, в том числе финансовые потоки, своевременно очищая их от грязи и вредных для общества элементов.

4.4. Распространение коммерческого расчета на промышленность

Было бы упрощением и даже искажением исторической правды трактовать разворот экономической политики к рынку, деньгам, хозрасчету, как шаг назад, возвращение чуть ли не к полустихийному регулированию производства с помощью примитивного механизма конкуренции. Дело в том, что в то время речь шла не просто о рынке, а о создании впервые в истории принципиально нового узла хозяйственного механизма, сочетающего в себе преимущества плана и рынка. В этой связи хотелось бы особо подчеркнуть важное методологическое положение, о роли плана в условиях перехода к рынку, высказанное Лениным в его письме Кржижановскому: "...новая экономическая политика не меняет единого государственного плана и не выходит из его рамок, а меняет подход к его осуществлению". [4.78]

Чтобы лучше понять возможность и целесообразность диалектического единства плана и рынка, следует выделить их общие характерные черты и, вместе с тем, существенные отличия друг от друга.

Общими чертами для плана и рынка выступают:

- стимулирование повышения качества выпускаемых товаров, а также эффективности их производства и реализации;
- удовлетворение интересов широких слоев населения, что выступает движущей силой экономического развития;
- использование в качестве инструмента регулирующего воздействия на производство и торговлю рыночных цен, целенаправленного изменения их уровней и структуры;
- перекосы и несбалансированность как планирования, так и рынка вызывают масштабные сбои в народном хозяйстве, вплоть до острых кризисов.

Вместе с тем необходимо считаться и с существенными *различиями* в их содержании, функциях, а также в методах и инструментарии воздействия на развитие народного хозяйства:

- план, прежде всего, формирует глобальную инфраструктуру

всего народного хозяйства. Рынок регулирует конкретное ее заполнение товарами и услугами через изменения конъюнктуры в сфере обращения;

- план, воздействующий на качественные, структурные изменения в народном хозяйстве, имеет стратегический, долгосрочный характер, рынок оказывает регулирующее влияние в большинстве случаев на текущую и среднесрочную конъюнктуру сферы обращения;
- план есть продукт работы коллективного интеллекта, рынок – денежная форма стихийного компромисса между предложением товаров и платежеспособным спросом.

Таким образом, в сложении векторов плана и рынка с целью достижения большего единого эффекта нет непреодолимых противоречий. Однако, это весьма сложная задача, решение которой потребовало всесторонних теоретических проработок и практического умения.

Естественно, что при этом возникали острые дискуссии и разногласия. Прежде всего, о характере такого сочетания. Многие считали это временной уступкой. Так, В. Базаров писал: "Плановое хозяйство обычно противопоставляется хозяйству товарному. И, вообще говоря, это, конечно совершенно правильно: законченное плановое хозяйство предполагает непосредственное общественное управление всеми сторонами производства и распределения, – социализм несовместим с товарным рынком". [4.79]

Спорили о том, какой временной период должен охватывать среднесрочный план: 2, 3 или 5 лет. В конце концов склонились к пятилетке. "Пятилетний срок взят как минимальный для реального осуществления сколько-нибудь серьезных реконструкционных программ – в области электрификации, промышленного и железнодорожного строительства, проведения новых водных магистралей, мелиорационно-ирригационных сооружений и т.д.". [4.80]

Очень острые дискуссии велись о характере народнохозяйственного плана: быть ли ему директивным или индикативным, т.е. одной из форм прогноза. Активным сторонником директивного планирования выступал С. Струмилин: "Особенностью всякого хозяйственного плана мы считаем не элементы вкрапленного в этот план научного предвидения, а целевую установку плана как системы хозяйственных заданий и предуказаний". [4.81]

При этом он неоднократно подчеркивал роль плана как фактора роста эффективности: "Имени хозяйственного плана заслуживает лишь такая программа, которая обеспечивает достижение

намеченного эффекта с наименьшей затратой сил". "Чтобы наш план стал вполне рациональной программой действий, мы должны, помимо той хозяйственной цели, которую мы себе поставили, знать ту хозяйственную среду, которая подлежит воздействию, те законы социальной закономерности, которым она подчинена, те хозяйственные ресурсы, которыми мы распололагаем, и точную меру эффективности каждого мероприятия, которую мы включаем в свою программу действий. Тогда нам остается лишь выбрать из арсенала возможных мероприятий те, которые наиболее эффективны в данной обстановке и всего скорее приводят к намеченной цели". [4.82]

Различные мнения высказывались и о методах экономического планирования, о том насколько допустимы при этом интуиция, предвидение, экстраполяция...

Весьма показателен и тот факт, что именно в период формирования и обоснования новой экономической политики, возникла идея всемерного укрепления плановых органов в системе управления экономикой России. Менее, чем за месяц до открытия X партийного съезда, который провозгласил курс на коренное обновление экономических отношений с крестьянством, председатель Совнаркома выступает инициатором создания ранее никогда не существовавшего органа управления народным хозяйством – Государственной плановой комиссии (Госплана). При этом пришлось преодолеть не мало препонов, чинимых бывшими и новыми работниками ВСНХ, другими важными лицами.

За счет использования народнохозяйственного планирования Советская России получила реальное преимущество перед другими странами. Разработав и внедрив в практику специальный научный аппарат для обоснования правильного стратегического курса и поддержания динамичного равновесия своей экономики, она привела в действие дополнительный источник повышения эффективности народного хозяйства.

Как уже отмечалось, руководство страны не было удовлетворено бюрократическим стилем работы аппарата ВСНХ, в том числе В. Осинского. Вскоре его должность занял А.И. Рыков. С ним у председателя Совнаркома сложились хорошие, деловые отношения. Однако, до внутреннего, особого рода личного доверия, так необходимого в процессе напряженной государственной работы, они так и не доросли. Видимо, Ленин подсознотельно воспринимал его как серьезного соперника и не мог простить Рыкову политической отставки в начале ноября 1917 года. Это в какой-то степени сказалось

и на судьбе ВСНХ. Так и не став общеэкономическим органом, он довольно быстро превратился в комиссариат промышленности.

Однако, дело было не только в личных отношениях. Существовала объективная потребность в центральном экономическом органе, направляющем и координирующем все отрасли народного хозяйства. Особенно это чувствовалось в условиях начавшейся гражданской войны. Отвечая на нужды хозяйственного строительства, ВЦИК постановлением от 30 ноября 1918 года образовал Совет рабочей и крестьянской обороны (Совет Обороны), который в очень трудных условиях много сделал в деле мобилизации экономики для обеспечения фронта оружием, боеприпасами и продовольствием. После окончания войны этот орган в апреле 1920 года был преобразован в Совет Труда и Обороны.

Возглавил СТО В. Ленин. В его состав входили председатель ВЦИК, председатель Революционного военного совета, председатель ВСНХ (в то время – А. Рыков), народный комиссар путей сообщения, заместитель народного комиссара продовольствия и некоторые другие лица. В таких условиях роль ВСНХ сузилась, что нашло свое отражение и в организационных отношениях: некоторые его главки перешли в НКПС и в Наркомпрод. Возглавлявшийся Лариным комитет хозяйственной политики, задуманный в свое время как центральный орган по планированию экономической политики, был упразднен.

СТО значительно разгрузил Совнарком от многих хозяйственных и других дел. Он рассматривал и утверждал государственные планы, наблюдал за их реализацией, направлял и координировал деятельность экономических наркоматов. СТО издавал постановления, распоряжения и инструкции, обязательные для выполнения всеми ведомствами и учреждениями.

УШ съезд Советов утвердил основные положения о Совете Труда и Обороны как экономическом центре, призванном объединить хозяйственную политику и конкретную деятельность всех экономических наркоматов. Рабочим инструментом для решения этой сложной задачи должен был стать единый народнохозяйственный план, обоснованию которого В. Ленин уделил много места в своих выступлениях на съезде: "Все планы отдельных отраслей производства должны быть строго координированы, связаны и вместе составлять тот единый хозяйственный план, в котором мы так нуждаемся". При этом Председатель Совнаркома высказал очень важное методологическое положение о необходимости сочетания перспективных и

текущих планов: "...когда появляются долгосрочные планы, находятся нередко скептики, которые говорят: где уж нам на много лет рассчитывать, дай бог сделать и то, что нужно сейчас. Товарищи, нужно уметь соединить и то и другое; нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период и на серьезный успех". [4.83]

VIII съезд Советов придал Совету Труда и Обороны широкие полномочия,, предусмотрев, в частности, что СТО устанавливает единый хозяйственный план и представляет его на утверждение ВЦИК, "направляет работы экономических Народных Комиссариатов сообразно этому плану, наблюдает за его осуществлением и устанавливает в случае необходимости изъятия из этого плана". [4.84]

Все эти функции СТО вполне мог выполнить. Но оставался открытым вопрос: кто разрабатывает проект плана? Совет, состоящий в основном из наркомов, мог рассмотреть такой проект, одобрить или отклонить его, потребовать доработки. Но весь огромный объем квалифицированной работы по обработке первичных материалов, анализу, расчетам и балансированию многочисленных пропорций в развивющемся народном хозяйстве, был в состоянии выполнить только особый орган, состоящий из специалистов и ученых. Такого органа в стране в то время не было. Его роль в той или иной степени призвана была выполнять экономическая комиссия, образованная при Совнаркоме в октябре 1920 года. Но этой комиссии предстояло еще окончательно сформироваться и наладить практическую работу. Между тем аналогичная комиссия уже действовала, накопила опыт – комиссия ГОЭЛРО. Председатель правительства успел познакомиться с ее трудами, и у него возникла мысль сделать эту комиссию постоянно действующим органом Совнаркома, имеющим широкие полномочия не только по разработке единого хозяйственного плана, но и по экспертизе ведомственных материалов, анализу различных аспектов развития России.

Поиск конкретных путей реализации этой идеи хорошо виден из письма В. Ленина Г. Кржижановскому, написанного в ноябре 1920 года. В нем он выразил свое несогласие с тем, что в экономическую комиссию при СНК "не вошло вовсе ГОЭЛРО". По его мнению, это неправильно: "...чего стоят все "планы" (и все "плановые комиссии" и "плановые программы") без плана электрификации? Ничего не стоят". "Собственно говоря, ГОЭЛРО и должно быть единым плановым органом при СНК, но так прямо и грубо это не пройдет, да и неверно будет. Надо обдумать (спешить, до завтра), как следует поставить вопрос". Тут же он предложил три возможных варианта:

" I) в экономический отдел Малого Совнаркома ввести с совещательным голосом председателя ГОЭЛРО?

2) ГОЭЛРО сделать постоянной комиссией при СНК, ибо она готовит и проводит, должна проводить электрификацию и для ВСНХ, и для НКЗема, и для НКПС и т.д.;

3) все плановые комиссии при всех наркоматах связать, соподчинить с ГОЭЛРО. Но как?

Создать еще одну комиссию при ГОЭЛРО из председателей всех отдельных плановых комиссий? или как иначе?" [4.85]

Размышления о превращении комиссии ГОЭЛРО в центральный плановый орган продолжались и в последующие месяцы. Так, в январе 1921 года в "Заметках о ГОЭЛРО" В.И. Ленин записал уже более определенно: "ГОЭЛРО, как плановый орган".

К середине февраля возник новый проект решения: "Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО), образованная согласно постановления Совета Труда и Обороны от 21 марта 1920 года, причисляется к Совету Труда и Обороны в качестве органа по дальнейшей разработке общего плана электрификации РСФСР на основе единого общегосударственного хозяйственного плана и общего наблюдения за осуществлением плана электрификации". [4.86] Ознакомившись с этим проектом, В.И. Ленин, во-первых, придал ему новую редакцию и, во-вторых, быстро набросал проект основного пункта будущего постановления: "При СТО создается общеплановая комиссия для разработки единого общегосударственного хозяйственного плана на основе одобренного VIII Всероссийским съездом Советов плана электрификации и для общего наблюдения за осуществлением этого плана". [4.87]

Второй параграф этого же проекта, где излагались конкретные задачи в области электрификации и производственной программы электропромышленности, В.И. Ленин предложил совсем убрать, ибо Общеплановая комиссия должна быть органом широкого профиля, осуществляющим руководство всей экономикой на основе единого хозяйственного плана. При этом он подчеркнул, что "Хозяйственные задачи первой очереди и в особенности те, которые должны быть осуществляемы в ближайший срок, в частности, в течение 1921 года, должны быть разработаны общеплановой комиссией или ее подкомиссией наиболее детально, с полным учетом наличных условий конкретной экономической действительности".

К своим материалам В.И. Ленин добавил примерный список членов Госплана, который он предварительно обговорил с Рыковым

и Кржижановским. Причем в один и тот же день – 17 февраля – В.И. Ленин составил два таких списка: первый – к замечаниям на проект Положения о ГОЭЛРО. Он включал 15 человек. Второй, из 27 фамилий, был добавлен к проекту постановления СТО об Общеплановой комиссии. [4.88]

Можно предположить, что, ознакомившись утром 17 февраля с проектом Положения о ГОЭЛРО и составив свои замечания и предложения, которые должны были обсуждаться на следующий день, В. Ленин, захватив с собой необходимые материалы, поехал в санаторий "Архангельское," где по его настойчивой рекомендации находился в это время Г. Кржижановский, и согласовал с ним проект постановления СТО. Там же был обсужден и расширенный список Общеплановой комиссии. Вернувшись вечером в Москву, Ленин направил всем членам СТО свои предложения, предпослав им следующую записку: "Внося завтра (18/П) в СТО проект постановления об общеплановой комиссии, предлагаю, – к сведению, – проект основного пункта постановления и предварительный список членов (составленный после совещания с т.Рыковым и т.Кржижановским). Прошу изготовить к заседанию СТО 18/П поправки или контрпроект". [4.89]

18 февраля в 6 час. вечера началось заседание Совета Труда и Обороны, к которому готовились не только Ленин и Кржижановский, но и их "старые знакомые" по ВСНХ: Ларин, Милютин, Осинский (Оболенский), которые не без оснований опасались, что с созданием нового органа позиции СТО в руководстве народным хозяйством еще больше укрепятся и соответственно ослабнут их собственные.

Еще накануне, 17 февраля, в Социалистической академии состоялась дискуссия, где с докладом "О методах разработки единого хозяйственного плана" выступил Милютин, а в прениях – Ларин, Крицман, Смирнов, Ерманский и др. Несмотря на то, что план ГОЭЛРО был уже одобрен VIII съездом Советов, докладчик и многие из выступавших пытались вызвать сомнения в правильности самой методологии его разработки. Милютин прямо подверг критике этот план, утверждая, что "с точки зрения методологической он построен неправильно" и составлен в "порядке лишь механической "увязки" факторов производства". Ларин также считал, что план ГОЭЛРО является чисто техническим планом. Его разрабатывали не экономисты, а техники.

На заседании СТО 18 февраля протокола, а тем более, стенограммы не велось. Однако, материалы дискуссии в Соцакадемии,

опубликованные буквально через несколько дней в газете "Экономическая жизнь", дают представление, с каких позиций выступали критики проекта о создании Общеплановой комиссии. Сохранились также несколько листков из блокнота, на которых В.И. Ленин зафиксировал отдельные высказывания своих оппонентов. Суть их возражений сводилась в конечном счете к тому, что план ГОЭЛРО не может служить основой плана восстановления и развития всего народного хозяйства и соответственно комиссия ГОЭЛРО не может стать основой Общеплановой комиссии СТО. При этом Осинский считал, что план ГОЭЛРО фактически еще не утвержден, а только "одобрен" съездом Советов. "..."Не утвердил, а одобрил"... бюрократизм... Новый съезд!!?" – эти слова Ленин выделил в записи прений и в заметках для своего заключительного слова.

Он подверг также критике предложение Рыкова, что с созданием Общеплановой комиссии "не надо спешить", а план ГОЭЛРО можно утвердить после VIII электротехнического съезда, созыв которого намечался на апрель 1921 года. [4 90]

Серьезные возражения встретил также предварительный список состава комиссии. Ларин и Осинский доказывали, что среди членов Госплана преобладает "техническая группа" и очень мало экономистов-коммунистов. Поэтому Ларин требовал во главе технической группы, предложенной т. Лениным, поставить "экономический президиум". Отдельные возражения, очевидно, вызвала и кандидатура Кржижановского на пост председателя Госплана. Во всяком случае при записи речи Осинского Ленин дважды отметил следующие его слова: "Я не полагаюсь на Кржижановского", "Кржижановский не администратор".

Суммируя обсуждение, В. Ленин записал:"Дело затемняется бюрократизмом (Рыков)... и литературщиной (Милютин, Ларин и Осинский)". Не удивительно, что в этот вечер к единому решению прийти не удалось, и вопрос был перенесен на следующее заседание.

На другой же день, 19 февраля, В.И. Ленин садится за публичный ответ своим оппонентам – подготовку статьи "Об едином народнохозяйственном плане." Давая оценку выступлениям Крицмана, Милютина и Ларина, он писал: "Скучнейшая схоластика вплоть до болтовни о законе цепной связи и т.п., схоластика то литераторская, то бюрократическая, а живого дела нет. Хуже того. Высокомерно-бюрократическое невнимание к тому живому делу, которое уже сделано и которое надо продолжать".

Ленинская статья была опубликована в "Правде" 22 февраля 1921 года. В этот же день состоялось заседание Совнаркома, который заслушал доклад своего председателя о проекте положения об Общеэкономической комиссии и утвердил его. Ее руководителем был назначен Г.М. Кржижановский. Основные задачи Госплана сводились к следующему:

"а) разработка единого общегосударственного хозяйственного плана, способов и порядка его осуществления;

б) рассмотрение и согласование с общегосударственным планом производственных программ и плановых предложений различных ведомств, а также областных (хозяйственных) организаций по всем отраслям народного хозяйства и установление очередности работ;

в) выработка мер общегосударственного характера по развитию знаний и организации исследований, необходимых для осуществления плана государственного хозяйства, а также по использованию и подготовке потребного персонала;

г) выработка мер по распространению в широких кругах населения сведений о плане народного хозяйства, о способах его осуществления и формах соответственной организации труда". [4.91]

В статье "Об едином народнохозяйственном плане" В.И. Ленин писал: "Плановых комиссий у нас хоть пруд пруди... У нас были и есть текущие продовольственные и топливные планы. Мы сделали явную ошибку и в тех, и в других. Подхода к единому хозяйственному плану у нас не видишь".

Деловой подход к любой работе, а тем более к плановой зависит от состава людей, которые ее выполняют. Поэтому правильное решение проблемы кадров – это уже наполовину решение всей проблемы. В мае 1921 года. в Госплане работало 34 человека. Это были крупнейшие ученые, инженеры, агрономы, экономисты того времени: Г.М. Кржижановский (председатель), И.Г. Александров, А.В. Винтер, В.Р. Вильямс, И.М. Губкин, Г.О. Графтио, Д.Н. Прянишников, Л.К. Рамзин, С.Г. Струмилин, М.А. Шателен и др. Многие прошли творческую школу ГОЭЛРО и теперь входили в президиум – руководящий орган Госплана. В.И. Ленин советовал Г.М. Кржижановскому создать "архитвердый президиум... Вы должны быть "душой" дела и руководителем идейным (в особенности отшибать, оттонять нетактичных коммунистов, способных разогнать спецов)..." [4.92] Среди 34 работников Госплана в то время было только 7 членов партии.

Организационная структура нового планового органа была построена по принципу сочетания отраслевых и функциональных подразделений. Вначале в его состав входили секции: энергетическая, ее возглавлял М. Кржижановский; промышленная – А. Долгов; транспортная – И. Александров и сельскохозяйственная – С. Середа. Особое место в структуре Госплана занимала подкомиссия плановых предположений текущего года, в состав которой входили все члены президиума и все председатели секций и подкомиссий. По существу, она выполняла функции сводного отдела. Наряду с главной своей задачей – согласованием в общегосударственном масштабе плановых разработок наркоматов и ведомств – подкомиссия занималась многими оперативными общехозяйственными вопросами, а также проектами, вносимыми в СТО, выполняла его поручения и задания.

Кроме того, во главе со С.Струмилиным действовала комиссия учета и распределения хозяйственных ценностей, рабочей силы и организации труда. Ей подчинялось бюро статистики.

С первых же дней работы перед Госпланом возникли сложные вопросы разграничения функций и налаживания делового сотрудничества с плановыми органами ВСНХ и наркоматов. Существовала опасность занять одну из крайних позиций: ограничиться общим руководством или подменять их при решении сложных проблем управления хозяйством. Организационно эта проблема разрешилась на основе принципа двойного подчинения таких плановых органов – наркому и Госплану.

Очень трудным был и вопрос о роли Госплана в условиях функционирования восстановленного внутреннего рынка и развертывания во многом стихийных товарно-денежных отношений. Некоторые работники Госплана, инженеры по образованию и по опыту работы, имели самое общее представление о механизме рынка – закономерностях взаимодействия спроса и предложения, денег, цен, кредита, финансов. Они видели только противоположность рынка и плана и весьма беспокоились за судьбу планирования в условиях НЭПа.

В. Ленин понимал, что происходящие перемены в экономике меняют сущность и характер товарно-денежных отношений. Торговля в условиях национализации ключевых точек в народном хозяйстве начинает обслуживать качественно новые рыночные отношения, "ибо государственный продукт - продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие,

не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар...". [4.93]

Организационное формирование плановой системы происходило в очень сложной обстановке. Прежде всего сказывается острый недостаток квалифицированных кадров. Отсутствовала необходимая информация, не хватало навыков плановой работы, апробированных методов и приемов регулирования народнохозяйственных пропорций и процессов. А экономическая жизнь кипела, рождая все более сложные формы противоречий во взаимодействии производства и рынка.

Развитие кредитных операций и расширение товарооборота потребовали от Госплана разработки новых методов регулирования и планового воздействия на движение товаропотоков, на процессы ценообразования, иного подхода к формированию бюджета, к финансированию государственных предприятий. В этой связи в Госплане была создана финансовая секция, а также подкомиссия по внешней торговле и концессиям.

Для сбора и обобщения необходимых данных работникам Госплана в первый период приходилось самим обрабатывать первичные материалы, опираясь на статистику дореволюционной России, проводить выборочные обследования и давать экспертные оценки: статистические органы в то время сами переживали период становления. Что же касается основных направлений деятельности Госплана, то сразу же текущие вопросы обеспечения населения продовольствием, налаживания добычи топлива, работы транспорта выдвинулись на первое место. Еще в феврале 1921 года Ленин предупреждал Кржижановского:

"Мы нищие. Голодные, разоренные нищие.

Целый, цельный, настоящий план для нас теперь – "бюрократическая утопия"...

Тотчас, не медля ни дня, ни часа, по кусочкам выделить важнейшее, минимум предприятий и их поставить". [4.94]

Однако, для Глеба Максимилиановича нелегко было перестроиться, оторваться от практики, сложившейся в комиссии по электрификации. Открывая 5 апреля 1921 года первое, а потому программное заседание президиума Госплана, он подробно остановился на связи работы нового планового органа с деятельностью ГОЭЛРО. "Перед нами стоит определенная дилемма, – говорил Г.М. Кржижановский, – или отвоевать свою экономическую самостоятельность на базе широкой электрификации... или стать жертвой хищников

мирового капитализма... На основании совершенно трезвого подсчета, в совершенном согласии с нашей научной совестью, мы пришли к тому конечному выводу, что электрификация нашей страны – не сказка будущего, не фантастическое устремление в заманчивую даль, а самая насущная реальная потребность; электрификация – это надежный путь как для того, чтобы наиболее успешным образом преодолеть основные моменты нашей текущей экономической разрухи, так и для того, чтобы не были бесполезно потрачены величайшие жертвы и напряженные усилия в той грандиозной борьбе, которая развертывалась и продолжает развертываться перед нашими глазами". [4.95] Стенограмму этой речи Кржижановский послал председателю Совнаркома и немедленно получил от него указания весьма решительного характера:

"Г.М.!

Возвращаю Вашу речь.

Главный недостаток ее: слишком много об электрификации, слишком мало о текущих хозяйственных планах.

Не на том сделано главное ударение, на чем надо.

Когда я имел перед собой коммунистических "вумников", кои, не читав книги "План электрификации" и не поняв ее значения, болтали и писали глупости о плане вообще, я должен был носом тыкать их в эту книгу, ибо иного плана серьезного нет и быть не может.

Когда я имею перед собой писавших эту книгу людей, я бы стал носом тыкать их не в эту книгу, а от нее – в вопросы текущих хозяйственных планов". [4.96]

Через три месяца Ленин вновь возвращается к вопросу о необходимости ориентации плановой работы в очень сложных условиях 1921 года на решение первоочередных, конкретных проблем восстановления народного хозяйства. Под таким углом зрения он предлагал сделать реальные расчеты баланса хлебных и топливных ресурсов и наладить производство на ограниченном числе предприятий по важнейшим отраслям промышленности. Чтобы осуществить эту задачу, он считает необходимым "засадить 70% членов Госплана за работу по 14 часов в сутки (пусть наука потерпит: пайки дали хорошие, надо заставить работать)". [4 97]

В 1921 году Госплан завершил разработку продовольственного плана, точнее сказать, хлебного баланса страны, увязанного с системой продовольственного снабжения населения. Ленин придавал ему большое организационное значение и был против каких-либо

корректировок. Как вспоминает Н. Гиндин, после принятия этого плана на заседании СТО "при рассмотрении любого продовольственного вопроса Владимир Ильич всегда обращался к этому утвержденному плану, справляясь, предусмотрен ли данный вопрос в нем, и требуя все время полной увязки с планом. И нужны были большие усилия и очень солидные мотивы, чтобы склонить иногда Владимира Ильича к тому или иному отступлению от этого плана или внесению в него каких-либо изменений". [4.98]

К середине 1921 года был составлен топливный план на второе полугодие. С каждым последующим годом добыча и снабжение топливом все полнее охватываются плановым регулированием. Проблемы продовольствия и топлива не могли быть разрешены без преодоления транспортного кризиса. "Здесь – писал Г. Кржижановский, – было не до коммерческих учетов транспортного оборота, не до разграничения так называемых "зависящих" и "независящих" транспортных расходных статей, а вся задача сводилась к подыскиванию и систематизированию таких заданий, выполнение которых обеспечивало бы хотя бы элементарное функционирование разрушенных частей транспортного механизма. Вопросы тяги, службы пути и службы движения перекрещивались с чисто организационными вопросами, с вопросами того же продовольствия, топлива и металлов. Однако, уже во вторую половину 1921 года была составлена первая транспортная плановая прикидка." [4.98]

Много внимания Госплан уделял в то время и восстановлению промышленности. Необходимо было наладить работу хотя бы важнейших предприятий. В 1922 году Госплан составил план по производству и распределению металла, резины и сахара. Это были весьма приближенные расчеты. Весной того же года Госплан подготовил материалы для Генуэзской конференции, в основу которых были положены первые плановые наброски перспектив развития всей промышленности и общих масштабов необходимого капитального строительства. В 1922-1923 годах составляется детальный план восстановления сельского хозяйства в районах, пострадавших от голода. Этот план был утвержден Советом Труда и Обороны и много лет служил отправным документом в работе по подъему и рационализации сельского хозяйства.

Первыми крупными разработками Госплана в финансово-бюджетной области было составление 9-месячного бюджета в твердых рублях на 1922 год, а также обоснование и расчет специального

индекса, позволившего переводить текущие цены в довоенные ("Индекс Госплана"). Последующие два года уходят на выработку проектов годовых бюджетных планов, которые скромно назывались ориентировочными.

Таким образом, несмотря на большую загруженность по выполнению оперативных заданий правительства, Госплан в сравнительно сжатые сроки осваивал методы текущего планирования промышленности, сельского хозяйства, транспорта и финансов. Параллельно он продолжал работать над стратегическими проблемами, в том числе и над реализацией плана ГОЭЛРО. Постепенно совершенствовалась методология планирования, основу которой составляли методы балансовых расчетов, сначала отдельных, продуктовых, затем отраслевых и территориальных и, наконец, народнохозяйственных, в том числе "шахматных".

"Переход от стихийных процессов общественного хозяйствования к хозяйству плановому, – писал Струмилин, – представляет собой целую революцию. Но и эту революцию, как и многие другие приходится осуществлять практически раньше, чем она будет достаточно осознана и вооружена теоретически. Науки планирования еще нет, а перспективная пятилетка уже имеется." [4.99]

Приходилось преодолевать различные трудности и психологического, и экономического характера. В частности, не хватало финансовых средств, поскольку общая экономическая обстановка в 1921 году сильно обострилась в связи с неурожаем, охватившим обширную зону Поволжья. О тех крутых изменениях, которые претерпели планы из-за засухи 1921 года, вспоминал Л.Б. Красин: "Значение внешней торговли при начале наших заграничных сношений сводилось первоначально к срочному снабжению нашего транспорта и главнейших отраслей добывающей промышленности наиболее необходимыми материалами, запасными частями и инструментом... Основная директива, в утверждении которой участвовал Владимир Ильич, состояла в том, чтобы закупить только орудия и средства производства, сводя к минимуму закупку предметов потребления.

Катастрофическая засуха 1921 года и голод на Волге и в других областях, явившийся ее результатом, заставили в корне изменить эту директиву." [4.100]

Тем не менее, когда на заседании Совета Труда и Обороны в 1921 году встал вопрос о выделении валютных ассигнований на закупку за границей первых турбин для Волховской ГЭС, В. Ленин

внес предложение выделить необходимые средства, и Волхов получил 6,5 млн. рублей золотом. [4.101] В августе того же года, когда волховская стройка оказалась в критическом положении, Г. Графтио обратился к Ленину за помощью, Владимир Ильич фактически спас тогда Волховстрой, добившись немедленного отнесения его к разряду внеочередных строительных объектов. Виновные за создавшуюся критическую ситуацию были отданы под суд.

Председатель Совнаркома внимательно следил и за ходом строительства других электростанций. Он решительно действовал там, где обстоятельства того требовали. Сохранились его многочисленные телеграммы и записки в различные ведомства с предписанием и просьбами обеспечить рабочую силу для электростроек, своевременно выделять строительные материалы и фураж, аккуратно и быстро перевозить все это к месту работ. Много внимания уделялось условиям жизни строителей. Так, по личному распоряжению Ленина на стройку Каширской ГРЭС был направлен врач, организована медицинская помощь. Для подсобного хозяйства было выделено 20 коров: молоко шло на питание детей и больных. В бывшем помещичьем имении организовали дом отдыха – первый в те годы. Было отпущено 100 брезентовых палаток большого размера, что позволило лучше расселить рабочих.

Благодаря такой поддержке Каширская ГРЭС, использовавшая низкосортный подмосковный уголь, вошла в строй уже в 1922 году. Тогда же была пущена и ГРЭС "Уткина заводь" под Петроградом, работавшая на торфе. Завершилось сооружение первой на Урале Кизеловской ГРЭС, а также Нижегородской и Шатурской электростанций. В Грузии при активной помощи главы Советского правительства развертывалось сооружение Земо-Авчальской ГЭС, а в Армении – Ереванской ГЭС. Неподалеку от Ташкента строилась Бо-Суйская ГЭС. Началась разработка проекта Днепрогэса.

Таким образом, дело электрификации страны двигалось. Направляло и координировало эти работы Главное электротехническое управление при ВСНХ во главе с В.В. Куйбышевым. При управлении действовали Центральный электротехнический совет (ЦЭС) и Плановая комиссия по электрификации (Электроплан). Общее планирование и по, существу, руководство электрификацией в масштабе всей страны осуществлял Госплан. Для мобилизации дополнительных материальных ресурсов и финансирования строительства районных электростанций создавались акционерные общества, членами которых являлись как государственные учреждения, так

и кооперативные товарищества, заинтересованные в получении электроэнергии.

Так, в конце 1922 года было основано акционерное общество "Электрокредит", членами которого были Главэлектро (ВСНХ), Наркомзем, Главное управление коммунального хозяйства, Центросоюз и другие организации, в том числе мелкие кооперативы. Частные фирмы по уставу в общество не допускались.

Основной капитал "Электрокредита" в 1923 году составил 0,5 млн. рублей золотом. Он был использован для финансирования местной электрификации: в 1923 году были выданы ссуды Союзкартофелю, Угодско-Заводскому, Лосиноостровскому и некоторым другим сельскохозяйственным кооперативам, а также специализированным товариществам по электрификации отдельных деревень и сел.

Примером активизации местной инициативы в деле электрификации хозяйства может служить специальное постановление Третьего съезда представителей каменноугольной промышленности Донбасса (сентябрь 1922г.), которое предложило сметы по электрокустованию, как важнейшему мероприятию, направленному на возрождение Донбасса, включить в общую смету по развитию хозяйства Донецкого бассейна. Управление государственной каменноугольной промышленности Донбасса, заключив договор с Главэлектро о быстрейшем осуществлении электрификации крупнейших угольных предприятий, обязалось финансировать все работы в данной области и поставлять необходимое оборудование.

В этих условиях Госплану приходилось уделять все больше времени и внимания финансовым вопросам, денежному обращению и ценообразованию, тем более что попытки перейти к твердой валюте и сбалансированным финансам в 1921 и в первой половине 1922 году успеха не имели. Государственный бюджет на 1922 год, имевший характер ориентировочного плана доходов и расходов, сбалансировать не удалось так как не были созданы устойчивые и достаточно емкие источники поступления средств в его доходную часть, в то время как расходы неуклонно росли. Пришлось прибегнуть к дополнительной эмиссии денег. Рынок отвечал на это, как уже отмечалось, галопирующим ростом цен.

В таких условиях разгорелась острая дискуссия о путях выхода из создавшегося положения. Концепция Наркомфина состояла в том, чтобы резко сократить бюджетные расходы на развитие государственного сектора. Казалось бы, она правильно ориентировала хозяйственников на жесткий режим экономии. Однако, на практике

дело часто сводилось к механическому свертыванию ассигнований важнейшим отраслям народного хозяйства без глубокого анализа фактического положения дел и учета народнохозяйственной значимости производств для восстановления разрушенной экономики. Например, сокращение дотации угольной промышленности при сохранении твердых цен на уголь повлекло за собой падение реальной заработной планы шахтеров, многие из которых стали увольняться и уходить в деревню.

В это же время Наркомфин предложил резко урезать смету (финансирование) транспорта на 1922 год. Это означало закрытие многих железнодорожных линий и нарушение, тем самым, важных межхозяйственных связей. Иллюстрацией высокой вероятности такого исхода служит телеграмма С. Орджоникидзе, направленного в Донбасс во главе комиссии ЦК партии: "Донецкая дорога из-за плохого продснабжения, невыплаты жалования и полного отсутствия дисциплины развалена, напоминает 18-й год. При таком состоянии дороги и недостатке подвижного состава нельзя думать о вывозе 100 млн. пудов угля, находящегося на поверхности. Уголь горит, что вызывает деморализацию шахтеров".

Госплан, поддержанный промышленными ведомствами и НКПС, выдвинул свою концепцию выхода из финансового кризиса, суть которой состояла в том, чтобы максимально увеличить приток средств в доходную часть бюджета, прежде всего, за счет подъема сельского хозяйства, роста промышленного производства, увеличения доходов от транспорта, упорядочения налоговой системы, при одновременном проведении комплекса мер по экономии финансовых и материальных ресурсов, укреплению хозяйственного расчета, экономии расходов в государственном аппарате.

Для управления и регулирования товарно-денежных и финансовых отношений в новых условиях Госплан внес ряд изменений в свою организационную структуру: при бюджетно-финансовой секции был создан отдел по организации хозрасчета, одна из функций которого состояла в том, чтобы следить за изменением покупательной способности рубля и исчислять общий индекс изменения цен. Опыт работы в этой области помог при переходе к твердой валюте – червонцу.

Тесная связь плановой работы с формированием конкретных форм денежных и финансовых отношений способствовала усилению гибкого, но целенаправленного воздействия Госплана на отдельные отрасли, затем на группы смежных отраслей и, наконец,

на все народное хозяйство. "Возникший в обстановке голода и хозяйственной разрухи, Госплан, – писал В.В. Куйбышев, – постепенно переходил от планирования "по кусочкам", планирования того, что пустить в ход, какие предприятия, в какой последовательности, – к составлению народнохозяйственных планов, сперва годовых, а затем и перспективных". [4.102]

Известно, что каркас народнохозяйственного плана составляют сбалансированные межотраслевые связи и пропорции. Госплан развернул работу по подготовке планового баланса народного хозяйства, включающего в себя важнейшие межотраслевые потоки продукции. На основе таких расчетов уже в 1923 году была сделана первая попытка составления перспективного народнохозяйственного плана.

По мере отработки методики составления плановых балансов все острее чувствовалась ограниченность информационной базы. С целью получения более достоверных данных о реальных связях между отдельными отраслями Советское правительство в июле 1924 года поручило ЦСУ составить отчетный баланс народного хозяйства за 1923/24годы. В сравнительно короткий срок такой баланс был составлен и опубликован.

Этот баланс был еще далеко не совершенным, не включал в себя таких важных показателей, как национальный доход и накопление. Однако, в нем содержалась количественная характеристика производства и распределения общественного продукта, т.е. отражалась его структура. Решить задачу удалось с помощью так называемого шахматного баланса, впоследствии получившего свое развитие в форме межотраслевого баланса производства и использования продукции.

Повышению качества и надежности балансовых разработок способствовали также составление и анализ калькуляций себестоимости важнейших видов промышленной продукции (угля, чугуна, стали, ситца, калош, спичек и т.д.). Такие калькуляции воспроизводили уровень и структуру издержек производства в соответствующих подотраслях.

Налаживание достоверного учета и углубленной аналитической работы послужило важной предпосылкой подъема качества народнохозяйственного планирования. Были сделаны расчеты прогнозного характера по развитию отдельных отраслей на пятилетний период. Госплан разработал сбалансированные контрольные цифры на 1925/26 годы, что явилось важной вехой в

формировании общегосударственного планирования, как реально действующей системы.

Таким образом, последовательная реализация экономической политики, направленной на создание принципиально нового планово-рыночного механизма регулирования экономики увенчалась успехом. В 1924 году начали функционировать и рынок, и единый государственный план. Причем функционировали они не параллельно, не изолированно друг от друга, а в достаточно противоречивом единстве, дополняя и усиливая преимущества каждого из них.

Подводя общие итоги, можно сказать, что новая экономическая политика в середине двадцатых годов при своей реализации способствовала:

- созданию принципиально нового хозяйственного механизма, сочетавшего государственное планирование, действенную финансовую, кредитную и денежную системы, а также свободную торговлю как товарами для населения, так и средствами производства;
- быстрому подъему сельского хозяйства;
- переводу промышленных предприятий (трестов) на реальный коммерческий расчет, т.е. внедрению режима экономии и самофинансирования, повышению на этой основе эффективности производства и ускорению экономического роста;
- заметному улучшению условий жизни рабочих, крестьян и интеллигенции, что послужило материальной основой для укрепления общей социально-политической обстановки в стране.

Глава 5. Восстановление экономики за пять лет

Окончание гражданской войны открыло возможность не только начать восстановление разрушенного хозяйства, но и постепенно приступить к формированию задуманного еще весной 1918 года нового социально-экономического уклада, чтобы создать условия для крутого роста производительности труда в национальном масштабе. Первопроходцем в этом новом деле выступила промышленность. (Сельское хозяйство в 1921 году болезненно, с серьезными потерями пережило жестокую засуху. У крестьян была только одна забота – выжить).

Предстояло создать такой хозрасчетный механизм, который соединил бы в одном векторе интересы работника, коллектива и государства. Это затрагивало широкий круг вопросов, связанных с формированием новых и существенной корректировкой уже привычных форм производственных, финансовых и товарно-денежных отношений. Как в таких случаях обычно бывает, для того, чтобы осуществить задуманное, не хватало знаний, умения и подготовленных кадров. Но главным был дефицит времени.

5.1. Смелый эксперимент в промышленности дает хорошие результаты

Испробовать на практике не известную еще нигде, оригинальную модель, соединившую в себе народнохозяйственный план и рынок, решено было в первую очередь, в промышленности. Противники такой модели не без ехидства острили: никому еще не удалось соединить огонь и воду. Авторы и сами видели противоречивый характер такой модели, но они стояли на позициях диалектики: развитие есть борьба противоположностей. Их концепция заключалась в том, чтобы использовать одновременно преимущества и плана, и рынка. Плановый подход, как концентрированное выражение коллективного интеллекта, призван был обеспечить наиболее рациональное движение отрасли к намеченным целям и

начать оптимизацию пропорций отраслевого и территориального разделения труда. Рыночная конкуренция должна была стимулировать повышение качества конкретных товаров, расширение их ассортимента и экономию издержек производства. В то же время имелось в виду с помощью жесткого государственного контроля смягчить или, если удастся, преодолеть недостатки плана (прежде всего, бюрократическую безответственность его составителей) и рынка (спекуляцию, прикрытие криминальных операций рыночными формами и др.).

Стоит отметить, что в 1921-1922 годах еще не была завершена теоретическая разработка модели, которая могла бы служить исходной схемой при создании конкретных устройств стыковки двух регулирующих подсистем: плановой и товарно-денежной. Не было единства и среди теоретиков. Научная дискуссия о целесообразности использования в новом общественном укладе денег, цен, кредита и других рыночных атрибутов растянулась на десятилетия. Но время невозможно было остановить и ждать, пока эта дискуссия закончится. Пришлось использовать не самый лучший способ – метод проб и ошибок, исправляя на ходу неверные расчеты и слабые звенья новой конструкции хозяйствования. Многое пришлось усовершенствовать или создавать заново. Поэтому период перехода промышленности на новые условия хозяйствования осуществлялся в несколько этапов и практически протекал медленнее и труднее, чем предполагали раньше.

Госплан в это время только приступал к разработке планов развития промышленности на ближайший год и пятилетие. В конце 1921 года С. Струмилин – один из его ведущих работников определил следующие общие принципы разработки хозяйственного плана на будущий год:

"1. Государственное хозяйство, как и частное, должно строиться на основе строгого соответствия между приходной и расходной частью бюджета.
2. Такое равновесие бюджета может быть обеспечено лишь наличностью хорошо продуманного и точно сбалансированного во всех частях единого плана.
3. В обеспечение реальности этого плана все вытекающие из него производственные задания должны быть строжайшим образом сообразованы с назначаемыми для их осуществления ресурсами.
4. Точность социально-экономического предвидения в настоящее время, однако, весьма ограничена, а потому реальная

осуществимость всех предначертаний плана, – независимо от необходимости строгого учета реальности отдельных предположений, – должна обеспечиваться еще выделением достаточно крупных резервных фондов на непредвиденные случаи.

5. При всем том хозяйственный план будет рациональным лишь постольку, поскольку он обеспечит максимальный коэффициент использования всех производственных и продовольственных ресурсов республики". [5.01]

Как видно из этой выдержки, в начале 20-х годов Госплан был занят, главным образом, вопросами методологии планирования. С. Струмилин признает, что его точность пока "весьма ограничена", а показатели плана называет "предначертаниями", которые отнюдь не претендуют на директивный характер.

Еще более неопределенной была проблема с организацией хозрасчета: большинство предприятий не имели и половины необходимых им оборотных средств, бушевала инфляция, измеряемая "разами", стремительно падал курс государственных денежных знаков. Все это создавало густой туман в финансовой сфере. Потребовалось несколько лет, чтобы финансы предприятий вошли в нормальное русло...

Финансы государственной промышленности [5.02]
Млн. червонных рублей

	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Прибыли	146	214	521	676	680
Убытки	50	84	63	66	80
Чистый доход	96	130	458	610	600
Амортизация	145	170	277	360	398
Всего накоплений	241	360	735	970	998
Отчисления в казну	10	66	169	259	415
Бюджетные субсидии	140	110	125	325	505
Банк. кредиты*	155	294	445	240	325
Некомер. кредиты**	55	153	110	166	73
Итого накоплено	581	791	1 255	1 467	1 536
Из них использовано:					
на капитал. вложения	120	209	385	811	1 090
на прирост оборотных средств	461	582	870	656	446

* Прирост.
** Сальдо

Из данных таблицы можно сделать следующие выводы: 1. Финансовое оздоровление промышленности произошло лишь в 1924/25 году, т.е. после завершения денежной реформы. 2. В это же время наблюдалось резкое расширение краткосрочных банковских кредитов, которые были направлены на прирост оборотных средств. 3. До 1924/25 года предприятия основную долю полученной прибыли использовали на те же цели – покрытие дефицита оборотных средств и только после 1925/26 года наблюдается увеличение их расходов на реконструкцию и обновление основных фондов.

Показательно также, что Госплан вплотную занялся вопросами цен и финансов. В частности, С. Струмилин в качестве основных задач промышленности, в целях удешевления продукции и успешной конкуренции с частным капиталом, называет:

"– проблему возможно быстрого развертывания производства на старой технической базе до полной ее нагрузки;
– проблему усиления оборотных фондов, необходимых для такого развертывания;
– проблему восстановления изношенного капитала;
– проблему накопления новых производственных фондов;
– проблему технической реконструкции промышленности на базе электрификации;
– проблему рационализации в области производительности и оплаты труда на базе научной его организации". [5.03]

План – своеобразный НОТ, но не на отдельном рабочем месте, а, как в данном случае, в рамках целой отрасли. Рынок воздействовал на *промышленность, главным образом, через хозяйственный расчет.*

О том, что расширение самостоятельности трестов и предприятий и перевод их в режим самоокупаемости были, в целом, весьма удачными, убедительно свидетельствуют данные об изменении количественных и качественных характеристик развития промышленного производства. Если все годы гражданской войны траектория движения промышленности была круто наклонена вниз, то уже в 1921 году произошел перелом: объем валовой продукции цензовой промышленности по сравнению с уровнем предыдущего года увеличился на 42,7%, в 1922 году – еще на 30,3%, в следующем году – 40,0%. Таких темпов промышленность России не знала за всю свою историю.

Развитие промышленности в 1921-1927 годах [5.04]
в границах СССР

	1921	1922	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Валовая прод-ция							
млн. довоен. руб.	1168	1524	2126	2587	3960	5722	67,23
1917 = 100 %	30,4	39,6	55,3	67,2	102,8	148,8	174,7
Число рабочих							
Тыс. человек	1186	1096	1302	1503	1853	2348	2469
1917 = 100 %	45,6	42,2	50,1	57,9	71,3	90,4	95,1
Производ. труда							
1917 = 100 %	66,5	93,8	110,8	116,1	146,3	164,6	183,7
% к пред. году	147,2	141,1	117,7	105,1	124,3	114,0	111,7

* В конце 1922 года хозяйственный год в планировании и статистике увязали с уборкой урожая: он заканчивался в сентябре, а новый начинался с 1 октября

Как видно из таблицы, за годы гражданской войны количество производственного персонала в промышленности сократилось более, чем в два раза – рабочие от голода спасались в деревне. Другие служили в армии. Возвращаться обратно они особенно не торопились. Дело в том, что реальная оплата труда в промышленности по сравнению с довоенным уровнем снизилась примерно в три раза и рабочий не мог нормально прокормить в городе свою семью. В сельском хозяйстве спрос на квалифицированных работников, особенно на тех, кто мог работать с металлом, починить локомобиль или конную косилку, всегда был высоким. Соответственно и оплата труда была выше, чем в городе.

Среднемесячный заработок промышленного рабочего [5.05]
в товарных рублях, включая натуроплату

	1913	1918	1919	1920	1921	1922*
Товарные рубли	22,0	9,0	6,7	7,1	7,0	8,2
1913 = 100	100	40,9	30,5	32,4	31,6	37,4

* 1-е полугодие

Только после того, как в результате НЭПа стабилизировались финансы, денежная система, цены, реальная зарплата, т.е. начиная с 1925 года, наблюдалось массовое возвращение из деревни бывших промышленных рабочих на заводы и фабрики. За ними потянулась и молодежь. Но даже в 1927 году численность занятых в промышленности не достигла уровня 1917 года. Это означает, что бурный рост промышленного производства в восстановительный период был целиком достигнут за счет еще более динамичного по-

вышения производительности труда. В этой связи закономерно возникает вопрос: какие же факторы обусловили такую динамику?

Прежде всего, следует отметить, что среди таких факторов технический прогресс не занимал ни первого, ни второго, ни даже третьего места. Восстановление промышленности в 1922-1925 годах в России происходило на базе старых технологий и более, чем наполовину изношенного оборудования.

Динамика основных фондов промышленности [5.06]
млрд. довоенных рублей

	1917/18	1920/21	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25
Начальная стоимость	5,5	5,2	5,2	5,2	5,2	5,3
в т. ч: оборудование	2,9	2,7	2,8	2,8	2,8	2,8
То же, за вычетом износа в том числе:	3,7	3,2	3,0	2,9	2,8	2,7
оборудование	1,9	1,5	1,4	1,2	1,1	1,0
Капитальные вложения:						
на капитальный ремонт	0,07	0,03	0,04	0,05	0,07	н.д.
новые вложения	-	0,006	0,02	0,03	0,06	н.д.

Из данных таблицы следует, что, во-первых, капитального строительства в промышленности в первой половине 20-х годов практически не велось, поскольку не было для этого финансовых ресурсов, а главное, – имевшиеся мощности были почти не загружены, т.е. в своей массе простаивали и частично разрушались. Их первоначальная стоимость снизилась незначительно, однако, с учетом начисленной амортизации, особенно, по оборудованию – более, чем в два раза. Физически оно еще могло работать и, если для этого были условия (заказы, топливо, сырье и рабочая сила), станки и другое оборудование подключались к производственному процессу.

По данным С. Струмилина, за годы гражданской войны в промышленности было физически разрушено 9-10 % производственных фондов. Одновременно произошло их старение и износ в разных формах и степени. В денежном выражении обесценение производственного капитала составило свыше 60 %. В 1924 году специальной комиссии ВСНХ было поручено оценить реальное состояние станочного парка Сормовского машиностроительного завода. В ходе обследования выяснилось, что из 2166 работавших станков свыше половины были изношены на 50%, еще 8% – на 75 и более процентов. Средний уровень износа станочного парка составлял 42,5%. 3122 законсервированных станка были изношены на 50-55%. [5.07]

Удручающие оценки специалистов не означали, однако, что почти все технологическое оборудование вышло из строя. С учетом капитальных ремонтов и новых вложений производственный потенциал промышленности в 1925 году по оценке Струмилина, составлял не менее 71% от соответствующего показателя 1917 года и 87% от уровня довоенного 1913 года. Проблема состояла в том, что в начале 20-х годов этот потенциал был загружен на 20-25%. Увеличение степени его загрузки служило важным фактором повышения народнохозяйственной эффективности, оказывая косвенное влияние и на рост производительности отдельного работника.

Как показывает анализ статистики рабочего времени, в восстановительный период не отмечено увеличения интенсивности труда промышленного персонала.

Баланс календарного времени в цензовой промышленности [5.08]
в днях

	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926
Отработанные дни	228,3	221,5	257,9	260,9	262,8	261,9	261,4
Выходные и праздники	59,0	61,4	59,7	60,8	61,2	61,6	60,1
Очередные отпуска	5,8	12,5	10,3	12,7	12,9	13,9	14,1
Невыходы по болезни	22,7	18,3	14,7	13,81	14,7	15,6	15,9
Общественная работа	12,0	9,3	2,8	1,3	1,3	1,6	1,5
Простои	7,7	8,4	3,7	1,9	1,2	0,8	1,9
Прогулы с разреш. администрации	6,9	13,0	5,6	3,8	3,1	2,2	2,4
Самовольные прогулы	23,6	20,6	10,3	9,8	8,8	7,4	7,9

Из этих официальных данных хорошо видно: начиная с 1923 года годовая рабочая нагрузка на одного занятого в промышленности стабилизировалась на уровне 261-262 дня, при средней продолжительности рабочего дня 7,4 часа (1926 г.). Выходные и праздники – 60-61 день. Продолжительность оплачиваемых отпусков увеличилась с 6 до 14 дней. Рабочие стали меньше болеть. Особенно круто, в 8 раз сократилось время на выполнение всякого рода общественных поручений. Уменьшились простои из-за перебоев в снабжении сырьем, топливом и по другим причинам, а также невыходы на работу с разрешения и без разрешения администрации.

На основе этих же данных можно сделать вывод об одном из основных факторов, обеспечивших динамичный рост производительности промышленных рабочих в восстановительный период, а именно – укрепление дисциплины коллективного труда, заметное улучшение его организации и управления.

Но все же первостепенное значение в успешном решении этой задачи имело создание новой и действенной системы материального

стимулирования труда по его конечным результатам. Вместо уравнительного распределения продуктов питания по карточкам, в промышленности поэтапно была внедрена денежная, сдельная или аккордная оплата производственного персонала, стимулирующая постоянное увеличение выпуска продукции в расчете на одного занятого. Главным препятствием осуществления таких преобразований было отсутствие в стране устойчивой денежной системы: государственные денежные знаки обесценивались так быстро, что практически не могли выполнять ни одной функции денег. Поэтому в оплате труда поначалу главную роль играли натуральные продуктовые пайки и карточки. Весной 1921 года Совнарком попытался усовершенствовать эту форму для стимулирования повышения производительности труда. [5 09] Согласно принятому 7 апреля декрету часть выпущенной продукции отчислялась в особый фонд натурального премирования. Работники предприятия, в зависимости от их индивидуальной производительности, имели право получить соответствующую долю изделий из такого фонда для личного потребления, а также продукты питания, приобретенные предприятием в результате организованного продуктообмена с крестьянскими хозяйствами.

Летом того же 1921 года была опробована еще одна форма стимулирования экономии затрат живого труда: под установленное производственное задание ВСНХ выделял твердый фонд натуральной и денежной оплаты труда. Он не менялся, если предприятие выполнило такое задание с меньшим или большим количеством работников. В зависимости от конечных результатов колебались только индивидуальные размеры заработка всех работников. Очевидно, чем меньше численность занятых, тем выше производительность и зарплата каждого работника.

В 1922 году в обращение были выпущены червонцы. Государственный банк обещал производить обмен таких билетов на золото: один червонец за 7,742 грамма чистого золота. Хотя он и не сдержал свое слово, но сумел наладить свободный обмен червонцев по устойчивому курсу на доллары, фунты стерлингов и другую твердую валюту. Тем самым под хозяйственный расчет предприятий, в том числе под систему сдельной оплаты труда была подведена качественно новая, весьма прочная денежная основа, что позволило резко усилить стимулирующую функцию хозяйственного механизма и обеспечить динамичный рост производительности труда. В этой связи показательно, что уже в марте 1923 года сдельной оплатой труда пользовались 41,5% всех рабочих крупной

промышленности, в марте 1924 года – 47,8%, в марте 1925 года – 58,3%, в сентябре того же года – свыше 60%. [5.10]

Массовое распространение сдельной оплаты труда в условиях 20-х годов выступало одним из основных факторов высоких темпов повышения его производительности, обеспечивая прочную стыковку интересов государства, коллективов и отдельных работников.

Динамика зарплаты и производительности [5.11]
в крупной промышленности

	1913	1922	1923	1924	1925	1926
Зарплата в месяц* в довоенных рублях	30,49	12,5	15,88	20,75	25,18	28,57
1913 г. = 100 %	100	41,0	49,2	67,1	82,6	93,7
Выработка на одного рабочего, 1913 г = 100	100	55,2	68,4	69,4	92,3	109,1

* Московский регион

Увеличение выработки в расчете на одного рабочего в промышленности опережало динамику роста его среднемесячной зарплаты и в 1926 году превысило уровень производительности довоенного 1913 года. Трудно сказать, где здесь причина и где следствие. Увеличение выработки – исходная предпосылка повышения оплаты труда. Одновременно, высокая динамика реальной зарплаты – действенный стимул для того, чтобы поднять производительность.

Активное воздействие на движение производительности труда в промышленности оказывал также массовый характер профессиональной подготовки работников практически всех категорий. Формы обучения отличались большим многообразием и гибкостью. Среди них, прежде всего, следует назвать фабрично заводские училища, где получали основы теоретических знаний и осваивали навыки практической работы тысячи юношей и девушек преимущественно из рабочих семей. Поскольку такие училища обычно создавались на базе крупных предприятий, молодежь получила возможность завершить среднее образование и одновременно освоить рабочую профессию. Кроме ФЗУ широкое распространение в стране приобрели специальные профессионально-технические училища и учебные мастерские, а также курсы по повышению квалификации уже занятых на производстве работников. Всего на 1 декабря 1925 года во всех таких учебных заведениях и курсах проходили подготовку свыше 350 тыс. человек или каждый шестой занятый в промышленности. Это позволило заметно повысить долю квалифицированного труда в ведущей отрасли народного хозяйства.

Качественная структура рабочей силы в промышленности [5.12]
в % к общей численности

Работники:	1923	1926
Квалифицированные	45	54
Начальный уровень квалификации	18	26
Неквалифицированные	37	20

Из этих данных видно, что за короткий срок, всего за три года, удельный вес неквалифицированной рабочей силы в промышленности уменьшился почти вдвое.

Двойственное воздействие на уровень и динамику производительности труда в восстановительный период оказывал рост безработицы.

Количество безработных в СССР [5.13]

	1922	1923	1924	1925
Безработные, всего тыс. чел. В том числе, в %	160	641	1240	980
Промышленные рабочие	24,0	24,9	25,1	15,5
Работники умственного труда	44,5	36,7	35,5	22,3
Разнорабочие	17,9	25,9	25,6	52,8
Прочие	13,6	12,5	13,8	9,4

В 1922 году наибольшую долю среди безработных составляли работники умственного труда. Это были, в основном, служащие из аппарата совнархозов, уволенные по сокращению штатов в связи с реорганизацией управления экономикой. Постепенно удельный вес этой группы среди безработных, как и группы промышленных рабочих, стал уменьшаться (при абсолютном росте их численности). В то же время и относительно, и абсолютно росло число неквалифицированных рабочих, которые не могли найти себе работу. В основном, это были демобилизованные солдаты и молодые крестьянские парни, которые по тем или другим причинам не хотели оставаться в деревне. В такой обстановке массовая безработица, с одной стороны, снижала уровень эффективности экономики в национальном масштабе. С другой – повышала его на конкретных рабочих местах, поскольку реальная угроза потерять работу действовала как мощный стимул высокой дисциплины и производительности труда. Трудно дать количественную оценку чистого сальдо такого двойственного воздействия безработицы на экономику (в целом, на мой взгляд, оно было все же отрицательным), но, как уже отмечалось, темпы роста производительности труда в промышленности в 1922-1927 годах были очень высокими.

Таким образом, одна из особенностей восстановительного процесса в России в 20-ые годы состояла в том, что он опирался на высокие темпы роста эффективности производства. Одновременно происходили структурные сдвиги, имевшие тактический характер, но весьма важные для стабилизации всей социально-экономической обстановки в стране.

В первую очередь нужно было наладить взаимовыгодный товарообмен между городом и деревней и на этой основе решить, хотя бы в первом приближении, продовольственную проблему в полуголодной стране. Если в период гражданской войны установка была: "все для фронта", то теперь на первый план выдвинулись потребности сельского хозяйства и крестьянина, как главной фигуры, от которой зависело решение этой проблемы. Прежде всего, нужны были: ситец и шерстяные ткани, кожаная и резиновая обувь, спички, керосин и соль, широкий набор металлоизделий, сельскохозяйственные орудия и инвентарь, в том числе косы, вилы, лопаты, а также машины, минеральные удобрения и многое другое. Необходимо было также быстро восстановить железнодорожный транспорт, чтобы связать отдельные регионы в единый большой рынок.

О сущности и масштабах экономических в том числе рыночных проблем, которые возникли в этот, по-новому трудный период, достаточно красноречиво говорят следующие данные:

Стоимость продукции промышленности и сельского хозяйства [514]
в млрд. золотых рублей

	1912	1922	1922:1912 %
Промышленность	4,5	1,1	24,4
Сель. хозяйство	6,1	4,0	65,5

Разрушительные последствия 7 военных лет в значительно большей степени сказались на производительных силах промышленности. До войны на ее долю приходилось 42 % общего объема продукции двух ведущих отраслей народного хозяйства. В 1922 году соотношение стало 21:79 в пользу сельского хозяйства. Стоит отметить также, что в 1913 году промышленность изготовила различных товаров для сельского хозяйства на сумму 1,7 млрд. рублей. В то же время крестьянство реализовало через рынок своей продукции примерно на 2 млрд. рублей, из них около 0,7 млрд. было получено за счет экспорта зерна и других продуктов. На долю внутреннего рынка пришлось 1,4 млрд. рублей. Таким образом, сальдо товарообмена между двумя отраслями было в пользу промышленности. Эти 0,3 млрд. рублей были оплачены селом, в основном, за

счет сезонных заработков сельских жителей в городах и налогов.

В 1922 году ситуация изменилась коренным образом: промышленность смогла изготовить для селян различных изделий всего на 0,3 млрд. золотых рублей (из 1,1 млрд. общей стоимости выпущенной продукции). Крестьяне в том же году в разных формах продали и поставили для нужд городов и армии продовольствия и других продуктов на 0,5-0,6 млрд. золотых рублей. Разницу не возместили крестьянам. Они внесли ее в виде продналога. По существу, такой порядок мало чем отличался от продразвестки. И это сказалось на товарности сельского хозяйства: в 1922 году она составила лишь 19% от общего объема продукции отрасли против 37% в довоенном 1912 году.

Чтобы возродить интерес крестьянства в расширении посевов и повышении урожайности полей, необходимо было в срочном порядке увеличить, как минимум в 2 раза, объем товарных ресурсов, предназначенных для удовлетворения платежеспособного спроса деревни как на промышленные товары повседневного потребления, так и на орудия производства.

Практическое и скорое решение связанных с этим задач потребовало мобилизации дефицитных ресурсов, в том числе золота для закупок по импорту сельскохозяйственных машин и орудий крестьянского труда, а также концентрации ограниченных средств на ключевых направлениях расширения товарооборота с деревней. И здесь очень помогло народнохозяйственное планирование.

Логично, что в такой обстановке предметом особой заботы Совнаркома и Госплана стали легкая промышленность и другие отрасли, выпускавшие товары для крестьян. Узким местом в развитии легкой промышленности было сырье. Парк ее технологического оборудования сохранился примерно на 90%. Практически не было недостатка и в рабочей силе. Но где взять хлопок, шерсть, кожевенное сырье? Перед войной ввоз хлопка и хлопчатобумажной пряжи из-за рубежа стоил более 100 млн. золотых рублей. В 1913 году из 27,5 млн. пудов хлопка, которые были использованы текстильной промышленностью России, – 12 млн. или 44,5% поступили по импорту, в основном из США, Германии (транзит) и Персии.

В начале 20-х годов среднеазиатский регион, откуда еще недавно получали половину хлопка, потребляемого текстильной промышленностью, фактически был отрезан от европейской части страны, а экономическая блокада Антанты перекрыла пути для импорта всех видов сырья из-за границы. Поэтому хлопчатобумажная промышленность, используя старые запасы хлопка, смогла

выпустить в 1921 году всего 151 млн. м и в 1922 году – 347 млн. м ситцевых тканей против 2 848 млн. м в 1913 г. Лишь после снятия блокады, расплачиваясь золотом, Россия смогла закупать крупные партии хлопка и превзойти довоенный уровень производства хлопчатобумажных тканей, а Москва вновь стала общероссийским центром по торговле ситцами.

Аналогично развивалась ситуация и в производстве кожаной обуви. Как уже отмечалось (см. книгу 1), Россия существенно отставала от западноевропейских стран по развитию животноводства, что влекло за собой не только отставание по уровню потребления мясных и молочных продуктов, но и ставило кожевенную промышленность в зависимость от импорта кожевенного сырья. В 1909-1913 годах на ввоз кожевенного сырья в среднем ежегодно расходовалось 49 млн. золотых рублей. Из них 36% стоимости импорта приходилось на невыделанные кожи и 40% – на обработанные шкуры. Особенно дефицитными были толстые кожи для производства подошв и мягкие: хром и шевро. По весу наибольшая доля импорта для кожевенной промышленности приходилась на долю дубителей (7,4 млн. пудов или 2/3 веса всего ввоза для кожевенной промышленности).

После войны импорт кожевенного сырья возобновился только после снятия блокады. В 1923/24 году он составил 17% к довоенному уровню. [5.15] Спасало положение то обстоятельство, что в кожевенной промышленности преобладали мелкие предприятия и кустарно-ремесленные мастерские, на долю которых в те годы приходилось 70% всего объема выпускаемой продукции отраслью. Они использовали местное сырье и не зависели от импорта машин и запчастей к ним, что было больным местом для крупных предприятий. Это позволило кожевенной промышленности развиваться опережающими темпами и уже в 1926 году превысить довоенный уровень кожаной обуви в 3,7 раза.

Более серьезные трудности с сырьем, технологическим оборудованием и оборотными средствами возникли в пищевой промышленности. Достаточно отметить, что выпуск сахара-сырца в 1921 году сократился по сравнению с довоенным уровнем в 27 раз, производство растительного масла – в 31 раз. Раньше свеклу и семена масличных культур выращивали в крупных хозяйствах. Часть их земли после революции "поделили" между малоимущими крестьянами. Середняки ориентировались на производство зерна. В результате Россия осталась без сахара и растительного масла. Потребовалось несколько лет, чтобы выправить перегиб.

Тем не менее, несмотря на многочисленные препятствия и ошибки, неизбежные во всяком новом деле, производство товаров для населения, с ориентацией, в первую очередь на потребности крестьянства, восстанавливалось опережающими темпами.

Рост цензовой промышленности в восстановительный период [5.16]

	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Валовая продукция,					
Млрд. зол. рублей, всего	3,5	4,6	6,8	10,0	11,6
в том числе: группа «А»	1,5	2,0	2,7	4,0	4,9
группа «Б»	2,0	2,6	4,1	6,0	6,7
Темпы роста, 1922/23 = 100					
Вся промышленность	100,0	129,5	192,0	282,8	330
в том числе: группа «А»	100,0	128,3	176,5	262,0	328,1
группа «Б»	100,0	130,4	203,7	298,4	331,4

Как видно из этих данных, промышленное производство предметов народного потребления, на долю которого в тот период приходилось более половины всей выпущенной продукции отраслью, за первые два года (1923 и 1924) удвоило, а если добавить еще и следующий год, то утроило выпуск товаров для населения. Можно сказать, что тот маневр, который был задуман в начале 20-х годов: во что бы то ни стало насытить потребительский рынок товарами первой необходимости – удался.

Производство товаров для населения [5.17]

	1921	1922	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26
Ткани, млн. м:						
Хлопчатобумажные	150,7	347,2	583,5	838,4	1523,7	2065,0
Шерстяные	14,3	23,4	29,9	33,9	51,8	66,8
Льняные	20,0	80,8	80,2	119,4	135,3	175,7
Кожаная обувь, тыс. пар	3361	3442	4082	4567	8200	10828
Галоши, тыс. пар	625	8568	10055	6204	15726	25301
Мыло, тыс. т	н.д.	13,7	23,4	43,9	94,3	119,2
Спички, тыс. ящиков	782	1031	1399	1923	3190	4035
Керосин, тыс. т	606	577	540	967	1428	1861
Сахар-песок, тыс. т	50,2	185,7	196,2	373,6	465,6	1076,6
Масло растит-ое, тыс. т.	26,7	56,0	87,6	127,4	219,3	327,0

Однако, уже к середине десятилетия все острее стал чувствоваться дефицит топлива, металла, нового оборудования, химических продуктов. И уже в 1925/26 году тяжелая промышленность по объемным показателям сначала догоняет, а затем и опережает динамику роста группы "Б". В итоге, в 1926 году промышленность в целом перешагнула уровень выпуска продукции 1913 года, в том числе

по производству средств производства – на 16,5% и потребительских товаров – на 2,4%.

Оживление в тяжелой промышленности отражало серьезные изменения, которые происходили в середине 20-х годов как в объемах, так и в структуре платежеспособного спроса на рынке. Достижение довоенного уровня производства в промышленности означало, что технологическое оборудование загружено практически полностью. Чтобы сохранить высокую динамику развития, нужно было в широких масштабах его обновлять и, нередко, реконструировать заводы и фабрики в целом, комплексно. Началось увеличение объемов нового капитального строительства. Это, в свою очередь, требовало расширения и модернизации машиностроения. Резко увеличивался спрос на металл, химические продукты и материалы. Как снежный ком росли потребности в топливе и электроэнергии. Именно здесь, пожалуй, образовалось самое узкое место в процессе расширенного воспроизводства народного хозяйства уже во второй половине 20-х годов..

Напряженная обстановка со снабжением народного хозяйства углем возникла еще до мировой войны, в начале второй волны интенсивной индустриализации страны. Частично этот дефицит перекрывали поставками угля из Польши, а также из западноевропейских стран. В военных условиях такие поставки прекратились. Пришлось стимулировать увеличение добычи угля в оставшихся бассейнах, прежде всего, в самом крупном из них – Донецком. Количество шахт здесь увеличилось вдвое, в основном за счет мелких так называемых крестьянских шахт. В 1916 году Донбасс дал "на гора" около 30 млн. тонн угля, что превысило довоенный уровень на 13,5%. В период гражданской войны этот район несколько раз переходил из рук в чужие руки. Однако, ни белые, ни красные специально шахты не разрушали. Они погибали медленно, сами собой. Дело в том, что шахты, в отличие от наземных сооружений требуют постоянной заботы и ухода. Иначе их заливает водой, ржавеет транспорт, подъемные и другие механизмы...

Только в самом конце 1919 года в Донбассе закрепилась Советская власть. С большим трудом в течение первого года ее деятельности удалось добыть 5,5 млн. тонн. Из них вывезли в другие регионы всего около 3-х млн. Это никого не удовлетворяло. В 1919 году топливный баланс страны опять держался на дровах – они составляли свыше 88 % всех ресурсов топлива. Власти делали, что было в их силах: регулярно проводили реорганизацию структур управления, меняли руководящие кадры, выделяли

дополнительные ресурсы продовольствия для забойщиков и других шахтеров, работавших под землей. На первых порах это мало помогало. Текучесть кадров была очень высокой. Квалифицированных работников не хватало и это было, пожалуй, главной причиной низких конечных результатов.

Трудностей добавилось с переводом топливной промышленности на хозрасчет. Шахты Донбасса не имели оборотных средств, поскольку до мая 1922 года они отгружали уголь государственным предприятиям бесплатно, по разнарядкам центральных органов снабжения. С мая месяца все потребители обязаны были оплачивать деньгами предназначенные для них поставки топлива. Однако, цены на уголь, утвержденные СТО для плановых потребителей, были ниже себестоимости его добычи. Но фактически даже по таким ценам уголь оплачивался потребителями не более, чем наполовину. Если учесть, что по плану распределялось 2/3 всего добытого угля, то не трудно понять – финансовое положение Донбасса было, мягко говоря, плачевным. В то же время все его поставщики и контрагенты требовали оплаты за свои товары и услуги только наличными. Даже наркомат путей сообщения, бесплатно получая уголь, настойчиво требовал плату за перевозку угля, разные сборы, страховку и др. Подобные требования предъявляли также акцизные ведомства и местные налоговые органы. Несколько первых месяцев перехода угольщиков на хозяйственный расчет были особенно болезненными, что несомненно затормозило процесс восстановления не только Донбасса, но и всей промышленности. Правительству ни раз пришлось распутывать тугие узлы, мешавшие встать угольщикам на ноги. Перелом произошел где-то в 1924-1925 годах, когда удалось решить не только многие организационные и кадровые вопросы, но и найти средства для реконструкции и электрификации шахт. Так, количество врубовых машин в Донбассе за пять лет почти удвоилось. Доля механизированной добычи угля в 1926/27 году составила 15,7 процента против 3,3% в 1921/22 году. Специально для Донбасса была разработана отдельная программа электрификации, которая предусматривала строительство новых и быстрое восстановление разрушенных электростанций, строительство единой сети высоковольтных линий электропередач. Это позволило повысить уровень электрификации донецкой угольной промышленности уже к концу 1925 года до 69%, а также значительно улучшить бытовые условия жизни шахтеров. Одновременно была налажена система обучения рабочих массовых профессий,

повышения их квалификации, подготовки и переподготовки специалистов.

Все эти меры в своей совокупности способствовали тому, что в 1926/27 году удалось решить одну из ключевых и вместе с тем весьма трудную проблему восстановительного периода – заложить прочный фундамент для развертывания строительства на следующем этапе новой мощной энергетической базы страны.

Динамика добычи угля [5.18]
млн. тонн, в границах СССР

	1913	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Всего	29,0	11,3	12,7	16,3	16,5	25,8	32,3
Бассейны:							
Донецкий	25,3	7,2	8,1	12,2	12,5	19,6	24,5
Кузнецкий	0,9	0,9	0,8	1,0	1,0	1,8	2,6
Тульский	0,3	0,6	0,8	0,7	0,6	0,9	1,0
Уральские	1,2	1,0	1,2	1,0	1,3	1,6	1,9
Восточные	1,2	1,4	1,6	1,3	1,0	1,6	1,9

Довоенный уровень добычи угля был достигнут в 1926/27 году, т.е. чуть позже, чем в среднем по промышленности, но все же достигнут. Заметно помогли шахтеры Кузбасса, да и всех других бассейнов.

К середине 20-х годов важную роль в энергетическом комплексе страны стала играть нефтяная промышленность. В то время нефть добывали в трех регионах: Баку, Грозном и на Эмбе. Все они сильно пострадали в период гражданской войны. Баку в 1918 году оккупировали англичане и хозяйничали там два года. Нефтепромыслы Грозного были разгромлены и наполовину сожжены чеченцами в ноябре 1917 года. Эмбенский район подвергся разрушению почти полностью. Рабочих и продовольствия не было. Хранилища залиты водой. Буровые работы прекратились. "К осени 1921 года, – писал проф. И. Губкин, – симптомы упадка выступают с угрожающей четкостью. В Бакинском районе количество скважин в эксплуатации с 1027 в марте падает в сентябре до 874, а добыча – с 13,5 до 11,7 млн. пудов. Проходка держится на ничтожном уровне...

Та же картина – в Грозном... Рабочие, получая мизерную плату, либо разбегаются вовсе, либо рассматривают пребывание на промыслах как отдых, прирабатывая на стороне мешочничеством. Всякий стимул к работе парализован". [5.19]

Перелом произошел в 1922 году. Восстановление нефтепромыслов с самого начала было связано с техническим прогрессом, в частности, с переходом от ударного способа проходки скважин

к роторному. Только это повысило скорость бурения более, чем в 14 раз. В 1923 году на Бакинских промыслах использовалось всего семь глубинных насосов, в Грозном – шесть. Через три года в Баку в парке технологического оборудования насчитывалось свыше 1,5 тысяч глубинных насосов, которые применялись на 55% всех скважин. В Грозном этот показатель был еще выше – 80,3%. Производительность труда нефтяников выросла за этот период в 4 раза. Все это значительно ускорило процесс восстановления нефтяной промышленности.

Рост добычи нефти в восстановительный период [5.20]
в границах СССР, млн. тонн

1913	1921	1922	1923	1924	1925	1926
9,2	3,8	4,7	5,3	6,1	7,1	8,3

В 1926 году добыча нефти в стране составила 90% довоенного объема добычи. Уровень 1913 года был достигнут нефтяниками через год. Это позволило внести существенные корректировки и в структуру топливного баланса.

Структура топливного баланса в 1926/27 гг. [5.21]
в % к итогу

Уголь	47,6
Кокс	13,2
Нефть	14,5
Дрова	14,5
Древес. уголь	3,7
Торф	6,5

Таблица отражает коренные изменения, которые произошли в структуре энергетической базы народного хозяйства в процессе ее восстановления: во-первых, уголь и кокс составили почти 2/3 всех топливных ресурсов, во-вторых, доля нефти и нефтепродуктов в балансе сравнялась с удельным весом дров.

В то же время увеличение топливных ресурсов позволило последовательно держать курс на электрификацию страны. После гражданской войны электроэнергетика находилась в кризисном состоянии. Многие электростанции были разрушены полностью или частично. Но главным сдерживающим фактором был дефицит угля. Поэтому опережающий рост производства электроэнергии стал возможен только после решения топливной проблемы.

Рост мощности электростанций и производства электроэнергии [5.22] в границах СССР

	1913	1921	1922	1923	1924	1925
Мощность, тыс. квт	1 141	1 228	1 247	1 279	1 308	1397
Выработка, млн.квт-ч	2 039	520	775	1 146	1 562	2 925

Выработка электроэнергии всего за четыре года увеличилась почти в 6 раз и уже в 1925 году превысила довоенные показатели. Это был крупный успех.

Высокий уровень производства угля и кокса послужил также благоприятной предпосылкой для динамичного развития черной металлургии. Эта отрасль оказалась в третьем эшелоне вступления промышленности в активный процесс восстановления своего производственного потенциала. Причин тому было несколько: 1. Основные потребители ее продукции – машиностроение, транспорт и капитальное строительство пока еще не пришли в себя после шока смутного времени. Энергия начавшегося подъема доходила до них в виде отдельных, при том слабых импульсов. Спрос на черный металл, за исключением кровельного металла, крестьянских кос, других простых сельскохозяйственных орудий и метизов, был небольшим. 2. Пуск остановленных домен, мартеновских печей и полуразрушенных прокатных станов требовал крупных капитальных вложений, но необходимых для этого денег ни у правительства, ни у только что созданных трестов не было. 3. До войны в России производство черного металла было сосредоточено в трех регионах: южный – основной, уральский – старый, центральный – небольшие предприятия, специализировавшие на производстве качественных сталей. В период войны в наибольшей степени пострадали южные заводы. Достаточно отметить, что в начале 1920 года все 18 заводов этого региона, где раньше действовали 63 домны, стояли. Работала только одна небольшая доменная печь, приспособленная для производства генераторного газа. Чугун получали здесь, как побочный продукт. Металлургические заводы Урала и Центрального промышленного района были сильно изношены, но не разрушены. Но и здесь производство чугуна, стали и проката сократилось по сравнению с довоенным уровнем примерно в 10 раз.

Коренной перелом в развитии отрасли произошел в 1923 и 1924 годах. Стали подниматься машиностроение и металлообработка. Медленно, но все же росли объемы капитального строительства. Все больше металла требовалось для ремонта транспортных магистралей. После засухи пришло в себя сельское хозяйство.

Дефицитными стали простые металлические орудия крестьянского труда, проволока, гвозди, листовое железо и многое другое, сделанное из металла. Некоторые металлические изделия приходилось импортировать из-за границы, расплачиваясь золотом. Волей-неволей пришлось менять ориентиры в экономической политике.

Уже в 1922/23 году из весьма небогатого государственного бюджета было выделено целевым порядком на капитальный ремонт технологического оборудования в черной металлургии 10 млн. довоенных рублей. В последующие годы размер государственной поддержки для восстановления и реконструкции этой отрасли неуклонно расширялся. К ней добавились амортизационные отчисления и часть прибыли начавших действовать на Юге металлургических заводов. Все это позволило динамично расширять выплавку чугуна и стали, и на прочной основе увеличить выпуск готового проката.

Производство черных металлов в восстановительный период [5.23]
млн. тонн

	1913	1921	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26
Чугун	4,2	0,1	0,2	0,3	0,7	1,3	2,2
Сталь	4,2	0,2	0,3	0,6	1,0	1,9	2,9
Прокат	3,5	0,2	0,3	0,5	0,7	1,4	2,2

Объём производства был существенно ниже довоенного уровня: по чугуну он составлял 52% , по стали – 69, по прокату – 64%. Это означало, что завершение восстановления и реконструкции черной металлургии отодвигается в первую пятилетку.

Намного динамичнее и разнообразнее в 20-е годы развивалась химическая промышленность. Может быть потому, что это была новая, молодая и очень нужная для России отрасль.

Темпы роста химической промышленности [5.24]
в % к предыдущему году

1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
102	257	105	191	163	118

По форме движение этой отрасли было весьма неравномерным, скачкообразным, но зато результаты оказались неожиданно высокими. Всего за шесть лет ей удалось расширить свое производство более, чем в 10 раз – сказывались молодость и опыт работы для нужд фронта. Высокая динамика увеличения объемов в денежной форме подтверждается и натуральными показателями:

Выпуск основных химических продуктов [5.25]
тыс. тонн

	1921	1922	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926:1921
Кислоты	38,5	49,5	75,6	133,2	179,8	224,3	6 раз
Сода	11,1	49,3	63,0	106,3	134,1	180,5	16 раз
Суперфосфат	5,3	7,5	16,5	28,2	54,5	91,8	17 раз

Конечно, исходные величины были небольшими. Но в данном случае важна и динамика. Стоит отметить также, что до войны и первые годы советской власти приходилось импортировать для нужд крестьянства большое количество чилийской селитры. Но уже в 1924 году в Донбассе стали извлекать как побочный продукт коксования угля, аммиачную воду. Из нее получали аммиачную селитру. Пока это были скорее эксперименты, но они многое обещали.

Создание прочной энергетической базы и комплексное восстановление металлургии послужило надежной предпосылкой для быстрого развития машиностроения. Оно как бы замыкало ряд отраслей промышленности, достигших довоенного уровня производства.

Объем производства и выработка продукции на 1 работника в машиностроении и металлообработке [5.26]
1917 г. = 100 %

	1920	1921	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Объем производства	6,7	12,7	29,2	25,9	50,6	75,1	95,0
Выработка на 1 работника	16,2	31,0	88,0	69,9	103,5	117,8	149,3

Данные таблицы обращают на себя внимание тем, что динамика производительности труда в машиностроении в восстановительный период в 1,5 раза обгоняла рост объема продукции. Это крупный успех организаторов производства и, прежде всего, самих металлистов, которые имели возможность самостоятельно проводить малую механизацию своего труда, не требуя дополнительных капитальных вложений.

Стоит отметить также глубокий провал машиностроения в 1920 году, главным образом, из-за отсутствия заказов: война заканчивалась, и армии не требовалось дополнительное вооружение. Капитальное строительство упало почти до нуля. В сельском хозяйстве потребности в машинах, орудиях труда и других металлоизделиях были огромными, но денег у крестьян не было. Поэтому

в начале 20-х годов проблема состояла в том, чтобы сохранить заводы от полного развала, а главное – сберечь квалифицированные кадры. Правительство, не смотря на крайнюю ограниченность финансовых ресурсов, в 1920 году заказало паровозы и вагоны. В первом полугодии объединение машиностроительных заводов выпустило 28 новых локомотивов и 79 вагонов, во втором полугодии, соответственно, – 62 паровоза и 117 вагонов. [5.27]

Однако, масштабные изменения в развитии машиностроения произошли лишь в 1925 и 1926 годах. Достигнув полной загрузки производственных мощностей, заводы и фабрики практически всех отраслей народного хозяйства столкнулись с объективной необходимостью реконструкции и расширения своей материально-технической базы. В то же время у них появились некоторые накопления. В такой обстановке машиностроители не испытывали недостатка в заказах. Разрешилась проблема с металлом. В результате машиностроители в 1927 году превысили довоенный уровень производства и сами начали, пока еще в скромных масштабах, реконструкцию своих заводов, что одновременно было подготовкой к новому этапу интенсивной индустриализации страны.

5.2. Сельское хозяйство преодолевает последствия разрухи и засухи

Первый год НЭПа совпал во времени с трагедией для большой части крестьянства. Обширная засуха в Поволжье нанесла по разоренному войной, практически беспомощному сельскому хозяйству коварный удар. Смерть свободно гуляла среди голодных, ослабленных людей, унося с собой миллионы жизней.

Среди статистиков до сих пор нет единого мнения относительно потерь урожая зерновых из-за возникшей засухи. Большинство оценок колеблется где-то между 1-1,2 млрд. пудов, т.е. в тот год недобрали четвертую часть среднегодового сбора зерна. [5.28] На первый взгляд, может показаться странным, что от засухи больше всего пострадали крестьяне производящих губерний: если в январе – феврале 1919/20 года по данным бюджетных обследований они потребляли на душу 16,3 пуда хлебных продуктов (за год, в пересчете на зерно), то в феврале 1921/22 года – только 8,2, т.е. в два раза меньше. Но это в среднем по всем губерниям, где производили товарное зерно. Но, засуха и неурожай захватили, в основном, Поволжье. Здесь во многих районах не вернули даже посеянные семена. Поэтому зерна для приготовления пищи и для сева под

новый урожай в районах бедствия просто не было. Оперативно помочь попавшим в беду селянам удавалось с трудом: сколько-нибудь крупные запасы зерна или картофеля в стране после окончания гражданской войны создать не успели.

Совнаркому пришлось в срочном порядке, насколько это возможно, осуществить обширный маневр по межрегиональному перераспределению, прежде всего, зерна и картофеля, а также закупить продовольствие за границей. При этом не обошлось без конфликта с законодателями. Еще весной ВЦИК преобразовал принцип стабильности сельскохозяйственного налога в юридическую норму. Однако, Совнарком, чтобы увеличить продовольственный фонд помощи голодающим, несколько повысил налоговую ставку для производителей картофеля, которые не пострадали от засухи. Это серьезно нарушало закон о сельхозналоге.

После острой дискуссии, только учитывая чрезвычайный характер сложившейся ситуации в стране, ВЦИК ограничился порицанием действий правительства и предупреждением недопустимости подобных явлений в будущем. О тех крутых изменениях, которые претерпели планы правительства из-за голода в 1921 году, вспоминал Л. Б. Красин: "Когда я летом 1921 года приезжал из Лондона в Москву и пришел к Владимиру Ильичу в его кабинет, я застал его в тревожном настроении. Он все время поглядывал на знойное, раскаленное небо, очевидно, в ожидании не появится ли наконец долгожданное дождевое облако, и много раз спрашивал меня: "А сможем ли мы закупить за границей хлеб? Пропустит ли хлеб в Россию Антанта?"

Весь наш импортный план был опрокинут, и по возвращении в Англию пришлось в больших размерах организовать закупку хлеба и семян, разумеется, за счет золотого запаса, так как вывоза у нас в то время еще почти никакого не было". [5.29]

Немного помог неплохой урожай картофеля в Центральном регионе...

Одновременно расширились и увеличились мероприятия по всесторонней поддержке сельского хозяйства долговременного характера:

Уже отмечалось, что в 1926 году текстильная промышленность достигла довоенного уровня производства, обувная промышленность превысила его в 1,5 раза, кожевенная – в 3,7 раза. Это позволило предложить крестьянству через рынок относительно широкий ассортимент промышленных товаров для личного потребления.

Быстро увеличивался также выпуск различных металлоизделий, сельскохозяйственных машин и орудий:

Производство машин и орудий для крестьянского труда [5.30]
тыс. штук

	1921	1922	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26
Плуги	100,6	159,5	206,5	173,5	582,0	945,0
Бороны	6,2	15,4	26,8	125,8	174,5	310,2
Сеялки	5,0	8,5	10,7	9,7	29,9	62,0
Конные косилки	5,5	9,1	11,6	43,2	55,8	88,1
Молотилки	1,7	19,7	25,9	13,6	35,6	54,7
Веялки	2,0	8,8	11,6	21,3	57,6	94,8

Из приведенных данных видно, что производство простых, чаще всего, конных машин и орудий для механизации главных сельскохозяйственных работ в восстановительный период намного опережало все другие промышленные отрасли: темпы измерялись не "разами", а десятками раз. Показательно также, что в это же время, особенно в злополучном 1921/22 году большое количество сельскохозяйственных машин и другого инвентаря закупалось за границей. Стоит отметить, что в 1922/23 году в Советской России были выпущены два первых трактора, на следующий год – 10, а в 1925/26 году – уже 813. Не мене важное значение имело освоение массового производство обыкновенных крестьянских кос. В 1921/22 году их было изготовлено 0,9 млн. штук, в следующем году – 1,1 млн., в 1924/25 году – 2,2 млн.

Это был крупный успех. В 1925 г. платежеспособный спрос крестьянства на промышленные товары удовлетворялся на 60-70%. В 1926 году предложение таких товаров на рынке увеличилось еще на 25-30%, т.е. рыночная конъюнктура была близка к равновесию.

Товарные крестьянские хозяйства, где производственный цикл продолжался обычно несколько месяцев, остро нуждались в средне- и долгосрочных кредитах. Чтобы удовлетворить такие потребности, после того как была решена задача с введением твердой валюты (червонца), центральные органы приступили к созданию кредитной системы специально для села. Возглавлял ее центральный сельскохозяйственный банк. Затем шли республиканские сельскохозяйственные банки. Еще ступенькой ниже – общества сельскохозяйственного кредита и непосредственно на местах – низовая сеть их отделений. На 1 октября 1925 года все эти организации предоставили своим клиентам в сельском хозяйстве ссуды в разной форме на общую сумму 483,4 млн. рублей. Через год их объем вырос почти вдвое, в том числе долгосрочные кредиты – до 431,7 млн. и краткосрочные – до 481,7 млн. рублей. [5.31] Получателями таких

кредитов выступали совхозы и другие государственные организации, кооперативы и единоличные хозяйства.

Существенную помощь правительство и местные органы власти оказывали крестьянам и в натуральной форме: так, весной 1924 года им было выдано в качестве ссуды 129 тыс. тонн семян. В следующем году, соответственно, – 544 тыс. тонн. Для строительства жилых домов и хозяйственных построек селянам выделялись специальные делянки леса. Например, в 1925 году общая площадь таких делянок составила 10,7 млн. га.

Так как в восстановительный период примерно треть крестьянских дворов не имела собственной лошади и практически никаких конных машин, действенную помощь им в обработке земли и уборке урожая оказывали прокатные пункты, где за умеренную плату можно было арендовать на время нужные сельскохозяйственные машины, например плуги, молотилки, веялки, а позже и тракторы. А. Микоян, который в то время работал в Донских краях, вспоминал: "Первая партия в десять тракторов типа "Фордзон" поступила к нам из Америки ранней весной 1923 года... Мы решили тогда посмотреть на поле под Ростовом, как работает такой трактор, насколько он подходит для наших условий...Трактор нам очень понравился. Мы все удивлялись, какая же это могучая машина, хотя в действительности его мощность равнялась всего 10 л.с...

Получив в том же году новую партию тракторов, мы решили единоличным хозяйствам их не продавать, а создать особые машинные товарищества, которые бы за умеренную плату обрабатывали тракторами земли безлошадных хозяйств, и, в первую очередь, кооперативные хозяйства бывших красноармейцев и сельской бедноты". [5.32] Всего в сельском хозяйстве страны в 1924 году работало 1,7 тыс. тракторов, в 1925 году – 6,3 тыс., еще через год – 13,4 тыс.

Полезную помощь крестьянам оказывали совхозы, племенные хозяйства, консультативные, зерноочистительные, химические и другие районные пункты.

Немалую роль в динамичном восстановлении сельского хозяйства сыграли также новые формы организации их социальной жизнедеятельности. Так, весной 1921 года Совнарком специальным декретом рекомендовал создание в деревнях *комитетов крестьянской взаимопомощи* с целью более полного использования всех ресурсов сельских жителей, расширение их инициативы и самостоятельности, а также поддержки семей красноармейцев и других нуждающихся в помощи крестьян. [5.33] Первые подобные организации стихийно начали создаваться еще в годы Первой мировой войны. При

Временном правительстве они возродились в форме земельных комитетов. Советское правительство решило придать им массовый характер, не без основания считая, что сама ассоциация хозяйств создаст дополнительную производительную силу и позволит вовлечь в дело неиспользованные резервы.

Эти надежды оправдались. Уже в начале 1924 года в РСФСР насчитывалось около 10 тыс. волостных и 90 тыс. сельских комитетов крестьянской взаимопомощи. За пять лет они нашли возможность в разных формах поддержать 2,5 млн. крестьянских домохозяйств. Иногда такая поддержка выражалась в том, что жители деревни помогали слабым семьям вспахать поле, накосить сено, убрать урожай, построить дом. Иногда – выделяли зерно, картофель, другие продукты. По инициативе комитетов в ряде деревень были созданы страховые фонды семян, прокатные пункты, в парке которых в 1925/26 году насчитывалось 10 тыс. сельскохозяйственных машин и 1,1 тыс. тракторов, большое количество другого крестьянского инвентаря. Кроме того, такие комитеты имели в своем распоряжении небольшие предприятия по первичной переработке сельскохозяйственных продуктов и сырья. [5.34]

Другой, более зрелой формой объединения ограниченных сил и средств крестьянства была кооперация.

Количество членов сельской кооперации в 1925 году [5.35]

млн. человек

СССР, Всего:	в том числе:		
	РСФСР	**Украина**	**Белоруссия**
6,6	4,5	1,3	0,14

Стоит отметить, что количество членов сельской кооперации в 1925 г. по сравнению с уровнем 1921 года удвоилось. Основная ее функция состояла в том, чтобы обеспечить, на взаимовыгодной основе, широкомасштабный товарообмен между городом и деревней. В этой роли сельская кооперация в восстановительный период явно преуспевала. В 1923/24 году ее доля в розничном товарообороте страны составляла 26,6%. Через два года этот показатель увеличился до 44,5%. Практически через кооперацию шел основной поток сельскохозяйственных товаров для потребления и переработки в городах. Это придавало устойчивый характер как сбыту крестьянской продукции, так и снабжению сырьем легкой и пищевой промышленности. В 1925/26 году на долю сельской кооперации приходилось около 29% заготовленного зерна, 27% льна, 77% хлопка, 45% сахарной свеклы и 77% табака.

Особую активность сельская кооперация проявила в закупках для деревни машин и других средств производства. Ее удельный вес в снабжении сельского хозяйства машинами в конце восстановительного периода поднялся до 75%, метизами – до 51%, удобрениями – 62%. В 1925 году через нее было реализовано 1110 тракторов.

Наряду с торговыми операциями кооперация наладила собственную переработку сельскохозяйственного и другого сырья. В 1925/26 году в ее системе работало 322 крупных и более 1,6 тыс. мелких предприятий, в том числе, маслодельные и сыроваренные заводы, механические мельницы, производства по изготовлению крахмала, патоки, вина, овощных и фруктовых консервов, пиломатериалов и др. товаров. Всего на таких предприятиях было занято свыше 32 тыс. рабочих. Их валовая продукция оценивалась в 267 млн. рублей.

Кроме того, кооперация организовывала товарищества по разведению племенного скота и выращиванию сортовых семян. Их продукция реализовалась среди крестьян с целью повышения урожайности полей и продуктивности животноводства. Всего на территории Российской федерации в 1925 году функционировало 398 семеноводческих хозяйств. Товарищества, занимавшиеся разведением племенного скота, имели около 40 тыс. породистых лошадей, 13 тыс. голов крупного рогатого скота, более 45 тыс. овец.

В этот же период кооператоры создали около 4 тыс. мелиоративных ассоциаций, объединявших и обслуживавших 273 тыс. крестьянских хозяйств. Число машинных товариществ возросло до 2,3 тыс., прокатных пунктов – до одной тысячи. [5.36] О значении машинных товариществ и прокатных пунктов в подъеме сельскохозяйственного производства можно судить по структуре имущественных отношений крестьян, довольно четко проявлявшейся при обработке пашни:

Формы собственности на скот и орудия труда по РСФСР [5.37]
1926 г., доля хозяйств в % при обработке пашни

Свой скот и Инвентарь	Арендованный скот и инвентарь	Супряга *	Смешанные формы
56,8	21,3	10,3	11,6

* Супряга – простейшая форма артели: совместная обработка земли 2-3 хозяевами.

Из этих данных видно, что почти две трети российских крестьян в 1926 году обрабатывали землю с помощью своего скота и инвентаря. Каждый пятый, напротив, вынужден был нанимать (арендовать) и скот, и инвентарь. Супряги объединяли труд, скот и

орудия труда. Остальные арендовали на короткий срок либо лошадь, либо какой-нибудь инвентарь.

Таким образом, кооперация постепенно, но последовательно выходила за границы сферы обращения, распространяя свои организационные и экономические методы на производственный сектор. Дело в том, что коллективные формы труда, при прочих равных условиях, повышают средний уровень его производительности, но требуют дополнительно хороших организаторов и руководителей. В 20-ые годы квалифицированных кадров для управления коллективными хозяйствами просто не было. Да и условия труда кооператоров, среди которых многие до вступление в товарищество были безлошадными, по сравнению с крепкими единоличными хозяйствами середняков и зажиточных крестьян были не равными. Тем не менее, коллективные хозяйства по производству различной сельскохозяйственной продукции создавались и с весьма неодинаковыми результатами конкурировали с единоличными товаропроизводителями.

Развитие производственных кооперативов в сельском хозяйстве [5.38]
без республик Средней Азии, тыс. единиц

	1920	1921	1922	1923	1924	1925
Коммуны	1,9	3,3	1,4	1,9	1,7	2,3
Артели	7,7	10,2	6,6	10,1	11,1	14,3
Товарищества	0,9	2,5	3,9	3,9	3,4	5,3
Всего	10,5	16,0	11,9	15,9	16,2	21,9

Первая половина двадцатых годов – период поиска и проверки на практике различных форм организации труда и нового быта российского крестьянства. Коммуна не получила широкой поддержки – слишком много уравниловки и безответственности за конечные результаты коллективной работы. Больше привлекали давно знакомые крестьянину артели и товарищества. Число их динамично увеличивалось, хотя особо заметного влияния на развитие всего сельского хозяйства в силу своего малого удельного веса они пока не оказывали. Не проявили себя, как эффективная форма хозяйствования, в это время и совхозы.

Динамика совхозов в РСФСР [5.39]

	1924	1925	1926
Количество, тыс.	4,3	2,8	2,1
Размер пашни, тыс. дес.	900,8	917,9	816,7
Число лошадей, тыс. гол.	36,1	39,3	37,4
Кр. рогатый скот, тыс. гол.	42,2	43,5	37,2
Волы, тыс. гол.	20,2	31,4	29,1

Цифры, характеризующие количество совхозов, неустойчивы. Это отражает их частые слияния и другие изменения структуры, текучесть кадров и другие "болезни" становления совхозов как новой государственной формы организации сельского хозяйства.

Главным двигателем подъема этой отрасли в то время было среднее трудовое крестьянство, которое, наверное, впервые за всю свою историю почувствовало, что власти действительно, на деле, заботятся о его благополучии, об укреплении и развитии его производительной силы. Помещичьи земли, служившие много лет камнем преткновения и борьбы, перешли в пользование тех, кто их обрабатывал.

Изменение социальной структуры деревни в 1917-1920 годах
доля хозяйств, в процентах

	1917	1920
Без пашни	11,3	5,8
Посевы до 4 десятин	58,0	68,0
Посевы свыше 4 дес.	30,7	26,2

Середняки в 20-е годы производили основную массу зерна, в том числе товарного. В это же время, как уже отмечалось, город стал предлагать большой выбор товаров нужных крестьянину – появился достаточно сильный стимул для того, чтобы расширять посевы и повышать урожайность. В центре общего внимания было производство хлеба и картофеля. Но правительство сознательно повысило закупочные цены на технические культуры, посевы и сборы которых резко сократились в военные годы.

Все эти факторы повышали заинтересованность крестьянина в увеличении результатов своего труда, что, в свою очередь, проявлялось в высоких темпах подъема как растениеводства, так и животноводства.

Валовой сбор зерна [5.40]
в границах СССР, млрд. пудов

	1913	1920	1924	1925	1926	1927
Рожь	1,2	0,6	1,1	1,4	1,4	1,5
Пшеница	1,5	0,5	0,8	1,2	1,4	1,2
Ячмень	0,7	0,3	0,2	0,4	0,3	0,3
Овес	0,9	0,4	0,5	0,7	0,9	0,8
Зерновые, всего	4,7	2,6	3,1	4,4	4,7	4,5
Картофель	1,4	1,3	2,2	2,6	2,8	-

Как свидетельствуют эти цифры, сельское хозяйство, несмотря на засуху 1921 года, всего через пять лет по производству зерновых вышло на довоенный уровень. Производители картофеля, в ос-

новном, в центральном регионе, достигли показателей 1913 года еще раньше. Такой успех опирался на два плеча: расширение посевных площадей и рост урожайности с каждой десятины.

Посевные площади крестьянских хозяйств [5.42]
млн. десятин

	1913	1924	1925	1926	1927
Зерновые	86,5	74,9	79,0	85,3	87,5
Тех. культуры	4,1	5,3	6,5	6,0	6,6
Картофель	2,8	4,3	4,6	4,8	5,1

Посевные площади под зерновыми выровнялись с довоенными показателями только в 1927 году в то время как земли, занятые под технические культуры и картофель расширились в 1,5-1,8 раза. Население потребляющих губерний привыкло к потреблению картофеля в больших количествах еще в военные годы. Высокий спрос на него сохранялся все время. Среди технических культур локомотивами быстрого движения выступали хлопок, подсолнечник и сахарная свекла. Масличные семена и сахарная свекла производились, в основном, в европейской части страны, хлопок – в республиках Средней Азии. Значительная часть масличных семян перерабатывалась в деревне домашним способом. Примерно пятая часть свеклы также оставалась в хозяйстве для личного потребления и на корм скоту.

Для зерновых культур главным фактором увеличения валового сбора выступал динамичный рост урожайности на крестьянских полях:

Урожайность зерна и картофеля на крестьянских полях [5.42]
по РСФСР, в пудах с десятины, а – озимые, б - яровые

	рожь		пшеница		ячмень	Овес	Картофель
	а	б	а	б			
1924	45,7	43,3	56,4	35,0	35,1	46,1	508,1
1925	49,6	45,6	69,6	52,6	71,4	60,2	533,5
1926	54,0	52,1	54,1	52,2	53,0	64,4	559,5

В этих цифрах, характеризующих рост эффективности использования крестьянами своей земли, последствия НЭПа проявились наиболее ярко. Конечно, сказалось увеличение парка сельскохозяйственных машин, массы применяемых удобрений, благоприятные погодные условия, но главным фактором роста была новая мотивация труда – возросшие реальные доходы крестьянства и вера, что после затянувшейся смуты в России наконец-то наступил общий перелом к лучшему...

Обновленная, здоровая обстановка в деревне благоприятно воздействовала и на развитие животноводства.

Количество скота в РСФСР [5.43]

млн. голов, на 1 января соответствующего года

	1916	1923	1924	1925	1926
Лошади, всего:	34,2	23,3	24,0	25,2	26,9
Кр. рогатый скот, всего:	51,7	41,8	47,3	51,2	54,0
в том числе: коровы	24,9	24,3	25,4	26,6	27,8
Свиньи	17,3	10,4	14,6	18,4	18,1
Овцы и козы	88,7	68,0	74,5	84,6	93,1

Стоит отметить, что до 1922 года господствовала тенденция сокращения стада всех видов домашних животных: сначала сказывались трудные условия военного времени, затем – засухи 1921 года. На изменении этой тенденции в лучшую стороны существенно сказались также социальные перемены, которые произошли в деревне после 1917 года. Прежде всего, увеличилось количество и доля середняцких хозяйств. Бедные слои крестьян получили землю и завели либо корову, либо, на худой конец, – козу. Количество лошадей росло медленно и не достигло уровня 1916 года. Дело в том, что держать коня целый год на относительно небольшом участке экономически невыгодно: работать интенсивно ему приходится, в основном весной и осенью, а кормить надо все двенадцать месяцев. Поэтому расчетливый хозяин в таких случаях предпочитал в пиковый период полевых работ и уборки урожая нанять лошадь со стороны, тем более, что с середины 20-х годов появилась возможность по доступной цене взять на время трактор в прокатном пункте.

Одну-две коровы многодетные крестьянские семьи держали даже в тяжелые военные годы, чтобы постоянно иметь на столе молоко и сметану. Поэтому стадо крупного рогатого скота, в том числе коров, увеличивалось не очень быстро. Товарные молочные продукты для реализации на рынке производили в крупных хозяйствах, где держали 5 и больше высокопродуктивных коров, но таких хозяйств пока еще было немного.

В то же время, после 1923 года произошел резкий скачок в динамике поголовья овец и свиней. Это был наиболее дешевый и быстрый путь (если не считать птицеводства) решения запущенной и болезненной проблемы увеличения ресурсов мяса. И логично, что крестьяне пошли этим путем...

Для более полной характеристики произошедших перемен в сельском хозяйстве в восстановительный период необходимо отметить

еще две важные особенности: первая – рост товарности как растениеводства, так и животноводства, вторая – увеличение доходов крестьянства.

По расчетам Госплана в 1925/26 году товарный выход зерна в сельском хозяйстве России составил 650-700 млн. пудов или 14-15% его валового урожая. Товарность производства основных продовольственных культур (ржи, пшеницы и крупяных) была несколько выше: 15-20%, поскольку они служили основными продуктами питания не только городского, но и сельского населения.

Плановый баланс производства и распределения ржи, пшеницы и крупяных на 1925/26 года [5.44]

	Млн. пудов	%
Валовой сбор	3095	100
Расходы:		
Потребление сель. населения	1 600	51,7
Семена	506	16,3
Отруби	193	6,2
Налоги	15	0,5
Самогоноварение	45	1,5
Отходы и потери	120	3,9
Всего расходов зерна	2478	80,1
Остаток – товарное зерно	617	19,9

Как показывают данные таблицы, основным потребителем продовольственного зерна оставались крестьяне. Тем не менее, товарность производства зерна повышалась. И как курьез: на самогон тратили больше зерна, чем на налоги.

Стоит отметить, что рост товарности зернового хозяйства начался с 1924 года, опережая динамику увеличения валовых сборов. Примерно две третьих товарного хлеба использовалось для снабжения населения городов и армии. Остальное шло на промышленную переработку и вывоз за рубеж.

Распределение товарной продукции сельского хозяйства за пределами местных рынков, млн. довоенных рублей

	Город. население и армия	Промышленная переработка	Экспорт
1923/24, млн. руб.	804	323	181
%	66,5	18,5	15,0
1924/25, млн. руб.	923	331	110,6
%	67,6	24,3	8,1
1925/26, млн. руб.	959	503	214
%	57,2	30,0	12,8
1926/27, млн. руб.	1 060	507	364
%	54,9	26,3	18,9

При абсолютном увеличении поставок сельскохозяйственных продуктов для снабжения продовольствием городского населения и армии их доля в общем объеме товарной продукции снижалась. Одновременно увеличивался удельный вес поставок сельскохозяйственного сырья для промышленной переработки и, особенно, – зерна на экспорт.

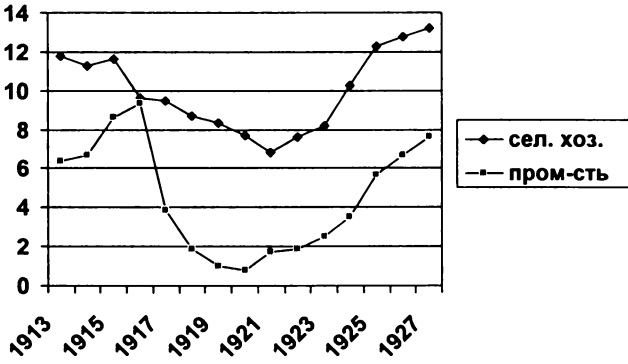
Соответственно росли и денежные доходы крестьянства. Если в 1924/25 году от реализации хлеба они выручили 277 млн. рублей, то в следующем году – уже 460 млн. Если вычесть из суммы этих доходов сельскохозяйственный налог, то в первом случае свободный остаток денег составил 96 млн. рублей, во втором – 117 миллионов. Но кроме зерна крестьяне в 1923/24 году реализовали почти на 300 млн. рублей таких продуктов, как лен, пенька, масличные семена, масло, яйца, шерсть и др. В следующем году такие доходы возросли до 580 млн.[5.44] Это означает, что денежные поступления крестьянских хозяйств, включая внутридеревенский оборот, в 1925/26 году превысили 1 млрд. рублей. Непосредственная угроза голода в России была снята.

К сожалению, о ней слишком скоро забыли. Когда 4-5 лет назад гибель из-за недостатка пищи для миллионов людей стала не только угрозой, но и реальностью, все были единогласны в том, что сельскому хозяйству надо серьезно помочь. Такая помощь имела приоритетное значение среди всех других народнохозяйственных проблем. И она была осуществлена быстро, масштабно и результативно. В течение сжатых сроков сельское хозяйство встало на ноги и накормило не только себя, но все многомиллионное городское население.

Следует подчеркнуть, что восстановление и сельского хозяйства, и промышленности происходило одновременно и одинаково трудно. Но обе отрасли помогали друг другу. Именно взаимная поддержка позволила выдержать невообразимые напряжения и в 1926/27году выйти на довоенные объемы производства.

На диаграмме четко виден перелом в траектории движения объемов как промышленного, так и сельскохозяйственного производства (в млрд. рублей) уже в начале проведения новой экономической политики. В промышленности он зафиксирован в 1921 году. В сельском хозяйстве – годом позже: сказались последствия засухи. Затем обе линии идут круто вверх, почти параллельно, как будто соревнуются: кто первый достигнет довоенного уровня. На самом же деле успех был достигнут только благодаря взаимной поддержке и помощи.

Динамика сельскохозяйственного и промышленного производства

Но уж так устроен человек: он быстро забывает о том, кто ему помог в трудное время. Вскоре в повестку дня были поставлены новые сложные вопросы: ускоренная индустриализации и укрепление обороноспособности страны. Это потребовало резкого увеличения капитальных вложений. И отношение к сельскому хозяйству, а, значит, к крестьянству и к продовольственной проблеме не сразу, но все же стало меняться.

Напомним историю тех лет. Осенью 1918 года, в условиях вспыхнувшей гражданской войны советская власть, по недавнему примеру А. Керенского, вводит жесткую разверстку при заготовках хлеба, которая не считается с интересами его производителей. Но меньше чем через год В. Ленин в своем докладе на съезде партии обращает внимание на то, "что средний крестьянин не враг наш". "Он требует к себе особого отношения". "Тут от нас требуется тактика чрезвычайно гибкая, чрезвычайно осторожная, ибо приходится иногда давать одной рукой и брать другой". В принятой съездом программе ставилась задача отделить середняка от кулака, "привлекать его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам.., стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическому соглашению с ним, идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований". [5.45]

Еще через два года (октябрь 1921) Ленин самокритично признает ошибочность прежней политики: "Мы рассчитывали – или, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета – непосредственными велениями пролетарского государства наладить

государственное производство и распределение продуктов... Жизнь показала нашу ошибку. [5.46]

В 1919 году В. Ленин реабилитировал середняка. Теперь (в 1921 г.) он существенно изменил свою позицию по отношению к "кулаку", назвав его уважительно: "старательный крестьянин". Еще дальше пошел Н. Бухарин. Выступая на собрании актива Московской организации, в апреле 1925 года, т.е. уже после смерти Ленина, он довольно смело (за что его ни раз больно били) заявил: "Излишняя боязнь наемного труда, боязнь накопления, боязнь прослойки капиталистического крестьянства и т.п. может привести нас к неправильной экономической стратегии в деревне. Мы излишне усердно наступаем на ногу зажиточному крестьянину. Но из-за этого середняк боится улучшать свое хозяйство, подвергаться сильному административному нажиму. А бедняк ворчит на то, что мы мешаем ему применять рабочую силу у богатого крестьянина и т. д...

В общем и целом всему крестьянству , всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас всегда должна быть беднота. Мы должны теперь вести такую политику, в результате которой у нас беднота исчезла бы". [5.47]

Позицию Бухарина разделял и активно поддерживал в то время видный специалист по продовольственному вопросу А. Цюрупа. Выступая в конце апреля 1925 года с докладом на XIV партконференции, он отметил две важные особенности развития сельского хозяйства: во-первых, наличие в деревне скрытой безработицы, во-вторых, появившееся стремление зажиточных крестьян к интенсификации своих хозяйств за счет дополнительных капитальных вложений. В этой связи, "нет никакой необходимости ставить административные препоны развитию производительных сил деревни в отношении найма труда в сельском хозяйстве и аренды земли...С этой стороны следует рассматривать и вопрос о кулаке... Мне кажется, что совершенно неправильными являются попытки противопоставить зажиточного богатого крестьянина кулаку... Границу здесь провести невозможно... Значительная часть спора о "кулаке" и "хозяйственном мужике" может быть устранена, как совершенно беспредметная... Наше отношение к этому спору должно строиться по аналогии с отношениями к частному капиталу в городе, в торгово-промышленной сфере. Административными методами с частным капиталом мы теперь не должны бороться. Взаимоотношения между государством и частным капиталом складываются на основе экономического соревнования, конкуренции". [5.48]

Видимо, не случайно оба высказывания видных политиков прозвучали практически одновременно: Бухарина 19 апреля, Цюрупы – 28-го. На следующий день после окончания конференции доклад Цюрупы был опубликован в Правде, где должность главного редактора занимал Н. Бухарин. Таким образом, это была их общая, согласованная позиция, получившая общественное звучание и поддержку.

В то же время существовала и другая позиция: еще в марте 1919 года на заседании аграрной секции VIII съезда РКП(б) с докладом выступила М. Костеловская (ее только что назначили начальником политотдела 2-й армии). "Подходя к вопросу о работе в деревне, надо помнить, – говорила она, – что перед нами стоят миллионы (крестьян – Р.Б.), которые мы должны орабочить". [5.49]

Суть этого нового направления в аграрной политике достаточно четко раскрыл Л. Троцкий, выступая уже на IX съезде партии с докладом о хозяйственном строительстве, значительная часть которого была посвящена обоснованию милитаризации труда не только промышленных рабочих, но и крестьян. Передовые рабочие, разъяснял он, - "через профессиональные союзы могут милитаризовать огромные крестьянские массы, привлекаемые к труду на основе трудовой повинности... Принуждение играет и будет играть еще в течение значительного исторического периода большую роль. По общему правилу человек стремится уклониться от труда. Можно сказать, что человек есть довольно ленивое животное..." [5.50]

В этих высказываниях контрастно выступают расхождения позиций по крестьянскому вопросу даже среди большевиков: с одной стороны, "крестьянин не враг наш". "Он требует к себе особого отношения". "Тут нужна тактика чрезвычайно гибкая, чрезвычайно осторожная". С другой – "орабочивание" крестьянина, насильственная мобилизация его в трудовую армию, принуждение, необходимое, поскольку "по общему правилу" крестьянин "довольно ленивое животное".

Еще дальше пошел Е. Преображенский – член партии с 1903 года. Он обогатил экономическую теорию "открытием" объективного закона социалистического накопления: "В период социалистического накопления государственное хозяйство не может обойтись без эксплуатации мелкого производства, без экспроприации части прибавочного продукта деревни и ремесла, ...".

И далее он разъясняет: "Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то

наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны (читай: России – Р.Б.) в момент социальной революции, – тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на *эксплуатацию* досоциалистических форм хозяйства и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т.е. тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической продукции". [5.51]

Чтобы более конкретно представить доходы отдельных слоев населения России в тот период, можно воспользоваться следующими данными:

Доходы двух основных групп населения СССР
Млн. червон. рублей

	1922/23	1923/24	1924/25
Земледельческое	4 410	6 910	8 360
Неземледельческое	2 650	4 340	5 770

На первый взгляд может сложиться впечатление, что в сельском хозяйстве были самые высокие доходы. Но нельзя забывать, что в этой отрасли трудились примерно 80% всего взрослого населения. В расчете на душу в 1925 году годовой доход в сельском хозяйстве составлял 73 рубля, а в городе – 230 рублей. В этих цифрах отражена суть крестьянского вопроса и когда Преображенский утверждал, что "в период социалистического накопления государственное хозяйство не может обойтись без эксплуатации мелкого производства, без экспроприации прибавочного продукта деревни и ремесла", это звучало как провокация.

Надо отметить, что в середине 20-х годов многие экономисты и политики не только не поддержали, но и раскритиковали Преображенского. Так, выступая с докладом о хозяйственном положении страны перед партийным активом Ленинграда в апреле 1926 года. И. Сталин отметил, что "у нас имеются в партии люди, рассматривающие трудящиеся массы крестьянства как чужеродное тело, как объект эксплуатации для промышленности, как нечто вроде колонии для нашей индустрии. Эти люди – опасные люди. Крестьянство не может быть для рабочего класса ни объектом эксплуатации, ни колонией. Крестьянство есть рынок для промышленности так же, как и промышленность является рынком для крестьянского хозяйства. Но крестьянство для нас не только рынок. Оно является еще союзником рабочего класса. Именно поэтому поднятие крестьянского хозяйства, массовое кооперирование крестьянства, улучшение

его материального положения является той предпосылкой, без которой не может быть обеспечено сколько-нибудь серьезное развитие нашей промышленности". [5.52]

В устном докладе и опубликованном его тексте не указаны фамилии тех "опасных людей", которые рассматривают крестьянство как объект эксплуатации для промышленности. Но получив записку с вопросом: кто же персонально возглавляет такое течение, докладчик прямо сказал: "Это течение возглавляет тов. Преображенский. Причем некоторые товарищи на пленуме ЦК явно склонялись к этой точке зрения. Мы же, большинство членов ЦК, высказались против, ибо рассматривать так крестьянские хозяйства в нашей стране.., значит подкапывать под основы диктатуры пролетариата". [5.53] К сожалению, спустя три года И. Сталин и большинство членов ЦК круто изменили свою позицию по отношению к крестьянству. Но об этом в следующей книге.

Здесь же следует отметить, что крестьянский вопрос в середине 20-х годов из сферы политических дискуссий переместился в практическую область – какие налоги должен платить крестьянин в государственный бюджет?

В упомянутом уже докладе на XIV партконференции А. Цюрупа привел результаты сравнительного анализа налоговых и других платежей сельского населения в довоенное и советское время:

Динамика налоговых и денежных платежей крестьянства [5.45]
на душу крестьянского населения, 1912 г.=100

	1920/21	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25
Налоги, прямые	н.д.	339	321	270	220
Налоги, прямые и косвенные	100	97	78	60	68
Налоги и др. денеж. платежи	100	60	48	37	42

Из приведенных данных следует: первое – прямой сельскохозяйственный налог в первой половине 20-х годов постоянно снижался, но в 1924/25 хозяйственном году он все еще превышал довоенный уровень в 2,2 раза. Второе – прямое и косвенное налоговое обложение крестьян, главным образом, благодаря снижению цен на товары для сельского населения, сократилось почти на одну треть. Третье – суммарный объем налоговых и денежных платежей (аренда, плата за пользование лошадью и инвентарем со стороны и т.п.) сократился больше чем на половину. Таким образом, финансовое положение крестьянских хозяйств в среднем по сравнению с довоенными характеристиками улучшилось. Но за средними показателями, как всегда, скрываются неприглядные контрасты и

уродливые случаи. Так, А. Цюрупа в процессе подготовки доклада о сельхозналоге, собрал много различного материала, в том числе об описи и продаже имущества за налоговые недоимки. Описи практиковались широко, но до распродажи крестьянского имущества дело, как правило, не доходило, хотя случались и безобразные исключения. Например, в Моршанском уезде Тамбовской губернии выездная сессия Губернского суда постановила сломать деревянные строения должников, в том числе бедняков и демобилизованных красноармейцев. Строения ломали под руководством коменданта суда и под наблюдением милиции. Бревна тут же складывались на подводы и отвозились в волость, где использовались для отопления служебных помещений. Всего по уезду сломали 36 строений...[5.55] Цюрупа не без оснований предложил снизить общий объем единого сельхозналога на 1925/26 год по сравнению с предыдущим годом больше чем на одну треть: с 470 млн. рублей до 300 млн. Конференция не только поддержала его, но и установила налоговую планку еще ниже – на уровне 280 млн., сохранив на прежнем уровне размер ассигнований (100 млн. рублей) на поддержку волостных бюджетов.

Таким образом, атмосфера НЭПа в 1925 году еще сохранялась...

5.3. Из пепла возрождаются торговля, сбалансированный бюджет и кредитная система

Нулевой точкой отсчета восстановления рынка в Советской России можно считать 1920 год, когда от рыночных отношений практически ничего не осталось. Денежная система, не выдержав эмиссионных перегрузок, рухнула вместе с ярмарками, оптовыми базами, розничными магазинами и мелкими, но многочисленными ларьками. Кооперация оказалась в шоке. Перестали функционировать банки и кредитная система. Нормированная система распределения продовольствия не обеспечивала прожиточного минимума. Как говориться, дальше ехать было некуда.

Окончание военных действий позволило серьезно заняться созданием достаточно эффективного рыночного механизма и сбалансированной финансовой системы. Уже 1921 год прошел под знаком налаживания прямого обмена промышленных товаров на продовольствие, имевшееся у крестьян, значительная часть которых в том году сама пострадала от сильной засухи. Поступление зерна и картофеля в город осуществлялось, в основном, по двум каналам: с одной стороны, наркомпрод и кооперация силились собрать полностью новый сельскохозяйственный налог и, если

удастся, дополнительно получить продукты питания в обмен на промышленные товары. К сожалению, им не удалось сделать полностью ни того, ни другого. В 1921 году в распоряжение государства поступило всего 233 млн. пудов зерна, что составило 64% к уровню предыдущего года. Такое падение закупок и заготовок хлеба нельзя объяснить только сокращением его урожая из-за засухи: валовой сбор зерновых в тот год снизился на четверть. Не справилась со своими заданиями и кооперация – большинство ее обменных пунктов в 1921 году по разным причинам так и не приступило к выполнению своей основной функции – закупок хлеба.

Более интенсивно действовал второй канал – мешочничество. Это была весьма своеобразная и неоднородная по своему характеру массовая форма продуктообмена с деревней. Она отличалась большой гибкостью, энергичностью и находчивостью. После опубликованного весной 1921 года декрета "О свободном обмене" в хлебопроизводящие губернии хлынул бурлящий поток многочисленных представителей трудовых коллективов, частных перекупщиков, семейных "заготовителей", в основном из центрального и северо-западного промышленных регионов, чтобы обменять "вещи" и различные изделия из металла на муку, крупу, зерно, картофель. Потребности селян в таком продуктообмене также были относительно высокими, что объясняют следующие данные:

Потребление промышленных изделий сельским населением [5.56]
млн. золотых рублей

	1912	1920	1921
Предметы потребления	1400	175	194
Сельхоз. машины	39	4,6	2,9
Минеральные удобрения	0,7	0,2	0,2
Другие пром. изделия	300	50	50

Из приведенных данных можно сделать следующие выводы: во-первых, уровень потребления промышленных изделий сельским населением в 1921 году находился на крайне низком уровне – около 14% к соответствующему показателю довоенного 1912 года. Во-вторых, положение в этой области в 1921 году по сравнению с предыдущим годом мало чем изменилось, а приобретение машин и орудий даже уменьшилось, хотя промышленность заметно увеличила выпуск плугов, жаток, молотилок и других машин. В-третьих, в это же время, – как уже отмечалось, – расширились ресурсы ситца, кожаной обуви, галош, керосина, оконного стекла, метизов, других промышленных изделий, но до села дошла только часть из них.

Если обобщить эти факты, то итоговый результат свидетельствует о том, что попытки восстановить базовые межхозяйственные связи, – как административными методами, так и с помощью "вольного" продуктообмена, не удались.

Уже отмечалось, что более предприимчиво и результативно действовали мешочники. Несмотря на преграды и притеснения, они выиграли соревнование, т.е. заготовили хлеба больше, чем наркомпрод и кооперация, но решить продовольственную проблему в целом, они, конечно, не могли. Поэтому уже осенью 1921 года было решено переходить к рыночным формам товарообмена с крестьянством. 1922 год можно считать началом такого перехода. Как уже говорилось, осенью в обращении появился червонец. Однако, денежную реформу удалось завершить только в 1924 году. К этому времени на рынке появились и "солидные" субъекты – тресты, синдикаты, банки, крупные и средние магазины, а также сотни тысяч мелких торговцев. Лишь за второе полугодие 1922 года патенты на право торговли получили 85,3 тыс. лотошников, 191 тыс. владельцев различных ларьков, 93,1 тыс. хозяев небольших магазинов. Многие из них разорились, но на смену пришли новые. В результате общее число "торговых точек" быстро увеличивалось.

Особое место в товарообороте занимали Московская, а также 70 других товарных государственных бирж, функционировавших в различных регионах страны. В 1923/24 году их оборот составил 2,7 млрд. рублей или свыше половины всего оптового оборота государственной торговли продовольствием, сельскохозяйственным сырьем, бакалейными, текстильными, металлическими и химическими товарами, топливом, кожей и кожаными изделиями, строительными материалами и некоторыми другими товарами. Через биржи проходила примерно седьмая часть оптового оборота кооперации, – прежде всего, покупка крупных партий промышленных изделий. Частные торговцы также пользовались услугами бирж, особенно, при закупках продукции государственных предприятий. [5.57]

Динамика товарооборота всех торговых заведений [5.58]
облагаемая его часть по 37 губ. РСФСР, Украине и Белоруссии

	Млрд. рублей
1921/22, 2 полугодие	1,0
1922/23, 1 полугодие	1,3
2 полугодие	2,9
1923/24, 1 полугодие	3,9
2 полугодие	4,6
1924/25, 1 полугодие	5,2
2 полугодие	6,3
1925/26, 1 полугодие	7,8

Стоит отметить, что динамичный скачок в развертывании торговли произошел в решающей степени за счет государственного сектора, который в 1 полугодии 1925/26 года увеличил объем оборота по сравнению со 2 полугодием 1921/22 года в 25,6 раза, в то время как кооперация достигла прироста в 15,4 раза, а частная торговля – лишь в 2,8 раза. Соответственно изменилась социальная структура торговли. Во 2 полугодии 1922 года доля частников (преимущественно бывших мешочников-перекупщиков) в общем товарообороте достигала почти 73%, государственной торговли – около 18% и кооперации – 9,5%. Спустя три с половиной года удельный вес частного сектора в торговле снизился до 25%, доля государственного – возросла до 57 , а кооперации – до 18%. При чем частники сосредоточили свой капитал, главным образом, в розничной торговле, государственные предприятия занимались, в основном, оптовой торговлей, кооперации – и тем, и другим.

Трудностей было много. Больная денежная система выздоравливала медленно, с осложнениями. Почти повсеместно ощущался дефицит оборотного капитала, а кредитная система только еще формировалась. Очень слабо была развита инфраструктура торговли, особенно в сельской местности, где крупных складских помещений и магазинов никогда не было. Но, пожалуй, самые большие сбои в развитии торговли между городом и деревней возникли в связи с масштабными нарушениями ключевых пропорций товарообмена, что проявилось, прежде всего, в так называемых "ножницах цен" на продукцию промышленности и сельского хозяйства.

Невольно вспоминается, что с тех пор, как Екатерина II ввела бумажные деньги, в России периодически повторяются крупные сбои в товарно-денежных отношениях, вызванные многократным обесценением рубля, сопровождаемым скачкообразным ростом цен, перерастающим в обширную инфляцию. Как правило, власти оказываются не в силах предотвратить такие вспышки, причисляя их к числу стихийных бедствий.

Одной из примитивных и, как правило, малодейственных мер, призванных смягчить разрушительные последствия обесценения денег, является введение твердых цен на хлеб и другие продукты массового потребления. Испробовав этот метод в первые месяцы после революции и не получив желаемых результатов, Совнарком решил его усовершенствовать: в 1921 году для прямого продуктообмена с крестьянством были введены "твердые" коэффициенты, с помощью которых имелось в виду приравнять аршин ситца, литр керосина, другие промышленные изделия к определенному количеству зерна или иного продукта крестьянского хозяйства.

Коэффициенты обмена сельхоз. продуктов на пром. изделия [5.59]
за 1 пуд, май 1921 г., на юго-востоке Европейской части страны

	ситец	нитки	спички	соль	иголки	стаканы
пшеница	2 арш.	3 катка	20 короб.	10 фунт.	30 шт.	8-10 шт.
ячмень, овес	1,5 арш.	2,5 катка	15 короб.	7,5 фунт.	22 шт.	6-8 шт.
кукуруза	1 арш.	1,5 катка	10 короб.	5 фунт.	15 шт.	4-5 шт.
картофель	0,33 арш.	0,5 катка	3-4 кор.	1,66 фун.	5 шт.	1-2 шт.
мясо, ж.в.	4 арш.	6 катков	40 короб.	20 фунт.	60 шт.	16-20 шт.
свинина	5 арш.	7,5 катка	50 короб.	25 фунт.	75 шт.	20-25 шт.

За этими натуральными коэффициентами стояли денежные расчеты: весной, когда был провозглашен новый курс экономической политики, Наркомпрод передал Центросоюзу, т.е. кооперации, весь свой фонд промышленных изделий, предназначенный для обмена на хлеб. Его оценили по довоенным ценам в 15,5 млн. рублей. Центросоюзу предстояло выменять у крестьян за счет этого фонда зерно и другие продукты на общую сумму 67,1 млн. рублей золотом. [5.60] Это означало, что довоенные цены на промышленные товары относительно продукции сельского хозяйства повысили в 4,3 раза. Тем самым, еще в 1921 году натуральные пропорции обмена между городом и деревней были существенно деформированы в пользу горожан. При этом продуктообмен, в отличие от условий 1918 года, производился не с волостями и общинами, а с конкретными крестьянами, причем не только через кооперативы, но и напрямую.

Но крестьяне далеко не всегда соглашались с такими коэффициентами обмена: во-первых, виды на урожай уже к началу лета были неблагоприятными и расставаться с небольшими запасами зерна было страшновато, во-вторых, так называемые мешочники предлагали более выгодные пропорции ("цены") обмена, в-третьих, значительную часть товарного зерна брали в долг или покупали на приемлемых условиях свои, деревенские потребители. Так, С. Струмилин приводит следующие расчеты: не менее 35% сельского населения, в основном бедняки, в большей или меньшей степени подкупали хлеб у зажиточных крестьян. Всего сельского населения в 1920 году было 108 млн. человек. Городского, включая армию, – 26 млн. Следовательно, как минимум 37 млн. сельских жителей, т.е. на 11 млн. больше, чем все городское население, потребляли товарный хлеб здесь же, в деревне. [5.61] В такой обстановке вполне закономерно, что программа государственных заготовок продовольствия частично осталась без наполнения.

Что касается денежных форм продуктообмена, то они стали крайне редкими. Но поскольку деньги никто официально не от-

менял, статистики каким-то образом все же умудрились подсчитать движение цен в условиях, когда практически не функционировали ни рынок, ни денежная система.

Динамика товарных цен [5.62]
в совзнаках, уровень цен 1913/14 г.=1

1.01.1920	1.07.1920	1.01.1921	1.07.1921
3460	9390	20339	70022

Из этих данных следует, что в течение 1920 года общий индекс товарных цен в совзнаках повысился в 6 раз. За первое полугодие 1921 года – еще в 3,5 раза. При этом номинально цены на 1 июля 1921 года превышали довоенный уровень в 70 тысяч раз. В такой денежной неразберихе трудно, можно даже сказать, нереально было точно рассчитать индексы цен. Показательно, что в то время несколько организаций параллельно занимались этой проблемой и каждая получила свои, отличные от других результаты. Так, широко использовались индексы: оптовый ЦСУ, общетоварный Госплана, розничный Конъюнктурного института, розничный Наркомфина, отпускных цен ВСНХ, бюджетный (стоимость корзины основных предметов потребления) и др. Кроме того, в качестве твердой базы для расчетов динамики цен (а также объемов производства, товарооборота, заработной платы, других денежных показателей) в одних случаях использовали золотой, довоенный рубль, в других – червонный рубль середины 20-х годов. По покупательной способности в декабре 1924 года они соотносились друг к другу примерно как 2:1. Поэтому все индексы цен содержат в себе определенный элемент условности, отражая лишь приблизительно особенности движения и соотношения уровней цен в конкретные периоды времени.

Как уже отмечалось, тенденция опережающего повышения ценности промышленных изделий проявилась уже в 1921 году, т.е. в самом начале нового возрождения товарно-денежных отношений. Она с самого начала встретила противодействие со стороны крестьянства, что послужило одной из причин провала кампании продуктообмена. С лета 1921 года из-за засухи цены на зерно и другое продовольствие быстро росли, пока новый хороший урожай не поломал эту тенденцию. Осенью 1922 года возникли первые признаки затруднений со сбытом: валовой сбор зерна приближался к довоенным показателям, а емкость внутреннего рынка росла относительно медленно. К тому же, полностью прекратился хлебный экспорт. Цены реализации сельскохозяйственной продукции начали снижаться. В то же время промышленные тресты и синдикаты, опьяненные коммерческим расчетом и

жаждой прибыли, продолжали расширять выпуск продукции и повышать цены, не обращая внимания на изменения конъюнктуры рынка, за что и были наказаны. Возникли серьезные трудности со сбытом быстро растущих объемов продукции промышленности. Рынок заставил товаропроизводителей считаться со своими законами.

Казалось бы, что в условиях, когда основная масса товаров производится и реализуется государственными предприятиями и существует несколько различных комиссий цен, контролирующих "сверху" практически весь процесс ценообразования в народном хозяйстве, им ничего не стоит навести и поддерживать необходимый порядок в многочисленных актах купли-продажи на рынке. Однако, простота проблемы только кажущаяся. На самом деле, ценами "командуют" не высокие государственные комитеты и комиссии, – сколько бы их ни было, – а объективные требования товарного производства и рыночного обмена. Когда с такими требованиями органы управления не считаются, в производстве и в торговле возникают стихийные возмущения и разного рода сбои, что и нашло свое отражение в "странном" поведении индексов цен:

Средне месячные индексы цен в 1922-1924 годах [5.63]
в червонном выражении, 1913=100

	Окт.	Нояб.	Дек.	Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июнь.	Июль	Авг.	Сен.
1922/23												
Оптовый ЦСУ												
Сел. хоз.	101	93	85	79	80	92	78	76	95	103	98	90
Промышлен.	140	125	128	128	140	164	156	168	196	228	260	273
"Ножницы" раз	1,39	1,34	1,51	1,63	1,74	1,78	2,00	2,21	2,07	2,22	2,65	3,05
Рознич. НКФ												
Сел. хоз.	111	99	90	86	93	90	81	86	100	120	115	93
Пром.	174	157	157	157	167	180	181	191	216	238	259	269
"Ножницы" раз	1,57	1,59	1,74	1,83	1,80	2,00	2,23	2,22	2,16	1,98	2,25	2,89
1923/24												
Оптовый ЦСУ												
Сел. хоз.	88	98	116	133	164	162	154	145	137	148	153	141
Промышлен.	253	235	228	228	225	213	205	202	201	203	203	200
"Ножницы" разы	2,88	2,4	1,97	1,72	1,37	1,31	1,34	1,4	1,47	1,37	1,33	1,42
Рознич. НКФ												
Сел. хоз.	92	112	126	142	162	168	181	179	174	188	199	180
Промышлен.	258	251	243	247	256	247	241	240	244	247	248	245
"Ножницы"	2,8	2,24	1,93	1,74	1,58	1,47	1,33	1,34	1,4	1,31	1,25	1,36

Эта несколько громоздкая таблица важна для понимания тех изменений, которые произошли осенью 1923 года в рыночной конъюнктуре, вызвав так называемый кризис сбыта и промышленной,

и сельскохозяйственной продукции. Из нее хорошо видно, что движение сельскохозяйственных и промышленных цен ведущих отраслей страны существенно отличались друг от друга.

Собрав приличный урожай крестьяне, впервые после семи лет войны, получили возможность заработать немного денег для того, чтобы хотя бы частично обновить свое изрядно потрепанное хозяйство. Они пошли на снижение цен на хлеб, другие продовольственные продукты и сырье для легкой промышленности. Реакцию города никак не назовешь адекватной: оптовые и розничные цены на промышленные товары продолжали круто расти...В результате в сентябре – октябре 1923 года, при сравнении с довоенной рыночной конъюнктурой, возник большой разрыв – "ножницы" в уровнях цен, а тем самым и конфликт между интересами города и деревни, от которого пострадали обе стороны. Он не ограничивался рамками противоречий между спросом и предложением.

В аналитическом обзоре наркомата внутренней торговли приводятся на этот счет интересные выборочные данные:

Оборот торговли тканями в Москве осенью 1923 года [5.64]
тыс рублей

треты	Август	сентябрь	октябрь
Хлопчато-бумажный	832	918	2131
Льняной	66	32	46
Шерстяной	120	98	108
Всесоюзн. синдикат	241	295	310
Гум	740	1037	1118
Моссельпром	374	430	532

Из приведенных данных по основной сети московских магазинов, торговавших тканями, видно, что в период самого большого разрыва между промышленным и сельскохозяйственным индексами общий объем реализации тканей не только не снижался, но, наоборот, увеличивался, за исключением льняного полотна. Но и эта заминка объяснялась, в первую очередь, сезонными колебаниями. "Эти данные недостаточны, чтобы с полной уверенностью можно было характеризовать потребительский спрос. Однако, несомненно, что осень не сопровождалась уменьшением розничных продаж, но и не дала значительного их увеличения... Кризис возник не потому, что сразу сильно пал потребительский спрос, а потому, что промышленные организации надеялись на быстрый и выгодный сбыт промтоваров осенью 1923 года, каковая надежда не оправдалась".[5.65] Несбывшиеся ожидания привели к затариванию и накоплению сверхнормативных запасов готовой продукции.

Поскольку размер оборотных средств на промышленных предприятиях и в торговых организациях был весьма небольшим, нормальный кругооборот товаров и денег нарушился. Возникли неплатежи между смежниками и задержки с выплатой заработной платы. Несколько месяцев были весьма напряженными.

Пришлось принимать чрезвычайные меры. Прежде всего, потребовалось снизить оптовые и розничные цены на промышленные товары до уровня, приближающего их к довоенным показателям. Причем делалось это часто административными методами с использование сравнительного анализа отдельных элементов себестоимости на конкретные товары в 1913 и 1923 годах. Такой подход, однако, позволил раскрыть резервы экономии затрат и снижения цен. В этой связи можно привести несколько примеров:

Основные элементы себестоимости 1 пуда гвоздей [5.66]
на заводе б. Гуджон, соответственно в золотых и червонных руб.

	1913	1923, сентябрь	1924, сентябрь
Материалы	1,88	4,25	3,55
Энергия	0,02	0,05	0,04
Заработная плата	0,07	0,16	0,13
Накладные расходы	0,43	1,48	1,09
Заводская себестоимость	2,4	5,94	4,81
Налоги	-	0,23	0,14
Себестоимость с налогом	2,4	6,17	4,95

Из сравнения издержек производства 1 пуда гвоздей до войны и в сентябре 1923, 1924 годов видно, что определение новой себестоимости и отпускной цены на гвозди опиралось не на расчетно-аналитический метод, когда тщательно обосновываются удельные расходы материалов, топлива, труда и других элементов затрат на единицу готового изделия, а упрощенный нормативный подход. Он, по существу, предполагал воспроизведение структуры и объемов затрат, которые сложились в 1913 году с помощью коэффициента 1:2. Такой метод не отличался точностью, поскольку не учитывал тех перемен, которые произошли в производстве за истекшие более, чем десять лет, но был простым и наглядным. Для проведения всестороннего анализа, например, воздействия на структуру и динамику себестоимости единицы продукции разных темпов роста производительности труда и движения средней заработной платы специалистов в органах управления тех лет почти не было. Поэтому выбрали наиболее простой метод расчета, посильный каждому грамотному человеку: в 1913 году на пуд гвоздей приходилось

примерно 7 копеек затрат на заработную плату производственного персонала. В 1924 году расходы по этой статье должны были повышаться не более, чем в 2 раза. И так по каждой статье. В результате суммарная фабрично-заводская себестоимость гвоздей тоже должна увеличиться не более, чем в 2 раза: с 2,4 руб. до 4,81 руб.

Пересчет калькуляции и отпускной цены за одну пару мужских галош осуществлялся более сложным методом: в отпускную цену включили налоги, акциз и прибыль. Конечный результат был таким же – новая отпускная цена формально была снижена, но по сравнению с довоенным уровнем она увеличилась примерно в два раза.

Калькуляция себестоимости и отпускной цены одной пары мужских галош [5.67]
соответственно в золотых и червонных рублях

	1913	1923, сентябрь	1924, сентябрь
сырье	1,28	1,87	1,01
топливо	0,01	0,20	0,09
зарплата	0,09	0,23	0,26
наклад. и сбыт. расходы	0,22	1,74	1,41
фаб. себестоимость	1,60	4,04	2,77
налоги и акцизы	-	0,56	0,32
прибыль	-	0,40	0,09
отпускная цена	-	5,00	3,17

В этой таблице бросается в глаза слишком большой абсолютный и относительный объем накладных и сбытовых расходов – раздутый административный и торговый аппарат. Сокращали его с большой осторожностью. Зато решительно, почти в 2 раза сократили, по сравнению с 1923 годом удельные нормы расходов на материалы и топливо. Несколько снизился уровень рентабельности, а также налоги и акцизы.

Структура отпускной цены на сахарный песок [5.68]
за 1 пуд, соответственно в золотых и червонных рублях

	1913	1923/24	1924/25
Свекла*	1,15	1,76	1,88
Вспом. материалы	0,08	0,14	0,11
Топливо	0,11	0,34	0,34
Зарплата	0,10	0,37	0,37
Накладные расходы	0,62	1,39	1,32
Налоги	4,75	0,24	0,17
Акциз	1,75	4,00	4,00
Чистая прибыль	0,18	0,53	0,67
Отпускная цена	4,02	8,76	8,75

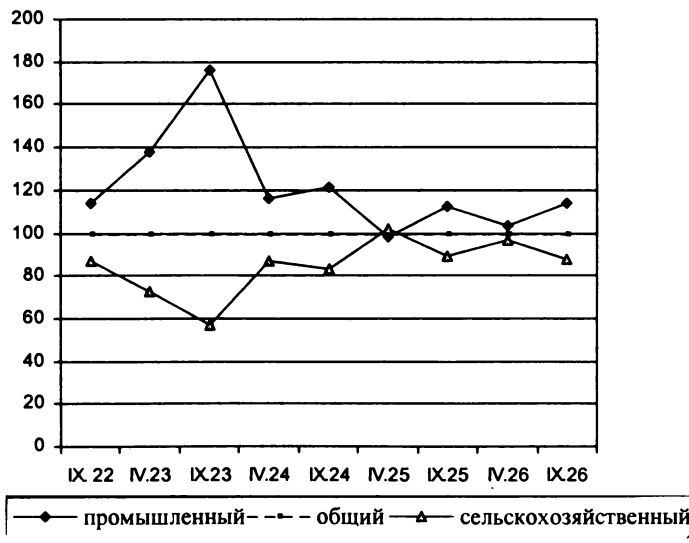
* Без стоимости реализованных отходов

Аналогично поступили и с калькуляцией себестоимости и отпускной цены на сахарный песок.

В данной калькуляции довольно четко отражаются особенности начального периода проведения НЭПа – прежде всего, внимания к интересам крестьянства: движение закупочной цены на свеклу в 1923 году относительно довоенного уровня отставало от изменения курса червонного рубля к золотому (1:2). В 1924 году цена повышается, но все еще отстает от динамики общего курса. Вспомогательные материалы подешевели. Зарплата производственных работников и накладные расходы, где преобладают затраты на оплату труда административного персонала, пересчитаны по курсу 3 и 2. До войны налоги и акциз составляли в сумме 6,5 золотого рубля. В 1923 и 1924 годах, по существу, сохранился только акциз – 4 червонных рубля. В 3-4 раза возросла прибыль предприятий. Отпускная цена увеличилась в рамках изменения общего курса: в 2,2 раза.

В целом в 1924-1926 годах преобладала тенденция снижения оптовых и розничных цен на промышленные товары. Одновременно государственные торговые организации и кооперация повысили закупочные цены на продукты сельского хозяйства, т.е. створки "ножниц" стали сближаться, что означало восстановление определенного равновесия на внутреннем рынке страны.

Движение сельскохозяйственного, промышленного и общетоварного индексов цен в 1922-1926 годах [5.69]
на 1 число соответствующего месяца, 1913 г.=100 г.

Все это достаточно хорошо прослеживается на следующем графике:

Как видно из графика, наибольший размах разрыва (ножниц) в движении промышленных и сельскохозяйственных цен наблюдался в сентябре-октябре 1923 года. Благодаря успешно осуществленному комплексу мер, весной 1924 года этот разрыв резко сократился, а в апреле-июне был сведен к нулю. В течение непродолжительного периода индекс сельскохозяйственных цен даже превысил соответствующий индикатор промышленности. Затем конъюнктура вновь повернулась лицом к городу, но это не отменяло главного: в 1924-1927 годах в России сформировался и эффективно функционировал сбалансированный емкий внутренний рынок с твердой валютой и достаточно устойчивым равновесием спроса и предложения на основные группы промышленных и сельскохозяйственных товаров. Таким образом, в крайне сжатые сроки – в течение всего 5-6 лет довоенные параметры были достигнуты не только в производстве, но и в сфере обращения.

Этому в немалой степени способствовало также восстановление кредитной и банковской системы, а также сбалансированности расходов и доходов государственного бюджета.

"Ближайшим толчком к развертыванию кризиса сбыта, – писали авторы уже упомянутого обзора по внутренней торговле в 1923/24 году, – были кредитные затруднения, которые испытали и промышленность, и торговля (державшие средства в товарах), вследствие зажатия промышленных кредитов и переброски средств на хлебные и сырьевые заготовки". [5.70] Конечно, дело было не только в переброске кредитных ресурсов на хлебный фронт. Главная причина возникших трудностей заключалось в младенческом возрасте кредитной системы и крайней слабости ее ресурсной базы. Поскольку стремительно обесценивающиеся государственные денежные знаки образца 1923 года обжигали руки, – и промышленные организации, и крестьянские хозяйства стремились как можно скорее обратить их в сырье, материалы, топливо и другие материальные ценности. В таких условиях держать денежные знаки у себя или перевести на депозитный счет в банк было все равно, что бросить деньги на ветер. Однако, кругооборот собственных оборотных фондов происходил неравномерно, недостаточно быстро и непредсказуемо. Известно, что масса протекающей жидкости, газа и денег лимитируется узким местом конкретной инфраструктуры, с помощью которой осуществляется их движения.

Таким узким местом в рыночном потоке товаров и денег в 1922-1923 годах выступала банковская система. Поэтому ее пришлось

лихорадочно строить и расширять, фактически на пустом месте, без достаточных капиталов, кадров и опыта. Первым для страждущих клиентов открыл свои двери в октябре 1921 года Государственный банк. Наряду с разрешением главной задачи – создание устойчивой системы денежного обращения, ему было поручено кредитование крупной государственной промышленности, кооперации, сельского хозяйства, а также частных предприятий. Сам он поначалу получал необходимые для этого денежные ресурсы из бюджета, в совзнаках. Хотя по номиналу речь шла о десятках миллиардах рублей, реально за ними не стояло практически ничего. Поэтому какой-либо существенной кредитной помощи ни государственным, ни другим организациям, по крайней мере, до осени 1922 года, т.е. до выпуска в обращение червонцев, Госбанк оказать просто не мог. Тем не менее, строительство новой кредитной системы продолжалось.

С января 1922 года начали образовываться кредитные и ссудосберегательные товарищества, призванные служить одной из форм организации финансовой взаимопомощи и поддержки крестьянских хозяйств. Но пока не было твердого рубля, все подобные попытки кончались неудачей и их можно рассматривать только как учебные занятия по подготовке кадров для будущего настоящего дела.

В феврале 1922 года, в форме паевого товарищества, с участием Госбанка, был учрежден Банк потребительской кооперации (Покобанк). Первоначально он обслуживал только своих пайщиков – организации потребительской кооперации. Практика показала, что такая узкая ориентация недостаточна и, проработав без заметных достижений ровно год, он был преобразован во Всероссийский кооперативный банк (Всекобанк), обслуживавший все виды кооперативных организаций, включая жилищно-строительные кооперативы.

В октябре 1922 года, в форме акционерного общества был создан Торгово-промышленный банк (Промбанк). По размерам операций он занимал второе место после Госбанка. На 1 октября 1926 года Промбанк имел 89 филиалов, на текущих счетах и вкладах –184 млн. рублей. Объем предоставленных кредитов составил 350 млн. рублей, в том числе, долгосрочных – лишь 28 млн. [5.71] Одновременно с Промбанком было образовано небольшое АО "Электрокредит", через которое осуществлялось кредитование и бюджетное финансирование сельской электрификации. В 1924 году оно было реорганизовано в Электробанк, функции которого по финансированию планов электрификации расширились до масштабов всей страны.

Ответственная и активная роль по восстановлению и развитию аграрного сектора выпала на долю Центрального и республиканских

сельскохозяйственных банков, созданных на акционерных началах в первой половине 1923 года Учредителями ЦСХБ выступили государственные учреждения. На 1 октября 1926 года из 86,3 млн. рублей акционерного капитала 17 млн. принадлежали союзному наркомфину, 8,5 млн. – Госбанку, 34,1 млн. рублей – республиканским наркоматам земледелия. Важно отметить, что примерно половина капитала была использована для выдачи долгосрочных ссуд. [5.72] Государство предоставляло системе сельскохозяйственного кредита различные льготы, в том числе по налогам и отчислениям на социальное страхование. Те, в свою очередь, стремились сделать кредит для крестьян более дешевым. Так, в ноябре 1925 года сельскохозяйственные банки снизили ставки по долгосрочным ссудам с 7 до 6, по краткосрочным – с 12 до 10 процентам.

Снятие экономической блокады и развертывание собственных внешнеэкономических операций потребовали создания в стране специализированного банка, который мог бы квалифицированно и недорого помочь российским импортерам и экспортерам осуществлять денежные расчеты с зарубежными клиентами. Осенью 1922 года для выполнения таких функций был создан, с привлечением шведского капитала, специальный коммерческий банк. В 1924 году его преобразовали в государственный Внешторгбанк (шведам вернули их капитал), который с некоторыми модификациями сохранился до сих пор. Практика многих десятилетий подтвердила его эффективность, достаточную гибкость и живучесть.

Наконец, надо отметить, что в 1923 году губернским исполкомам было предоставлено право создавать местные коммунальные банки. Их главное назначение состояло в том, чтобы поддержать доступными кредитами восстановление городского хозяйства, новое строительство, в том числе, жилищное, предоставлять кредиты местным государственным, кооперативным и частным предприятиям. Закономерно, что число таких банков быстро росло: на 1 октября 1923 года их насчитывалось всего 10, через три года – 45, с 112 филиалами.

Частный капитал имел право и возможность пользоваться услугами всех государственных и кооперативных банков. Кроме того, еще в 1922 году было разрешено создавать на паевых началах небольшие частные банки, получившие название обществ взаимного кредита.

Таким образом, за очень короткий срок в России удалось создать разветвленную и действенную сеть государственных, кооперативных и частных кредитных учреждений, которые стали важным звеном нового хозяйственного механизма, способствовавшего относительно устойчивому кругообороту товаров, денег и капитала в рамках весьма

противоречивой рыночной экономики. Возглавлял эту систему Госбанк СССР. Ступенькой ниже располагались 6 банков союзного значения: Центральный сельскохозяйственный, Торгово-промышленный, Всероссийский кооперативный, Внешторгбанк, Банк для электрификации и Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. Затем шли банки республиканского и областного значения: Московский городской, Дальне-Восточный, Средне-Азиатский, сельскохозяйственные банки России, Украины, Белоруссии и Закавказья и другие: в общей сложности, в 1926 году —18 банков. Замыкали пирамиду местные кредитные учреждения: коммунальные банки, общества сельскохозяйственного кредита, общества взаимного кредита, городские ломбарды и сберегательные кассы. Всего в 1926 году по СССР насчитывалось 12,4 тыс. крупных, средних и мелких кредитных учреждений (без филиалов и отделений).

Важная особенность становления банковской системы в Советской России состояла в том, что этот процесс происходил в условиях стремительного падения покупательной способности государственных денежных знаков, которые обслуживали почти весь товарооборот в стране примерно до середины 1923 года. Затем, еще чуть больше года в обращении параллельно использовались два вида денег: совзнаки и червонцы, что отнюдь не упростило ситуацию на рынке. Только с конца 1924 года до 1927 года, включительно банки выполняли все свои функции в обстановке единой и твердой, червонной валюты.

Пожалуй, самым трудным был период 1922 года. В то время, с одной стороны, банки не вышли еще из детского возраста, когда кажется, что все блестящее, это золото, а с другой — цены, выраженные в совзнаках, не просто вышли из-под контроля, но и начали разрушать сами основы только начавшихся возрождаться товарно-денежных отношений. Чтобы, хотя бы частично, обезопасить себя от инфляции и реальной угрозы банкротства, банки вынуждены были внести коррективы в свой инструментарий и методы кредитования. Во-первых, кредит выдавался, как правило, на срок до 1 месяца, главным образом, в форме учета гарантированных векселей и ссуд под товары, т.е. под движение товарного капитала с наибольшей скоростью оборота. Иногда дисконт выплачивался товарами или банк становился соучастником конкретной торговой операции, получая за это дополнительно комиссионные. Во-вторых, банки повысили и депозитные, и кредитные ставки. Сделать это было не просто, поскольку почти все банки были государственными и перед ними была поставлена задача сделать кредит доступным

для предприятий и для крестьянских хозяйств. Партию первой скрипки здесь играл Госбанк: в первом квартале 1921/22 года он предоставлял кредиты государственным предприятиям из расчета 8% в месяц, кооперации – 10, частным клиентам – 12%.[5.73] Для Госбанка такие условия были убыточными, поскольку государственные денежные знаки обесценивались в течение месяца более, чем вдвое. Но доходы по другим статьям (эмиссионный доход, прибыль от торговли хлебом и другими товарами, скупка валюты, драгоценностей и др.) перекрывали эти убытки.

В более трудном положении находились акционерные банки, которые не получали эмиссионных доходов, не имели возможности скупать золото и иностранную валюту, но широко участвовали в торговых операциях, более выгодно размещали кредиты и активнее привлекали вкладчиков. Характерно, что ставки по депозитам не отрывались далеко от кредитных. В результате банковская маржа составляла всего 3,5-3,7 процентного пункта.

В особом положении находились общества взаимного кредита, которые обслуживали частных торговцев, ремесленников и других клиентов, в том числе торговых и валютных спекулянтов. Они не получали помощи от государства, но умело пользовались свободой рынка. Поскольку рыночный спрос на кредитные деньги был выше предложения, общества взаимного кредитования не особенно стеснялись, завышая ставки за кредит, иногда до 20-25% в месяц. В этом отношении они мало отличались от "вольных", т.е. нелегальных кредиторов, которые нередко обслуживали и криминальные структуры. В- третьих, высокая динамика расширения государственной и кооперативной системы банков позволяла получать прирост прибыли не за счет повышения ставок, а за счет расширения объемов предоставляемых кредитов.

Активы сводных балансов кредитной системы СССР [5.74]
на 1 октября соответствующего года, млн. рублей,
без первичных кооперативных кредитных учреждений

	1923	1924	1925	1926
Ценности	221,1	419,3	556,5	540,8
Учетно-ссудные операции	541,1	1159,0	2491,9	3417,9
Прочие операции	43,3	88,7	174,0	270,2
Сальдо расчетных счетов	3,6	4,0	55,2	13,4
Касса	29,0	79,5	139,8	113,9
Баланс	838,1	1750,5	3417,4	4356,2
Межбанковские расчеты	38,5	150,3	494,2	748,4
Межконторные расчеты	202,7	505,7	1358,5	1241,4
Всего	1079,3	2406,5	5270,1	6346,0

Как видно из приведенных данных, наибольший удельный вес среди активных операций банков в период расцвета НЭПа занимали: учет векселей и выдача ссуд под товары, в том числе, под сделки с хлебом, а также предоставление целевых кредитов и другие операции. Эти же статьи относятся к числу операций, наиболее динамичных по приросту объемов, особенно, учет векселей – увеличение за три года в 10 раз. В 1924 году отмечено удвоение резервного фонда банковской системы. Бросается в глаза также резкое увеличение объемов межбанковских и межконторских расчетов, что косвенно свидетельствует об участии банков в некоторых рискованных (читай: спекулятивных) операциях: на рынке, как на рынке.

Пассивы кредитной системы СССР [5.75]
те же условия, млн. рублей

	1923	1924	1925	1926
эмиссия	235,0	521,9	946,6	1121,0
основной капитал	104,9	241,6	445,6	573,3
запасной капитал	0,6	11,0	27,7	65,3
прибыль (сальдо)	22,0	45,1	107,1	143,1
вклады и текущие счета	228,4	537,0	1261,6	1410,0
в том числе: НКФ	72,5	106,1	353,3	447,2
проч. пассивные операции	70,2	120,8	193,7	308,9
сальдо корр. расчетов	3,7	0,6	-	-
Баланс	838,1	1750,5	3417,4	4356,2
Межбанковские расчеты	38,5	150,3	494,2	748,4
Межконторские расчеты	202,7	505,7	1358,5	1241,4
Всего	1079,3	2406,5	5270,1	6346,0

Сравнение двух таблиц свидетельствует, что выпуск новых банкнот-червонцев, обеспеченный в 1923 и 1924 годах достаточными запасами валюты и других ценностей, уже в 1925 и 1926 годах стал отрываться от них. Характерно также, что с началом свободного обмена банкнот на инвалюту по устойчивому курсу, возросло доверие населения к банкам, выразившееся в резком увеличении объемов вкладов и депозитов. Стоит отметить также, что банки, как это обычно бывает в подобных ситуациях, лучше и быстрее других секторов народного хозяйства, с коммерческой точки зрения, адаптировались к рыночным условиям. Их прибыль всего за три года увеличилась почти в 7 раз, причем часть ее они трансформировали в основной и запасной капитал (запасной капитал возрос за три года больше, чем в 100 раз), уходя тем самым от налогов.

О характере и направлениях деятельности общесоюзных кредитных учреждений можно судить на примере Центрального сельскохозяйственного банка и связанных с ним партнеров. Большинство

своих операций на местах он проводил через республиканские сельскохозяйственные банки и соответствующие кредитные общества.

Организационная структура кредитования сельского хозяйства [5.76]
на 1 октября 1926 г., млн. червонных рублей

	ЦСХБ	Республикан. сельхозбанки	Общества с.х. кредита	Всего
число учреждений	1	6	61	68
их капиталы	88,8	65,4	64,5	218,7
целевые средства	63,6	33,6	9,1	106,3
вклады и тек. счета	15,7	14,6	34,0	64,3
учет.- ссуд. операции	210,7	257,6	289,6	757,9

Общества сельскохозяйственного кредита, стоявшие ближе всех к клиентам, лидировали по объемам вкладов и учетно-ссудных операций. Центральный сельхозбанк – по размеру уставного капитала и привлеченных средств целевого назначения. В 1924-1926 годах государство предоставило ему на возвратной основе свыше 400 млн. рублей.

Структура кредитных вложений ЦСХБ в 1923-1926 годах [5.77]
на конец года, млн. рублей

	1923	1924	1925	1926
долгосрочные	0,5	15,2	77,7	156,0
краткосрочные	7,6	54,2	160,0	250,2
всего	8,1	69,4	237,7	406,2

Необходимо отметить также, что основные кредиты этого банка использовались на производственные нужды. Их объем возрос с 3,5 млн. рублей в 1923 году до 331 млн. в 1926 году.

Бюджетная система государства была быстро восстановлена и существенно окрепла, прежде всего, за счет расширения доходной базы: подъема сельского хозяйства, промышленности, развития транспорта и торговли. Уже в середине 20-х годов она играла активную роль в регулировании и стимулировании всех отраслей. Выступая в мае 1925 года на собрании пайщиков Всекобанка нарком финансов Г. Сокольников довольно смело заявил: "...Нынешний союзный государственный бюджет по сути дела очень близко уже подошел к масштабу довоенного государственного бюджета". [5.78]

Конечно, решить такую сложную задачу удалось не сразу и не без трудностей. Напомню, что еще весной 1918 года были поставлены две взаимосвязанные задачи: ввести в обращение золотой рубль и составить сбалансированный бюджет в довоенных рублях. С этой целью Народный банк, используя с небольшими поправками старые

клише, напечатал на специальной бумаге обновленные кредитные билеты достоинством от одного до трех тысяч рублей, на которых за подписью управляющего банком Г. Пятакова было заявлено: "Кредитные билеты разменяваются на золотую монету без ограничения суммы и обеспечиваются всем достоянием государства". Трудно сказать, чем бы это кончилось, но начавшаяся гражданская война не только освободила Банк от таких обязательств, но и полностью разрушила денежную, кредитную и бюджетную системы. Такое крушение произошло главным образом из-за того, что правительству никак не удавалось сбалансировать свои расходы и доходы. Дело в том, что для правительства, как и для любого другого социального института всегда существует свой "прожиточный минимум", который, в свою очередь, определяется объективными потребностями в финансовых средствах для выполнения его основных функций. Для удовлетворения таких потребностей нужен жестко очерченный минимальный уровень доходов. Таким образом, ключ к сбалансированному государственному бюджету хранится в его доходной части. В чрезвычайных ситуациях, особенно в условиях войны, когда правительству приходиться сразу хвататься за массу неотложных дел, этот ключ ускользает из рук и, как правило, его долго не могут найти. Возникает хронический дефицит бюджета. Такая ситуация в России возникла в период гражданской войны и сохранилась в первые послевоенные годы. Напомню данные Д. Боголепова:

Дефицит государственного бюджета России [5.79]

в %

1918	1919	1920	1921
66,6	77,3	86,9	84,1

Дефицит – это опасная пробоина в подводной части государственного корабля. Если ее вовремя не заделать, то вся система управления страной быстро потеряет силу и, раньше или позже, рухнет. Спасение в том, чтобы как можно скорее увеличить доходы. Это можно сделать только за счет внутренних и внешних займов, крутого увеличения налогов, а также эмиссии бумажных денег, что, по существу, является массовым косвенным налогом на все население. В зарубежных кредитах Советской России отказали. Внутренних займов в течение 1922-1926 годов было выпущено 16: два хлебных, сахарный, золотой, два крестьянских, несколько внутренних и выигрышных, заем хозяйственного восстановления, а также транспортные сертификаты наркомата путей

сообщения и платные обязательства наркомфина. Первый хлебный заем 1922 года был размещен на 2,5 млн. черв. рублей. К 1 октября 1923 года кредитные обязательства государства возросли до 118 млн. рублей. Всего на 1.07.1927 года остаток внутреннего государственного долга СССР составлял 865 млн. червонных рублей. [5.80]

Внутренние займы сыграли заметную, но далеко не решающую роль в спасательных работах по восстановлению равновесия государственного бюджета. Поскольку система сбора прямых налогов начала восстанавливаться лишь в 1922 году, основная нагрузка по текущему ремонту образовавшейся большой дыры в бюджете легла на эмиссию совзнаков. Д.П. Боголепов приводит интересные, хотя и приблизительные расчеты реального значения эмиссии бумажных денег, как одного из источников доходов государственного бюджета.

Реальная ценность эмиссии бумажных рублей в России [5.81]
в млн. довоенных рублей

1916	1917	1918	1919	1920	1921
1631	2767	468	204	103	128

Из таблицы видно: во-первых, по покупательной способности выпущенных в обращение денег, эмиссия советского правительства была во много раз меньше эмиссии царского и временного правительств. Во-вторых, практическое значение эмиссии, как одного из источников доходов бюджета, упало так низко, что пришлось искать другие подходы к решению финансовых проблем.

В середине 1921 года была предпринята очередная попытка составить сбалансированный государственный бюджет на следующий год в довоенных рублях. В этой связи последовала команда "сверху": резко снизить государственные расходы, прежде всего, за счет сокращения штатов и затрат на военные нужды. В то же время был введен первый вариант промыслового налога на торговые и промышленные предприятия. Наркомфину удалось ввести и некоторые другие новшества. Получившийся проект сбалансированного бюджета, рассчитанного в довоенных рублях, внушал доверие и в самом конце декабря 1921 года IX Всероссийский съезд советов утвердил его на 9 месяцев (январь-сентябрь) оставшегося хозяйственного года, хотя и с оговоркой: предоставить право ВЦИК вносить в бюджет поправки, "необходимость коих выяснится ... при применении бюджета на практике". [5.82]

Потребность в корректировках возникла уже в первый месяц применения нового бюджета. Дело в том, что уравновесить его расходы и доходы, – и то с трудом, – удалось только на бумаге.

К октябрю 1922 года он был сведен с дефицитом 230 млн. довоенных рублей, в то время как вся сумма прямых и косвенных налогов по росписи составляла 116 млн. Возникший недостаток перекрыли масштабной эмиссией совзнаков, часть которых Госбанк использовал для закупки драгоценных металлов и твердой валюты.

Известный финансист Л. Юровский писал в те годы об этом "жестком" бюджете: "Первые же попытки провести его в жизнь обнаружили его совершенно фантастический характер и крупные ошибки, допущенные при сведении воедино отдельных частей. В начале 1922 года его пришлось коренным образом переделывать". [5.83]

В следующем, 1922/23 году ситуация в основном повторилась, но, с некоторыми улучшениями. Чтобы хоть как-то адаптироваться к обвальному обесценению совзнаков, государственный финансовый план составлялся на каждый месяц. Нарком Г. Сокольников следующим образом характеризовал ноябрьский (1923 г.) бюджет: он "сведен в размере (с округлением) 190 млн. червонных рублей. Это больше чем вдвое превосходит цифру ноябрьского бюджета прошлого года. Внутри этого бюджета картина примерно такова: две трети бюджета покрываются налогами и доходами. Около одной трети представляет собой дефицит. Мы покрываем его, главным образом, кредитными операциями. Здесь фигурирует золотой заем, выпуск транспортных сертификатов, выпуск сахарного займа, наконец, окончание реализации хлебного займа. Размещение золотого займа вместе с ноябрьской реализацией даст несколько более 75 млн. руб. золотом. От золотого займа осталось, таким образом, разместить очень немного. Дальше мы прибегаем к выпуску краткосрочных платежных обязательств НКФина, выписанных в золотой валюте. Наконец, мы реализуем некоторое количество экспортной валюты. И в качестве последнего ресурса мы имеем эмиссию, которая покрывает остаток дефицита в 15 млн. руб. золотом... По существу дела, этот дефицит необычайно большой, и нам никак нельзя признать, что наш государственный бюджет есть бюджет здоровый". [5.84]

Только в 1924/25 – государственный бюджет послевоенной России удалось сбалансировать.

Государственный бюджет СССР в середине 20-х годов [5.85]
млн. червонных рублей

	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Доходы, млн. рублей	2812,2	3851,2	5152,6	6666,1
рост к пред. году, %	154,0	136,9	133,8	124,7
Расходы, млн. рублей	1657,7	2277,1	3213,0	4347,5
рост к пред. году, %	151,6	137,4	141,1	135,3

Создание в крайне сжатые сроки бездефицитного государственного бюджета в твёрдой валюте – одно из самых крупных достижений новой экономической политики в двадцатые годы. Тем самым государство получило в свое распоряжение мощный финансовый инструмент для разрешения масштабных экономических и социальных проблем, которые еще совсем недавно представлялись неразрешимыми. Недаром говорят: власть без денег – это шикарный автомобиль с важными пассажирами, но без бензина. Деньги решают, хотя и не все, но очень многое. Нужда заставила наркомфин собирать налоги как положено, результативно использовать другие источники поступления денег в бюджет. Показательно, что за 4 года доходная часть бюджета возросла в 3,5 раза. Ее структура складывалась следующим образом:

Структура доходной части бюджета [5.86]
в % от всей суммы поступлений

	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Налоги	46,4	45,4	47,4	48,5
Акцизы	17,9	21,4	22,6	22,3
Доходы от транспорта	31,7	33,2	29,8	26,2
Прочие доходы	4,0	-	-	3,0

Из этих данных видно, что за счет налогов и акцизов в середине 20-х годов формировалось 2/3 и более доходной части государственного бюджета. Еще почти одна треть – за счет доходов от транспорта. Такие радикальные изменения произошли не сами по себе, а в результате воздействия двух факторов: первое – быстрого восстановления производственного сектора народного хозяйства, второе – динамичного роста производительности труда в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте, что, в свою очередь, сделало эти ключевые отрасли рентабельными. Эти факторы значительно расширили доходную базу государственного и местных бюджетов.

Практически реализовать открывшиеся возможности помогла вновь создаваемая налоговая система. Парадокс заключался в том, что только весной 1921 года такую систему окончательно доломали, а осенью того же года начали заново, – притом срочно, – ее восстанавливать в условиях быстро падающей платежеспособности денег. Первым, на скорую руку был разработан и введен промысловый налог на частную торговлю и промыслы. По существу в крупных торговых центрах он состоял из двух частей: патентного обложения и уравнительного сбора. Оплата патента давала права

торговать или производить товары. Она была дифференцирована по нескольким разрядам соответствующих заведений, в зависимости от их размера, характера и местоположения. "Главное внимание, – писал Д. Боголепов, – было обращено на базарную и рыночную торговлю, вся же оседлая торговля, производимая из постоянных помещений, производилась по одному и тому же разряду". [5.87]

Уравнительный сбор взимался в размере 3% от оборота. Его фактический объем зависел от конкретных итогов хозяйственной и коммерческой деятельности. Оплата патента засчитывалась при уплате уравнительного сбора. В 1923 году промысловый налог должны были вносить также государственные и кооперативные предприятия, хотя и по льготным ставкам.

Подоходно-поимущественный налог, введенный в 1923 году, учитывал рост доходов и цен, выраженных в государственных денежных знаках. Его ставка менялась в зависимости от падения курса денег. Кроме того, налоговая шкала имела прогрессивный характер, т.е. ставка увеличивалась с ростом доходов (зарплаты) и стоимости недвижимости конкретного владельца. Для лиц, получавших доход свыше 8000 рублей за полугодие, ставка налога повышалась до 25%. В конце 1924 года эта форма налогового обложения была преобразована в подоходный налог, шкала которого сохранила прогрессивный характер.

Наряду с прямыми быстро формировалась и система косвенных налогов. Уже в ноябре 1921 года было введено обложение акцизом виноградных и плодово-ягодных вин. В следующем году акцизы были включены в цены на табак, папиросы, спички, пиво, чай, кофе, сахар, соль, керосин и некоторые другие товары. В 1923/24 году и последующих годах акцизы стали одним из основных источников пополнения финансовых ресурсов государства.

Объем налоговых поступлений в государственный бюджет [5.88]
млн. рублей

	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26
Акцизы	103,5	240,7	507,8	841,6
Налоги:				
Промысловый	118,2	233,6	323,5	482,9
Подоходный	12,7	75,9	113,2	185,0
Сельскохозяйственный	176,5*	231,0	326,2	251,2
Прочие	35,4	17,1	52,4	43,3
Гербовый сбор	23,1	57,1	98,9	131,9
Таможенные пошлины	66,7	67,4	101,9	150,5
Местные налоги	50,3	68,4	79,4	104,9

* Промысловый налог

Продовольственный налог в первой половине 20-х годов занимал ведущее место как по объему поступающих финансовых ресурсов, так и по темпам роста. За ним шел сельскохозяйственный налог. На третьем месте – подоходный. Гербовый сбор, таможенные пошлины и местные налоги отличались в это время, прежде всего, высокой динамикой роста.

Чтобы сбалансировать государственный бюджет и отказаться от чрезмерной эмиссии бумажных денег, важно было также упорядочить его расходную часть. Среди мероприятий такого характера следует отметить: во-первых, резкое сокращение расходов на управление, а также на армию. Во-вторых, заметную разгрузку центрального бюджета за счет перевода промышленных предприятий на коммерческий расчет и создание самостоятельных местных бюджетов, которые имели свои источники формирования финансовых ресурсов. Тем самым они получили устойчивую опору для активизации хозяйственной и культурной жизни на местах, за счет реализации конкретных преимуществ и рационального использования межрайонной специализации и кооперации производства.

Доходы и расходы местных бюджетов за 1922/23-1925/26 годы [5.89]
фактическое исполнение, млн. червонных рублей

	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26
Доходы	289,7	671,1	1059,4	1505,5
Расходы	279,5	649,3	1020,6	1444,1

За весь этот период местные бюджеты были бездефицитными. Их доходы на 40-50% составляли налоговые поступления. Денежные дотации из государственного бюджета играли незначительную роль, составляя от 2,3 до 6,6% всех доходов. В расходной части 35-36% использовалось на социально-культурные цели, примерно 30% – на хозяйственно- производственные нужды, еще 20% – на возмещение административных и судебных издержек.

Таким образом, к 1926-1927 годам в Советской России были восстановлены не только промышленность, сельское хозяйство, транспорт, но и устойчивая, уравновешенная сфера обращения: твердый рубль, кредитная система, сбалансированный бюджет и торговля со стабильными ценами. Все вместе взятое позволило приступить к решению трудной, конечной задачи – улучшению качества жизни населения страны.

5.4. Восстановление внешней торговли – часть общего подъема экономики

Внешнеэкономическая деятельность – одна из основных форм международного разделения труда. Потенциально она может быть выгодной для всех ее участников, поскольку специализация и концентрация производства обычно сопровождаются повышением его эффективности. Не считаться с таким фактором в экономической политике было бы ошибкой. Поэтому логично, что советская власть в первые же дни своего рождения заявила о своей готовности сохранить те договора и соглашения, подписанные до революции, которые предусматривали равноправные хозяйственные связи между партерами. "Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать". [5.90]

Вскоре, в декабре 1917 года, в ходе начавшихся в Брест-Литовске переговоров о перемирии с Германией и ее союзниками советские представители предложили им возобновить торгово-экономические отношения. Это предложение вошло в текст мирного договора.

Для практической организации внешнеэкономической деятельности при ВСНХ была создана комиссия внешней торговли во главе с А. Ломовым. Вскоре эта комиссия была преобразована в отдел внешней торговли комиссариата торговли и промышленности, который сосредоточил у себя выдачу разрешений на ввоз и вывоз товаров за границу. Первое практическое дело этого отдела – разработка исходных принципов формирования внешнеэкономических связей Советской России: равноправие сторон, невмешательство во внутренние дела друг друга, отказ от любых форм дискриминации, монополия внешней торговли. [5.91]

Однако, во внешнеторговых операциях участвуют очень много партнеров, каждый из которых преследует свои интересы, в том числе и политические. Поэтому, одно дело провозгласить принципы и другое – реализовать их на практике, где приходится постоянно маневрировать и идти на компромиссы. России далеко не всегда удавалось занять на мировом рынке должное место, соответствующее ее возможностям, особенно в первые годы после революции. В 1918-1921 годах ее доля в мировой торговле практически вплотную приблизилась к абсолютному нулю. Только после снятия экономической блокады положение стало меняться к лучшему, но очень медленно.

Доля России в мировой торговле [5.92]

в %

	1913	1925	1926	1927
Объем товарооборота	3,9	1,2	1,2	1,2
Экспорт	4,2	1,1	1,2	1,2
Импорт	3,6	1,3	1,1	1,1

И до мировой войны этот важный показатель зрелости экономики России нельзя было назвать хорошим. В 20-е годы положение в этой области еще более осложнилось.

В апреле 1918 года Совнарком изменил функции наркомата по делам торговли и промышленности. Управление промышленностью (с соответствующими отделами и кадрами) перешло в ВСНХ. Оставшиеся специалисты целиком сосредоточили свою деятельность на вопросах национализированной внешней торговля. С ноября 1918 года наркомом торговли и промышленности был назначен Л. Красин (в последствии – нарком внешней торговли).

За рубежом наиболее активную деятельность, в основном по закупке товаров за цветные металлы, марганец, золото и валюту, Советская Россия развернула в Лондоне, Стокгольме и Берлине.

В Англии еще с довоенного времени находился старый член партии М. Литвинов. 4 января 1918 года лондонские вечерние газеты опубликовали радиосообщение из Петрограда о его назначении уполномоченным Наркоминдела РСФСР в этой стране. Правительство Ллойд Джорджа заняло двойственную позицию относительно такого назначения. Оно отказалось официально признать полномочия Литвинова как посла, но разрешило ему выполнять эти функции неофициально: принимать и посылать курьеров, пользоваться шифром, открыть представительство в Лондоне с табличкой "Русское народное посольство".

Делалось это на основе взаимности. Советское правительство разрешило пребывание в Москве такого же полуофициального представителя – Брюса Локкарта. Однако, функции, которые выполняли русский представитель в Лондоне и английский в Москве, были разными. М. Литвинов, наряду с дипломатией развил интенсивную внешнеторговую деятельность, установив тесные контакты о заинтересованными представителями деловых кругов. В то время Советское правительство считало крайне необходимым для того, чтобы получить хлеб, наладить продуктообмен с деревней. Однако, от одной трети до половины заводов и фабрик в это время стояли или были загружены не полностью, главным образом, из-за отсутствия сырья и топлива. Поэтому задача внешней торговли состояла прежде

всего в том, чтобы закупать дефицитные материалы и уголь за границей. М. Литвинову удавалось это сделать лучше других: в 1918 году из Англии были получены крупные партии сельхозмашин, металла и металлоизделий, угля, хлопка и других товаров.

В июле 1918 года британские деловые круги направили в Советскую Россию внешнеторговую делегацию во главе с сотрудником Министерства торговли Ч. Кларком. В состав делегации входил известный промышленник Л. Уркарт, который еще до революции вложил крупные капиталы в экономику России, а сейчас интересовался возможностью получить хотя бы часть из них в форме концессий. Представители советской стороны высказали готовность оказать со своей стороны всяческое содействие для установления широких экономических отношений с Англией. Однако, переговоры были прерваны в связи с началом английской интервенции в Мурманске. В конце августа органы ВЧК раскрыли крупный антисоветский заговор, подготовленный с прямым участием британского представителя Брюса Локкарта. Примерно через неделю в ответ на его арест английские власти произвели обыск в квартире Литвинова и других сотрудников полпредства. Литвинов был помещен в тюрьму фактически без каких-либо обоснованных обвинений и улик.

Через некоторое время к нему явился чиновник британского МИДа , который посоветовал послать шифровку в Москву с предложением обменять Локкарта на советского полпреда. Литвинов категорически заявил, что никаких шифровок из тюрьмы посылать не будет. Пришлось его освободить из-под стражи вместе с другими сотрудниками. Спустя месяц все они были обменены на Локкарта и его "коллег".

Примерно по такому же сценарию развивались первые внешнеэкономические контакты с США. Правительство этой крупнейшей североамериканской страны с самого начала революции заняло враждебную позицию и запретило любой экспорт в Советскую Россию. Однако, оно не препятствовало представителю американского Красного Креста полковнику Р. Робинсу вести переговоры, в том числе с В. Лениным о возможных перспективах установления советско-американского экономического сотрудничества. Сам Робинс хорошо понимал выгоды внешнеэкономических связей с Россией для народного хозяйства США и высказывался за разработку конструктивной программы практического развертывания таких связей на перспективу. Однако, уже в мае 1918 года Госдепартамент решил прервать контакты Робинса с Советским правительством и отозвал его "для консультации" в Вашингтон. Перед отъездом из

Москвы Робинс получил от советской стороны план развития экономических отношений между Россией и США, который он передал, – вместе со своим меморандумом, – американскому президенту. Руководство США в тот период должно было выбирать: либо сотрудничество, либо участие в интервенции против Советской России. Оно выбрало последнее.

Французские правящие и деловые круги, которые больше других пострадали от аннулирования иностранных долгов России, с самого начала занимали позицию жесткой экономической блокады Советского правительства.

После подписания Брестского мира несколько оживился внешнеторговый оборот с Германией. Летом 1918 года в Берлине Л. Красин встретился с крупным промышленником Сименсом, в системе которого он работал в качестве специалиста по электротехнике еще до войны. В беседе приняли участие многочисленные представители промышленности и торговли. В то время советскую сторону особенно интересовал германский уголь, крайне необходимый для Петрограда, испытавшего острый дефицит не только хлеба, но и топлива. В октябре соответствующий договор был подписан: в обмен на асбест, никель, медь и другие товары угольный синдикат "Гуго Стиннес" в Эссене должен был поставить в Россию 100 тыс. т угля. Однако, полностью реализовать заключенный договор не удалось. Правительство Шейдемана, опасаясь нарастающего революционного взрыва в Германии и рассчитывая на поощрение со стороны Антанты за разрыв с Советской Россией, пошло на грубую провокацию: в отсутствие советских дипкурьеров один из ящиков, предназначавшихся для советского посольства, был "случайно" разбит и в нем, если верить полиции, "неслучайно" оказались листовки на немецком языке, призывавшие к революции. Этого было достаточно для того, чтобы порвать дипломатические и торговые отношения с Советской Россией. Германия фактически примкнула к экономической блокаде, установленной Антантой.

Оставалась последняя надежда – нейтральные страны. Поздней осенью из Петроградского порта вышло торговое судно "Федерация" (бывшая "Вера"), нагруженное различными сырьевыми товарами, в том числе льном, пиломатериалами, металлическим ломом. По существу это было судно-разведчик. 20 ноября 1918 года оно прибыло в Копенгаген, т.е. прорвалось через блокаду. Вслед за ним вышли еще четыре парохода. Однако, радоваться было рано. Разгрузить "Федерацию" в Копенгагене так и не удалось. Простояв 10 дней на рейде, судно вынуждено было взять курс на Стокгольм,

где с долгой волокитой ему удалось все же освободиться от груза. Другие четыре торговых судна вместе с находившимися на них товарами были конфискованы бывшими союзниками. Занавес глухой экономической блокады вокруг молодой республики опустили почти на два года. Все внешнеэкономические связи России в 1919-1920 годах были насильственно разорваны практически полностью.

Падение объема экспорта России [5.92]

	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920
1913 = 100	58	18	15	9,2	0,4	0,1	1,0

В 1913 году объем вывоза товаров за границу составил 1,5 млрд. золотых рублей. С началом Первой мировой войны он начал круто падать и в 1917 году осталось менее 1/10 довоенного уровня. Еще через два года едва можно было разглядеть его следы – 1/1000. Только в 1920 году появились первые признаки оживления.

Конечно, полное расстройство внешней торговли для России было большой бедой. Но в жизни все когда-нибудь заканчивается, в том числе и гражданские войны. Войска интервентов вынуждены были покинуть территорию страны. Новая обстановка в Европе и в мире стала реальностью, видимо, надолго. Антанта не могла не считаться с произошедшими переменами. В начале 1920 года она решила отказаться от блокады Советской России.

Совнарком делом ответил на изменившуюся внутреннюю и внешнюю обстановку. Снятие экономической блокады открыло возможность прямых контактов Советской России с Западом. Уже в марте из Москвы выехала торговая делегация во главе с Красиным, имевшим опыт практической деятельности в Германии до революции. Это была неофициальная делегация Центросоюза, поскольку Антанта все еще отказывалась признавать Советское правительство. По дороге на Запад "красные купцы" остановились в Стокгольме, где удалось разместить значительные заказы на машины, паровозы, технологическое оборудование и средства связи. Хотя это был не первый прорыв на мировой рынок, важное значение имело то, что после длительного перерыва Швеция подала пример делового подхода к возобновлению торговли с Советской Россией.

В начале апреля делегация во главе с Л. Красиным прибыла в Копенгаген, где начались трудные переговоры с представителями стран, которые всего несколько лет назад были союзниками, а совсем недавно выступили в роли интервентов. В какую сторону повернется курс их экономической политики сейчас,

в той неустойчивой и непредсказуемой обстановке, которая сложилась в послевоенной Европе?

Первые встречи ничего доброго для советской стороны не обещали. К тому же они были прерваны из-за возникшего военного конфликта между Советской Россией и Польшей. Торговые и финансовые переговоры перенесли в Лондон. Здесь глава британского правительства Ллойд Джордж изложил свой план экономического сотрудничества с Россией: целесообразно создать консорциум частных фирм Англии, Франции и Германии, которые могли бы предоставить России кредиты.

Главная роль отводилась германским предпринимателям. Ллойд Джордж был заинтересован в восстановлении немецкой экономики, т.к. деньги в конечном итоге должны были поступить на английские счета – в виде контрибуций. План предусматривал также надежные гарантии – несколько русских железных дорог должны были перейти под контроль создаваемого финансового консорциума.

Красин не мог согласиться с планом английского премьер-министра. Потребуется примерно полтора-два года, чтобы подобные проекты могли встретить поддержку в Москве. Сейчас задача Красина состояла в том, чтобы получить кредиты под гарантии западных правительств. Но те не верили в прочность советского строя. Вырваться из этого круга стереотипных взглядов весной 1920 года ни та, ни другая делегация не могли. Переговоры так и не дали конкретных результатов, хотя они и не прошли бесследно для обеих сторон.

По итогам поездки состоялась ни одна беседа Ленина с Красиным. Главный вывод – надо продолжать линию на экономическое сотрудничество с Западом с учетом их интересов, в том числе в форме концессий. Но, прежде всего, к новой стратегической линии нужно подготовить общественное мнение в стране. Оба политика, каждый на своем участке, активно включились не просто в пропаганду идеи о концессиях, но и в работу по ее практическому осуществлению. За два года (конец 1920 г. – конец 1922 г) из-под пера Ленина вышло около 200 документов (писем, записок, телеграмм и т.д.), связанных с этой проблемой.. Примерно через месяц декрет о концессиях был подписан. В нем указывались общие условия таких соглашений: вознаграждение собственника вложенного капитала долей продукта с правом его вывоза; дополнительные льготы в случае применения особых усовершенствований; имущество коцессионеров не может быть подвергнуто национализации и конфискации и т.д. Вскоре Ленин посвящает теме о концессиях

специальный доклад на VII съезде Советов (на этой же сессии рассматривался План ГОЭЛРО).

Следующий этап борьбы – X съезд партии. Ленин в своем докладе особо выделил вопрос о концессиях. Глава правительства приводит аргументы, доказывающие необоснованность обвинений, которые можно было слышать с разных сторон: "Прогнали, мол своих капиталистов, а теперь хотят позвать иностранных". Он терпеливо разъясняет: "... наш экономический кризис так глубок, что своими силами восстановить разрушенное хозяйство без оборудования и технической помощи из-за границы мы не сможем... Без этого мы будем находиться в очень тяжелом положении и без колоссальнейшего напряжения наших сил их (развитые капиталистические страны – Р.Б.) не нагоним. В этом не может сомневаться никто, кто хотя бы сколько-нибудь трезво смотрит на настоящее положение". [5.94]

Эти аргументы были достаточно убедительны для большинства делегатов съезда, который в своей резолюции поддержал позицию председателя Совнаркома: "Основная стоящая перед Советской республикой задача не может быть решена в широких размерах и в краткий срок без использования иностранной техники, заграничного оборудования, производимых за границей средств производства и т.п. Одной из практически применимых в данных условиях форм участия иностранного капитала в разработке естественных богатств республики является концессия". [5.95.]

Казалось бы достигнута полная ясность. Однако, практически дело двигалось медленно. Только в конце июля 1921 года был подписан первый договор с Северным телеграфным обществом о возобновлении эксплуатации принадлежавших ему еще до революции кабелей и станций, обеспечивающих связь между Скандинавией и Японией, а также Китаем. В начале ноября сдали вторую концессию. Советской стороне удалось убедить молодого тогда американского бизнесмена А. Хаммера в выгодности разработки уральского асбеста. Эта концессия была выгодна и для России, т.к. позволяла в короткие сроки и без затрат собственного капитала (которого просто не было) восстановить один из важных промышленных объектов на Урале, занять рабочих, дать им средства для существования.

Об обстановке, которая сложилась на руднике в мае 1922 года, когда туда прибыли представители американской стороны, свидетельствует следующий акт, который с советской стороны подписали представители рудничного комитета: "Разрез, в котором производится добыча асбеста, находится в таком состоянии, которое указывает на

совершенно бесхозяйственный характер использования рудника за последние 6-7 лет (т.е. с начала Первой мировой войны – Р.Б.).

... Вся деятельность, имевшая характер преследования лишь интересов текущего дня, направлялась по линии максимального использования забоев, вскрытых и подготовленных работами прежних лет.

Транспортные средства для вывоза пустой породы и асбестовой руды запущены до крайности: выездные пути заброшены и затеряны в общей массе пустой породы, все вагонетки требуют ремонта".

В таком же полуразрушенном состоянии находилась сортировочная фабрика. "Все приводные ремни были сняты... Оба локомобиля нуждались в ремонте. Из них локомобиль "Ятес" – в состоянии полной заброшенности.

В механической мастерской стоял всего лишь один токарный станок..."

Паралич и разрушение производственного аппарата дополняла "картина полной жилищной катастрофы".

"В довоенное время на руднике было семь казарм для рабочих... К моменту передачи рудника оказалось три, – в почти непригодном для жилья состоянии". [5.96]

В нашей литературе встречаются разные оценки деятельности Хаммера в СССР. Пусть читатель, на основе приведенных выше фактов, сам займет свою позицию по вопросу выгодности и целесообразности заключения в то время договора, предусматривавшего, что 10 % добытого асбеста и половина полученной прибыли пойдут на возмещение расходов и образование прибыли американского промышленника. Со своей стороны, он обязался обеспечить полное содержание 1200 рабочих, занятых на руднике, и кроме того, поставить в Россию I млн. пудов продовольствия, из которых 100 тыс. предназначались для Петрограда, а остальные 900 тыс. пудов – для Урала, прежде всего, для стимулирования восстановления местной металлопромышленности.

Следует подчеркнуть, что в то же самое время многие предложения западных фирм о выделении им концессий отклонялись, т.к. не отвечали интересам восстановления и развития экономики России. Так, тот же Хаммер предложил проект концессии на лесозаготовки в Сибири по рекам Обь и Иртыш на 100-200 верст по оба берега. Этот проект попал на экспертизу специалисту по лесу М. Ткаченко, который подверг резкой критике предложение Хаммера. В своем отзыве он указывал, что автор проекта "совершенно не обеспечивает привлечение населения в край, так как предприниматели

никаких заводов по обработке древесины, кроме показательных, не обязуются установить и могут вывозить лес в круглом виде".

Ткаченко был категорически не согласен также с проектируемым сроком концессии (50 лет), а также с выделением площадей лесозаготовок в шахматном порядке размером по 5-10 млн. десятин. "При такой площади квадратов концессионеру доступна земля с лесами, горами и другими природными богатствами, а русскому народу могут остаться одни тундры". [5.97]

Естественно, что этот проект концессии Хаммера был отклонен советской стороной . Длительная экспертиза проектов – одна из причин медленного развития концессионного дела. Однако, основные сдерживающие силы в этом деле находились в рядах западных фирм, банков и правительств. Дело было не только в том, что иностранный капитал боялся рисковать – условия, предлагаемые русскими, сулили немалые прибыли. Но как раз в это время спрос на кредиты в самой Западной Европе был очень высоким. Все страны стремились как можно быстрее восстановить и модернизировать свою промышленность, транспорт, связь, другие отрасли, а возможности займов в банках были крайне ограниченными – кредитная система только "приходила в себя" после войны.

В апреле-мае 1922 года по инициативе стран Антанты в Генуе, состоялась международная конференция с участием 29 государств, в том числе РСФСР и Германии. Главный вопрос – послевоенная организация экономических и финансовых отношений в Европе. Страны-победители хотели бы закрепить свое господствующее положение на европейском рынке, а также урегулировать свои претензии по довоенным и военным кредитам. При этом в отношении к Советской республике достаточно отчетливо проявились две основные позиции. Определенные круги, видя разруху и голод в России, рассчитывали на то, что с помощью общего дипломатического нажима они смогут продиктовать ей свои условия, в частности, о признании долгов царского и временного правительства, возвращения прежним хозяевам национализированных предприятий, а также ликвидации монополии внешней торговли.

Другие, более трезвые политики, понимали, что парализованное хозяйство России представляет собой потенциальную угрозу для дестабилизации экономической и политической обстановки на континенте. Поэтому они были готовы идти на определенные компромиссы. Однако, такие политики были в меньшинстве.

Советская делегация тщательно и ответственно готовилась к конференции. В ней она видела начало пути, который может привести

к получению займов и созданию концессий. "На конференции, – писал Г.В. Чичерин, – мы должны показать нашу способность быть купцами. Мы идем на конференцию потому, что мы действительно не можем обойтись без иностранного капитала".

Еще в январе 1922 года, на заседании специально созданной комиссии по подготовке к Европейскому договору председатель ВСНХ Богданов сообщил, что закончена разработка проектов концессий золотых, платиновых, резиновых, фосфоритных, бумажных, химических. В стадии подготовки находятся проекты нефтяных, сахарных, силикатных, рудных, лесных, сельскохозяйственных, спиртных концессий. Разворачивается работа по данному вопросу в рыбной, спичечной, металлической и металлообрабатывающей промышленности. Делались разные прикидки относительно потребности в иностранных займах. Полученные средства имелось в виду использовать в первую очередь для подъема сельского хозяйства и добывающих отраслей, чтобы иметь возможность не только накормить население, но и погашать полученные кредиты хлебом, сырьем и нефтью. При этом суммы будущих займов назывались разные. Но их порядок можно характеризовать следующими цифрами: на 1922 год – 400 млн. рублей, на 1923 год – 600 млн., на 1924 год предполагалось получить 1 млрд. Всего за три года – 2 млрд. рублей. Погашение кредитов имелось в виду начать через 5 лет.

Правительство отдавало себе отчет в том, что получить новые кредиты, не урегулировав вопрос по старым долгам, не удастся. Поэтому, стремясь создать реальную почву для восстановления экономических связей с капиталистическими государствами, советская делегация на Генуэзской конференции заявила, что правительство РСФСР готово признать довоенные долги. Бывшим собственникам национализированных предприятий предоставлялось преимущественное право получить их в аренду или в концессию. Все это – при условии признания Советского государства де-юре и оказания ему финансовой помощи, а также аннулирования долгов по военным займам и процентов по ним. Одновременно были выдвинуты контрпретензии о возмещении Советскому государству убытков, причиненных интервенцией и блокадой.

Однако, страны-победительницы в то время были чрезмерно заняты своими интересами и считали, что у них достаточно политических сил и экономической мощи для того, чтобы не считаться с принципом равноправия и взаимной выгодности в экономических отношениях с Советской Россией. Ее компромиссные предложения были отвергнуты. Сложилось, как говорят шахматисты, патовое

положение. Однако, в состав советской делегации входили умные и гибкие политики, накопившие уже достаточный опыт дипломатического маневрирования: нарком иностранных дел Г. Чичерин, нарком внешней торговли Л. Красин, М. Литвинов, В. Воровский и другие. Натолкнувшись на жесткую, по существу ультимативную позицию стран Антанты, они пошли на "прорыв" единого фронта капиталистических государств в его слабом звене – Германии, придавленной и униженной тяжелыми условиями Версальского договора. Вот как этот "прорыв" описывается в литературе:

В 2 часа ночи лакей разбудил Мальцана (участника германской делегации в Генуе – Р.Б.): "Какой-то джентльмен с очень странной фамилией желает говорить с Вами по телефону", – сказал он. Это был Чичерин. Разговор сводился к тому, что русские просили немцев прийти к ним в воскресенье и обсудить возможность соглашения между Германией и Россией...Мальцан тут же поднял на ноги всю германскую делегацию. На первом этаже гостиницы, в небольшом зале состоялось знаменитое "пижамное совещание", затянувшееся до утра. Дольше всех пойти на соглашение с Россией противился Ратенау (министр иностранных дел Германии). Мальцан высказывался категорически за переговоры. Его поддержал Вирт (еще один член делегации). Связались срочно с Берлином. Получили добро...

В результате 16 апреля в Рапалло, небольшом курортном городке близ Генуи, был подписан договор, который предусматривал восстановление в полном объеме дипломатических и экономических отношений между РСФСР и Германией. Стороны взаимно отказывались от претензий на возмещение военных расходов и убытков и договорились о порядке урегулирования других разногласий между собой. Германия признавала национализацию немецкой государственной и частной собственности в РСФСР и отказывалась от претензий, вытекающих "... из мероприятий РСФСР или ее органов по отношению к германским гражданам или к их частным правам при условии, что правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств".

Было бы неправильным рассматривать Рапалльский договор как своеобразный экспромт советской дипломатии, вызревший в тупиковой обстановке, сложившейся на Генуэзской конференции. Следует иметь в виду, что этот договор, во-первых, выражал интересы обеих сторон, во-вторых, он готовился в общих чертах задолго до встречи в Рапалло.

Еще в августе 1920 года главнокомандующий сухопутными войсками рейхсвера генерал Зект установил контакты с председателем

Реввоенсовета Л. Троцким, о которых в германских правящих кругах знал только канцлер Вирт. В начале следующего года для переговоров с советской стороной в Военном министерстве Германии была создана специальная группа "Вогру". В течение 1921-1922 годов их встречи регулярно проходили в Москве и Берлине. Советскую сторону в Берлине представлял В. Кооп, являвшийся руководителем миссии по делам военнопленных в Германии.

Немецкая сторона на этом этапе переговоров предложила два основных направления сотрудничества: первое – создание в России, с помощью германских специалистов и соответствующих вложений германских фирм, достаточно мощной военной промышленности, второе – подготовка военных кадров.

Так, в декабре 1921 года В. Кооп сообщал Л. Троцкому (копии Ленину и Чичерину) о том, что в ближайшие дни в Москву, Ярославль и Рыбинск направляются представители фирмы "Юнкерс" и некоторых банков с целью заключения договора о строительстве крупного авиационного и моторного заводов. [5.98]

При этом речь шла не только о военной авиации. Кооп подчеркивал, что на фирме сосредоточены ведущие специалисты по двигателям внутреннего сгорания. По их словам, фирма располагает почти готовым изобретением, которое дает возможность заменить паровоз локомотивом с нефтяными двигателями, что обещает получить большую экономию топлива.

Фирма "Юнкерс" заинтересована также в том, чтобы построить на территории России моторостроительные заводы для авиации, морского и речного судоходства, автомобилей, а также самолетостроительный завод мощностью до 1000 самолетов в год. Часть самолетов "Юнкерс" будет экспортировать в третьи страны, а кроме того, имеется в виду наладить воздушное сообщение Москва-Берлин.

Предприятия будут считаться русскими. Их связь с "Юнкерсом" объясняется тем, что они получают от фирмы предложение разработать технические вопросы почтового воздушного сообщения в России, на что фирма дает свое согласие.

Вклад русского правительства будет состоять в передаче фирме недвижимого имущества: производственных зданий, аэродромов, жилых помещений, железнодорожных путей и т.п.

"Вогру" предоставит кредит на 100-150 млн. марок в иностранной валюте для закупки за границей сырья и материалов, а также для оплаты труда специалистов и квалифицированных рабочих. Эта же группа обеспечит обучение в России требуемого количества летчиков.

На долю "Юнкерса" выпадает поставка специального оборудования, своевременное его обновление и модернизация. Фирма также передает необходимые патенты, технический и организационный опыт, чертежи, обеспечивает технологическое руководство, которое должно быть на уровне предприятий Германии.

Следует подчеркнуть, что одновременно с переговорами, затрагивавшими военное и военно-производственное сотрудничество, в Берлине шла активная подготовка проектов концессий с германскими фирмами по освоению природных ресурсов и выпуска чисто мирной продукции.

Еще в феврале 1922 года торговый представитель РСФСР в Берлине Стомняков направил В. Ленину справку о состоянии концессионных дел: в начале года велись переговоры о предоставлении немецким фирмам более 100 концессий, в том числе в добывающих отраслях – 39, в обрабатывающей промышленности – 42. К этому времени были уже заключены свыше двух десятков соглашений о создании смешанных обществ: Деруметалл – в области металлической промышленности, Дерутра – в области транспорта, Дерулюфт – в области воздушных сообщений, общества в области паровозостроения, авиационной промышленности, химии., добычи железной руды, лесозаготовок, производства сахара, выращивания зерна и др. [5.99]

После подписания Рапалльского договора деятельность по расширению внешнеэкономических связей между Россией и Германией резко активизировалась. Тот же Стомняков, вернувшись в ноябре 1922 года в Берлин, писал: "... С первого дня я попал в гущу новых переговоров о привлечении иностранного капитала в Россию, в частности, о расширении базы нашей внешней торговли путем образования смешанных обществ.

Оживление громадное. Насилу справляемся со всеми поступающими предложениями. Ряд иностранных миссий непосредственно и окольными путями просят разных справок об условиях предоставления нами промышленных и торговых концессий".

Такая активность возникла не на пустом месте. Германское народное хозяйство нуждалось в сотрудничестве с экономикой России. Так, еще до Первой мировой войны немцы потребляли значительное количество русского хлеба. И вот теперь несколько германских фирм при поддержке банковского капитала занялись земледелием в России. Среди них был и стальной магнат Крупп. Он взял концессию в Сальских степях по обработке свыше 100 тыс. га для выращивания зерна. 20% урожая поступило в его

распоряжение. И уже после ликвидации концессии совхоз "Гигант" долго собирал на этой площади устойчивый урожай зерна по 35-40 центнеров с гектара.

Эльзас и Лотарингия с их рудниками отошли к Франции, и германские фирмы устремились за концессиями в Криворожский бассейн на Украине. Версальский договор резко ограничил права Германии в области авиационной промышленности – самолетостроительные фирмы создают авиационные и моторные заводи в Москве, Рыбинске, Ярославле. Характерно также, что Рапалльский договор послужил мощным импульсом для многократного увеличения внешнеторгового оборота между двумя странами...Его рост продолжался до середины 30-х годов, включая период первой пятилетки...

Доля отдельных стран во внешней торговле России [5.100]

в %

	1913	1921	1922	1923	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Германия								
Экспорт	29,9	8,2	18,2	29,8	18,0	15,2	16,5	22,0
импорт	45,5	25,3	32,7	34,5	19,4	14,2	23,2	22,7
Англия								
Экспорт	17,6	46,3	30,8	16,3	21,9	33,2	28,7	25,8
импорт	12,6	29,1	18,8	25,4	21,1	15,3	17,1	14,2
Франция								
экспорт	6,6	-	0,5	3,0	4,0	3,8	5,9	7,0
импорт	4,1	3,7	0,4	0,1	1,0	1,3	2,6	3,1
США								
Экспорт	1,0	0,0	0,0	0,4	1,9	4,9	4,5	3,0
импорт	5,8	19,1	14,1	13,0	21,9	27,9	16,1	20,4

Это интересная таблица. Она отражает в себе тесное переплетение экономики, внешней торговли и политики. Во-первых, сразу же после Рапалло произошел резкий скачок в расширении внешнеторгового оборота между Россией и Германией. Россия возобновила экспорт пшеницы, ячменя, марганца, других товаров в Германию и увеличила импорт угля, металла и химических продуктов из этой страны, поскольку Донбасс и металлургические комбинаты не завершили еще стадию своего восстановления. Однако, немецкая марка в это время была в гораздо худшем положении, чем червонец в России. Это сдерживало расширение внешнеэкономических связей между двумя партнерами. К тому же восстановление российской промышленности, в том числе тяжелой, изменило структуру спроса: теперь, в первую очередь, требовались машины и оборудование, а не уголь и металл. Однако, Германии нужно было еще три-пять лет, чтобы восстановить свое машиностроение и под-

нять уровень его продукции до лучших мировых стандартов. Поэтому Россия покупала машины и оборудование в Англии и США, расплачиваясь с первой зерном и другими продуктами сельского хозяйства, а со вторыми, в основном, цветными металлами, лесоматериалами, пушниной, а также золотом.

Франция, надувшись, продолжала бойкотировать российский рынок, надеясь заставить, тем самым, Советское правительство рассчитаться по царским долгам...

Пример Германии несомненно подстегнул другие капиталистические государства к расширению торговли с Советским Союзом. Однако, экономического сотрудничества не получилось. И дело было не только в позиции Запада, но и в непоследовательности политики советской стороны.

Напомню, что в материалах XI съезда РКП(б), работавшего в марте-апреле 1922 года отмечалось, что "наконец-то, вопрос о концессиях был сдвинут с места. Правда, до настоящего времени заключено еще мало концессионных договоров. Подготовлены и ведутся дальнейшие переговоры, имеющие практическое значение, с несколькими десятками крупных иностранных капиталистов. Дело с концессиями теперь начинает получать действительное развитие".

Еще через год, на XII съезде РКП(б), Зиновьев в политическом отчете ЦК (В. Ленин отсутствовал на съезде из-за обострения болезни) лишь вскользь коснулся концессионных дел. Л. Красин был одним из немногих делегатов съезда, которые с болью в душе, но в то же время настойчиво и последовательно защищали курс на получение зарубежных кредитов, так необходимых для восстановления разрушенной экономики и осуществления третьей ступени промышленной революции в России. "Главная цель нашей внешней политики, – говорил он, – есть получение кредитов, которые нужны для восстановления крестьянского хозяйства, для транспорта, для промышленности и для стабилизации нашего рубля". Отвечая на довольно широко распространенное мнение о том, что рассчитывать на помощь со стороны наших капиталистических врагов - это самообман, утопия, нарком внешней торговли аргументированно отвечал: "Нет, не утопия, ибо капиталистический мир весь состоит из противоречивых интересов... В целом ряде наших торговых сделок, в нашей торговой политике мы пробили целый ряд блокад, – блокаду золотую, лесную, нефтяную и т.д. Мы добились большего, – добились того, что сейчас имеем уже кредиты. На I апреля наше Лондонское общество "Аркос" выдало золотых кредитов нашим организациям из английских источников на 49 млн.

руб. Из этого факта вы видите, что не утопия, при определенной политике (конечно, это должна быть политика), заставить наших врагов нам определенным образом помогать". И здесь Л. Красин не мог не бросить упрек, прежде всего, в адрес Зиновьева, выступившего на съезде с политическим отчетом ЦК: "Ведется ли такая политика?" и сам же отвечает: "Нет, такой политики не ведется, и я заявляю вам, что мы не используем и десятой доли тех реальных возможностей, которые имеются, ибо мы, в сущности говоря, не ведем определенной внешней политики".

При этом он привел расчеты о целесообразности выплатить на определенных условиях дореволюционные долги, чтобы получив кредиты, значительно ускорить развитие промышленности и других отраслей народного хозяйства. Так, из-за разрухи наше хозяйство не додает дохода по сравнению с 1913 годом на 8 млрд. рублей золотом. "... Весь наш долг, включая претензии, может быть урегулирован в сумме 10-15 млрд. золотых руб., с рассрочкой платежа процентов на 5 и даже на 10 лет. При этих условиях нам стоит подумать, чтобы практически поставить себе задачу искать соглашения, потому что нам до зарезу нужна помощь извне, потому что мы не можем собственными усилиями сколько-нибудь быстро восстановить хозяйство. И, если мы будем это обещать кому-нибудь, мы будем его обманывать. Мы не в состоянии без иностранной поддержки быстро восстановить тяжелую промышленность. Не восстановив ее, мы рискуем вконец погубить и в значительной степени расстроить тот социальный строй, на который мы опираемся". [5.101]

В выступлении Красина была, по существу, изложена принципиально иная альтернатива тому курсу на индустриализацию с расчетом "на собственные силы, на собственные источники накоплений", который будет принят несколько лет спустя. Обычно начало такого курса связывается с XIУ съездом партии, т.е. с 1925 годом. Но корень его уходит в 1923 год. Г. Зиновьев в своем заключительном слове, попытался дискредитировать выступление Л. Красина, в том числе с помощью грубого передергивания фактов. Начал он сладко, с меда. Имея в виду выступление Красина, Зиновьев заявил, что "это была действительно одна из наиболее значительных речей, отличавшаяся и смелостью, и размахом". Но тут же, чтобы если не смазать, то хотя бы ослабить впечатление, которое произвело выступление Красина на делегатов съезда, Зиновьев добавляет: "Красин критиковал политику, которой руководил Владимир Ильич Ленин, а делается вид, что критикует политику только его учеников".

В том то и дело, что Красин отчетливо видел на опыте работы своего наркомата, что Зиновьев и Каменев, устремившиеся к власти в связи с тяжелой болезнью Ленина, стали отходить от его установок относительно получения иностранных кредитов и развертывания концессионного дела.

Зиновьев не оставил без внимания и расчеты, которые были приведены в выступлении наркома: "Товарищ Красин тут говорил: нам-де кредиты нужны, – восемь миллиардов убытков в год. Это цифра, на мой взгляд, списана с потолка". [5.102]

Но, во-первых, Красин в своем выступлении отметил, что это не его расчеты, а статистиков (кстати, Л. Троцкий в своем докладе привел примерно те же цифры). Во-вторых, нет нужды искать их "на потолке". Разница между полученным валовым доходом в народном хозяйстве в 1913 и 1921 годах составляла примерно 8 мдрд.золотых рублей, т.е. советская экономика по сравнению с довоенным периодом недополучила такую сумму. Дооктябрьский долг зарубежным кредиторам оценивался в 10-15 млрд. рублей. Не нужно быть специалистом, чтобы подсчитать: если за счет иностранных кредитов можно сократить сроки восстановления народного хозяйства, хотя бы на два года, то полученный прирост валового дохода перекроет сумму долгов, которые, в случае их признания, придется выплатить. Но сроки таких выплат можно по договоренности растянуть. Поэтому процесс выплаты долгов для экономики будет относительно безболезненным.

Зиновьев добился, чтобы в резолюции по политическому отчету его позиция нашла соответствующую поддержку: "Съезд одобряет международную политику, направлявшуюся ЦК". Здесь же (явно по адресу выступления Л. Красина) "осуждает какие бы то ни было колебания в этой области". Вместо поиска путей к получению иностранных кредитов и концессий, что могло бы значительно помочь осуществлению третьей ступени промышленной революции в России, впервые в резолюции съезда намечено новое направление: "Целесообразная постановка экспорта излишков русского хлеба за границу стала первостепенной важности задачей". [5.103] Такой поворот означал, что тяжелейшую задачу обеспечения накоплений для нового этапа индустриализации намечалось решить за счет крестьянства.

Закономерно, что концессионный бум еще по инерции продолжался несколько лет, но затем стал быстро спадать и в конце 20-х годов доля концессий в промышленном производстве практически сошла на нет.

Развитие концессий в Советской России [5.104]
количество отдельных актов

	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
предложения соискателей	338	607	311	253	506	263	200	207
заключенные договора	14	32	34	29	26	8	4	-
действующие договора	5	-	55	-	82	74	68	69
действующие предприятия	1	1	-	14	52	65	52	43

Как видно из таблицы, количество предложений о заключении концессионных договоров со стороны зарубежных фирм и отдельных лиц было достаточно большим. Оно особенно возросло с развертыванием новой экономической политики и переходом в денежном обращении к червонцу. Однако, большинство соискателей только прощупывали возможности хорошо заработать в новой России. Некоторые из них располагали лишь ограниченными финансовыми ресурсами (в том числе "наши старые знакомые" – Мещерский и Венгеров). Так, в 1922-1924 годах концессионная комиссия при торгпредстве СССР в Берлине, через которую проходило свыше трети соискателей, – из 1533 предложений направило в Москву на рассмотрение Главконцесскома только 331 заявку. Всего 21%. Иначе говоря, 4/5 соискателей сошли с дистанции уже при первой попытке внедриться в советскую экономику.

Наибольшее количество заключенных договоров приходится на первые три года НЭПа. Однако, далеко не все из них были реализованы на практике. Так, на 1 декабря 1928 года из 147 подписанных соглашений реально действовали лишь 68, т.е. меньше половины. Однако, из их числа только 13 договоров были доведены до создания практически функционирующих предприятий или организаций.

Самое большое число реально действующих концессий зафиксировано в 1927/28 году. Большинство из них действовало в обрабатывающей (24) и горной (14) промышленности. Затем шли: лесное хозяйство, торговля, транспорт. По числу концессий на первом месте стояла Германия (14), затем США (9), Великобритания и Япония – по 7 концессий. Однако, если в качестве критерия для оценки взять объемы вложенных капиталов, то лидером становится Великобритания – 20 млн. золотых рублей. Второе и третье место делили Германия и Швеция.

Общий оборот концессий в 1927/28 году превысил 100 млн. золотых рублей. Денежные доходы государственного бюджета в виде отчислений от прибыли, акцизов и пошлин составляли 15 млн. золотых рублей.

Уже в начальный период первой пятилетки наступает резкий спад концессионных дел, фактически полное свертывание этой противоречивой формы государственного капитализма в СССР. В 1930 году было ликвидировано 20 концессий, в следующем – 9, еще через год – 7. На 1 января 1936 года в народном хозяйстве, главным образом в горной и обрабатывающей промышленности, а также в рыболовстве оставалось всего 11 концессий (японские, германские и др.). В течение следующих двух лет и они были ликвидированы. Осталось только Северное телеграфное общество, "прожившее" до 1946 года.

Свертывание концессионной формы привлечения капитала в экономику СССР на рубеже двадцатых и тридцатых годов имеет свои объективные и субъективные причины. Прежде всего, следует отметить, что осуществление крупномасштабных структурных сдвигов в народном хозяйстве потребовало огромных капитальных вложений, профинансировать которые за счет собственных средств без сверх напряжений и перегрузок всей экономической системы, не представлялось возможным. В этой связи, логично было бы принять дополнительные меры по стимулированию притока иностранного капитала. Однако, таких мер не приняли. Больше того, целый ряд обстоятельств оказывал обратное воздействие на концессионеров, подталкивая их к свертыванию своего дела в России.

Прежде всего, следует отметить отрицательное влияние на доходность концессий мирового экономического кризиса 1929-1932 годов. Сразу же вздорожали кредиты. Упал спрос на сырье, которое было основным видом экспортной продукции для большинства концессий. Обесценились по отношению к золоту доллары, марки, фунты. Быстро распространялась общая дестабилизация мировой экономики. В такой неуютной обстановке иностранный капитал стремился по возможности, быстрее вернуться в свои национальные квартиры.

Такие предприимчивые и гибкие люди, как А. Хаммер, нашли выход в том, что на рубли покупали в России произведения искусства и меха, которые реализовывали на Западе с большой выгодой для себя. Однако, далеко не все концессионеры имели такую возможность...

К этому же времени существенно изменились экономические интересы и советских партнеров. Восстановление народного хозяйства

было, в основном, завершено. Добывать нефть, руду, пилить лес научились сами. Делиться прибылью с концессионером в таких отраслях не было смысла. Как вспоминает А. Хаммер, когда в середине 20-х годов он пришел на прием к Красину, нарком "вежливо, но достаточно твердо объяснил мне, что теперь торговля с заграницей ведется через советские организации...Сейчас, доктор Хаммер, нашей стране необходимо развивать промышленность. Почему бы Вам не заняться этим?" Вот и пришлось американцу менять профиль – налаживать в Москве производство карандашей, которые славились своим качеством и доступной ценой. [5.105]

Плавное свертывание в конце 20-х годов иностранных концессий не оказало сколько-нибудь заметного влияния на динамику и структуру как промышленности, так и внешней торговли. Это не означает, что концессии не сыграли никакой роли в истории российской экономики. Их воздействие на российский уклад жизни имело, прежде всего, качественный характер. Так, на асбестовом руднике, концессионером которого был Хаммер, основные производственные процессы были электрифицированы. И крестьяне за 10-20 верст приезжали сюда посмотреть, как горит настоящая электрическая лампочка. Вряд ли такие визиты оказывали прямое воздействие на экспорт и импорт, но люди увидели настоящий свет в конце туннеля...А внешняя торговля способствовала тому, чтобы таких людей было больше.

Динамика внешней торговли СССР [5.106]
млн. рублей

	1913	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927
Экспорт	6514	88,5	357	955	1476	2664	3174	3267
Импорт	4994	923	1182	627	1139	3621	3017	3321
Сальдо	+1520	–834	– 824	+ 328	+ 337	– 957	+ 157	– 54

Период наиболее интенсивного роста экспорта приходится на 1922-1926 годы, т.е. на период динамичного восстановления промышленного и сельскохозяйственного производства. Импорт начал расти в 1918 году, затем два года – глубокий провал (влияние экономической блокады). В 1921 и 1922 годах вновь высокие скачки вверх, что связано с необходимостью срочно ликвидировать последствия засухи. На следующий год опять провал – экономили валюту для укрепления червонца. В 1925 году – опять взлет: началась массовая замена изношенного оборудования, которое закупали, в основном, за рубежом.

В это же время во внешней торговле происходят серьезные структурные сдвиги.

Доля средств производства (а) и предметов потребления (б) в экспорте и импорте [5.107]

в %

	1913	1921	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Экспорт								
а)	76	94	95	95	87	80	79	78
б)	24	6	5	5	13	20	21	22
Импорт								
а)	73	39	57	72	82	72	82	90
б)	27	61	43	28	18	28	18	10

Весьма характерно, что после существенных колебаний структура экспорта России в 1926/27 году вышла на параметры мирного 1913 года. В структуре импорта такие изменения произошли еще раньше: в 1922 и 1925 годах. Это еще раз подчеркивает тесную связь качества импорта с общим состоянием народного хозяйства. Начиная с 1925/26 года наблюдается растущее давление на структуру импорта со стороны политики ускоренной индустриализации страны. В нем резко увеличивается доля машин и оборудования, что деформирует пропорции обмена между промышленностью и сельским хозяйством и спустя 4-5 лет создаст кризисную ситуацию со снабжением населения продовольствием и снижением доли сельского хозяйства в общем объеме экспорта.

Структура экспорта СССР [5.108]

в процентах к общему итогу

	1913	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Сельское хозяйство	67,7	49,8	62,0	62,9	55,8	59,8	57,2	46,0
Промышленность	32,3	50,2	38,0	37,1	44,2	40,2	46,0	54,0

После 1927/28 года доля сельского хозяйства России никогда уже не превышала половины объема всего экспорта. Это опровергает распространенное мнение, что вывоз хлеба за границу финансировал индустриализацию страны в тридцатые годы. Цифры говорят о другом: товарные ресурсы сельскохозяйственных продуктов как для снабжения городского населения, так и для экспорта в конце двадцатых годов стали относительно быстро сокращаться. Такой вывод подтверждают и натуральные показатели. Так, в 1913 году экспорт зерновых составлял 9,2 млн. тонн. В 1923/24 году он достиг рекордного для двадцатых годов уровня – 2,6 млн. В следующем, неурожайном году глубокое падение – до 0,6 млн.т. Затем в течение двух

лет этот показатель опять поднялся до отметки чуть более 2 млн. т. Но в 1927/28 году опять вниз, до 0,3 млн. тонн. Такие спады в торговом балансе приходилось компенсировать, не всегда полностью, увеличением экспорта лесоматериалов, марганца, асбеста, цемента, нефти и нефтепродуктов, товарами пищевкусовой продукции и другими изделиями. Все это свидетельствовало о том, что в сельском хозяйстве пока не найдена достаточно удачная форма социально-экономической организации производства и распределения его продукции, что особенно остро проявится в тридцатые годы...

5.5. Таких социальных результатов никто не ожидал

Октябрьская революция свершалась под знаком лучшей жизни людей труда. Гражданская война отодвинула решение этой сложной задачи на будущее. Только завоевание мира и начавшееся восстановление народного хозяйства открыли возможность проверить на практике социальную эффективность создававшегося нового социально-экономического уклада. В первую очередь, это касалось уровня и динамики заработной платы промышленных рабочих, на плечи которых легла основная тяжесть военных перегрузок как в тылу, так и на фронте. К тому же все это происходило на фоне хронического недоедания, массовых эпидемий тифа и других болезней, бедственного положения детей, помочь которым родители могли далеко не всегда... И вот теперь пришло время доказать на деле, что не зря страдали и гибли миллионы людей. Им много раз повторяли, что они свободны и работают на себя, для удовлетворения потребностей своих семей. Но, чтобы убедить их в этом, нужно было сделать труд не только свободным, но и хорошо оплачиваемым, непродолжительным, чтобы оставалось время для отдыха, для личных дел, для учебы и культурных мероприятий.

8-часовой рабочий день был повсеместно введен в конце 1917 года Одновременно были ограничены сверхурочные. Этот норматив строго выполнялся.

Продолжительность рабочего дня в промышленности [5 109]
в часах

	1923	1924	1925	1926	1927*
средний рабочий день,	7,8	7,8	7,6	7,5	7,4
в том числе: сверхурочные	0,28	0,19	0,18	0,16	0,14

* 1-ый квартал

Таблица отражает важную, принципиальную черту новой экономической политики – поворот от интенсификации труда к повышению его эффективности. Первое было характерно для дореволюционных собственников заводов и фабрик, которые до февраля 1917 года упорно держались за 10-часовой рабочий день, широко используя также детский труд. Как уже говорилось, это была одна из стратегических ошибок русской буржуазии, что, в свою очередь было, одной из причин поражения экономики России в Первой мировой войне с экономикой Германии, которая опиралась на более высокий уровень производительности труда и широкое применение современной для того времени техники. Поэтому закономерно, что новый курс в Советской России был нацелен, прежде всего, на высокие темпы роста производительности труда.

Рост производительности труда в крупной промышленности [5.110]
уровень 1913 г.=100 %

1921	1922	1923	1924	1925	1926
39,0	55,2	68,4	69,4	92,3	109,1

Из этих данных следует, что за пять лет восстановления промышленности производительность труда рабочего возросла почти в 3 раза и уже в 1926 году превысила довоенный уровень. Но, чтобы сохранить в перспективе энергичную динамику этого важного индикатора качественного развития производительных сил, требовалась широкомасштабная техническая реконструкция всей промышленности, повышение квалификации персонала и более высокий уровень организации и управления производством. Но об этом позже. Пока короткий рабочий день способствовал сокращению безработицы, повышению производительности и дисциплины.

Важно отметить и другое – вместе с ростом эффективности производства и на его основе высокими темпами повышалась реальная заработная плата.

Заработная плата рабочих крупной промышленности [5.111]
в среднем за месяц соответствующего года

	1924/5	1925/6	1926/7	1927/8
Червонных рублей	41,7	52,2	58,5	64,5
в % к пред. году	115	125	112	110

Если сравнить две последние таблицы, хотя они не во всем совпадают по срокам, то легко заметить, что динамика производительности и заработной платы были тесно связаны между собой. Рост оплаты труда стимулировал его производительность, а рост

выработки продукции в расчете на каждого работника служил материальной предпосылкой для реального повышения степени удовлетворения потребностей его семьи. Одновременно менялась и расширялась структура потребления, что, в то время, служило главным критерием для оценки качества жизни основной массы населения как в городе, так в деревне.

Об этом, в частности, свидетельствуют обследования более 2 тысяч семейных бюджетов рабочих. В среднем в отдельные годы на семью приходилось 4,1-4,2 человека, в том числе работающих: 1,24-1,36. Эти коэффициенты говорят о том, что в рабочей семье, как правило, росли двое детей. Иногда с ними жил один из прародителей – бабушка или дедушка. Реже молодые оставались в семье "стариков". В каждой третьей семье работали и муж, и жена. По европейским стандартам такой показатель был относительно низким. Но дело в том, что в те годы в стране насчитывалось около 1 миллиона безработных, и жена часто не могла найти свободное рабочее место.

Месячный бюджет рабочей семьи в 1922-1926 годах [5.112]
в ноябре или декабре соответствующего года, бюджетные рубли

	1922	1923	1924	1925	1926
Приход					
основная зарплата	24,65	30,66	33,51	42,39	41,68
дополн. приработки	0,79	0,79	0,66	0,69	0,66
.социальная помощь	0,19	0,77	1,46	2,61	2,57
доходы от подс. хоз-ва	0,56	1,30	1,53	1,29	0,82
продажа вещей	2,29	1,33	0,70	0,47	0,39
проч. поступления	3,96	2,51	6,92	4,95	4,86
Всего	31,44	37,36	44,78	52,40	50,98

Основная зарплата и дополнительные приработки составляли в этот период от 78 до 84% всех доходов рабочей семьи. Причем размер дополнительных приработков снижался и абсолютно, и относительно. Существенно возросла социальная помощь – окрепли профсоюзные организации и их денежные фонды. Меньшую роль в доходах рабочих семей стали играть поступления от подсобных хозяйств и огородов, которые разрослись в голодные годы. Стоит отметить также, что сократилась продажа, – во многих случаях вынужденная, – личных вещей и домашних ценностей. На удовлетворение первоочередных потребностей семьи, прежде всего, в продуктах питания стало хватать денежных доходов. Когда же нужно было купить пальто, сапоги или кровать, шкаф, другие относительно дорогие предметы длительного пользования, рабочие стали

все чаще пользоваться кредитом, что и нашло свое отражение в статье прочие поступления.

Рост доходов позволил соответственно увеличить и изменить структуру расходов.

Расходная часть семейных бюджетов рабочих семей [5.113]
в среднем за те же месяцы, в бюджетных рублях

	1922	1923	1924	1925	1926
Оплата жилья	0,54	1,45	2,34	2,96	3,39
Топливо и освещение	3,77	4,11	3,68	3,38	3,43
Питание	14,16	15,52	20,67	23,43	23,00
Спиртн. напитки, табак	0,49	0,72	1,03	1,75	1,85
Одежда	7,70	10,22	9,38	12,91	10,57
Мебель и хоз. предметы	0,32	0,67	1,12	1,55	1,55
Медицина и гигиена	0,36	0,27	0,33	0,42	0,41
Культура и просвещение	0,37	0,57	0,92	0,88	0,88
Подсобное хозяйство	0,58	0,88	1,50	1,02	0,72
Прочие расходы	2,48	2,27	3,69	3,94	4,63
Всего	30,77	36,68	44,66	52,24	50,43

Доля оплаты жилого помещения в общей сумме семейных расходов неуклонно возрастала: с 1,7% в 1922 году до 6,7% в 1926 году. Это очень важный признак повышения благосостояния многих рабочих семей – они переселялись в более благоустроенные и удобные квартиры. Снижение расходов на топливо и освещение отражает общее удешевление промышленных товаров после 1923 года. В то же время отмечался рост цен на сельскохозяйственные продукты, что, естественно повлекло за собой увеличение расходов на питание рабочих семей, хотя одновременно в лучшую сторону происходили структурные сдвиги в наборе потребляемых ими продуктов. Введение высоких акцизов на спиртные напитки и табачные изделия удвоило долю соответствующих расходов с 2 до 4% бюджета.

В затратах на одежду в 1924 году произошел небольшой скачок вниз, затем их траектория опять стала повышаться. Такая неустойчивость возникла в результате взаимодействия двух разнонаправленных векторов: упомянутого уже удешевления промышленных товаров и возросшего платежеспособного спроса на более качественные и модные пальто, костюмы, платья.

Динамично росли расходы на культурные потребности и образование, хотя их удельный вес не превышал 2% их общего объема.

Самую большую статью расходной части бюджета, примерно 45%, составляли затраты на питание: люди приходили в себя после голодных лет. Причем рабочие семьи стали значительно *лучше питаться,* о чем свидетельствуют следующие данные:

Потребление продуктов питания в семьях рабочих [5.114]
на 1 члена семьи, кг., в пересчете на год

	хлебопродукты	мясо	сало	масло раст.	сахар
1918 апр.	132	14,1	0,7	3,8	2,6
1919 дек.	179	15,9	0,8	2,3	3,9
1920 окт.	168	16,2	0,8	1,5	2,1
1921 сен.	154	18,3	0,8	2,3	2,0
1922 окт.	208	25,7	1,1	4,4	8,9
1923 фев.	212	29,3	1,6	5,6	51
1924 фев.	208	33,3	2,8	5,6	6,4
1925 окт.	194	55,9	2,6	3,8	10,6
1926 окт.	188	55,0	2,6	3,4	12,1

После окончания гражданской войны произошел резкий количественный и, главное, качественный перелом в питании рабочих семей. Достигнув пика в 1922/23 году потребление хлеба начало снижаться. В то же время резко возросло потребление мяса, сала, масла растительного и сахара. К сожалению, в последующее время на достигнутом уровне 1925 и 1926 годов. удержаться не получилось. Так, среднедушевое потребление мяса на уровне 55 кг. удалось восстановить лишь в пятидесятые годы. Это только подчеркивает, как много было сделано к концу восстановительного периода для улучшения условий жизни рабочих семей.

По уровню денежных доходов и качеству питания эти семьи уступали семьям государственных служащих, работников государственных торговых учреждений и банков. Об этом, в частности, можно судить по уровню оплаты их труда:

Среднемесячная зарплата государственных служащих, а также работников кредитных и торговых учреждений [5.115]
по РСФСР, в червонных рублях

	1924/25	1925/26	1927, II кв.
Средняя по гос. учреждениям	58,42	72,81	80,94
Центральные управления	112,83	141,39	155,81
Губернские администрации	60,08	76,98	89,57
Учителя нач. и средних школ	37,50	47,67	56,52
Работники почт и связи	49,50	62,29	73,42
Банки и др. кредитные учреж.	87,25	104,92	105,81
Управление торговлей	95,33	119,23	128,12
Больницы и поликлиники	34,67	42,87	50,19

Цифры беспристрастно говорят о том, что работники высшего эшелона власти по оплате труда далеко обгоняли не только рабочих, но и все другие категории служащих (возможно среди них было

больше всего "буржуазных специалистов"?). За ними, обгоняя "красных банкиров" шли "ответственные работники" управления торговлей. На последнем месте оказались учителя начальных и средних школ, а также врачи и другой медицинский персонал. Это уже было прямым нарушением завещания В. Ленина: "Народный учитель должен быть поставлен на ту высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе". Тут же он трижды повторяет: "Главное – улучшение материальных условий, в которых живет учитель". [5.116]

В качестве аргумента в защиту высоких окладов работников управления обычно говорили, что это защищает их от коррупции. Однако, редко кому денег бывает достаточно, сколько бы они ни получали. Как показывает практика, слишком часто деньги побеждают мораль, закон и любой контроль. В качестве небольшой иллюстрации этого, можно привести отрывок из воспоминаний А. Зверева, который после окончания финансовых курсов был назначен заместителем заведующего финотдела Клинского уезда. Прежде всего, ему пришлось "расхлебывать кашу, оставшуюся от предыдущего "деятеля" в уездном финотделе. Беда заключалась в том, что значительная часть финансового аппарата оказалась связанной с частным капиталом и получала "поощрения" от него. Когда речь заходила о государственном обложении налогами, УФО давал установку производить его по фиктивным торговым книгам частников, а налоговым инспекторам рекомендовал вести себя "по-божески" и не доискиваться реальной суммы нэпманских доходов". [5.117] Такие "услуги" частный капитал щедро оплачивал. Не удивительно, что чиновники жили "на широкую ногу", хотя и без того их жизненный уровень был выше, чем у рабочих, о чем, в частности, свидетельствует структура питания этой категории населения.

Потребление продуктов питания в семьях служащих [5.118]
на 1 члена семьи, кг., в пересчете на год

	хлебопродукты	мясо	сало	масло раст.	сахар
1918 апр.	144	23,4	1,1	4,3	2,8
1919 дек.	173	23,1	1,3	2,1	4,1
1920 окт.	159	23,8	1,0	1,3	2,6
1921 сен.	165	20,1	1,1	2,1	2,8
1922 окт.	188	33,4	1,3	3,9	4,3
1923 фев.	190	39,5	2,0	4,6	6,7
1924 фев.	185	44,6	2,6	4,1	9,2
1925 окт.	170	65,0	2,3	2,6	13,3
1926 окт.	168	62,9	2,0	2,3	15,1

Конечно, на динамику потребления определенное влияние оказывали колебания валового урожая, в годы гражданской войны – оккупация части территории производящих губерний, скачки цен в падающей валюте, но вместе с тем таблица отражает ряд характерных особенностей в структуре питания руководящей группы населения: во-первых, в самое тяжелое время, в 1918 году среднедушевое потребление основных продуктов питания в семьях служащих, – за счет возможности пользоваться услугами "вольного" рынка, – было выше, чем в рабочих семьях. Во-вторых, служилая интеллигенция потребляла больше белка за счет мясных и молочных (в 1926 г. – 95 кг, в рабочих семьях – 65 кг) продуктов. В-третьих, в рабочих семьях приходилось больше "налегать" на хлеб, картошку, капусту и лук, что обеспечивало их не только калориями, но и витаминами. В этом отношении качественная структура и нормативы питания рабочих семей имели большое сходство с крестьянскими семьями, которые, однако, имели одно важное преимущество: потребляли больше молока и яиц.

Анализ социально-экономического положения *крестьянства* целесообразно начать с его денежных доходов. В качестве примеров можно взять три района: самый богатый – Центральный (Московский), бедный – Северное Поволжье, включая Татарию, и средний – Центрально-Черноземный регион, включая Тульскую и Рязанскую губернии.

Источники денежных доходов крестьянских хозяйств в середине 20-х годов [5.119]

в расчете на 1 хозяйство, в рублях

Регионы	Годы	Всего	из них:				
			Торговые и промышлн. заведения	Работа на фабриках и лич. пром.	Батрачество	Продажа продуктов: растениеводства	Продажа продуктов: животноводства
Московский	23/24	281,2	6,62	92,65	36,44	38,46	56,64
	24/25	494,7	61,55	217,27	9,48	58,01	73,39
	25/26	638,5	81,16	304,84	13,09	60,90	96,07
Центрально-Черноземный	23/24	125,6	5,31	35,05	10,16	26,01	24,10
	24/25	211,7	10,25	66,88	4,49	40,08	48,02
	25/26	332,9	22,06	112,79	8,12	54,16	75,93
Сев. Поволжье	23/24	89,19	7,25	28,65	10,57	10,08	16,33
	24/25	163,9	9,41	65,68	5,41	25,12	29,92
	25/26	276,0	27,96	111,85	7,60	34,22	55,90

Эти данные не сопоставимы с бюджетами городских семей: во-первых, здесь отражены *только денежные* доходы крестьянских

хозяйств, во-вторых, в них не отражена большая дифференциация крестьянских хозяйств по их размерам и доходам (например, в средний показатель включены доходы владельцев торговых и промышленных заведений, а также батраков), по количеству лошадей и скота, других средств производства.

В то же время, на основе таблицы можно выделить ряд характерных особенностей в развитии сельских хозяйств в завершающий период их восстановления. Прежде всего стоит отметить, что Центральный (Московский) промышленный район стал лидером и в области товарного производства продовольствия. Он прочно занимал первое место по объему реализации продукции и растениеводства, и животноводства. Однако, основным источником денежных доходов для крестьянских семей этого региона служили заработки "на стороне", чаще всего на промышленных предприятиях и личных промыслах. Больше, чем в десять раз за два года увеличились их доходы от собственных фабричных и торговых заведений.

Для Центрального сельскохозяйственного (черноземного) региона характерен динамичный рост (в два-три раза) денежных доходов от продажи продукции как полей, так и животноводства. В то же время в четыре раза возросли поступления прибыли от собственных торговых и промышленных заведений.

Самой высокой динамикой, после потрясений 1921 года, отличалось развитие крестьянской экономики Северного Поволжья. Но, и здесь основным источником денежных доходов для населения сельских районов были заработки на стороне.

Денежные расходы крестьянских хозяйств [5.120]

В среднем на одно хозяйство, в червонных рублях

Регионы	Годы	Всего расходов	из них – на приобретение продуктов:			
			полеводства	животноводства	промышленности	инвентаря и построек
Московский	23/24	274,81	62,50	27,02	88,30	6,23
	24/25	496,87	78,45	35,75	152,56	20,22
	25/26	632,94	102,48	43,11	218,04	20,89
Цент. Чернозем.	23/24	117,80	19,24	11,55	33,37	2,44
	24/25	210,05	67,62	22,07	57,90	8,46
	25/26	236,64	48,22	44,37	106,52	15,05
Сев. Поволжье	23/24	87,84	19,44	10,15	19,87	2,00
	24/25	161,51	19,13	20,86	46,06	7,32
	25/26	273,74	33,79	33,12	87,96	22,25

Крестьянские семьи жили по средствам: их доходы определяли расходы.

Крестьянские бюджеты, в отличие от государственного, практически все годы были бездефицитными. Расходы росли так же стремительно, как и доходы, но не выходили за их рамки. Логично, что лидером и по масштабам расходов выступал Центральный (Московский) промышленный район, причем основной статьей расходов было приобретение промышленных товаров. Инвестиции на закупку инвентаря и строительство новых построек в восстановительный период занимали весьма скромное место. Например, их объемы не превышали затраты на приобретение продуктов животноводства. В других регионах происходили аналогичные процессы, но в меньших размерах.

Общий вывод: чаша весов при сопоставлении денежных доходов и материального благосостояния разных слоев населения России в конце восстановительного периода, сильно колебалась, часто склоняясь все же в пользу крестьянских семей, особенно тех, которые жили в производящей полосе.

Потребление пищевых продуктов сельским населением [5.121]
потребляющие губернии, на одного жителя в год, кг

	хлебопродукты	мясо	сало	масло раст.	сахар
19/20 зима	181	16,5	1,3	0,7	0,5
20/21 зима	177	16,2	2,1	0,5	0,2
21/22 зима	181	22,1	2,5	0,8	0,3
22/23 зима	224	16,1	2,1	2,1	1,3
23/24 зима	228	30,6	3,9	1,8	1,6
24/25 зима	224	33,9	4,3	2,5	3,4
25/26 зима	230	38,8	4,3	2,5	5,1
26/27 осень	229	38,7	2,8	2,3	4,6

В период гражданской войны, т.е. в годы, когда многое определяла разверстка, сельское население таких губерний по уровню потребления основных продуктов питания уступало горожанам. В какой-то степени крестьян выручала картошка и овощи, молоко, а также то зерно, которое удавалось скрыть от продотрядов. После отмены продразверстки, через пару лет, т. е. начиная с 1924 года их питание радикально улучшилось: по хлебу и крупам, а также по потреблению сала они обогнали горожан, и заметно приблизились к ним по потреблению мяса, растительного масла и сахара.

Потребление пищевых продуктов сельским населением [5 122]
производящие губернии, на одного жителя в год, кг

	Хлебопродукты	мясо	сало	масло раст.	сахар
19/20 зима	243	15,6	1,0	2,8	0,3
20/21 зима	206	25,6	4,1	1,6	0,5
21/22 зима	131	31,3	2,6	0,8	0,2
22/23 зима	261	11,3	1,5	5,1	0,5
23/24 зима	261	15,6	2,9	1,5	1,3
24/25 зима	248	29,8	3,8	3,1	2,3
25/26 зима	246	37,7	4,8	3,3	3,6
26/27 осень	246	35,4	3,1	2,5	2,9

Некоторыми особенностями отличалась структура и размеры потребления продуктов питания у крестьян производящих губерний.

Естественно, что крестьяне, производящие зерно, в урожайные годы потребляли больше хлеба, преимущественно ржаного, различных каш, блинов и пирогов. Крупных запасов продуктов питания у них не было, поэтому в засушливые годы потребление сельского населения производящих губерний резко снижалось. Так случилось после неурожая 1921 г. и повторилось после засухи 1924 года, охватившей территорию, где проживало 7 млн. человек. При этом происходил массовый сброс поголовья скота. Потребление мяса на короткий период круто увеличивалось, а на следующий год еще более резко падало.

Большой удельный вес в крестьянском рационе, особенно в осенний период, занимали картофель (в 1926 г. – свыше 300 кг), овощи и фрукты (около 80 кг). Все это в расчете на одного члена семьи.

В период жесткой продразверстки крестьяне стремились переводить часть зерна в мясо и сало. Поэтому показатели потребления этих продуктов выше довоенных, но все же ниже, чем у городского населения. Невысоким был уровень потребления рыбы: всего 7-8 кг в год. Баланс поступления жиров обеспечивался в основном за счет сала и масла, коровьего, и, в меньшей степени, растительного. Особое значение для поддержания сил и здоровья крестьянской семьи имело молоко. Так, осенью 1925 года потребление молока в расчете на каждого сельского жителя составило 111 л, в 1926 году соответственно – 122 л, что заметно превышало уровень потребление молока городскими жителями. Важно также, что практически в каждом крестьянском хозяйстве были куры, а значит и яйцо. Где были водоемы, разводили уток и, реже, гусей.

Сахар для крестьянина был дорогим, деликатесным продуктом. Более широкое распространение он получил в регионах вокруг Москвы и Петербурга: сказывалась городская мода. В деревнях больше привыкли к меду. Чай с сахаром пили "в прикуску" – голову рафинада раскалывали на мелкие кусочки, брали по одному в рот и с наслаждением запивали горячим чаем из самовара...

Таким образом, питание сельского населения России в 20-х годах имело много общего с городским и, в то же время отличалось от него. По калорийности рацион крестьянина был выше – в его занятиях преобладал тяжелый физический труд. Что же касается структуры ежедневных "меню", то она менялась в зависимости от собранного урожая, времени года, региона, профессии работников и их заработков, состава семьи и индивидуальных вкусов. Но о вкусах, как говорится, не спорят.

Главное заключалось в том, что к концу восстановительного периода основные потребности населения в сбалансированном рационе питания и в городах, и в деревне были удовлетворены на уровне, который был несколько выше довоенного, что, в свою очередь, благоприятно сказывалось на здоровье людей и производительности их труда. Стоит подчеркнуть, что заслуга такого успеха принадлежала не так называемым нэпманам, а крестьянам.

Проблема во что одеться и обуться не была такой острой, как продовольственная, поскольку основная часть населения, особенно сельского, обеспечивала себя повседневной одеждой и обувью сама или за счет продукции местных ремесленников. Легкая промышленность поставляла сырье – ткани, главным образом, ситцевые и льняные. Так, в 1925/26 году, в расчете на душу населения в России, было выпущено около 17 метров тканей всех видов. Обувная промышленность еще только формировала свой рынок: в том же году на 1000 человек было произведено лишь 74 пары кожаной обуви и 172 пары резиновой.

Больным вопросом для горожан, особенно для тех, кто жил с семьей на одну зарплату, была *жилищная проблема*. Известно, что в городах и в довоенное время многие семьи, особенно сезонных рабочих, ютились в неприспособленных помещениях, часто в общежитиях. В период мировой и гражданской войн многие дома и постройки пришли в негодность. Так, в городах было разрушено 361 тыс. зданий – из строя выбыло 14% всей имевшейся тогда жилой площади. Значительно пострадала и часть крестьянских изб, особенно в деревнях, которые находились в районах непосредственных боевых действий. Поэтому жилищная проблема по своей остроте твердо

заняла второе место, после продовольственной. Сколько-нибудь крупных денежных ресурсов для ее решения ни у населения, ни у государства не было. Тем не менее, нужда заставляла искать и находить средства там, где их казалось бы не было – строительство нового жилья, хотя и в небольших масштабах, но все же расширялось.

Жилищное строительство в городах и поселках городского типа [5.123]
в РСФСР, введено в эксплуатацию, тыс. кв. м

1923	1924	1925	1926	Всего
762,1	866,5	1271,6	2159,0	5059,2

Примерно пятую часть строительства финансировало государство, десятую – кооперация, остальную (основную) взяли на себя частные лица. Подавляющее большинство новых домов были из дерева – самого дешевого строительного материала, который к тому же зимой хорошо сохранял тепло. Стоит отметить также очень высокие темпы роста жилищного строительства в 1925 году – 147% к предыдущему году и в 1926 году, соответственно, – 170%. Таким было хорошее начало, которое обещало многое...

Конечно, продовольствие, одежда и жилье – неотложные потребности, которые приходиться удовлетворять в первую очередь. Однако, главная потребность и самое большое богатство, которое есть у человека – это здоровье. К сожалению, на протяжении семи военных лет слишком часто приходилось расплачиваться им по различным поводам, а иногда и "за так". В результате к 1921 году здоровья осталось меньше, чем хлеба. Считается, что перед войной продолжительность жизни в России составляла 33 года – в основном из-за высокой детской смертности. Уже после того, как замолкли пушки, смерть продолжала косить людей с помощью голода и эпидемий – средняя продолжительность жизни упала ниже отметки 30 лет. Справиться с голодом общими усилиями удалось сравнительно быстро. Борьба с эпидемиями потребовала длительной подготовки. Здесь требовалась своя стратегия и тактика, многочисленная армия врачей и медработников, много лекарств и различного инструмента, развертывание эшелонированной системы больниц, других опорных пунктов для медицины. Причем все это пришлось создавать срочно, при огромном дефиците квалифицированных специалистов, медикаментов, денег.

В годы войны прославились многие военные командиры, руководившие боевыми операциями и талантливые организаторы производства для нужд фронта. Но не многие знают скромного врача Николая Александровича Семашко, который с июля 1918 года

почти 12 лет возглавлял Наркомат здравоохранения. По существу, он совершил великий подвиг – в крайне трудных условиях помог воссоздать инфраструктуру охраны здоровья народа и, одновременно, организовал активную оборону, а затем перешел в наступление на болезни и эпидемии по всей огромной территории России.

Восстановление и развитие системы здравоохранения в РСФСР [5.124]

	1921	1922	1923	1924	1925
Больницы	2981	3120	3445	3553	3728
Больничн. койки, тыс.	215,3	174,9	144,0	146,1	156,7
Амбулатории	5543	5542	6332	5735	6069
Фельдшерские пункты	3337	4471	4071	3622	3203
Аптеки	2680	3669	4117	6124	6776
Мед. персонал					
Врачи	14032	12343	11882	19567	22039
в том числе: зубные	3116	1617	1600	2316	2493
Фельдшеры	23133	16548	16045	18751	21817
Акушерки	287	3839	4318	5511	5368
Фармацевты	5765	3654	3867	5595	5368
Младший персонал	34808	33381	43516	71587	90253

Следует иметь в виду, что в выделенный пятилетний период после окончания гражданской войны в системе медицинской службы произошла большая перестройка в связи с резким сокращением армии, где была сосредоточена основная масса врачей и санитарок, которые лечили раненых и больных тифом, другими инфекционными болезнями. Они внесли свой весомый вклад в спасение жизни десятков тысяч бойцов. После окончания войны на какое-то время некоторые оказались не у дел, но вскоре все стало на свои, уже новые места.

Массовое возвращение домой из армии молодых парней резко увеличило потребность в услугах акушерок – их число за 4 года возросло более, чем в 20 раз. В это же время начали быстро формировать сеть учреждений по охране материнства и младенчества. Но все же главным направлением в деятельности

Динамика заразных заболеваний по РСФСР [5.125]

тыс. человек

	1921	1922	1923	1924	1925	1926
Тиф:						
Брюшной	414,6	262,7	104,5	117,4	117,5	88,1
Сыпной	574,8	1027,5	214,6	104,8	56,8	42,8
Возвратный	663,8	1015,4	194,0	41,9	16,9	11,9
Дизентерия	548,5	330,8	198,0	269,1	236,9	178,2
Малярия	1266,3	2091,4	4610,4	4574,2	3619,7	3147,3
Оспа	45,3	15,6	16,5	25,9	16,5	13,7
Цинга	198,9	158,5	60,6	52,5	56,9	44,4

системы здравоохранения оставалась борьба с эпидемиями и очагами опасных заразных болезней, но уже среди мирного населения. Стабилизировать обстановку удалось только после 1924-1925 годов.

Глядя на таблицу, не следует думать, что наконец-то в 1926 году наступили светлые времена для здоровья российской нации. Бесспорно, что к этому времени удалось победить такие опасные, безжалостные, массовые болезни, как тиф (в 1921 году тифом переболел каждый 10-й россиянин), дизентерию, оспу, цингу. Но, им на смену пришли вспышки туберкулеза (в 1926 году зарегистрировано свыше 1,2 млн. больных), трахомы (более 0,7 млн. заболеваний), эпидемии гриппа (3,2 млн. пострадавших). Однако, общий баланс напряженной борьбы с болезнями был положительным, о чем убедительно свидетельствуют данные о высоких приростах численности населения страны.

Надо отметить (в который раз!), что абсолютно достоверных сведений по этому очень важному вопросу в литературе нет. В этой связи, пожалуй, заслуживают наибольшего доверия данные, приведенные председателем Госплана Г. Кржижановским на ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б):

Динамический ряд численности населения СССР [5.126]

	1913	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**	**1918**	**1919**	**1920**
млн. чел.	134,6	136,9	138,8	137,1	137,0	137,7	135,0	132,8
+, –		+ 2,3	+ 1,9	– 1,7	– 0,1	+ 0,7	– 2,7	– 2,2
	1921	**1922**	**1923**	**1924**	**1925**	**1926**	**1927**	**1928**
млн. чел.	131,5	132,4	133,1	135,0	140,6	143,8	147,0	150,5
+, –	– 1,3	+ 0,9	+ 0,7	+ 1,9	+ 5,6	+ 3,2	+ 3,2	+ 3,5

Из таблицы видно, что сокращение численности населения в России началось лишь в 1916 году. На следующий год оно продолжается, но незначительно. Затем гражданская война и голод уносят свыше 6 млн. человек. 1922 году – перелом: начинается прирост населения, который после восстановления народного хозяйства и победы над эпидемиями достигает 3,5-5,6 млн. человек в год.

Население СССР и РСФСР [5.127]

на 1 января соответствующего года, тыс. человек, в границах 1926 г.

	1914	**1924**	**1925**	**1926**	**1927***
СССР	138 200	137 621	140 619	143 796	147 013
Прирост к пред. году		1 521	2 998	3 177	3 218
РСФСР	94 300	94 419	96 412	98 571	100 858
Прирост к пред. году			1 993	2 159	2 287

Эти цифры подтверждает и официальная статистика, хотя и с небольшими отклонениями:

Если доверять этим данным, уже к началу 1925 года и Советский Союз, и Российская Федерация по численности населения, – с учетом изменения границ, – превысили довоенный уровень. В 1925-1926 годах две трети прироста населения приходилось на долю РСФСР.

Важно подчеркнуть также, что после окончания гражданской войны в России происходил не только количественный, но и качественный рост всех слоев населения путем ликвидации неграмотности среди взрослого населения, повышения квалификации практически почти всех категорий работников и массового обучения молодежи.

Количество учащихся в системе народного образования [5.128]
тыс. человек

	1914/15	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Начальное	7 236	7 919	6 808	7 076	8 429	9 487	9 903
Среднее	565	520	586	753	710	707	785
Проф-ное	267	325	313	413	449	529	588
Высшее	125	224	213	205	165	162	163

Из этих цифр следует, что даже в условиях чрезвычайно трудного 1921/22 года народное образование Советской России по численности учащихся превзошло параметры довоенных лет. Наиболее динамично развивалась система подготовки профессиональных работников для различных отраслей народного хозяйства. Стоит подчеркнуть, что все формы образования были бесплатными, т.е. доступными для всех слоев населения.

Власти стремились также открыть доступ для широких масс не только к знаниям, но и к достижениям культуры и искусства.

Развитие учреждений культуры и искусства [5.129]
количество

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Театры	1953	2700	-	2371
Музеи	766	841	858	846
Кинозалы	871	1117	1882	2599

* * *

Таковы основные итоги весьма непростого восстановительного периода после семи военных лет. В сжатые сроки удалось достигнуть и превзойти довоенный уровень развития промышленности и сельского хозяйства, производительности труда и его оплаты. Качество жизни рабочих и крестьян, их реальные доходы

и потребление продуктов питания заметно превысили соответствующие показатели 1913 года. Все это было похоже на чудо.

На самом деле это был результат новой экономической политики, активно поддержанной "снизу" широкими массами населения. При этом в начале у правительства не было какой-либо комплексной программы действий на несколько лет вперед. Приходилось двигаться шаг за шагом, на ходу исправляя ошибки. Иногда приходилось возвращаться назад, чтобы скорректировать курс. Постоянными ориентирами служили три стратегические цели: 1. Качественное улучшение условий жизнедеятельности людей. 2. Повышение производительности их труда. 3. Формирование нового социально-экономического уклада, очищенного от лиц с нетрудовыми доходами.

Только в конце восстановительного периода, как бы из отдельных мероприятий, нестандартных решений и неожиданных действий, сложилась еще не завершенная, но в общем целостная модель будущего общества, опирающаяся на ряд своих, присущих ей особенностей и преимуществ:

- в этот период не было необходимости в крупных инвестициях в реальный сектор: производственные мощности промышленности, например, были загружены в 1921 году менее, чем на 20%. Резко сократились также расходы на армию и ее вооружение. В структуре национального дохода соответственно возрасла доля фонда потребления;
- ликвидированы или существенно ограничены нетрудовые доходы: рентные платежи помещикам, сверхприбыли частных банков, дивиденды на акции и другие ценные бумаги, барыши торговых спекулянтов, выгоды бывших владельцев заводов, фабрик, доходных домов и т.п. За счет этого увеличились доходы трудящейся массы населения;
- замена волюнтаристской разверстки твердым налогом стимулировала крестьян расширять площадь посевов и повышать урожайность своих полей, развивать животноводство, что позволило довольно быстро преодолеть дефицит продовольствия в стране и начать экспорт зерна;
- перевод промышленных предприятий на коммерческий расчет, предоставление им широкой самостоятельности в хозяйственных вопросах при одновременном повышении ответственности за конечные результаты создало благоприятную обстановку для развертывания их инициативы и предприимчивости;
- создание в течение 2-3 лет высококачественного блока, объединившего в себе твердый червонец, сбалансированный

бюджет с растущей доходной базой и достаточно емкую банковскую систему. Этот блок стал прочной опорой нового рыночного механизма, который в свою очередь контролировал качество выпускаемой продукции и экономное расходование ресурсов;

– сочетание рационального, планового начала и государственных финансов с действующим рыночным механизмом создали возможность для государственных органов управления целенаправленно и оперативно воздействовать на структуру, темпы и качество отдельных звеньев народного хозяйства, экономя время и средства для всестороннего и динамичного подъема России.

Отдельные мероприятия, которые с близкого расстояния казались оперативными, поисковыми маневрами, после проверки на практике и, если возникала необходимость, соответствующей корректировки, приобретали устойчивый, стратегический характер, выстраиваясь в новую экономическую парадигму.

Начало ей положили решения о закупке в Швеции, – за счет оставшихся небольших запасов золота, – паровозов и товарных вагонов. Возрождение железных дорог стало первым шагом к восстановлению всего народного хозяйства. Прежде всего они доставили хлеб для голодающего населения и уголь для остановившихся предприятий Центрального промышленного и Северо-Западного регионов.

Следующий шаг – отмена продразверстки и неудачная попытка наладить прямой продуктообмен между городом и деревней. Перед промышленностью поставлена задача форсировать выпуск различных изделий для крестьян: тканей, металлических изделий, плугов, простых сельскохозяйственных машин и др. Но нужно срочно создать новый рыночный механизм уже для их товарообмена на продукты деревни.

Такой механизм создается и отлаживается за три года: твердые деньги, реальный бюджет, кредитная система и инфраструктура торговых учреждений.

Промышленность переводится на рыночные рельсы, промышленные рабочие – на денежную оплату труда.

Поэтапно формируются органы государственного планирования и регулирования рыночной экономики, что во многих случаях позволяет на ранней стадии преодолевать зарождающиеся диспропорции и создавать благоприятные условия для развития первичных звеньев производства.

В итоге период восстановления стал лучшим пятилетием хозяйственного строительства в экономической истории Советской России.

Примечания

Введение

1. Двенадцатый съезд РКП(б): стенографический отчет. М., 1923. С. 283.
2. Сокольников Г. Новая финансовая политика. М., 1995. С. 135.

Глава 1

1.01. Государственное совещание: стенографический отчет. Архив русской революции. М-Л., 1930. С. 4-5.
1.02. Журнал совещаний Особого совещания по государственной обороне. 1917, № 147. С.2.
1.03. Бескровный Л. Армия и флот России в начале XX века. М., 1986. С. 72 и сл.
1.04. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1977. С. 682.
1.05. Суханов Н. Записки о революции. П., 1919. Кн. 2. С. 62.
1.06. Старцев В. Внутренняя политика Временного правительства. Л., 1980. С. 47.
1.07. Февральская 1917 революция: сборник документов. М., 1996. С. 81.
1.08. Там же, с. 81.
1.09. Берберова Н. Люди и ложи. М., 1997. С. 37.
1.10. Суханов Н. Записки о революции. П., 1919. Кн. 1. С. 80.
1.11. Набоков В. Временное правительство. Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 33-39.
1.12. Поликарпов В. Военная контрреволюция в России, 1905-1917. М., 1940. С. 205.
1.13. Деникин А. Очерки русской суты. Борьба генерала Корнилова, август 1917-апрель 1918. М., 1991. С. 28.
1.14. Сборник указов и постановлений Временного правительства. П., 1917. Вып. 1. С. 8-9, д. 6.
1.15. Постановление о реорганизации местных органов власти. П., 1917. С. 10.
1.16. Государственное совещание: стенографический отчет. Архив русской революции. М-Л., 1930. С. 20-21 и 36.
1.17. Лозинский З. Экономическая политика Временного правительства. Л., 1929. С. 119.

1.18. О повышении оклада государственного подоходного налога: закон Вр. Правительства, 1917 г. 12 июня 1917 г.
1.19. Лозинский З. Экономическая политика Временного правительства. Л., 1929. С. 121.
1.20. Там же, с. 20.
1.21. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М-Л., 1957. Ч. 2. С. 379, д. 539.
1.22. Там же, с. 391, д. 544.
1.23. Керенский А. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 163.
1.24. Сборник указов и постановлений Временного правительства. П., 1917. Вып. 1. С. 8, д. 5.
1.25. Первый торгово-промышленный съезд в Москве: стенографический отчет. М., 1918. С. 8-9.
1.26. Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 293.
1.27. Там же, с. 295.
1.28. Суханов Н. Записки о революции. М., 1991. Кн. 3-4. С. 133.
1.29. Суханов Н. Записки о революции. П., 1919. Кн.1. С. 137.
1.30. Там же, с. 173.
1.31. Февральская 1917 революция: сборник документов. М., 1996. С. 89-90.
1.32. "Правда", 11 марта 1917 г.
1.33. Сборник указов и постановлений Временного правительства. П., 1918. Вып.2. Ч. 1. С. 2-3.
1.34. Государственное совещание: стенографический отчет. Архив русской революции. М-Л., 1930. С. 64.
1.35. Экономическое положение России накануне Великой октябрьской социалистической революции: документы и материалы. М-Л., 1957. Ч. 1. С. 178.
1.36. Там же, с. 196.
1.37. Там же, с. 216 и 222.
1.38. Там же, с. 222, д. 92.
1.39. Там же, с. 218, д. 90.
1.40. Сборник указов и постановлений Временного правительства. П., 1918. Вып.2. Ч. 1. С. 5.
1.41. Государственное совещание: стенографический отчет. Архив русской революции. М-Л., 1930. С. 37.
1.42. Кафенгауз Л. Эволюция промышленного производства России. М., 1994. С. 208.
1.43. Бескровный Л. Армия и флот России в начале XX века. М., 1986. С.76, 81. Авиация в России. М., 1988. С. 287.
1.44. Кафенгауз Л. Эволюция промышленного производства России. М., 1994. С. 176-177.
1.45. Лозинский З. Экономическая политика временного правительства. Л., 1929. С. 15.
1.46. Фабрично-заводская -промышленность в период 1913-1918 гг. С. 62.
1.47. Экономическое положение России накануне Великой октябрьской социалистической революции: документы и материалы. М-Л., 1957. Ч. 1. С. 254, д. 100.

1.48. Лозинский З. Экономическая политика временного правительства. Л., 1929. С. 73.
1.49. Кафенгауз Л. Эволюция промышленного производства России. М., 1994. С. 183.
1.50. Фабрично-заводская -промышленность в период 1913-1918 гг. С. 41.
1.51. Там же, с. 42.
1.52. Там же
1.53. Кафенгауз Л. Эволюция промышленного производства России. М., 1994. С. 196, 200, 204, 206.
1.54. Там же, с. 201, 204.
1.55. Экономическое положение России накануне Великой октябрьской социалистической революции: документы и материалы. М-Л., 1957. Ч. 2. С. 44.
1.56. Там же, с. 46.
1.57. Сборник указов и постановлений Временного правительства. П., 1917. С. 5-6.
1.58. Экономическое положение России накануне Великой октябрьской социалистической революции: документы и материалы. М-Л., 1957. Ч. 3. С. 206.
1.59. Там же, с. 207-208.
1.60. Сборник указов и постановлений Временного правительства. П., 1917. Вып. 1. С. 157.
1.61. Государственное совещание: стенографический отчет. Архив русской революции. М-Л., 1930. С. 23.
1.62. Кондратьев Н. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 127.
1.63. Там же, с. 126.
1.64. Там же, с. 469.
1.65. Там же.
1.66. Там же, с. 462.
1.67. Волобуев П. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 384-385.
1.68. Там же, с. 386.
1.69. Кондратьев Н. Рынок хлебов...С. 160 и 163.
1.70. Экономическое положение России накануне Великой октябрьской социалистической революции: документы и материалы. М-Л., 1957. Ч. 3. С. 215-217.
1.71. Там же.
1.72. Там же, с. 12.
1.73. Сборник указов и постановлений Временного правительства. П., 1917. Вып. 1. Д. 42.
1.74. Виктор Чернов. Страницы из политического дневника //ж. Вопросы истории КПСС, 1991. № 6. С. 122.
1.75. Государственное совещание: стенографический отчет. Архив русской революции. М-Л., 1930. С. 25.
1.76. Кондратьев Н. Рынок хлебов...С. 213.
1.77. Сборник указов и постановлений Временного правительства. П., 1917. Вып. 1. С. 118.

1.78. Волобуев П. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 453-455.
1.79. Сборник указов и постановлений Временного правительства. П., 1917. Вып. 1. С. 69.
1.80. Кондратьев Н. Рынок хлебов...С. 210.
1.81. Там же, с. 265.
1.82. Там же, с. 156.
1.83. Там же, с. 160 и 163.
1.84. Государственное совещание: стенографический отчет. Архив русской революции. М-Л., 1930. С. 23.
1.85. Кондратьев Н. Рынок хлебов...С. 231.
1.86. Там же, с. 216.
1.87. Лозинский З. Экономическая политика временного правительства. Л., 1929. С. 136.
1.88. Кондратьев Н. Рынок хлебов...С. 303.
1.89. Лозинский З. Экономическая политика временного правительства. Л., 1929. С. 11.
1.90. Лейберов И., Рудаченко С. Революция и хлеб. М., 1990. С. 117.
1.91. Там же, с. 118, 122, 129.
1.92. Кондратьев Н. Рынок хлебов...С. 305.
1.93. Лейберов И., Рудаченко С. Революция и хлеб. М., 1990. С. 132.
1.94. Экономическое положение России накануне Великой октябрьской социалистической революции: документы и материалы. М-Л., 1957. Ч. 2. С. 299 и 301.
1.95. Суханов Н. Записки о революции. 1919. Кн. 1. С. 49, 51 и 57.
1.96. Берберова Н. Люди и ложи. М., 1997. С. 37.
1.97. Петрушкевич И. Воспоминания. Арх. Русской революции. М.,1993. Т. 21. С. 316.
1.98. Милюков П. Воспоминания. Т. 2. С. 279.
1.99. Локкарт Р. История изнутри. М., 1991. С. 161 и 162.
1.100. Степанов Н. Подвойский. М., 1988. С. 121.
1.101. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1954. С. 351 и 352.
1.102. Сборник указов и постановлений Временного правительства. П., 1917. Вып. 1. С. 37.
1.103. Мятеж Корнилова. Из белых мемуаров. Л., 1928. С. 214.
1.104. Деникин А. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова, август 1917-апрель 1918. М., 1991. С. 16.
1.105. Мятеж Корнилова. Из белых мемуаров. Л., 1928. С. 215.
1.106. Архив русской революции. М., 1991. Т. 5-6. С. 103.
1.107. Там же, с. 106.
1.108. Государственное совещание: стенографический отчет. Архив русской революции. М-Л., 1930. С. XXIV.
1.109. Там же, с. 7 и 13.
1.110. Деникин А. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова, август 1917-апрель 1918. М., 1991. С. 21.
1.111. Государственное совещание: стенографический отчет. С. 62-66.
1.112. Там же, с. 101.

1.113. Там же, с. 7.
1.114. Керенский А. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 240.
1.115. Генерал Лукомский А. Из воспоминаний. Арх. Русской революции. Т. 5-6. С. 112.
1.116. Там же, с. 114.
1.117. Там же, с. 115.
1.118. Там же, с. 122.
1.119. Керенский А. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 241.
1.120. Деникин А. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова, август 1917-апрель 1918. М., 1991. С. 45-49.
1.121. Там же, с. 52.
1.122. Керенский А. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 242.
1.123. Савенков Б. Генерал Корнилов /В кн. Мятеж Корнилова. Л., 1928. С. 205.
1.124. Генерал Лукомский А. Из воспоминаний. Арх. Русской революции. Т. 5-6. С. 123.
1.125. Рабинович А. Большевики приходят к власти. 1989. С. 176.
1.126. Там же.
1.127. Краснов П. На внутреннем фронте. Арх. Русской революции. М., 1991. Т. 1-2. С. 117.
1.128. Деникин А. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова...С. 79.
1.129. Рабинович А. Большевики приходят к власти. 1989. С. 178.
1.130. Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. С. 160.
1.131. Там же, с. 474.
1.132. Рабинович А. Большевики приходят к власти. 1989. С. 228-229.
1.133. Набоков В. Временное правительство. С. 79.
1.134. Там же, с. 79-80.
1.135. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 300.
1.136. Набоков В. Временное правительство. С. 84.
1.137. Там же, с. 83.

Глава 2

2.01. Кофенгауз Л. Эволюция промышленного производства в России. М., 1994. С. 214-215.
2.02. Кондратьев Н. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С.126.
2.03. Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве, 1917: стенографический отчет. М., 1918. С. 9.
2.04. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1954. Ч. 1. С. 351.
2.05. Протоколы шестого съезда РСДРП. М., 1934. С. 241.
2.06. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 300.
2.07. "Факел", 1989. М., 1989. С. 249-250.
2.08. Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. М., 1977. С. 18-19.

2.09. Ставка 25-26 октября 1917 г. Документы. Архив русской революции. М., 1991: Т. 7. С. 285 и сл.
2.10. "Факел", 1989. М., 1989. С. 245.
2.11. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. ПСС. Т. 3.
2.12. Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 349.
2.13. С.Тютюкин, Лев Давидович Троцкий /В сб. Исторические силуэты. М., 1991. С. 244.
2.14. Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 1.
2.15. Там же, т. 45, с. 345.
2.16. Там же.
2.17. Второй Всероссийский съезд Советов. М., 1928. С 34 и сл.
2.18. Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1925. Т. 7. С. 217.
2.19. Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. М. С. 4-5.
2.20. Там же, с. 9.
2.21. Там же, с. 13-16.
2.22. Известия ЦИК и Петроградского Совета, 31 октября 1917 г.
2.23 Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). М., 1958. С. 122.
2.24. АН-ский С. После переворота 25-го октября 1917 г. Архив русской революции. Берлин. Т. VIII. С. 45.
2.25. Там же, с. 46-47.
2.26. Там же, с. 50.
2.27. Протоколы заседания ВЦИК II-го созыва. М., 1918. С. 11-13.
2.28. Керенский А. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 315 и сл.
2.29. Локкарт Р. Брюс. История изнутри. М., 1991. С. 256.
2.30. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). М., 1958. С. 128-129.
2.31. Там же, с. 131 и 132.
2.32. Там же, с. 133,134.
2.33. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 311.
2.34. Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 72 и сл.
2.35. Ленинский сборник XX. С. 92-93.
2.36. Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1984. Т.1. С. 65.
2.37. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 218.
2.38. Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1984. Т.1. С. 436.
2.39. ЦГАОР, ф. 130, д. 45, л. 34-35.
2.40. Выстрел в сердце революции. М., 1989. С. 26.
2.41. Там же, с. 10 и 83.
2.42. Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 347.
2.43. Там же, т. 43, с. 66.
2.44. Ирошников М. Председатель Совнаркома и Совета Обороны. Л., 1980. С. 58-59.
2.45. Там же, с. 61.
2.46. Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 31.
2.47. Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. М., 1957. Т. 2. С. 81-82.
2.48. Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 369-370.
2.49. ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 36, л. 1-5.

2.50. Там же, л.3.
2.51. Квиринг Эм. Очерки развития промышленности СССР. М.-Л., 1929. С. 19.
2.52. ж. "Народное хозяйство", 1918. № 1. С. 23.
2.53. Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1984. Т.1. С. 519.
2.54. Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 155-156.
2.55. Там же, т. 50, с. 84.
2.56. Девятый съезд РКП(б): стенографический отчет, 1920. С.102-103, 110, 376.
2.57. Деникин А. Очерки русской смуты. М., 1991. С. 187 и 188.
2.58. Там же, с.189.
2.59 Антисоветская интервенция и ее крах. 1917-1922. М., 1987. С. 19, 21 и сл.
2.60. Соколов. Б. Падение Северной области. Архив русской революции. М., 1991. Т. 9. С.12.
2.61. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917-1927. М.,1927. С. 4.
2.62. Там же, с. 238 и сл.
2.63. Лейберов И.П., Радченко С.Д. Революция и хлеб. М.,1990. С. 182.
2.64. Шелестов Д. Время Алексея Рыкова. М., 1990. С. 126.
2.65. Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. М., 1935. С. 74.
2.66. Коваленко Д.А. Оборонная промышленность Советской России в 1918-1920 гг. М., 1970. С. 162; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. М.,1927. С.74.
2.67. Коваленко Д.А. Оборонная промышленность Советской России в 1918-1920 гг. М., 1970. С. 117.
2.68. Там же, с. 121
2.69. Шелестов Д. Время Алексея Рыкова. М., 1990. С. 150.
2.70. Ленин В.И. Т. 45. С. 114.
2.71. ПрохоровС. Промышленность и транспорт Горьковской области, 1917-1957. Горький, 1958. С. 7 и сл.
2.72. История Коломенского завода. М., 1973. С. 139.
2.73. Гражданская война и интервенция в СССР. М., 1987. С. 487.
2.74. Кафенгауз Л. Эволюция промышленного производства России. М., 1994. С. 402-405.
2.75. Там же, с. 215
2.76. Итоги десятилетия Советской власти, в цифрах. М., 1927. С 230 и 238
2.77. Коваленко Д.А. Оборонная промышленность Советской России в 1918-1920 г.г. М., 1970. С. 231.
2.78. Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1923. С. 158, 192, 196 и 197; Кондратьев Н. Рынок хлебов... С. 126; Мировое хозяйство 1913-1927. М., 1928. С. 159 и сл.
2.79. Сельское хозяйство России в XX веке. С. 111 и 113.
2.80. Там же, с. 155-156.
2.81. Сельское хозяйство России в XX веке. С. 21 и 27.
2.72. Хрящева А. Крестьянство в войне и революции. М., 1921. С. 19.
2.83. Сельское хозяйство России в XX веке. С. 248 и 262.
2.84. Итоги десятилетия Советской власти, в цифрах. С. 379.

2.85. Кондратьев Н. Рынок хлебов... С. 307.
2.86. Маркс К., Энгельс Ф. Соб. Соч. Т.20. С.294
2.87. Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 74,75,294.
2.88. Протоколы VIII съезда РКП(Б). М., 1933. С. 396.
2.89. Там же, с. 397.
2.90. Там же.
2.91. ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, е.х. 24, л.1.
2.92 Там же, л. 65.
2.93. Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1984. Т. 3. С. 48-49.
2.94. ЦГАОР, ф.130, оп.2, е.х. 9.
2.95. Ленинский сборник. XXXV. С. 9.
2.96. ЦГАОР, ф.5, оп.1, дело 2754, л. 8.
2.97. Боголепов Д.П. Деньги Советской России. Л., 1924. С. 21.
2.98. ЦГАНХ СССР, ф. 5, оп.1, ед. хр. 2683, л.19.
2.99. Боголепов Д.П. Деньги Советской России. Л., 1924. С. 21.
2.100. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 7, л. 1.
2.101. Юровский Л.Н. На путях к денежной реформе. М., 1924. С.22.
2.102. Деревенко Н. и Якушкин Н. Денежные курсы и товарные цены. М., 1923. С. 16.
2.103. Боголепов Д.П. Деньги Советской России. Л., 1924. С. 63.
2.104. Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 354
2.105. Труды 1-го Всероссийского съезда Советов Народного Хозяйства. С. 130-131.
2.106. Далин С.Д. Инфляция в эпохи социальных революций. М., 1983. С. 197-198.
2.107. Юровский Л.Н. На путях к денежной реформе. М., 1924. С. 21.
2.108. Боголепов Д.П. Деньги Советской России. М., 1924. С. 23.
2.109. Там же.
2.110. Юровский Л.Н. На путях к денежной реформе. С.23.
2.111. ЦГАНХ, фонд.3429, опись I, ед.хр.6.
2.112 Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. М., 1964. С. 24.
2.113. Труды I-го Всероссийского съезда СНХ. С. 130-131.
2.114. Юровский Л.Н. На путях к денежной реформе. С. 24-25.
2.115 Крицман Л. Новая экономическая политика и плановое распределение. М., 1922. С. 27.
2.116. ЦАГОР, ф.5, оп. 1, д. 2754, л. 1.
2.117. Декреты Советской Власти. М., 1957. Т. 1. С. 30-31.
2.118. Политические деятели России, 1917. М., 1993. С. 213-314.
2.119. Минувшее, исторический альманах. М., 1990. С. 14-15.
2.120. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 13.
2.121. Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства.

Глава 3

3.01. Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 165-208, примечание 68.
3.02. Там же, с. 187.
3.03. Мировое хозяйство, 1913-1927. М., 1928. С. 668.
3.04. Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 165-208, примечание 68.

3.05. Там же, т. 31, с. 378-379.
3.06. Шафаревич И. Русский народ на переломе тысячелетий. М., 2000. С.185.
3.07. Бердяев Н. История и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 7-8 и сл.
3.08. Мартов Л. История русской социал-демократии. М., 1923. С. 10.
3.09. Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1 и 2.
3.10. Витте С. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. Спб., 1912. С. 1, 102, 131, 183 и 376.
3.11. О мерах к развитию производительных сил России. Доклад Совета съездов представителей промышленности и торговли, П-д, 1915.
3.12. Кондратьев Н. Особые мысли. М., 1993. Кн. 1. С. 74. Кн. 2. С. 65-66.
3.13. Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 21.
3.14. Там же, т. 36, с. 173.
3.15. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 256, л. 25-26.
3.16. Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 188.
3.17. Протоколы восьмого съезда РКП(б). М., 1933. С. 41.
3.18. Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 165.
3.19. Там же, т. 41, с. 304-305.
3.20. Ирошников М. Председатель Совнаркома и Совета Обороны В.И. Ульянов (Ленин). Л., 1980.
3.21. Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 364-366.
3.22. Там же, с. 191.
3.23. Там же, т. 36, с. 172, 173.
3.24. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 341.
3.25. Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 152.
3.26. Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. М., 1935. С. 145.
3.27. G. Siemens, Geschichte des Hauses Siemens, 1, Munchen, 1961, S. 139.
3.28. Там же, с. 226.
3.29. Мировое хозяйство, 1913-1928. М., 1928. С. 68-69.
3.30. Фабрично-заводская промышленность в период 1913-1918 гг. Итоги переписи. М., 1926. С. 87.
3.31. Кржижановский Г. Избранное. М., 1957. С. 34.
3.32. Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 105.
3.33. Там же, т. 40, с. 62-63.
3.34. Карцев В.П. Кржижановский. М., 1985. С. 261-262.
3.35. План электрификации РСФСР. С. 31.
3.36. КПСС в резолюциях...Т. 2. С. 243.
3.37. Девятый съезд РКП(б): стеногр. отчет. 1920. С. 62-63.
3.38. Троцкий Л. Соч. М., 1927. Т. XV. С. 334 и 336.
3.39. Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 8.
3.40. План электрификации РСФСР. С. 32.
3.41. Там же, с. 36.
3.42. Там же, с. 34.
3.43. Там же, с. 36.
3.44. Там же, с. 165.
3.45. Кржижановский Г. Избранное. М., 1957. С. 222.
3.46. Белоусов Р. Исторический опыт управления экономикой СССР. М., 1987. С. 58.

3.47. Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 341.
3.48. Кржижановский Г. Избранное. М., 1957. С. 37.
3.49. Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 157 и 159.
3.50. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. М., 1927. С. 320-321.
3.51. Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 51.
3.52. Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1970. С. 104-106.
3.53. Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977. С. 201.
3.54. Изгоев А.С. Пять лет в Советской России. Архив русской революции. М., 1991. Т. X. С. 13.
3.55. Фриш С.Э. Сквозь призму времени. Воспоминания. М., 1992. С. 42.
3.56. Там же, с. 64.
3.57. Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания. М., 1989. С. 37.
3.58. Там же, с. 66.
3.59. Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 331-332.
3.60. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 227.
3.61. Родина советская. М., 1981. С. 215.
3.62. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917-1927. М., 1927. С. 96.
3.63. Шаляпин Ф. Страницы из моей жизни. Л., 1990. С. 261-270.
3.64. Кожинов В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 43-45.
3.65. Майер Н. Служба в комиссариате юстиции и народном суде. Архив русской революции. М., 1991. Т. 8. С. 57-61.
3.66. Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 178, 179.
3.67. ЦГАОР, Ф. 3429, оп. 1, д. 33, л. 18-27.
3.68. Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 72.
3.69. Там же, XXI, с. 126.
3.70. Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 283-314.
3.71. Там же, т. 34, с. 192.
3.72. ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1, ед. хр. 6, л. 50.
3.73. Донской Р. От Москвы до Берлина в 1920 г. АРР. М., 1991. Т.1. С. 198.
3.74. Фриш С. Сквозь призму времени. Воспоминания. С. 80.
3.75. Гурко В. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. Архив русской революции. М., 1993. Т. 15. С. 11.
3.76. Гражданская война и воен. интервенция в СССР. М., 1987. С. 138.
3.77. Фриш С. Сквозь призму времени. Воспоминания. С. 71-72.
3.78. Там же, с.73-74.
3.79. Атомная отрасль России. М., 1998. С. 34.
3.80. Там же.
3.81. Там же, с. 33.
3.82. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. С. 90.
3.83. Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 169 и т. 36, с. 189.
3.84. Гастев А.К. Трудовые установки. М., 1973. С. 8.
3.85. Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 244-245.
3.86. Научная организация труда и управления. М., 1966. С. 84.
3.87. Беркович Д.М. Формирование науки управления производством: Краткий исторический очерк. М., 1973. С. 98.

3.88. Богданов А. Тектология, Всеобщая организационная наука. М., 1989. Кн. 1 и 2,
3.89. Там же, кн. 1, с. 69,71 и73.
3.90. Дзержинский Ф Э. Избранные статьи и речи. 1908—1926. С. 355-356, 358.
3.91. Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 189—190.
3.92. Гастев А.К. Как надо работать. М., 1972. С. 33—34.
3.93. Научная организация труда и управления. С. 99.
3.94. Керженцев П.М. Принципы организации: Избранные произведения. М., 1968. С. 35.
3.95. Гастев А. К. Трудовые установки. С. 154.
3.96. Кузмичев А.Д. Развитие научной организации труда в СССР в 20-е годы: докторская диссертация. М., 1996. С.135.
3.97. Воспоминания о В. И. Ленине. В 5-ти т. Т. 1. С. 474.
3.98. Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 23.

Глава 4

4.01. XI съезд РКП(б). М., 1922. С. 11,12.
4.02. Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 151-152.132
4.03. Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. М., 1935. С. 33-36.
4.04. Белоусов Р.А. Экономическая история России. Кн. 1. М., 1999. С. 359.
4.05. Белоусов Р.А. Экономическая история России. Кн. 2. М., 2000. Гл. 1.
4.06. История ценообразования в СССР, 1917-1928. М., 1970. С. 457.
4.07. Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 23-24.
4.08. ЦГАОР СССР, Ф. 130, оп. П, е. х. 5, л. 48.
4.09. ЦГАНХ СССР, Ф. 478, оп. 1, д. 62, л. 5.
4.10. Ленин В. И. ПСС. Т. 33. С. 359.
4.11. Дневной хлебный паек на человека составлял фунт (409 г.) хлеба. На месяц полагалось также около 3 фунтов мяса или рыбы, 0, 6 фунта сахара.
4.12. Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 59.
4.13. Ленинский сборник XX. С. 24.
4.14. Протоколы X съезда РКП(б). С. 407.
4.15. Протоколы VIII съезда РКП(б). М., 1933. С. 417.
4.16. Ленин В.И. ПСС. Т. 38. С. 207.
4.17. Генкина Э.Б. Государственная деятельность В.И. Ленина в 1921-1923 гг. М., С. 43.
4.18. ЦГАНХ СССР, ф. 1943, оп. 1, д. 936, л. 11-11об.
4.19. Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 185-186.
4.20. Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. М., 1935. С. 150-154.
4.21. Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 333.
4.22. Протоколы X съезда РКП(Б). М., 1933. С. 564.
4.23. Там же, с. 565.
4.24. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 139, л. 3.
4.25. Сессия ВЦИК УШ созыва: стенографический отчет. М., 1921. С. 96-97.
4.26. Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933. С. 430.
4.27. Там же, с. 435

4.28. Там же, с. 442.
4.29. Там же, с. 441-442.
4.30. Там же, с. 441.
4.31. Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 225.
4.32. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1954. Т. I. С. 589.
4.34. Боголепов Д. Деньги Советской России. Л., 1924. С. 38.
4.35. Михалевский Ф.И. История денег и кредита. С. 87.
4.36. Ленин В.И. ПСС. С. 133, 172, 173.
4.37. Юровский Л. На путях к денежной реформе. М., 1924. С. 69.
4.38. Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика, на пути к твердой валюте. М., 1995. С. 192-193.
4.39. Протоколы XI съезда РКП(б). М., 1933. С. 337.
4.40. Боголепов Д. Деньги Советской России. С. 27-28.
4.41. Юровский Л. На путях к денежной реформе. М., 1924. С. 46.
4.42. Там же, с. 47.
4.43. Там же, с. 74.
4.44. Там же, с. 73.
4.45. Там же, с. 97.
4.46. Там же, с. 75.
4.47. Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933. С. 430.
4.48. ЦПА, ф. 17, оп. 3, д. 141.
4.49. Там же, ф. 173, д. 202, л. 2.
4.50. КПСС в резолюциях и решениях ... М., 1954. Ч. 1. С. 589.
4.51. Протоколы 11 съезда. С. 557.
4.52. ЦГАНХ, ф. 5, оп. 1, ед.хр. 2684, л.22-22 об.
4.53. Наказ Совнаркома о проведении в жизнь новой экономической политики. Постановление СТО о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства. Декрет о расширении прав государственных предприятий в области финансирования и распоряжения материальными ресурсами. См. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.1. С. 244-255.
4.54. Там же, т.1, с.249.
4.55. СУ,1921, № 72, с. 577.
4.56. "Правда", 25 июля 1922 г.
4.57. ЦГАОР СССР, ф.3429, оп.57, д.1, л.124
4.58. "Народное хозяйство", 1922, № 4, с. 6-7
4.59. Советы народного хозяйства и плановые органы в центре и на местах (1917-1932). Сборник документов. М., 1957. С. 131-132.
4.60. X11 съезд РКП(б): стенографический отчет. М., 1923. С. 287 и 290.
4.61. СУ, 1923, №29, с. 336.
4.62. Там же, с. 558.
4.63. Там же, с. 563.
4.63. Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 150.
4.63. "Металл", 1927, № 10-11, с.76.
4.64. "Сводные балансы общесоюзных синдикатов". М.-Л.: ВСНХ, 1925. С. 16-17.

4.65. Там же, с. 14.
4.66. Синдикатная система СССР. М.: Издание Всесоюзного Совета синдикатов, 1928. С.5.
4.67. Советы народного хозяйства и плановые органы в центре и на местах (1917-1932). М., 1957. С. 152.
4.68. Кондурушкин И.С. Частный капитал перед советским судом. М.-Л.: Гос.из-во, 1927.
4.69. Там же, с. 54.
4.70. Там же, с. 112.
4.71. Там же, с. 24.
4.72. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М-Л, 1927. С.8.
4.73. Там же, с.9.
4.74. ЦПА, ф.79, оп.1, д.245, л.8.
4.75. Там же, л.10.
4.76. ЦПА; Ф.79, оп.1, д.245, л.14, 45.
4.77. Девятая конференция РКП(б). Протоколы. М.,1972. С. 153.
4.78. Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 101.
4.79. Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Л., 1989. С. 218.
4.80. Струмилин С. Г. На плновом фронте. М., 1980. С. 453.
4.81. Там же, с. 221.
4.82. Каким быть плану: дискуссии 21-х годов. С. 63.
4.83. Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 153 и 154.
4.84. Съезды Советов в постановлениях и решениях. М., 1925. С. 160.
4.85. Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 1.
4.86. Исторический архив. 1951. № 5. С. 8.
4.88. Ленинский сборник. XX. С. 34.
4.89. Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 338.
4.90. Ленинский сборник. XX. С. 20-23.
4.91. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. С. 190-200.
4.92. Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 81.
4.93. Ленин В.И. ПСС. Т. 43. С. 276.
4.94. Там же, т. 52, с. 76.
4.95. Кржижановский Г.М. Проблемы планирования. М., 1934. Т. 2. С. 4.
4.96. Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 128.
4.97. Там же, т. 44, с. 64.
4.98. Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1984. Т. 4. С. 157.
4.98. Кржижановский Г.М. Десять лет хозяйственного строительства СССР, 1917-1927. М., 1928. С. 113.
4.99. Струмилин С.Г. На плановом фронте. М., 1980. С. 452.
4.100. Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 4. С. 187-188.
4.101. Там же, т. 3, с. 156.
4.102. КуйбышевВ.В. Избранные произведения. М., 1958. С. 266.

Глава 5

5.01. Струмилин С.Г. На плановом фронте. М., 1980. С. 17.
5.02. Квиринг Э. Очерки развития промышленности СССР, 1917-1927. М.- Л., 1929. С. 139.

5.03. Струмилин С.Г. На плановом фронте. М., 1980. С. 17.
5.04. Итоги десятилетия советской власти в цифрах. С. 230.
5.06. Струмилин С.Г. Статистика и экономика. М., 1979. С. 358 и 359.
5.07. Промышленный импорт. М-Л, 1925. С. 14.
5.08. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. М., 1927. С.339.
5.09. СУ, 1921, № 28, ст. 156.
5.10. История социалистической экономики СССР. М., 1976. Т. 2. С. 230.
5.11. Там же, т.2, с. 232 и 238.
5.12. Там же, с. 226.
5.13. Там же, т 2, с. 222.
5.14. На новых путях: итоги. М.: СТО, 1923. С. 193
5.15. Промышленный импорт. С. 104-105.
5.16. Итоги десятилетия. С. 232
5.17. Там же, с. 245 и 247.
5.18. История социалистической экономики СССР. М., 1976. С. 274.
5.19. На новых путях. М., 1923. С. 65.
5.20. История социалистической экономики СССР. С. 277
5.21. Фабрично-заводская промышленность Союза ССР. М., 1929. С. 13.
5.22. Промышленность СССР. М., 1964. С. 231.
5.23. История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 305-306.
5.24. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, с. 238-239.
5.25. Там же, с. 244-245
5.26. Там же, с. 238-239.
5.27. История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 308.
5.28. Струмилин С.Г. Статистика и экономика. М., 1979. С. 237.
5.29. Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 4. С. 187-188.
5.30. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. С. 244-245.
5.31. Там же, с. 222.
5.32. Микоян А. Так было. М., 1999. С. 239.
5.33. СУ. 1921. № 48. Ст. 236.
5.34. История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 368.
5.35. Там же, т.2, с. 364.
5.36. Там же, с. 366 и 367.
5.37. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. С. 159.
5.38. История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 371.
5.39. Итоги десятилетия Советской власти. С. 164.
5.40. Итоги десятилетия Советской власти. С. 118-119. Страна Советов за 50 лет. М., 1967. С. 132. 28.
5.41. Там же, с. 118 и 128.
5.42. Итоги десятилетия Советской власти. С. 177.
5.43. Народное хозяйство СССР в 1961 году. М., 1962. С.381.
5.44. Арский Р. Наши достижения за 9 лет. Л., 1926. С. 24
5.45. Протоколы VIII съезда РКП(б). М., 1933. С. 17 и 396.
5.46. Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 151-152.
5.47. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 135 и 136.
5.48. "Правда", 30 апреля 1925. С. 5.
5.49. Протоколы 8 съезда РКП(б). М., 1933. С. 251.
5.50. Девятый съезд РКП(б): стенографический отчет. 1920. С. 79 и 81.

5.51. Преображенский Е.А., Бухарин Н.И. Пути развития: дискуссии 20-х годов. Л., 1990. С. 65 и 104.
5.52. Сталин И. Сочинения. М., 1948. Т. 8. С. 142.
5.53. ЦПА, ф. 3, опись 1, д. 279, л. 57-58.
5.54. "Правда", 30.04.1925 г.
5.55. ЦПА, фонд 158, оп. 1, д. 104, л. 10.
5.56. История социалистической экономики СССР. Т.2. С. 133.
5.57. Внутренняя торговля СССР и ее регулирование в 1923/24 г. и 1 кв. 1924/25 г. М., 1925. С. 30.
5.58. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. М., 1927. С. 359.
5.59. История ценообразования в СССР, 1917-1928. М., 1970. С. 397.
5.60. Малафеев А. История ценообразования в СССР. М., 1964. С. 29.
5.61. Струмилин С.Г. На плановом фронте. М., 1980. С. 45.
5.62. Струмилин С. Г. Статистика и экономика. М., 1979. С. 213.
5.63. Итоги десятилетия Советской власти. С. 412-413.
5.64. Внутренняя торговля СССР и ее регулирование. М., 1925. С. 7.
5.65. Там же, с. 7.
5.66. Внутренняя торговля СССР и ее регулирование в 1923-24 году. М., 1925. С. 214.
5.67. Там же, с. 210.
5.68. Там же, с. 208
5.69. Малафеев А. История ценообразования в СССР. С. 35.
5.70. Внутренняя торговля СССР и ее регулирование. С. 7.
5.71. История социалистической экономики СССР. Т. 2. С.117.
5.72. Там же, с. 121.
5.73. Народное хозяйство России за 1921/1922 г. М. С. 238.
5.74. Итоги десятилетия Советской власти. С. 498.
5.75. Там же.
5.76. История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 122.
5.77. Там же.
5.78. Сокольников Г. Новая финансовая политика. М., 1995. С. 239.
5.79. Боголепов Д.П. Деньги Советской России. Л., 1924. С. 21.
5.80. Итоги десятилетия Советской власти. С. 491.
5.81. Боголепов Д.П. Деньги Советской России. Л., 1924. С. 23.
5.82. Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. М., 1935. С. 211.
5.83. Юровский Л. На пути к денежной реформе. М., 1924. С. 23.
5.84. Сокольников Г. Новая финансовая политика. С. 135-136.
5.85. Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР 1923/24-1928/29. М., 1930. С. 136 и 143.
5.86. Там же, с. 136-137 и 139-140
5.87. Боголепов Д.П. Указ. соч. С. 41.
5.88. История соц. экономики СССР. Т. 2. С. 127.
5.89. Итоги десятилетия Советской власти. С. 484.
5.90. Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 20.
5.91. Декрет о национализации внешней торговли был принят Совнаркомом 3 апреля 18 года.
5.92. Внешняя торговля СССР за 20 лет. М., 1939. С. 20-21.
5.92. Петряков И.П. Внешняя торговля и народное хозяйство СССР. М., 1927. С. 49.

5.94 Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933. С.34.
5.95. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. С. 373.
5.96. ЦПА, ф. 5, оп.1, д. 2697, л. 12-13.
5.97. Там же.
5.99. ЦПА, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 2378, л. 3,5,6.
5.100 Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. С. 398-399.
5.102. Там же, с.284.
5.103. Там же, с. 617.
5.104. Бутковский В. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М-Л., 1928. С. 32. Донгаров А. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990. С. 90.
5.105. Хаммер А. Мой век – двадцатый. М., 1988. С. 102.
5.106. Внешняя торговля СССР за 20 лет. С. 10.
5.107. Внешняя торговля СССР за 1918-1940 гг. М., 1960. С. 17.
5.108. Внешняя торговля СССР за 20 лет. М., 1939. С. 13.
5.109. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. С. 338.
5.110. История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 238.
5.111. Показатели конъюнктуры народного хозяйства СССР. М., 1930. С. 20.
5.112. Итоги десятилетия Советской власти. С. 348.
5.113. Там же, с. 348.
5.114. Там же, с. 360.
5.115. Там же, с. 347.
5.116. Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 364, 365-366.
5.117. Зверев А. Записки министра. М., 1973. С. 80.
5.118. Итоги десятилетия Советской власти. С. 360.
5.119. Там же, с. 206-207.
5.120. Там же, с. 208-209.
5.121. Там же, с. 354.
5.122. Там же, с. 354.
5.123. Там же, с. 364.
5.124. Там же, с. 104-105.
5.125. Там же, с. 98-99.
5.126. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 397.
5.127. Итоги десятилетия Советской власти. С. 32.
5.128. Там же, с. 80.
5.129. Там же, с. 90 и 91.

Научное издание

Белоусов Рэм Александрович

Экономическая история России: XX век

Книга II

ЧЕРЕЗ РЕВОЛЮЦИЮ К НЭПу

Книга издается в авторской редакции

ЛР № 030719 от 20.01.97
Подписано в печать 25.12.98. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 26.5. Тираж 3000 экз.
Заказ 863

Издательство по Атомной науке и технике ИздАТ
Международной Ассоциации Союзов «Чернобыль-Атом»
123182, Москва, ул. Живописная, д. 46: тел. 190-90-97

Отпечатано в ППП "Типография "Наука" РАН
121099, Москва, Г-49, Шубинский пер. 6